

**МАКС
ДАЛИН**

Запах разума

2017

Annotation

Что-то пошло не так, и испытания новейшей техники из-за сбоя в её работе превратились в испытание мужества, воли и человечности юных участников эксперимента...

Макс Далин

Запах разума

*...Под черным мостом, где сплетаются главные нити,
Где рыбы священные пахнут от страха и злости,
Раз встретились ангел-мздоимец и демон-хранитель,
Чтоб вечером после суда поиграть в чьи-то кости.
Поставили на кон какую-то душу — и круто,
Судьбу замесили в ознобе морского азарта...*

Константин Арбенин

... Чем богаты — тем бедны!..

Константин Арбенин

Салон автобуса мог бы вместить человек сто — громадный автобус, я бы сказал, просто автобусный монстр какой-то — но пассажиров в нём оказалось только трое.

Вместе со мной.

Ну, или, считая лейтенанта, может быть, четверо. Хотя он, по-моему, не считался.

Оттудашний лейтенант вошёл в переднюю дверь и сел на высокое сиденье за стеклянной перегородкой, для экскурсовода, наверное, а не в салон. Не собирался он с нами знакомиться, да не его дело это и было — знакомиться с нами; он нас сопровождал до места — и всё. Поэтому для нас его всё равно что не было. Он нам пока что был чужой, а мы ему — и подавно.

Мы все — мы как-то не ожидали, что это будет автобус, да ещё такой здоровенный и шикарный. Наверное, поэтому при посадке каждый выбрал себе место поудобнее, как на гражданке сделал бы. Белёсый парень, плотный, квадратный, скуластый, курносый, как бульдог, уселся посредине, напротив панорамного окна. Второй, худой и жёсткий, загорелый, но по-славянски такой загорелый, не как тропические южане, устроился впереди, прямо-таки коленями уткнувшись в стенку кабины. А меня отчего-то понесло в самый конец салона, где широченный диван, и я на нём только что не улёгся.

И минут пятнадцать, или даже двадцать, нам всем было очень хорошо.

Автобус летел по шоссе стремительно и плавно; за чуточку затемнёнными стёклами плыли рыжие октябрьские леса — и, кажется, мы все отдыхали и почти поверили, что это экскурсия такая... и веры хватило на четверть часа.

А потом загорелый обернулся и ещё раз обернулся. Он был здорово загорелый, а серые глаза на тёмной физиономии выглядели совсем бесцветными. Смотрел он одновременно тревожно и как-то насмешливо, что ли. Бульдог посмотрел на него, посмотрел на меня — и пересел ко мне поближе, даже кресло откинул, чтобы было удобнее оборачиваться. И сказал:

— Кресла, как в самолёте.

Загорелый услышал, что мы начали разговор, встал и подошёл по салону. И сел с другой стороны от прохода, в ближайшее кресло. Всё равно мы оказались совсем не вплотную. Нам всем хватило вплотную в казарме за этот месяц.

— Ага, — сказал я. — Как в самолёте.

И загорелый усмехнулся, будто он сто раз летал в самолёте и как-то догадался, что мы с бульдогом самолёта в глаза не видели, разве только по телевизору.

— Ещё налетаемся, — сказал бульдог. И посмотрел на загорелого, шурясь. — Спецура, сто пудов. Горячая точка. Как выбирали — ты понял, да? С подготовкой, понял? — «понял» он выговаривал, как «поэл».

— Да! — протянул загорелый, и «да» он говорил, как «до-о». Звучало это почти глумливо. — До-о, спецура, а как же.

— С подготовкой, говорю, — фыркнул бульдог. — Кандидат в мастера по боксу, поэл? И самбо — пять лет занимался.

— До-о, — кивнул загорелый. — Вот и я тоже... с семи лет... областные

соревнования... призовые места брал...

На физии бульдога появилась тень уважения.

— Чего у тебя? — спросил он с любопытством. — Борьба? Не похоже на бокс — борьба?

— Вольная, — с деланно серьёзной миной сказал загорелый. — Латиноамериканские танцы.

У бульдога отвисла челюсть.

— Че-го?! — спросил он то ли злобно, то ли обиженно.

Загорелый щёлкнул пальцами, как кастаньетами.

— Ну танцы, танцы, знаешь? Самба, пасодобль! — и расхохотался. У него оказались шикарные белые зубы, улыбка, как у киногероя.

— Урод, — сказал бульдог тоскливо и повернулся ко мне. — Ты-то хоть нормальный? — спросил он с надеждой. — Или тоже... попадобли какие-нибудь?

Загорелый снова расхохотался, беззлобно и весело. А мне вдруг стало стыдно до невозможности, хотя стыдиться было решительно нечего.

— Я ничем таким не занимался, — сказал я небрежно, надеясь, что эти типы не заметят, как у меня горят уши. Уши, кажется, занимали невероятно много места, светились, как стоп-сигналы — а волосы остригли, и спрятать уши было негде. — Только плаваньем немного... в школе...

Бульдог шмыгнул курносый носом. Он весь был — сплошное воплощение досады.

— Спецура, хм... — задумчиво проговорил загорелый. — Наши боевые качества интересовали этого серого штатского джентльмена с военной выправкой очень и очень условно, если интересовали вообще... Его занимали наши организмы, господа. Здоровье. Лёгкие, видимо. Предположу, что вы тоже не курите, господа?

— Удод тебе господин, — огрызнулся бульдог.

— Я не курю, — сказал я. Загорелый владел логикой: про курение у меня спросили в первую очередь. Наверное, и у него тоже.

— Так вот, — продолжал загорелый, будто по телевизору выступал. — Здоровые молодые люди, некурящие, мало пьющие, более или менее владеющие собственным телом. Которые принесли присягу. Хочется надеяться, господа, что на нас не будут испытывать какое-нибудь новое оружие.

— Охренел совсем?! — вытаращился бульдог.

— Времена такие, — ответил загорелый с коротким смешком. — Последние лет триста-пятьсот — такие уж времена. А последние лет сто — в особенности. Были прецеденты.

— А почему ты согласился? — спросил я. — Они же спрашивали согласие...

Загорелый улыбнулся то ли мечтательно, то ли зло.

— Я любопытный, — сказал он. — И любопытство иногда заставляет меня делать глупости. Вот он, — загорелый указал на бульдога, — надо думать, согласился, потому что хотел повоевать. Героем стать хотел, наверное. Или просто ощутить, каково это — убить живого человека. Или — полы ему драить надоело. А я подумал, что «горячие точки» тут, скорее всего, ни при чём — и пропал. Чуть не подох от любопытства — особенно заполняя все эти формы по особой секретности.

— Ну и козёл, — буркнул бульдог и стал делать вид, что не слушает. Но слушал — я чувствовал.

Бульдогу загорелый не нравился. А мне нравился. Мне почему-то казалось, что вздумай

он драться с бульдогом — неизвестно, кто кому накостыляет по шее, несмотря на бульдогово кандидатство в мастера по боксу.

— Я — Денис, — сказал я. И руку протянул. — Денис Багров, из Луги.

Загорелый мне руку пожал. У него была сильная и тёплая ладонь, а у меня руки вспотели от волнения, но я больше не смущался.

— А я — Артём Разумовский из Питера, — сказал загорелый. — Что совсем рядом с Лугой, можно сказать.

— А так тебя зовут — Тёма? — спросил я.

Он задумался на секунду.

— Нет. Чаще — Артик. С давних времён.

— Чё за фигня? — спросил бульдог надменно. — Какой ещё Артик?

— Ну да, лучше бы Интель или Перш. Мне нужен для дыхания другой газ, — непонятно сказал Артик. Бульдому, как и мне, это ничего не объяснило, он только посмотрел хмуро и неодобрительно. А Артик ему улыбнулся. — Может, тоже назовёшься, боец?

Некоторое время бульдог думал, достойны мы с Артиком того, чтобы он назвал нам своё имя, или нет. Потом решил, что всё равно мы его узнаем рано или поздно, и сказал мрачно и отрывисто:

— Серёга. Калюжный, — а откуда, не сказал. А руки наши стиснул так, будто хотел кости переломать. У него была громадная квадратная лапища в мозолях. Я подумал, что он откуда-нибудь из деревни, наверное, а когда Артик сказал, что он из Питера, Серёге про деревню стало не выговорить. Он, может, вообразил, что Артик закинется ещё больше.

По-моему, Серёга ошибался. Но разубеждать его я не стал.

После того, как мы друг другу представились, говорить получалось чуть полегче. Но всё равно напряжённо. Серёга и Артик аккуратно разговаривали — держали нейтралитет. Чувствовалось, что стоит кому-нибудь сказать что-то попросту, не обдумывая тщательно — и в пору будет только драться.

Я видел, что Серёга в армию пошёл очень идейно, а Артик — потому что так пришлось. Видел, что Серёге страшно хочется думать о «горячих точках», о войне и о подвигах, что Серёга думает, как он крут и как будет Родину защищать. А Артик, по-моему, на всё это глядел скептически: и на армию, и на войну, и при слове «подвиг» у него делалась скептическая мина. Ещё я видел, что Серёгу этот Артиков настрой бесит страшно, а Артика Серёгин энтузиазм смешит.

Я тут был не с Артиком и не с Серёгой — где-то между. Я на подвиги не рвался, воевать мне совсем не хотелось — то есть, запахло было бы косить, но рваться в бой, как Серёга, я не стал бы ни за что. Мой отец считал, что армия делает человека мужиком — и я не мог с ним спорить, и обмануть его ожидания тоже не мог. Вот и всё... хотя за эти первые недели я пока что начал чувствовать себя не мужиком, а роботом.

Наверное, в какой-то степени это все чувствовали. Серёга с Артиком не выглядели, как загнанные до полусмерти, но они тоже устали. И мне было понятно, что Серёга хотел смысла в том, что мы все делаем... любопытство Артика мне тоже было понятно. Когда этот, в штатском, в кабинете у полковника сказал, что от меня ждут серьёзных поступков и героизма — у меня тоже дыхание спёрло. Я знал, конечно, что вовсе не лучший — но меня отметили, мне захотелось соответствовать.

Наверное, где-то в самой глубине души мне всё-таки тоже хотелось совершить подвиг.

Артик делал вид, что ему вся эта героическая суэта совершенно безразлична. Серёга

сказал, что «дисциплина — это всё», Артик согласился, что «дисциплина — это немало», но прибавил, что игры в дисциплину по армейским правилам — это дико старые игры, уходящие корнями в эпохи фаланг и кордебаталий. И что установка «Град» превращает шагистику в фикцию, а ковровые бомбометания вообще всё это ставят под вопрос, не говоря уже об атомной бомбе. Серёга сжал кулаки, но не нашёл, что возразить, только буркнул, что Артик «ни фига не понимает», а Артик с неожиданной мечтательностью сказал:

— А вдруг нас и вправду собираются превратить в суперсолдат? В киборгов, а? Напичкают электроникой — суперсила, суперреакция, ночное видение, предположим, ещё какие-то девайсы... Для этого им нужны главным образом здоровые организмы, а пользоваться всем этим нас всё равно придётся учить с нуля. Такие испытания я лично приветствовал бы.

И тут Серёга впервые с момента нашего знакомства посмотрел на Артика восхищённо, а до меня вдруг дошло, что и Артик мечтает о подвигах на свой лад. Просто — у него фантазия богатая.

А автобус свернул с междугородной трассы на просёлок, но просёлок был тщательно заасфальтирован. По просёлку мы ехали ещё очень долго, и по сторонам дороги сплошной полосой стоял лес, то чёрный от елей, то жёлтый от берёз. Серёга сказал, что поспит пока, откинул спинку кресла ещё дальше и вправду заснул. Я передвинулся на другую сторону дивана и спросил у Артика, что такое «кордебаталия». Он начал вполголоса рассказывать про кордебаталию, потом — про Крымскую войну, а потом перешёл на политический сыск. Я слушал и тихо поражался, что человек может говорить, как по радио, всякие интересные вещи, не запинаясь и без гугла. У Артика в голове, похоже, был целый интернет, вдобавок ему хотелось поболтать о чём-то отвлечённом, а я офигевал от его памяти.

Я, попросту говоря, увлёкся. И вдруг автобус затормозил.

Около шлагбаума. За шлагбаумом был КПП, сержант спрашивал какие-то особые документы у нашего водителя, за его спиной маячили двое с автоматами, а на шлагбауме висел «кирпич» с табличкой под ним «Проезд только для спецтранспорта».

Артик перегнулся через проход и тряхнул Серёгу за плечо. Серёга секундочку смотрел ошалело — и вздёрнулся к окну. Отследил взглядом, как шлагбаум поднимается и автобус отчаливает от поста.

Мимо знака «Стоять! Опасная зона!»

Серёга пробормотал:

— Радиация, что ли?

Артик отрицательно мотнул головой.

— Не думаю. Радиацию обычно обозначают специальным значком.

А мне вдруг стало очень холодно. Картины у меня в голове понеслись смазанные и мутные, но ужасные. Артик смотрел на дорогу. Серёга встал.

— Ты куда? — спросил я.

— У лейтенанта спросить, — сказал Серёга. — Выяснить, куда нас волокут, ёлки.

— Молодец! — сказал Артик. — Возможно, тебе он что-то объяснит.

Серёга ушёл вперёд, придерживаясь за спинки кресел. Мы с Артиком видели, как он заглядывает за стеклянную перегородку, как лейтенант говорит что-то — но, как мы ни прислушивались, из-за ровного гула мотора было ничего не разобрать.

Но говорили они недолго. Совсем.

— Он сказал: «Нуль Тэ-Пэ», — сообщил Серёга, когда вернулся. — Сказал: «Испытания

Нуль Тэ-Пэ, вам всё объяснят подробно, когда прибудете на место».

Артик присвистнул.

— А чё это за хрень-то? — спросил Серёга, и в его голосе появилась какая-то детская нотка. Удивлённая и испуганная.

— Или я вообще не понимаю, о чём речь, — сказал Артик медленно, — или речь идёт о нуль-транспортировке. О телепортах, другими словами. На нас, ребята, будут испытывать сверхсекретное оружие. До такой степени сверхсекретное... я даже объяснить не могу, до какой.

Он больше не выпендривался и никакого питерца-пижона-танцора из себя не строил. А Серёга вдруг совсем расслабился и улыбнулся, показав крупные передние зубы:

— Слушай, круто! Это как червяки в игрушке, да? Вормс? «Смотри сю-да!» — и бррыть!

— Хороший ты парень, Сергей, — сказал Артик и вздохнул. — Ты всё правильно понял. Сядь, мы, наверное, скоро приедем на место.

Но оказалось, что не скоро.

Мы ехали, и вокруг был лес, лес, лес.

Пару раз мне показалось, что я вижу над деревьями острые металлические штыри, типа трансляционных башен для мобильной связи. Потом мы проехали мимо вырубки, по которой проходила линия электропередач. И мне всё это время было так нервно, что разболелся живот.

Мы больше не разговаривали. Сидели, молчали и пырились в окна. Потом Серёга вспомнил про сухой паёк, о котором больше никто не думал, и некоторое время жевал. Я раньше был всё время голодный, но сейчас кусок не шёл мне в горло; кажется, Артику тоже. Мы только выпили воду из бутылок.

Уже начинало темнеть, когда лес вдруг сменился забором. Это был всем заборам забор: из каких-то больших белых блоков, высоченный и с колючей проволокой сверху. Через равные промежутки на заборе торчали какие-то штуки, про которые я подумал, что это видеокamеры, Артик сказал, что прожектора, а Серёга — что пулемёты с детекторами движения, но, по-моему, перегнул палку.

Забор тянулся, наверное, километр. И когда мы увидели ворота, это было даже как-то удивительно, будто уже и не ожидалось, что приедем когда-нибудь.

С двух сторон от ворот возвышались две башенки, явно с прожекторами, камерами, а может, даже и с пулемётами. А сами ворота оказались автоматическими. Сперва открылись одни, автобус въехал внутрь, где был какой-то предбанник, — прямоугольное пространство и стеклянные зеркальные стены с двух сторон, — а потом открылись вторые. И мы попали на территорию части.

Про которую сразу было понятно, что это — совсем не часть. Здания из тех самых больших белых блоков и зеркального стекла выглядели модерново, как в фантастическом кино. Они стояли широким полукругом, между ними на полукруглой клумбе цвели пёстрые осенние цветочки с зеленью, как на укрепе, а посреди клумбы штырём торчала высоченная тонкая мачта. На самом верху её, метрах в восьми — десяти от земли, каждую пару секунд вспыхивала очень яркая бледно-сиреневая искра.

А всего похожего на воинскую часть тут был пост с автоматчиком около ворот. И я вдруг сообразил, что нам на этом посту никогда не стоять.

После автобуса воздух показался свежим-свежим, какой бывает только в лесу, но, вроде бы, чем-то пахло... даже не скажешь, чем. Как синтетической дыней от жевательной

резинки, но этот запах был похож на дынный не больше, чем слабый запах ацетона похож на леденцовый.

А ждал нас немолодой мужик в очевидной униформе, но не военной. На нём был белый комбинезон и белая обувь, вроде кроссовок, с липучками вместо шнурков. На нагрудном кармашке его комбинезона, на бейджике, я прочёл, что мужика звать П. Н. Ростовцев, а на рукаве у него красовалась эмблема, которая мне не понравилась.

Красная то ли стрела, то ли молния, как в фильме «Мгла». И больше никаких знаков отличия.

Лейтенант, который нас сопровождал, козырнул Ростовцеву и сказал:

— Пётр Николаевич, новенькие из №-ской учебки. Их выбрал Кнуров, — и отдал наши личные дела в папке.

А Ростовцев нам сказал:

— Пойдёмте, ребята, — совершенно неуставно, как на гражданке.

Мы пошли. Я видел, что Серёга удивлён и растерян, а Артик, пожалуй, почти испуган — и мне тоже было не по себе. Один парень, служивший ещё на юге, когда там шла война, мой старый приятель, рассказывал, что такие домашние отношения без признаков дедовщины и всякого в этом роде бывают только в частях, где солдаты занимаются чем-нибудь смертельно опасным. Где убивают.

А вокруг были стены, оклеенные чем-то молочно-белым и упругим, пол из тусклой светлой плитки и двери, закрытые электронными замками, на которых мигали зелёные огоньки.

Был ли Ростовцев старшиной, я так и не понял. Во всяком случае, это он нас отвёл в каптёрку, куда мы сдали не только все личные вещи, но и ту форму, что была на нас. И нас переодели во всё белое. В белые трусы, майки, комбезы, носки и кроссовки с липучками. У нас на рукавах оказались те же красные молнии, а на нагрудные кармашки нам прицепили бейджики, которые тут же и распечатали. С именами, группой крови и резусом. И с надписью мелким шрифтом «Испытатель» и личным номером.

Артик уллучил минутку и спросил у Ростовцева разрешения обратиться.

— Слушаю, — сказал Ростовцев, и мина у него была, как у папы Карло.

— Нуль-ТП — это нуль-транспортировка, да? — спросил Артик. — Телепортация?

Ростовцев помолчал несколько секунд, будто размышлял, стоит ли говорить с нами на эту тему прямо тут — но, видимо, решил, что стоит.

— Да, ребята, — сказал он, обращаясь не только к Артику, но и к нам. — Вам со временем всё разъяснят. Пока что... ну да, вам доверяют испытывать самое новое и удивительное изобретение, последнее слово научной мысли, так сказать. Готовая Нобелевская премия, но наши учёные эту работу ещё не рассекретили. Сами понимаете, какого она свойства...

— Что ж непонятного? — сказал Серёга, который во время этого задушевного разговора приободрился и подтянулся. — Спецтура, да? Десант? Сверхсекретный, в любую точку мира, да? Стратегическая важность!

У Ростовцева что-то на миг изменилось в лице, но он улыбнулся и сказал:

— Примерно так, Калюжный, примерно так... Да, ребята. Мобильники вы на руки не получите до конца испытаний. Простите. Любая посторонняя электроника на территории объекта запрещена. Разумовский, вашу читалку вы тоже на руки не получите. Мало ли...

— Ясно, — сказал Артик тускло.

— На территории объекта есть библиотека, — сказал Ростовцев. — Но на чтение у вас будет мало времени, Разумовский. Служба. На ужин вы опоздали, но это предусмотрено. Вас накормят.

Хорошо, что накормят. Но есть совершенно не хотелось.

Пустая небольшая столовая выглядела, как кафетерий. Причём — недешёвый. Вся такая деревянная и никелированная, с маленькими круглыми столиками, а на окнах — шторы в складочку и цветы в горшках. Просто ни капли не напоминала солдатскую столовую. И мы взяли на раздаче у толстой краснощёкой тётки подносы, а на подносах стояли тарелки с тушёными овощами и мясом, пахнувшие совершенно домашней едой, плюс высокие стаканы с молоком.

И молоко на вкус было вкусное, но странное.

— Козье, — сказал Серёга.

— Мы попали, — сказал Артик вполголоса. — Совсем попали.

— Может, ещё нет... — сказал я, но я был с ним согласен.

— У вас десять минут, — сказал Ростовцев от двери и куда-то ушёл.

За десять минут съесть ужин ещё можно, а болтать некогда. Стоило начать есть, как вдруг вспомнилось, что с утра не жравши, и я слопал эти овощи с нечеловеческой скоростью. И выпил молоко. И Серёга с Артиком сделали то же самое. И тут в столовую вошли Ростовцев и молодой мужик с красным крестом и местной стрелой на нашивке. Судя по бейджику, В. И. Плавник, врач.

Мы думали, нас отведут в казарму, но нас отвели в санчасть, которая оказалась невероятно громадного размера, как несколько стеклянных аквариумов, уставленных всякой блестящей всячиной, электроникой и чем-то вроде тренажёров. Там были ещё врачи — и мне досталась молодая девушка, «А. С. Олефир, лаборант», с очень миленьким строгим личиком. Она у меня давление смерила, потом взяла каплю крови из пальца на стекло и ещё набрала крови в трубочку — и так увлечённо занималась этим делом, что совершенно не слышала, как я пытаюсь с ней заговорить. Но всё равно было очень приятно, даже пальца не жалко: от неё чуть-чуть пахло фруктовыми сладкими духами, и маленькая грудь у неё ловко и упруго выглядела в белом комбезе, как в корсаже в древние века. И из-под белой шапочки выбивалась прядь волос шоколадного цвета.

Тут я бы мог хоть два часа просидеть. Но девушка довольно быстро всё закончила, унесла куда-то подставку с трубочками и стёклышками и пропала. Я оглянулся, чтобы на неё ещё посмотреть — и увидел Плавника.

— Вам пора спать, Багров, — сказал он. — Пойдёмте.

Я в полном ошизении и одиночестве — Серёга и Артик тоже куда-то делись — пошёл за ним. Мы вышли из санчасти, прошли по короткому коридору с рядом дверей — и одну дверь Плавник открыл магнитным ключом.

За дверью я увидел крохотную белоснежную комнатку без окна, с зеркалом в полстены. В комнатке стояли только одна-единственная койка и медицинские приборы.

— А казарма? — спросил я глупо.

— Это карантинный бокс, Багров, — сказал Плавник. — Сегодня вы будете спать здесь. Сюда, — и открыл какой-то ящик с фиолетовым светом внутри, — сложите одежду. Всю. Тут, — и отодвинул дверцу-купе, закрывающую унитаз в фиолетовом свете, — санузел. Всё понятно?

— Да, — сказал я. А что я ещё мог сказать?

Плавник кивнул и вышел. И дверь, похоже, закрыл на ключ.

Ручки с моей стороны не было. Я толкнул дверь ладонью. Да, закрыто. И свет начал медленно меркнуть. Квадратный светильник на потолке погас, а маленькая тусклая лампочка на какой-то тихо гудящей шуковине осталась. И монитор на одном приборе светился синеватым.

Я разделся, запихал форму в ящик и лёг на койку голышом. Мне было тоскливо, почти страшно. Больше всего я хотел бы вернуться домой, но согласился бы и на учебку. В конце концов, там было полно народу, не намечалось ничего ни страшного, ни таинственного, а к любым армейским задрочкам я уже начал привыкать. В конце концов, лучше схлопотать в ухо от «дедушки», брыластого жлоба по прозвищу Хряк, чем ждать тут неизвестно чего.

Я стал думать о Серёге и Артике, каково-то им сейчас — и вдруг уснул, сам не заметив, как.

* * *

Меня разбудила очень приятная мелодия. Она возникла из ничего, как из сна, и постепенно становилась всё громче и громче, пока я не понял, что уже не сплю. Свет в боксе вспыхнул ярко, но я всё равно не мог сообразить, день уже или ещё ночь. И спать хотелось. Я не очень выспался.

Но проснувшись и вспомнив, где нахожусь, я понял, что надо одеться — и оделся в белое из погасшего ящика. И дверь в бокс открылась, пока я заправлял койку.

— Вот это подъём, — сказал Артик в коридоре. — Легран.

— Чего? — спросил Серёга.

— Здорово, мужики! — закричал я и только в следующий миг сообразил, что орать не надо было.

У меня просто отлегло от сердца.

А в следующий момент в коридоре появился Плавник, чтобы забрать нас в санчасть. И с утра у нас снова смерили давление и взяли кровь и всё, что ещё можно. Тощий лаборант с миной мультяшного жирафа минут пять нас инструктировал, как идеально мочиться в пробирку, и Артик слушал с интересом, а Серёга так поразился самому факту, что по этому делу может быть какая-то инструкция, что я чуть не прыснул, глядя на него.

В качестве физзарядки нас заставили изо всех сил крутить педали на тренажёрах, но не очень долго. Потом очередной раз проверили давление, пульс и ещё что-то — и я только жалел, что девушка по фамилии Олефир сегодня, видимо, не работает. А потом нас отослали в душ, а душ был шикарен, с отдельными кабинками в матовом стекле, с разбрызгивателями не только сверху, но и со всех сторон. Жаль только, что времени на него отвели мало. Но сам факт душа, да ещё и такого — производил впечатление.

Пока мы одевались, Артик успел сказать:

— Обмен мнениями не одобряется. Нам мало придётся разговаривать.

— Почему? — удивился Серёга.

— Для чистоты эксперимента, не иначе, — сказал Артик, и тут высокий парень, «О. М. Мухин, служба сопровождения», от дверей душевой приказал поторопиться и следовать за ним.

Из-за того, что ни у кого тут не было знаков отличия, я чувствовал себя чушком каким-

то, которым может командовать каждый встречный и поперечный. Номер шестнадцатый — или, скажем, двадцать третий — помалкивай в тряпочку и подчиняйся. Но возмущаться в армии — себе дороже, это я уже хорошо знал. Помалкивал. Ведь даже Артик помалкивал, а он-то наверняка понимал больше нас. А Серёгу это, похоже, вообще не заботило — он, судя по роже, прекрасно себя чувствовал.

Мухин провёл нас по громадному залу, похожему на ботанический сад, потому что там росли пальмы, по широкой белой лестнице, где между ступеньками было пустое пространство, поэтому выглядело как-то ажурно — на второй этаж. И постучался в высокую белую дверь с золотой табличкой «Шевчук Л. И., руководитель проекта «Игла».

Оттуда позволили войти.

Кабинет был не белый, а чёрный. И стены в чёрных деревянных панелях, с единственным белым квадратом календаря, и стол широченный, чёрный, с чёрным письменным прибором, и за этим столом, в единственном чёрном кресле мы увидели главного. В белом. Изучающего наши личные дела.

Главный оказался мужиком ещё не старым, но уже седым. На нас он посмотрел устало, но цепко — просканировал с головы до пят, как на смотру: оценил. Сказал:

— Ну, здравствуйте, — вовсе не дожидаясь, что мы поздороваемся в ответ, и тут же продолжил. — Рад вас видеть. Сам факт вашего присутствия здесь означает, что вы — здоровые, разумные и отважные молодые люди, патриоты. Очень хорошо. Именно такие нам и нужны.

На этом месте нам, наверное, надо было обрадоваться. Серёга, по-моему, и обрадовался. Лица Артика я не видел, но мне почему-то показалось, что особой радости он не чувствовал. А главный продолжал:

— Проект «Игла», ребята — это колоссальный научный прорыв. Вероятно, глобальный переворот во всех наших представлениях о транспортировке, о расстояниях, о возможностях... В ближайшем будущем «Игла» организует такой рывок в освоении космоса, о котором наши предки не могли даже мечтать. Уже сейчас мы располагаем возможностью мгновенно перебросить человека из одной точки в другую на серьёзное расстояние. Мгновенный десант в другую часть света — вот что может получить наша армия в ближайшее время...

Он говорил, а я вдруг понял, что эти слова у него уже давно где-то записаны, и теперь он их рассказывает, как стихотворение. Наизусть.

— ...Если объяснять грубо, то мы можем протыкать пространство в особых местах, своего рода изгибах. Представьте себе, к примеру, муравья, который ползёт по шторе, свёрнутой вдвое. Ему придётся потратить много-много времени, чтобы добраться от одного её края до другого. А если, допустим, этот муравей мог бы пролезть в дырочку, проколотую иглой насквозь — тогда и время, и расстояние сократились бы для него до нуля. В нашем случае «штора» может быть длиной в тысячи километров, а «муравей» — отрядом бойцов или группой исследователей. Вы ведь понимаете, какого масштаба это открытие? После рассекречивания проекта ваши имена будут так же известны, как имена первых космонавтов. Вся страна будет вами гордиться. Вопросы есть?

Серёга ухмыльнулся и бухнул:

— А на крысах пробовали?

Главный улыбнулся покровительственно:

— Конечно, Калюжный. Вы будете участвовать в последнем этапе эксперимента. Мы

думаем о максимальной безопасности тех, кто впоследствии будет использовать наши порталы. Не исключена возможность, в частности, мгновенной эвакуации гражданских лиц из зоны бедствия, так что наша обязанность — сделать ТПортал безопасным, как такси.

Ну да. А почему — мы? Что ж нас так тщательно отбирали-то? Если оно — как такси?

— Ещё вопросы?

— Ещё вопросы появятся в процессе, — сказал Артик, и главный на него неодобрительно посмотрел. Артик вообще, по-моему, не особенно нравился начальству и любителям дисциплины.

А в кабинет вошёл «О. М. Мухин, служба сопровождения» и замер у двери.

— Олег, — сказал главный, — проводите.

И нас проводили.

В небольшом кинозале с кожаными креслами, где мы себя чувствовали, как начальство какое-нибудь, нам прокрутили кино. Диктор рассказывал, какое потрясающее научное достижение — нуль-ТП, и как долго наши учёные к нему шли, а на экране в маленькое синее сияние совали морских свинок. Свинкам туда особенно не хотелось, но их подпихивали под круглые задки — и они вываливались из воздуха метрах в пяти, на лабораторный стол, совершенно ошалевшие. Потом нам показывали, как эти свинки едят в стеклянном ящике капустные листья — и диктор говорил, что подопытные животные так хорошо переносят нуль-ТП, что это не сказывается даже на их аппетите.

Но мне показалось, что свинки в ящике были не те же самые. Хотя, может, это только показалось.

Потом сияние немного расширилось. Оно уже стояло на полу, как ворота в половину человеческого роста с турникетом — и парень в белом посылал в эти ворота служебную овчарку. Овчарка прижимала уши, но прыгала вперёд — и появлялась из воздуха в другой комнате. Её хозяин вбегал в дверь, и овчарка виляла хвостом, тыкалась носом в его колени, в общем, нормально себя вела. Диктор говорил, что даже такие умные и сложные животные, как дрессированные собаки, легко проходили ТПереход без вреда для себя.

В конце диктор сказал, что в экспериментах с людьми ТПортал тоже работает без сбоев — и показали выходящего из воздуха парня в белом комбинезоне, как у нас. Лицо у него было малость потерянное, он мотал головой — в общем, ему было не ах, как хорошо. Но когда лаборант спросил, как он себя чувствует, парень сказал в камеру: «Ничего, мужики, привыкнуть можно. Нормалёк».

Почему-то меня успокоил этот «нормалёк». Если бы его заставили заучить текст наизусть, он бы, уж наверное, сказал другое слово. Не такое идиотское.

Так что — не мы тут первые, не мы последние.

После парня свет включился — и нам велели идти за сопровождающим. Тренироваться.

* * *

Один парень, который прыгал с парашютом, рассказывал, что страшно только первый раз. Потом, мол,ходишь во вкус, учишься кайфовать от чувства свободного падения, не только привыкаешь, но и привязываешься к этому делу. Многие десантники и парашотисты — как на наркоте, на прыжках сидят.

Круто. Но, по-моему, либо это гон, либо фиг так привыкнешь к ТПорталу.

Первый раз туда ещё более-менее легко входишь. Когда не знаешь, какие от него ощущения.

Оно очень захватывающе в первый раз. Громадный зал, ТП-реактор — безумная штука, вроде светящейся мясорубки размером с маленький садовый домик, сам портал — арка из белого металла с двумя стеклянными панелями по краям, датчики радиоактивности, датчики напряжения ТПоля, ещё какие-то датчики... Как в том кино, в общем. Кругом — лаборанты в белом, главный, инженеры, генеральный конструктор Анатолий Иванович в тёмных очках, оператор ТПортала в тёмных очках — глаза у них большие, всё время же смотрят в портал, а там свечение, говорят, ярче, чем искры от электросварки...

Очень интересно.

Сам ТПортал, пока обесточен — скучный, как металлодетектор на вокзале. Арка — и арка. А вот когда пускают ток...

Он тогда светится, да. Но это уж никакое кино не передаст, вживую надо видеть. Я бы сказал, светящаяся пелена его заволакивает, цветная, и оттенки всё время меняются, с сиреневого до синего и опять к сиреневому, волнами, волнами... и пахнет озоном с той самой синтетической дыней. Издали смотреть — очень красиво, но совершенно отстранённо красиво. Как молния или огонь — никакой дурак руку, к примеру, в такое совать не станет. Всем телом чувствуется, что опасно. Ты — голенький, а там — жуть, какое напряжение всего, энергия бушует, аж волосинки на руках дыбом встают.

Чем ближеходишь, тем это чувство сильнее. Понимаешь, что тебе надо туда войти — и тело сопротивляется изо всех сил, будто в кипятке собираешься нырнуть.

Наверное, если бы скафандр какой-нибудь полагался, было бы чуток полегче морально. Но на тебе-то — только белый комбез, ничто тебя не защищает. И лицо ничем не защищено, вот. Это почему-то хуже всего.

А карманы теперь не проверяют. Генеральный обмолвился, что раньше проверяли, потому что металл не проходил через портал. Но они уже что-то настроили, поправили — и с металлом можно. Как же без этого? Как солдату десантироваться без металла? Получается, даже нож не пронесёшь? Тут у них было приоритетное направление — и теперь можно хоть с автоматом, хоть с чем. Но мы проходили без ничего: только то, что на нас, а форма без металла абсолютно. Только ткань и пластик.

Теперь-то можно бы и поменять форму, но бережёного бог бережёт.

Так вот, стоишь перед порталом — и перед тобой сияние колышется, волнами, волнами, и инстинкт подсказывает, что соваться туда нельзя ни в коем случае.

Но тебе приказывают, ты идёшь. Я не стал туда пальцы совать или что — рывком проскочил. Каким-то краем мысли подумал: плёночка этого свечения тонюсенькая, я её сейчас — рраз! — и на другой стороне...

Ага. Уже.

Тело, по идее, не должно чувствовать этот момент, когда уже. Слишком быстро, вроде бы. Но оно чувствует.

Описать тому, кто не пробовал — невозможно. Оно очень быстро проходит, это ощущение, почти сразу, но каждый его переживает по полной. Чувствуешь, как всё *растягивается*, я бы сказал. Всё тело, каждая клетка, каждая чуть ли не молекула — *растягивается* с ужасной силой. Ту самую микро-мили-как-там-её секунду — ты размазан между пунктами нуль-ТП, на километр или больше, и почему-то успеваешь это понять. И на

той стороне — дезориентирован, вышвырнут, голова кругом, стоишь ошалелый и пытаешься себя собрать. Чувствуешь себя, как старые тренировочные штаны, которые так растянулись, что сваливаются с любой задницы, даже с толстой.

А вокруг лес. Вернее, забетонированный островок посреди леса, «расчётная точка Ч», одна из десятка. Вокруг толпа: медики, инженер, охрана, пара с видеокамерами, вспышки, щелчки, тебя хватают, облепляют датчиками, меряют давление, пульс, температуру, светят маленьким фонариком в зрачки — а ты тупишь и не сопротивляешься, потому что ты ещё *растянут*.

А тебя пристёгивают к носилкам и суют их в вертолёт вместе с тобой. Никому из нас не давали пройти эти два-три километра своим ходом. А в вертолёте что-то там надевают на башку и прилепляют к груди — и смотрят на мониторы озабоченно. А у тебя ощущение полной ненормальности происходящего — но и нереальности, будто это всё во сне снится.

В процессе выяснилось, кстати, что я хорошо переношу ТП. Даже очень. Конечно, пульс зашкаливает, давление — тоже, сердце просто в горло выскакивает, но это, сравнительно, ерунда. Большая часть испытуемых после перехода блюёт, не переставая. Артик, к примеру, говорил, что после первого раза полчаса не мог проплеветься, просто наизнанку выворачивало. Серёга минут пять не мог сообразить, где находится, тормозил. С некоторыми случаются истерики с воплями — об этом мне уже потом, в казарме, рассказывали. Иногда вышибает память — обычно ненадолго, но бывает и насовсем.

В таком виде ТПортал, конечно, для военных целей не очень годится. Поэтому его всё время совершенствуют и смотрят, лучше стало испытателям или хуже. Нормально же!

Руководство изо всех сил старается сделать так, чтобы испытуемые поменьше болтали между собой. Наше дело — психологам рассказывать, что да как, а не боевым товарищам. Дух должен быть высок. Но нам же очень хочется разговаривать. Ничем не заткнёшь — стоит на пару минут оставить нас без присмотра, как тут же пробирает словесный понос. Несёт и несёт.

Времени на трюндёж — очень мало. Весь наш день нас дёргали то на обследования, то на тренажёры, то на психологические какие-нибудь тесты. Психологи с каждым из нас разговаривали по три часа, и я в жизни не нарисовал столько дурацких картинок, как за эти часы. На «Игле», да. Все испытуемые поголовно говорили «на «Игле»» и «сидеть на «Игле»», да и начальство, по-моему, тоже.

Профессиональная хохма.

То ещё ширево. С глюками. Ни одного торчка у нас тут не было, оценить некому.

Твёрдая норма на это дело тут установилась — один переход в неделю. Но всем, как я понимаю, хватало по самые гланды. Грех сказать, что о нас не заботились, нет — очень беспокоились. Состояние здоровья проверяли самым тщательным образом, расспрашивали, кормили, как в ресторане, на убой прямо-таки... Положение нам определили «сутки за трою», как в горячей точке; несколько месяцев — и домой, ефрейторами и вообще героями. Только мне кажется, что всего этого маловато за это наше ширево, за то, что мы проходили портал.

Даже одного раза — слишком много. Артик рассказывал, как на гражданке читал книжку, где всяким неудобным чувакам в психушке делали электрошок, чтобы они стали смиренные. Электрошок, мол, это не больно, но второй раз никто не хочет. Так вот, ТПортал — это тоже не больно, но нестерпимо.

И тоже второй раз никто не хочет.

Тем же вечером я поговорил с ребятами, которые проходили раз десять-пятнадцать — улучил момент. Очень впечатляло.

Место, где жили испытатели, не больше напоминало казарму, чем здешний кафетерий — солдатскую столовую. Две больших комнаты, светлых, с койками вовсе не казённого образца; в каждой комнате, на той стене, которая против окон — громадное зеркало, на потолке — матовые светильники в два ряда: один ряд обычный, второй — ультрафиолетовый. Над койками — какие-то штуки, типа мониторов, а около каждой койки, вместо тумбочки — тот самый дезинфектор для одежды, тоже с ультрафиолетовыми лампами. И чувство такое, что всё вокруг стерильно. Не знаю, кто поддерживает чистоту, но не испытатели.

Артик посмотрел и сказал: «Дортуар». Точно, что будуар.

К отбою другие испытатели стали возвращаться, мы познакомились.

Витя Кудинов, жилистый, остроносый, с физиономией, как у начинающего вора в законе, который тут уже дослуживал, нам с Серёгой и Артиком много чего рассказал.

— Щас тут уже всё модернизировано, пацаны, — говорил он и губы кривил. — Фигня уже, а не служба. Мутит чуток, а так — отлично. Вот раньше... Со мной пятеро пришли — и где они? У Бурки случился припадок, вы бы видали, как он закидывался. Домой поехал, считай, повезло. Кеша с ума сошёл — не шучу, в натуре. После первого же перехода, ночью — как подскочит на кровати: «Ангелы горят! — орёт. — Чёрные ангелы горят!» А потом катался тут по полу, хватался за всех и вопил: «Склейте меня! Склейте!» Увезли, так мы и не знаем, очухался или нет. Жека умер. Вышел в расчётную точку — и с копыт. Сердце. У Фили рука отнялась. Говорят, это нервное, пройдёт потом — но всё-таки...

— То есть, — сказал Артик, — ТПортал совершенствуется?

Витя дёрнул щекой.

— Ещё как. Вам же уже рассказали, небось, про наших с пуговицами в позвоночнике? Нет ещё? Да ладно... Сначала ТП только голышом пропускал вообще, ткань с кожей мешалась. Но это почти сразу поправили. Потом что-то там наладили, и портал начал отделять твоё мясо от железяк: когда это дело настраивали, я пару раз проходил с железными трубками в руках. Проверяли, вращёт железо в меня или нет. Если что — легче же трубки от ладоней отодрать, чем пуговицы из позвоночника выковыривать, да?

По идее, от этих разговоров нас должно было совсем позамыкать, да и здешнее руководство думало, что мы перепугаемся до усрачки, если будем слушать, как тут кого до нас ушибло порталом. Но почему-то, против всех этих психологических расчётов, мы, скорее, укреплялись духом.

Вообще-то любой из нас мог подать рапорт о переводе обратно, в обычную часть. Если будет совсем уж невозможно. Но никто и не подумал, хотя моментами просто жить не хотелось. Витя говорил, что и до нас никто не сбежал — а такой рапорт однозначно воспринимался, как бегство.

Мы слушали ребят, которые видели тут побольше, чем мы, и понимали, что сбежать — это всё равно, что с передовой в тыл сбежать. Как-то так.

Я, например, думал, что Артик тут не останется. Он ТП переносил намного тяжелее чем мы с Серёгой, его каждый раз рвало, и весь остаток дня он ходил зеленоватый, будто

отравился чем-то. Но когда я его спросил, он сказал задумчиво:

— Валить отсюда? Но зачем, Денис? Допустим, я считаю, что шагистика и чистка сортиров плюс обыденные мордобои — устаревший способ превратить человека в машину для выполнения приказов. Меня это бесит. И вот судьба мне посылает — другое. То, в чём, по крайней мере, есть смысл. Возможно, они сумеют довести ТП до настоящей безопасности. Ради этого стоит слегка потерпеть, правда?

— И ребята хорошие, — сказал я.

— Да, — согласился Артик. — Ребята хорошие.

Святая правда: ребята тут подобрались — зашибись. В той части, откуда нас с Серёгой и Артиком забрали, было всякого разного... ясное дело. А тут — на подбор. Либо спортсмены, либо просто серьёзные парни — не та порода, которая водяру по подворотням жрёт. Не подходят другие.

И я твёрдо решил, что останусь тут, несмотря ни на что. Потому что это — настоящая мужская работа. Испытатель — это настоящая мужская работа.

*...Но я с малых лет не умею стоять в строю,
Меня слепит солнце, когда я смотрю на флаг...*

Александр Башлагёв

Я довольно быстро понял, что к тошноте можно привыкнуть. Вероятно, можно заставить себя привыкнуть и к этому отвратительному ощущению: что-то внутри тянется, рвётся, но не разрывается до конца. Каждый раз вспоминается «масло, размазанное по хлебу» — вот такая Магия Всевластия, судороги по хребту... Но человек ко всему привыкает. Я был готов заставлять себя, тренировать своё малопригодное для экспериментов с телепортом тело — лишь бы остаться здесь.

Да, я осознал, как невероятно важно для науки то, что мы делаем. Но это не главное. Мне было интересно. Мне никогда в жизни не было так интересно. Я наблюдал за собой — и сам себе поражался.

На первых же собеседованиях психолог, желавший называться «доктором Кириллом», сказал:

— Вы — очень любопытный случай, Разумовский. Такого мы ещё не наблюдали. Хорошо бы вам рассказывать о своих ощущениях как можно подробнее.

Я рассказывал подробно. Даже рисовал, хотя рисуя вполне неважно.

Я ощутил перемены в себе после первого же нуля-ТП. Тогда это воспринималось, как *déjà vu* — в ускользающем сознании мелькали обрывки зрительных образов, которые вдруг воплощались в образы реальные. В вертолёте мне с чего-то представилось веснушчатое лицо с удивлёнными серыми глазами — и спустя минуту после приземления я увидел его: на меня удивлённо и слегка испуганно смотрел солдат из здешней вооружённой охраны. Кажется, я мог бы предсказать количество его веснушек. Весь следующий день меня преследовали крошечные пророчества, ничтожные, но цепляющие за нервы. Я увидел солянку с парой сосисочных кружков в своей тарелке за минуту до того, как мне её налили — с этими двумя кружками. Потом я даже крикнул лаборантке: «Осторожно!» — но она вздрогнула и всё равно сбросила со стола сосуд с какой-то вонючей зеленоватой жидкостью, зацепив его локтем. Я увидел пятно йода на щеке парня из службы сопровождения раньше, чем он обернулся. Тянущие, нелепые, ни для чего не нужные мелочи... Всё это выглядело, как наваждение, и я был рад рассказать об этих микрогаллюцинациях «доку Кириллу» — будучи вытасканными из подсознания и произнесёнными вслух, они сразу поменяли статус, превратившись в обычный экспериментальный материал.

— Старайтесь как можно внимательнее наблюдать за собой, Разумовский, — сказал док Кирилл. — У вас необыкновенная реакция. Возможно, мы выходим на очень любопытный побочный эффект нуля-ТП.

Предсказание будущего, подумал я, и мне стало смешно.

Допустим, ТПортал и вправду сделал меня пророком — тогда Ришка приобретёт тему для подначек на долгие времена. Если я проговорюсь ей на гражданке, а я проговорюсь, или она угадает: мне не удаётся скрыть от Ришки ничего более или менее значимого. Она — единственный человек на свете, который знает меня хорошо.

И я её знаю хорошо. Так уж вышло.

Я подумал даже, что моя странная реакция на нуль-ТП каким-то образом связана с Ришкой. В моей жизни вообще многое связано с Ришкой. Мы — близнецы.

Сколько себя помню, я всегда отличался от других. Видимо, мою душу грешную изрядно-таки изменило — не знаю, улучшило или испортило — то, что я целых девять месяцев делил с девочкой очень и очень тесное помещение, а потом мне пришлось с ней ладить. Я никак не вписывался в правильную схему «настоящего пацана», а потом — «настоящего мужика»: я был не просто братом девочки, я был абсолютным другом девочки. Мы не умели ссориться. Ришка была моей партнёршей в клубе латиноамериканского танца, Ришка была моим зеркальным отражением, Ришка была моей партнёршей по нашим личным играм и тайнам, а для парней из моего класса я был то ли «пидор», то ли «бабник», то ли, странным образом, и то, и другое сразу. Я был Артик для Ришки. Она никогда не называла меня Артёмом, я её — Ириной. Я даже имел неосторожность ляпнуть эту детскую кличку в автобусе по дороге в нашу зону, зная, как она обычно действует на посторонних, в здешних палестинах — в особенности. Но имя, придуманное Ришкой, всегда казалось мне чем-то вроде талисмана, тем более что у меня не было больше ничего от неё теперь.

Наши родители были побоку и в стороне — они нас не понимали и не печалились по этому поводу. Они считали нас детьми без проблем; наши проблемы мы решали сами, с тех самых пор, как начали говорить.

У нас с рождения оказалась фотографическая текстовая память и чутьё к языкам. Каждый из нас угадывал карту, вытащенную другим из колоды. Мы сочиняли друг для друга стихи разной степени глупости или драматичности, которые, естественно, никому больше не показывали. Мы перевертали друг для друга прочитанные книги: я — Гарднера и Чейза, она — Бальзака и Стендаля; иногда мы, дурачась, перетасовывали эпохи и героев. Нам снились одни и те же сны. Чтобы хоть как-то скрыть свою связанность, мы сидели за разными партами, мы поступили в разные ВУЗы, общаясь с чужими, мы не подходили друг к другу близко. В нашей отчаянной любви друг к другу не было эроса, или его было не больше, чем в чувстве к отцу или матери, но все, кто знал нас, его подозревали, вызывая у нас холодную ярость. Мы были принципиально непохожи на других; Ришка уверяла, что мы — тролли-подменьши, я возражал, что — младенцы, подкиннутые марсианами.

Мы никогда не чувствовали себя одинокими. Наше благословение и проклятье, потому что все наши ровесники мучились одиночеством, и наша наполненность чувствами выглядела, как лоснящаяся сытость во время блокадной зимы. Нас редко лупили, потому что мы быстро бегали или дрались спина к спине, не успев убежать, к нам редко цеплялись, потому что мы выдумывали смертельные ответы — но нас истово ненавидели.

Мы привыкли к общей ненависти, но иногда моя непохожесть на прочих вдруг начинала меня тяготить; тогда я срывался с цепи. Так я срывался в школе, когда меня вдруг тащило прогуливать и шляться со случайной компанией по подворотням, так я сорвался в армию со второго курса журфака — потому что в моих мозгах что-то заскочило, меня понесло доказывать себе, что я не только Артик для Ришки, но и «настоящий мужик», что бы обо мне ни думали мои милые отвратительные сокурсники. Журфак к этому моменту был для меня не менее гадов, чем мои смутные представления о службе в армии.

Это была фатальная глупость. Ришка, от природы более умная и сдержанная, чем я, обычно не мешала мне сходить с ума, но узнав, что я бросил универ ради военкомата, врезала мне по уху. Я не стал удерживать её руку; последний раз она мне залепила в пятом классе, когда я на спор перелез через перила виадука и размахивал там ногами над

двадцатиметровой пропастью. Ришка не издавала ни звука, пока я не перелез назад — но треснула так, что у меня загудела голова, как только я оказался на твёрдой и широкой поверхности. И разревелась.

Она ревела, и когда меня провожала. Мне было стыдно — не за неё, а за себя; я пытался говорить, что все, что всегда, что школа жизни, что простая правда, без интелльского пижонства, но уже осознавал свою безнадежную глупость.

А Ришка подняла милое зарёванное лицо — карикатуру на мою собственную физиономию или, напротив, мой вдребезги облагороженный лик — и сказала: «Артик, я тебя больше никогда не увижу». И я её обнимал, убеждал, умолял, смеялся над её девчачьей верой в предчувствия — больше она не добавила ничего.

А потом был месяц в учебке, за который я стал абсолютным мизантропом, ненавидящим всех и презирающим всё, что меня там окружало. Начиная с себя. Я задыхался от ощущения безнадежной агрессивной тупости, с которой по правилам игры ничего не мог поделаться. Я не умел сойтись с людьми, которые меня окружали — и ненавидел себя за дурной снобизм. Самое разумное, на что у меня хватало сил — не переть на открытые конфликты. Тень Ришки останавливала — я не пёр. Кажется, я унизился до того, чтобы кивать, когда со мной заговаривали; я не мог казаться своим — меня учуяли, меня вычислили, я вызывал у многих неприязнь одним своим видом, я молчал, с переменным успехом притворялся обыкновенным и писал письма Ришке, только Ришке.

В последнем письме Ришке я написал, что буду участвовать в сверхсекретной миссии. Я упивался, когда писал это письмо, я наслаждался ощущением правильности и оправданности моих действий. И я почти не думал о последних Ришкиных словах.

Я решил, что вернее убьюсь в той части, куда был призван: либо кого-нибудь убью, либо кто-нибудь убьёт меня. Я был в двух шагах от чего-то в этом роде, когда «дед» с круглой, не обезображенной интеллектом мордой спросил, кому это я пишу — шалаве или мамочке. Меня бесили простые вещи, обыденные глупости, жестокость, привычная, как насморк. Меня бесили до иступлённой ярости сальные разговоры о женщинах. Здесь этого добра было часами и сутками, а я знал женщин лучше всех этих скотов, я знал женщину, как собственное отражение, я понимал её абсолютно и видел подлую ложь в любом пошлом анекдоте. Я был потенциально готов любить и уважать — потому что видел в женщинах тень Ришки — и ненавидел тех, кто сводил уважение и любовь к озвученным скотскими словами грязным фантазиям.

Я почему-то решил, что избавлюсь от всей этой мерзости, став испытателем.

И ведь вправду избавился. Мне стало до паники страшно на пару часов, в тот момент, когда я только начал всё осознавать — но потом страх пропал совсем. Его вытеснило любопытство, жгучее, как голод или сексуальное желание. Острое.

И, что особенно забавно, став испытателем, я даже приобрёл кое-каких приятелей.

Денис Багров, лопоухий парнишка с простоватым лицом, ещё в автобусе выбрал меня себе в товарищи. Ах, що за холова, що за розум у мэнэ! Этот беззлобный недотёпа слушал мою болтовню, приоткрыв рот от благоговейного изумления, поражаясь простым вещам; в другое время это бесило бы меня, но армия уже успела сбить с меня спесь и часть снобизма — я радовался возможности поговорить, имея слушателя. Сергей Калюжный, крупный парень с узкими злыми глазами и расплюснутым носом боксёра, правильным образом ненавидел меня, но тоже оценил ум-разум: даже подходил ко мне, когда ему требовался ответ на очередной назревший идиотский вопрос. Эдик Кондаков, высокий, тощий и

забавный, страдал от отсутствия книг, как и я. Мы имели пару восхитительных бесед о литературе, омрачённых только тем, что Эдик читал альтернативную историю, где всяческие придурки пытались изменить наше славное прошлое с помощью пулемётов, машины времени и какой-то матери, а мне всегда мерзли книги такого рода. Зато я пересказывал ему Шекли и Катнера как можно ближе к тексту — и он хохотал так, что краснел кончиком носа.

Я выиграл. Меня огорчала только невозможность написать Ришке, но я надеялся скоро её увидеть: на «Игле» день считался за три — и мы должны были попасть домой меньше, чем через полгода.

* * *

Я бы написал.

Нарушение секретности в отношении Ришки вряд ли можно считать военным преступлением: во-первых, она и так учует, а во-вторых, я не представляю себе Ришку, делящуюся с какой-нибудь своей подружкой нашей общей тайной. В этом отношении Ришка нимало не напоминала обычных, так сказать, женщин, о которых все говорили, как о болтушках — у неё, как и у меня, многие вещи можно было выбить только под пыткой.

Мы были слишком самодостаточны, чтобы трепать о своих внутренних делах по секрету всему свету.

Я бы рассказал, какое неопишное и ужасное явление природы и разума — нуль-ТелеПортал. Багров говорил, что ему каждый раз очень тяжело шагнуть за эту грань; со мной — наоборот. Портал с самого первого раза тянул меня, как тянет глубина или высота.

Когда я смотрел, как между титановыми створами рвётся физическое пространство, завлакивается грозным лиловым свечением, с тем колким потрескиванием, какое сопровождает плазменную дугу между электродами, когда я чувствовал запах озона и какой-то химической сладости — меня тянуло с самоубийственной силой. Так хочется шагнуть с крыши, если смотришь с шестнадцатого этажа — и ты не делаешь этого шага из одного сознания неизбежной смерти.

А в ТПортал его можно сделать. Ощутить невыносимое чувство размазанности — или развоплощения, осознать, что твоё тело превращается во что-то мало постижимое, не физическое — и рывком воплотиться снова, в тошноте и мучительной головной боли, в том же моменте, но другой точке пространства... Услышать, как хлопнет воздух, вытесненный тобой, когда ты возвращаешься из небытия — и сквозь боль и тошноту осознать: «Я снова существую». Уже со второго раза я опознал в прохождении через ТПортал нечто от шаманской инициации, от дзена и некоторых других мистических практик. Я, подозреваю, лучше всех испытателей понимал, что каждый ТПереход мы проходили сквозь моментальную смерть — и снова рождались.

Во всяком случае, никто и никогда не разговаривал об этом со мной, а док Кирилл после моей посмертной исповеди посмотрел подозрительно и начал более подробно и детально, чем в первый день, выведывать, нет ли у меня суицидальных наклонностей.

Нет. Их нет. Жить мне ещё не надоело.

Но, как и всем нам, смертным, мне страстно хочется узнать, что будет там, за последним окоёмом. И я пытался на свой лад.

Вдобавок ТПортал, как и полагается мистической практике, потихоньку менял моё восприятие действительности. Крохотные пророчества так за мной и остались — но к ним после каждого шага через телепорт прибавлялись еле заметные мелочи, обостряющие, если можно так сказать, внутреннее зрение. Мне начали сниться сны.

Вообще-то очень яркие сны, похожие на шизофренические видения, снились всем испытуемым поголовно. Сны уже зарегистрировали в качестве побочного эффекта — и у каждого этот эффект проявлялся по-своему. По крайней мере, трое из нас кричали во сне — но, пробудившись, никто не мог вспомнить ни видений, вызвавших ужас, ни даже самого ощущения его. Сон просто выскальзывал и исчезал — только энцефалограф, подключённый к вискам наших крикунов, рисовал в моменты кошмара, как проговорился док Кирилл, жуткие пики, а на томограмме лобные доли мозга сияли, как ночной Лас-Вегас.

Некоторым счастливым, напротив, снилось нечто очень приятное, почти экстатическое. Денис однажды похвастался грёзовыми «облачными девушками, типа ангелов», которые скользили вокруг него в какой-то сияющей сфере, а от их прикосновений становилось «как-то ванильно, то есть, похоже на ванильное мороженое».

— Холодно и сладко? — спросил я.

Денис надолго задумался и изрёк после паузы:

— Не то, чтобы холодно, но вроде как холодно. Понимаешь, *видимость* холода. А сладко — не во рту, а где-то под рёбрами.

После этого психологи устроили ему целый марафон с тестами и томографией, и док Кирилл восхищённо констатировал, что наш Денис, похоже, потихоньку становится синестетиком. Душка Денис, услышав это слово, округлил глаза и спросил:

— А как это? — но узнав, как, тут же радостно заявил: — Точно! Мне ещё позавчера музыка снилась, жёлтая с голубинкой!

Багрову очень льстило внимание психологов. Кажется, он питал к психологии тот нездоровый интерес, какой обычно просыпается в людях, впервые прочитавших Фрейда и впавших в особое состояние прозрения гениталий фактически в любых предметах вещного мира. Любой психолог казался Денису пророком, а попытки постижения себя — откровением.

Это было мило. Я постепенно утвердился в мысли, что Денис — забавный парень.

Калюжный о своих снах не распространялся; психологи подозревали, что он их не запоминает. Эдик то и дело видел дикие кошмары, которые не мог ни объяснить, ни описать. Единственное, что из него выбили наши мозгоправы — это безумные цвета того, что ему снилось, цвета, которые не имели названия на человеческом языке. Саня Токорев, громадный, перекачанный и продолжающий качаться парень с физиономией, уровнем интеллекта оскорбившей бы даже гориллу, старался спать в любую подходящую минуту — и снилось ему нечто, вызывающее мощнейшую эрекцию. Витя Кудинов, тощий и злой, очень типичный гопник из предместий, наоборот, изо всех сил старался не спать лишних часов, потому что в снах ему, как он говорил, часто являлась какая-то густая, прозрачная, синеватая, душащая масса, поднимающаяся до самого горла, вся кишачая белыми пузырьками, похожими на коконы.

Со мной было и проще, и сложнее. Мои обычные сны представляли собой бредовую, страшно меня утомляющую, быстро мелькающую вереницу тех самых крохотных пророчеств: мне снился завтрашний день, но в обрывочных микроскопических мелочах, без связи и основы. Колбаска зубной пасты, срывающаяся со щётки в раковину, ветка,

хрустнувшая под ногой, комочек ваты с каплей крови, упавший на пол — вот в таком роде, бессмысленно и бесполезно. Тем гаже было ощущение *déjà vu*, когда какой-то нелепый демон из мелкого садизма прогонял эти видеоролики по второму кругу. Но перед очередным переходом всё резко менялось.

Дважды мои сны становились связными и красочными — и ощущались, как сообщения, донесения, настоящее ясновидение — до озноба. Мне снились места, которые я с трудом мог осмыслить и описать — каждый раз новое; их будто транслировали в мой мозг с непонятной целью. Я помнил эти сны долго и в подробностях; впрочем, это мало помогало психологам: для того, чтобы дать о них хотя бы общее представление, мне надо было стать художником.

Перед вторым переходом, к примеру, я видел... Я не понимаю, что это было: ущелье ли, с тёмными отвесными стенами, в которых прорублены светящиеся желоба, здание ли изнутри, со светящимися белым светом длинными вертикальными оконными проёмами, что-то ли иное... Впрочем, за здание говорили балки перекрытий, плоские, чёрные и глянцевые; к средней, проходившей вдоль здания или ущелья, на сложной системе тросов был подвешен... наверное, лифт или подъёмник,двигающийся почему-то не вверх-вниз, а вдоль стен — с головокружительной скоростью. Я стоял на площадке этого подъёмника, мутно-прозрачной, широкой и не огороженной ничем, кроме бортиков высотой в ладонь, и мой желудок болтался где-то у горла от дикого ощущения высоты и стремительного движения. Почему-то я не чувствовал никакого ветра в лицо... возможно, эту летающую площадку, кроме условных бортиков, огораживало какое-нибудь силовое поле — но ни малейшего желания проверить я не испытывал.

И я был там не один.

Рядом со мной стояли длинные, белёсые, невероятно спокойные существа, четверо или пятеро. Ничего общего с людьми: высокие, выше меня, на двух тонких ногах, но без признаков рук, плеч, даже шеи — тёмные нечеловеческие лица выдавались из белёсых веретенообразных туловищ барельефами, и белёсые наросты возвышались сзади над лицами, как горбы. У этих созданий были внимательные чёрные глаза и маленькие безгубые ротки, которыми они то ли пожёвывали, то ли по-рыбьи глотали воздух. Смотрели существа на меня без страха и без злости, с доброжелательным лёгким любопытством — как на необычное, безвредное, но не слишком интересное явление природы.

Это видение преследовало меня целую неделю. Я извёл пачку бумаги, пытаюсь нарисовать одно из этих существ, но у меня выходили рахитичные печальные куклуксклановцы. Я пытался объяснить доку Кириллу, что у меня отчётливое ощущение не столько сна, сколько некоей передачи, случайно пойманного сигнала непонятно откуда, что почему-то это крайне важно и относится ко всем — он кивал, писал, мои рассказы снимали на видео, рисунки забирали, но, кажется, я никого не убедил. Неделю я вспоминал стремительное движение, мелькающие вертикальные оконные проёмы и доброжелательно-любопытные взгляды чёрных глаз на тёмных безносых лицах — через неделю, перед третьим переходом, мне приснился новый сон.

Если в первом сне мне представился действующий механизм, может — иномирное транспортное средство, то во втором я увидел нечто очень старое. Очень. Тут уже давным-давно ничего не работало, если вообще работало когда-нибудь.

Мне приснились руины. Четыре высокие стены без крыши не просто заросли мхом — мох пророс их насквозь, они были пропитаны мхом, как губка — водой, если можно так сказать. Мох казался мягким даже на глаз, он был мохнат, как иранский ковёр, и такого же

цвета: жемчужно-серого, местами — бледно-зелёного. Пол тоже порос мхом, только тёмно-изумрудного оттенка — во мху утопала нога. Над руинами плыли кремовые облака, подсвеченные, вроде бы, вечерним солнцем. Мне было очень хорошо, как бывает в тихом парке, около какого-нибудь древнего памятника. Вокруг вились тоненькие, необычного вида комарики; воздух благоухал, как очень далеко за городом — живыми растениями и ещё чем-то прекрасным. Я протянул руку, чтобы дотронуться до стены — и тут кусок мха шириной в две ладони шевельнулся, превращаясь в существо кошмарного вида, в замшелого то ли краба, то ли паука, с мохнатыми суставчатыми лапами и целым ожерельем круглых глаз над жвалами размером с мой указательный палец. Я проснулся в поту, с ощущением, что вовремя успел смыться из замшелых руин, пока весь мох не превратился в опасных тварей.

Наверное, надо было успокоиться, сообразив, что это только сон и ничего больше... Но в тот день всё пошло наперекосяк, а предчувствие в один прекрасный момент ударило, как электрический разряд. У меня не вышло предотвратить беду, я не успел всего на пару-другую секунд — но дело ещё и в том, что мне помешали.

Помешали намеренно. Кое-кому ожидаемо захотелось погеройствовать. А в таких случаях всегда случается беда — не только с героем, но и с теми, кто его окружает.

*...Браво, парень! Ты становишься волком!
Браво, парень! Ты не спишь под дверьми!..*

Олег Медведев

Мне иногда хотелось ему в лицо заорать: «Я из Всеволожска, понял, нет?!» В том смысле, что я, сука, жил в том же Питере, что и ты, ясно? Нехрен тут выделываться, как муха на стекле! Плясун и певун... писун и плевун, блин.

Если бы этот козёл меня не раздражал, как я не знаю что — всё было бы очень круто. Очень интересно.

Ёлки, знать бы раньше, что мы такое умеем! Я б ни фига не беспокоился за страну, я б всем, кто вякал, позатыкал хлебальники, блин! Это ж можно нагнуть Пиндостан и кого угодно нагнуть! Можно десант послать хоть в Белый Дом, хоть куда! Охрененно, мужики. Я, когда увидел этот ТПортал, сразу понял, насколько это охрененно. Это не сопли сосать, блин, это сила.

Главный мне грит: «Серёга, на вас надеется страна!» — поэт? На нас надеется страна, ясен пень! Мы не подведём. Я жить начал на полную катушку здесь, на «Игле».

Всё-таки до этого почти не жил. Сейчас понимаю так, что готовился к этому... к подвигу.

На гражданке я уж точно не жил ни фига. Когда Динька Багров распинался про своего папаню, как папаня ему объяснял то и сё, про армейку там, про долг, я только потихоньку позавидовал. Потому что мой мне если чего объяснял, то только когда я ещё в пелёнки ссался. А потом он совсем спился, в хламину. И когда я уходил служить, он уже был просто вошь, а не человек — и маманя на него орала целыми днями, совершенно без толку. Но я про это, ясно, не распространялся, потому что не ихнее это дело. Только психологам пришлось, потому что в ихних анкетах были такие вопросы в лоб, а мне велели писать только чистую правду.

Эти анкеты составлял, конечно, какой-то озабоченный хрен. Потому что кому какое дело, чего там я боюсь, сколько пью — не так я много и пью! — на что дрочу и от чего стояк бывает. Я смерть не люблю про такое говорить. Кому-нибудь скажешь, а он потом будет тебя всю жизнь тыкать. Стыдоба. Ну, к ляду. Здоровый, не курю — и не курил никогда. Спортсмен. Годен. Какие ещё вопросы-то?

Но у психологов — медицинская тайна, поэт? Мне им пришлось всё это расписать, в смысле — птички-галочки нарисовать. Неприятно, что у них такое досье на меня образовалось, но они, вроде, не имеют права об этом трепаться направо и налево. Секретность.

А главный мне грит: «Вам нужны основательнейшие тренировки. Возможно, именно вы — десант нового поколения, будущее армии». И я это так понимаю, что нас могут потом и с гражданки высвистнуть, если что. Тренировать молодняк или воевать где-нибудь там — чем чёрт не шутит.

Показать всем этим уродам козью морду. Расслабились у себя в Пентагоне, блин!

И я тренировался.

ТПортал, он... тяжело, в общем.

Мужики любят про него потрепаться, мол, такой он и сякой он... Маются всякой хреновиной. Работа есть работа, в армии — тем более. Мы — испытатели. Дисциплина — всё. Сказано: «Иди через портал», — и идёшь. Делали учёные люди, для важных вещей делали, так что и рассуждать нечего.

Только тяжело. Но это уже не ихняя забота.

Главное дело — у меня от него как-то крыша едет. Как будто меня кто стирает резинкой, а потом я постепенно снова вырисовываюсь. Медленно, блин! Когда первый раз прошёл, стою, зенками хлопаю, а в башке пусто. Совсем пусто, аж звенит. Мужиков тошнит, рвёт — а я как новенький, но гляжу вокруг, будто только что родился, и не могу сообразить, что это за хрень и как она называется. Мее-едленно, противно вспоминается: «вертолёт», «дерево» — а которое из них что — это уже, блин, в следующем раунде! А главное, на собственную руку смотришь, на ладонь — а она стрёмная какая-то, как чужая, как морская звезда какая, прямо к тебе приделанная... Грудники орут, я видел, если лапчонками машут перед мордочкой — я теперь знаю, почему. Фигня какая-то из тебя растёт, а зачем — сходу и не сообразишь...

А медик тут же грит: «Вы — Сергей Калюжный, да?» — и мне сразу стало легче. Угу, я — Сергей. Это не фигня, это грабки мои. Вот осина растёт, вот плиты бетонные, вот автоматчики. Всё встало на место, слава богу. Потом уже в вертолёте меня обвешали датчиками, спрашивали, какой год, да какой месяц, да как называется то и сё — я отвечал, приятно было, что помню. Только чувствовал себя малость оглушённым. Знаете, как если в нокдаун закатают так, что искры из глаз — и некоторое время ты будто не в себе чуток.

Тренировки... Хреноватый из меня выходит десантник, если после переброски я стою-скачу, как опизденевший вконец. И, главное, как тренироваться — не очень понятно.

Ну чё... я качался. Тут почти все качаются, когда есть свободная минута. Но мужики говорят, что физподготовка не очень-то помогает. Иначе Саня, у которого физподготовка гораздо лучше моей, не блевал бы после каждого перехода. С другой стороны, у Диньки физподготовка совсем плохая, а переход на него, вроде бы, почти не действует. Загадка.

Поэтому я занимался физподготовкой, но думал, что тут надо что-то другое. Подозреваю, что моей подготовкой занимались во сне... я слышал про обучение во сне. Только мне ничего не сказали, я, видно, не должен был знать, что меня натаскивают, пока я сплю. А лучше бы сказали, блин, потому что в первый раз я чуть не обоссался, ей-богу.

После того как прошёл портал, после всех процедур, после всего — вырубился без задних ног. И вижу, очень реально, как живое: стою на какой-то горе — не горе, а, наверное, на бруствере из коричневых плит — и смотрю вроде как в бинокль. А в бинокль видно, как к этому брустверу по выжженному полю ползут танки, только пушки у них тонкие и опущены вниз под углом, а вся броня — пластинками. И вот, будто, эти танки подползают ближе — и тут я гляжу: ё! ноги ж у них! Точно же, загибающие волосатые лапы! Никаких гусениц, ничего! А они вдруг как дадут! Не из хоботов, блин, а откуда-то сзади у них поднялись такие... типа хвостов — и из этих хвостов они как врежут! Какие-то кипящие струи это были, от них прямо камень вскипал, и гляжу — оно летит мне в лицо прямо! И тут машинный голос, вроде как женский, говорит: «Встать! Это сон!»

Я проснулся весь в поту, меня прямо в жар кинуло от облегчения. А психологи эти ещё потом спрашивают: «Вы помните, что вам снилось, Калюжный?» Ага. Щас я вам буду рассказывать, что ваши машинки меня во сне перепугали, как сопляка! Не помню, грю.

Это Разумовский, Артик, блин, любитель им по душам выкладывать, как и что. Вот они и носятся с этим козлом, ах, у него такие интересные реакции! А он и рад, пидор. Все пидоры страшно радуются, если кто на них внимание обратит. Истерички. Ах, какие сны, блин! Я сразу решил, что я-то так не буду — никто из нормальных мужиков не бегаёт в психологический сектор каждые пять минут, только козёл этот. Докладывать, где у него ещё зачесалось, побегунчик, звезда наша с интересными реакциями.

Все в этой части — мужики как мужики, только этот Артик, блин, фигартик, убоище, один такой особенный. По морде видать, морда — как у этих задротышей в телевизоре, а он ещё и танцы там, на гражданке, танцевал. Будто нормальный мужик будет заниматься танцульками вместо нормального спорта! Латино, блин, американскими... И психологи с ним носятся, как с редким явлением природы — ещё б он не редкий, среди нормальных-то! В общем, я-то всё делал, чтобы не быть похожим на этого козла — и от меня отвяли со снами, но крутить свою машинку не перестали. Так и крутили.

Чем дальше, тем круче загибали. Они же хотели, чтоб я тренировался — ну и тренировали по полной. Чаще всего военные действия, всегда какие-то ненормальные. То сверху медузы пикируют зелёные, соплями капают, то в космосе что-то на мелких фигурках, вроде самолётов, но в космосе — людей в клочья рвёт... И каждый раз в конце машина говорит: «Встать! Это сон!»

И — да, оно, блин, помогает! Отпускает постепенно. Чувствуешь, что дёргаешься с каждым разом меньше и потом уже не обливаешься, как в бане. Перед вторым ТПереходом они сделали очень страшное — будто смотрю на себя, а я, вроде как, то ли таракан какой-то, то ли паук. На руки смотрю — а они клешни из этого, костяного или какого, как у рака, щёлкают... Если б не держал в уме, что это сон, с ума бы свихнулся, а так — выдержал, даже любопытно стало: ишь, какую дрянь выдумали, ёлки! И переход я прошёл полегче. Правда, полегче. Чутка ошалело, но уже себя помнил и слова не забывал.

* * *

А на третий раз мы должны были перебрасываться группой. Впятером — половина отделения. Это только недавно они наострились делать — даже новый ТПортал привезли, чтобы двоим пройти. Побольше размером. Народу у «Иглы» собралось — что людей: Главный, конечно, ещё толпа учёных в очочках, в костюмчиках, какой-то чин в звании полковника, а какой род войск — я не разобрал, что-то непростое. Генеральный конструктор, аспиранты, врачи, всякая такая хрень. С той стороны, я думаю, тоже немало было всяких разных с фотоаппаратами, камерами и вертолётами. Главный грит: «Гордитесь, подвиг», — блин, не муха нагадила! «Вы, — грит, — первые проходите через нуль-ТП группой, могут быть любые неожиданности и нестандартные реакции, будьте готовы, ребятки. Мы все на вас надеемся. Получите неделю полноценного отдыха». Лучше бы домой отпустили на эту неделю, блин, секретность, будь она!

А нас было: я, Динька, Витя, Артик — блин, жаль, но тут что-то сошлось так, группа крови, может быть — и Саня. И все были спокойные, только этого пидора, блин, трясло мелкой дрожью, трусил он по полной, до уссачки трусил — и даже не стыдился, похоже.

Первые пошли Витя и Динька. Витю назначили старшим группы, а Саня, который тоже дослуживал последний месяц, шёл замыкающим. Я и Артик должны были войти в ТПортал

за первой парой — и вдруг этот козёл взбесился.

Он заорал: «Стойте, стойте, нельзя, я видел!» — и попытался схватить Диньку за локоть, но Динька уже сделал шаг. Тогда этот пидор с бешеными глазами стал загораживать мне проход — и я врезал ему хорошенько. Он влетел в ТПортал, как ласточка, блин — а я спокойно шагнул за ним. Никто ничего и сообразить не успел.

Нехрен эксперимент срывать.

Я вышел из портала очень хорошо, только чутка мутило — а вокруг, кроме мужиков из группы, никого не было. Вообще. Ни вертолётов, ничего.

И лес был того.

Не наш.

*...Как будто вновь кругом пятьсот,
Ищу я выход из ворот,
Но нет его, есть только вход,
И то — не тот...*

В. Высоцкий

Выхожу из ТПортала, ещё ничего сообразить не успел, даже не огляделся — а в меня вдруг влетает Разумовский. Натурально, я от неожиданности не успел среагировать, так и плюхнулся на четвереньки — только отдёргнулся в сторону, потому что всем известно: Артик после перехода блюёт.

Не хватало ещё, чтобы на меня. И без того муторно.

Встаю — и тут же понимаю: вокруг трындец какой-то.

Во-первых, мы не в точке «Ч». Стоим на мху — никаких бетонных покрытий. Вокруг — ни души, а лес совершенно не тот: что я, наш лес не узнаю, что ли? А во-вторых, у меня в группе драка.

Калюжный Разумовского тянет за шкурку и примеряется, куда ему двинуть, а Разумовский, зелёный, как огурец, только с красной ссадиной на скуле, пытается прекратить блевать и начать материться. А Багров бегаёт вокруг, машет руками и вопит: «Мужики, мужики, ну не надо!»

Дурдом на выезде.

Всё потому, что духов стали брать. Раньше старослужащих брали — и все соображали, как себя вести. А эти придурки, похоже, вообразили, что они на гражданке и что у них разборки из-за бабы.

На мою голову.

— Калюжный, — рявкаю, — убоище, да что ж ты прилип-то к нему? Влюбился, что ли? Сработало. Калюжный воротник Разумовского выпустил и посмотрел на меня зверем:

— А ты видал?! Этот пидор весь портал, нахрен!..

Тут Разумовский очухался:

— Витя, это же другой мир! Мы в другом мире! Я знал, я видел, вы оглянитесь вокруг, этот истерик...

— Так, — говорю. — Ша. Заткнулись все на две минуты.

Заткнулись. Только дышат тяжело и сжимают кулаки. Ждут, когда можно будет додраться. Идиоты. И Багров рядом стоит, как зайчик, смотрит испуганными глазами.

Круть какая...

Спрашиваю у Разумовского:

— Чего ты видел?

— Ты знаешь, — отвечает, — я иногда вижу крохотные кусочки будущего...

Калюжный только что не зарычал, а меня вдруг пробило на ржач. До слёз, еле успокоился — а на меня все уставились, как на буйного психа. С опаской. Ждали, что я ещё выкину.

— Ах, ты же, Господи, — говорю, — Разумовский, Кассандра ты наша недоделанная! А я, етить вас всех, иногда вижу крохотные кусочки прошлого! Как наяву, вашу мать! Хотите,

предскажу?

Они совсем обалдели, все трое. У них аж челюсти отвисли. Ждут. Я еле удержался, чтобы опять не заржать.

— Фокус-покус! — говорю. — Абракадабра! Начинаю телепать! Дело было так. Мы с Багровым вошли в ТПортал, а у Разумовского буквально через долю секунды после того случился припадок. В общем, он, как это говорится, узрел грядущее. И заорал что-то, типа: «Нет, нет, туда нельзя, там другой мир!» — и, может, грудью прикрыл эту амбразуру. От Калюжного с Токоревым. Так было дело?

Артик покраснел, усмехнулся и кивнул. И Калюжный усмехнулся.

— Предсказываю дальше, — говорю. — Калюжный, он же идиот от роду, само собой, ни фи́га не въехал, попёр буром: «Чё?! Тебе чё приказали?! Вперёд, с песнями!» — и хлоп Разумовского по морде. Давай, мол, не задерживай движение! Разумовский сюда и вывалился кубарем. Но знаете, где тут самая хохма?

Калюжный хмыкнул и спрашивает наивно:

— Где?

— Ты сам заломился следом, — говорю. — Если бы только Разумовского своего нежно любимого хотел сюда спровадить — я бы понял, ей-богу. Но ведь ты сам тоже попёрся, мудило гороховое! Потому что ты, Калюжный, не просто мудило, ты — честное мудило царя небесного. Токорев поумнее тебя — его я тут не вижу.

Тут анекдот до Артика дошел — он тоже начал ржать. Полегчало, похоже. А у Серёги сделалась такая морда, что я чуть не сдох: опечаленный орангутанг, ёпт. А Багров стоял-смотрел, потерянно. У него отходняк от ТПерехода что-то затянулся — или он просто тормозил, не знаю.

А я тем временем потихоньку огляделся. Хотел сообразить, насколько далеко нас закинули эти учёные-мочёные, которые два и два в уме еле складывают. Положение определить и прикинуть, что теперь делать.

Первая мысль была: на Багамы, что ли, куда-то? Или на Мадагаскар? Джунгли вокруг.

Ну как — джунгли... Зелени чуть больше, чем до фи́га. Зелёная-зелёная, яркая — хотя на дворе уже кончался октябрь-месяц. А зелень — как в мае. Нигде не желтеет.

Потом, деревья совсем не наши. Конечно, мы на полянке с ладошку, а вокруг заросли, в смысле — обзор-то ограниченный, но в поле зрения — ни одной берёзы не вижу. Ни одной ёлки. Зато прямо по курсу у меня — вроде как пальма. Волосатая такая, листья лаковые, как у фикуса, громадные, растут на длиннющих черенках. А на кустах россыпь мелких толстеньких цветочков, по виду — как из пластмассы. Беленьких таких. Типа сплюснутых шариков с красной шишечкой посередине.

И трава тоже не наша. У нас ведь — мох больше, черничник, брусничник... из травы только такая острая гребёнка, типа осоки. А тут травинки длинные, тонкие, шелковистые такие, по цвету седые, и какие-то мельчайшие кустики — каждая веточка как нитками обмотана, и лишайник — буроватый, сморщенный, в алых пупырышках, карабкается вверх по стволу какой-то толстенной дуры, похожей на баобаб.

Безрадостная картинка. То есть, я бы не прочь от Индии, там, или от Бали — но чтобы на кармане валюта лежала, а автобус с экскурсоводом стоял в двух минутах ходьбы. Вот тогда я бы не прочь. А чтобы таким макаром вышвырнуло куда-то к чёрту на рога — нет, пацаны, такой футбол нам не нужен.

А группа моя тем временем слегка опомнилась. Разумовский подошёл — и говорит

проникновенно:

— Видишь, Витя, мы не на Земле.

Не, ну как вам такое?

— Артик, — говорю, — ты прекращай тут уже крыльями-то трещать, и без тебя тошно.

Где же мы, по-твоему, твою мать? На Марсе?

Проняло его.

— Нет, — говорит, — что ты, какой Марс...

— Вот видишь, — говорю. — Воздух есть? Есть. Деревья есть? Есть. Вон, облачка плывут. Цветуёчки цветут. Лес. Так хрен ли мы не на Земле?

Остальные подтянулись.

Калюжный говорит:

— Гонишь, Кудинов. Лес не наш.

— Ах ты ж, Господи, — говорю. — Наблюдательный ты мой! А что, ты думаешь, что по всей Земле ёлки растут, как у вас в деревне за баней? Ну да, выкинуло нас не туда. Индия, небось. Или Гаити. Сейчас направление определим — и пойдём людей искать. Руссо туристо, ферштейн?

А Разумовский:

— Руссо туристо, точно... Воображение у тебя, Витя, нулевое.

— Да и слава Богу, я считаю, — говорю. — А то вы, вообразительные, уже такого навоображали — лопатой не разгрести. Я тут покамест ничего неземного не вижу. Вот если из вон тех кустов выйдет синий мужик с ушами на носу...

А Разумовский:

— До-о... выйдет и скажет по-русски: «Витёк, ты же на Марсе!»

— Если, — говорю, — этот синий козёл чего скажет по-русски, я перво-наперво с него парик сниму вместе с ушами, а уж потом по-свойски выясню, какого-растакого хрена нас не предупредили, что закидывают в какое-то дальнее зажопись вместо нашего привычного пункта. Экспериментаторы сраные.

Тут Багров подал голос:

— Так что же, мужики, мы, значит, за границей?

— Точно, — говорю, — сокол ты мой. За границей. Потому что в нашем богоспасаемом отечестве, как я это дело понимаю, больше тайга, или там пустыни, на худой конец, где аллаховерующая публика живёт. Но чтобы где-нибудь росли джунгли — это я не помню. Значит, за границей.

Тогда Разумовский говорит:

— Витя, всё это, конечно, забавно, но послушай: здесь, кажется, не тропики. Не так жарко, как в тропиках, не так пахнет, как в тропиках...

Очухался, ага. Проблевался, наконец. Интеллигент питерский.

— Артик, — говорю, — ты много тропиков нюхал? Во всех точках земного шара? Я хренею с тебя, какой Синбад-мореход выискался. Тур Хейердал, ёпт. Только не гони мне, что лично хейердал и в Индию, и в Бразилию, и на Мадагаскар какой-нибудь — и знаешь, как там пахнет каждый момент времени.

Разумовский смутился. А Калюжный выдал басом:

— Мне тоже кажется, что на Индию не похоже.

— Ты что, — говорю, — индеец? Много ты про Индию знаешь... Всё, ша. Хватит с фигне тряндеть. Вон там у нас — солнце, значит, пойдём вон туда. Искать Дели. Или же

Сингапур. Людей, в общем.

Разумовский говорит:

— А ты уверен, что отсюда можно уйти, Витя? А вдруг они снова откроют тут портал? И ещё: я просто не представляю, как мы будем объяснять местным жителям наше здесь пребывание...

Вижу, другие с ним согласны. Кивают. Ишь ты: Калюжный с Разумовским согласился. В этом лесу что-то сдохло. Ладно, надо им мозги прочистить.

— Ох, — говорю, — салаги. Слушайте сюда. Вы на «Игле» без году неделя, а у меня дембельский приказ должен прийти в следующий вторник. Я тут подробно ознакомился с нуль-ТП, будьте уверены, нюхнул, что к чему. Так вот. Никогда не слыхал, чтобы они открывали где-то портал — а мы ломались наоборот. Может, они так сейчас не могут. Может, это вообще нельзя. В общем — нет, дверка не откроется. Если бы мы это умели, я бы знал.

Багров говорит:

— То есть, за нами не придут?

— Точно, — говорю, — Динька, не придут за нами, драть их в сраку. Закинули нас в эту задницу, а сами, небось, даже не знают, куда. Я тут нагляделся, пацаны. За моё время на «Игле» четверо пропали с концами. Об этом, конечно, учёные наши не орали на всю ивановскую, но было дело, было, чего уж... И никто никого не нашёл. Пенсия мамашам, кирдык. Без вести при исполнении. Был даже слухок, что они вообще распались на сплошную энергию. Так что вы расслабьтесь, парни. Мы, слава Богу, не развеялись на атомы или, там, на молекулы, нас всего и только, что в Индию закинуло. Мы найдёмся.

А Разумовский:

— Мне бы твой оптимизм, Витя.

Ага. Тебе бы, думаю, мой оптимизм — ты бы уже по уши обосравшись стоял. Начал тут... другой мир, другой мир... небось, и не дорубает, салабон, что оно такое — другой мир. Нам же тут надо что-то жрать, что-то пить, жить надо где-то. А что в другом мире жрать и пить? Может, оно всё нам ядовитое. Может, тут выпьешь глоток воды — и заведётся в тебе глист ростом с лошадь, кто их знает. Вирусы, опять же. Кино «Война миров» видели? Эти руконогие там типа как от простуды перемерли, иммунитета у них на наш грипп не оказалось, а всё потому, что они без скафандров рассекали и кровь у людишек потребляли некипячёную. А где у нас скафандры? И в чём водичку кипятить — в пригоршне? И на каком костре? Собралось в одном месте четыре мудака — ни один не курит; где зажигалку взять?

Нет уж, думаю. Пусть мы будем в Индии. Тоже, конечно, не апельсины, но тут хоть есть шанс какой-то до города добраться или до деревни. До посольства. Хинди руси бхай бхай... может, Разумовский, питерец начитанный, по-английски шпрехаёт хоть немного.

А тут ещё Багров говорит:

— Мужики, пить охота — сил нет. Мне всегда после перехода пить охота — кажется, литра три бы выпил залпом. Пойдёмте водичку поищем, а? Может, тут какой-нибудь ручеёк есть?

А Разумовский, умник фигов, тут же встрял:

— Денис, сырую воду тут лучше не пить. Мало ли что.

— Ты ж моя радость, — говорю, — у тебя что, кастрюля с собой? Котелок? Самовар, может быть? Сырую воду не пить — значит, от жажды сдохнем.

А Разумовский:

— До-о, от дизентерии сдохнуть лучше.

И у Калюжного сразу ушки на макушке. Смех и только: Серёга Артика ненавидит, аж зубы потеют — но прислушивается. Ему, идиоту, видать, всё ж таки инстинктивно охота послушать человека, у которого на полторы извилины побольше.

Но сейчас нам этого не надо.

— От дизентерии, — говорю, — может, сдохнем, может, нет, а от жажды обязательно сдохнем, тем более что после перехода долбит сушняк дичайший. Надо идти искать воду, Динька дело говорит. Меня уже достало тут торчать и нюхать полянку, которую ты облевал начисто.

Разумовский смутился, прочие — приняли к сведению. И мы выдвинулись, как нормальная группа, любо-дорого. Ишь, какой я командир — слуга царю, отец солдатам, ёпт! У меня дисциплина и порядок. Не подвернулась бы «Игла» эта, чтоб ей лопнуть — как пить дать, до сержанта бы дослужился.

А всё почему? А потому что я с детства умел с людьми разговаривать.

Откровенно говоря, мне тоже дико хотелось пить.

У меня горело во рту и даже в носу, и привкус рвотных масс казался просто чудовищным — мне всегда давали глотнуть воды, когда я выходил из ТПортала. Но мысль о том, что пить придётся здесь, воду, которую мы найдём где-нибудь в ручье, приводила меня в ужас.

Даже если Витя Кудинов был прав, и мы действительно оказались в Индии или Бразилии, в воде могли оказаться такие паразиты и возбудители таких чудовищных инфекций, что у меня по спине полз мороз. Но Витя ошибался. Впрочем, мне показалось, что спорил он, скорее, для проформы: он был неглуп и наблюдателен, а его лицо выражало слишком уж демонстративное спокойствие.

А я тихо подышал от ужаса и тоски, которые нельзя было не только выставить напоказ, но даже и намекнуть на них. Гнуснейшее ощущение — невообразимое, вселенское одиночество. И мы — крохотные мураши, ползущие по чужому газону, знать не знающие, что нас ждёт за стеной зелени — забытый кем-то огрызок леденца или газонокосилка.

Это что тебе, Марс, Арктик?!

Нет, это, к сожалению, не Марс. Потому что, будь это Марс, мы были бы мертвы через секунду. А в случае нашего невероятного везения — кислород, сила тяжести, свет, растения и животные — совершенно неизвестно, к какому кошмару мы все можем прийти. Очень возможно, что о моментальной гибели в мире вроде марсианского мы вскоре пожалеем. Жизнь может устроить такое, что быстрая смерть покажется пикником на пляже.

Вокруг нас толкалась мошкара. Наверняка каждого из нас укусили по разику. Денис то и дело чесал шею... что с ним будет? Мы дышим чужим воздухом. Сейчас Витя найдёт воду, — у него уверенный вид человека, который знает, как и где её искать, — и мы чужого ещё и напьёмся...

Я всё время видел крохотные детали, которые не укладывались в мою собственную картину нашего родного мира — но мне, как и Вите Кудинову, хотелось убеждать себя в том, что я ошибаюсь. Пристрастен, одержим навязчивой идеей... приступы микроскопического ясновидения ничего не проясняли, только утомляли и усиливали тоску. Сперва в моём сознании, потом — наяву тоненькие спиральки скручивались на глазах из зелёных извивающихся нитей — что это? Побег растения? Черви? Ни с чем не ассоциируется... Я слышал невообразимые звуки в листве: кто-то визгливо хихикал, кто-то настраивал контрабас, кто-то скрипел пальцем по надутому воздушному шару — и все эти издаватели свистов, шорохов, визгов и прочего прятались в зелени, не попадаясь нам на глаза. Нормальный дневной шум джунглей? Громадное насекомое, похожее на жука или на палочника, неспешно переставляло длинные лапы-веточки по коре толстого дерева, которое хотелось назвать секвойей или баобабом. У насекомого я отчётливо видел восемь ног... У насекомых не бывает по восемь ног... но, быть может, это экзотический паук? Мохнатая многоножка в полметра длиной, извиваясь, выскользнула у меня из-под ног, унеслась в траву, как поезд в тоннель... кажется, такие создания не могут быть покрыты пухом? Я скажу это Кудинову, а он снова криво улыбнётся: «Ты что, энтомолог, ёпт?»

А я не энтомолог.

Я просто всё ещё в шоке, мне дико. Я всем телом чувствую чужое и пытаюсь осмыслить

слово «никогда». Никогда не вернусь домой. Никогда не увижу Ришку. Никогда не зайду в старый милый магазинчик «Библиофил» на Лиговке. Никогда не стану ни журналистом, ни писателем. Никогда не буду есть борщ с чёрным хлебом. Никогда не поцелую девушку. Никогда. У меня болит душа, я близок к панике, да что там — я близок к истерике. Мне страшно и плохо, очень страшно и очень плохо. И вдобавок очень хочется пить, тошнит от рвотного привкуса.

Хорошо ещё, что вовсе не так жарко, как могло бы быть в джунглях. И не так влажно, нет ощущения парилки. Да, мы вспотели, но — не жарче, чем летом у нас в Ленинградской области. И не влажнее. Нормальные испарения леса средней полосы... но это ощущения, которые я не могу никому доказать.

Мы шли медленно; вероятно, ребята чувствовали себя такими же усталыми и разбитыми, как я. У нас не было возможности отдохнуть после перехода, выпить воды, прилечь — а ТПортал ещё не достиг того совершенства, чтобы, пройдя через него, солдат тут же кидался в бой. И идти было тяжело. Заросли, и впрямь плотные, как в джунглях, расступались лишь кое-где; в идеале их надлежало бы прорубать мачете, но у нас ничего не было, мы могли только раздвигать ветки голыми руками. Калюжный дёрнул в сторону колючую плеть, она упруго выскользнула из его руки, хлестнула по лицу. Он выматерился, вытер ладонью кровь — на скуле и щеке осталась глубокая царапина. Ещё один путь инфекции. Мне жаль Калюжного?!

Денис вздрогнул и остановился, показывая пальцем вверх — мы остановились, и я тут же увидел то, что его поразило. Это был крохотный птеродактиль — более точного слова для этого существа я придумать не смог.

Размером с воробья, не больше. Его лысая клювастая головка выглядывала из облачка белых пушинок, пушистое жабо спускалось вниз, к животу — и исчезало под, я бы сказал, панцирем из мелкой блестящей чешуи. Существо свернуло беспёрые крылья, и их голые кожистые кончики торчали где-то сзади, а спереди я явственно видел торчащие светлые косточки, обтянутые пергаментной перепонкой. А вот ножки оказались совсем воробьиные, цепкие — пальцы удобно держались за ветку.

Воробьиный птеродактиль посмотрел на нас, склонив на бок ящеричью головку, пронзительно свистнул или пискнул — я уже много раз слышал из листвы такой писк — и вспорхнул. Мы смогли разглядеть его хвост — длинный и тонкий змеиный хвостик с парой кожистых наростов по бокам; эти наросты раскрылись, как хвостовое оперение у самолёта.

Сперва мы молчали, провожая существо глазами. Оно летело стремительно, крыльями взмахивало резко и редко, как воробей — и вскоре исчезло из виду. И тут же ко мне повернулся Калюжный.

— Чё это? — спросил он озадаченно и хмуро. — Таких не бывает?

— На Земле, — сказал я. — На Земле не бывает. Здесь бывают.

Кудинов сморщил нос.

— Ах, ты же, Господи! Зоологов развелось — не протолкнуться, ёпт... Разумовский, ты всех летающих ящериц знаешь в лицо? Или, скажешь, ящерицы не летают?

— Да нет, — сказал я. — Летают. Но не такие и не так. Это не совсем ящерица, Витя.

— Слышь, умник, — Кудинов попытался насмешливо улыбнуться, — давай уже не будем, а? Это, может, заповедник. А ящерица — редкая. Может, редчайшая вообще, из Красной Книги...

— Они тут не редкие, — возразил Денис. — Я всё время слышу, как они пищат.

— Ещё одна, бляха! — выпалил Калюжный и ткнул пальцем.

Над нами и вправду пролетел ещё один птеродактиль, без хвоста, величиной, минимум, с ворону. Он был очень ярок, изумрудно-алый, и чешуйки на его боках вспыхивали искрами на солнце.

— Два вида летающих рептилий? — спросил я Кудинова. — За две минуты, да?

— Этот — такой же, — фыркнул Кудинов. — Только тот был детёныш, а этот уже вырос... Да и вообще, ша! Сказано — Индия.

— Мужики, — подал голос Багров, — а как думаете, эти ягоды есть можно?

— Один раз любые можно! — выдал Калюжный и сам захохотал над немудрящей шуточкой.

Денис обиделся:

— Серёга, я серьёзно!

Ягоды сплошь осыпали колючий кустарник, буйно разросшийся чуть в стороне от нашего пути. Кустарник весь щетинился шипами, длинными, как шпильки, и острыми даже на вид, листьев на нём было меньше, чем шипов — но ягоды, которыми он был усыпан, выглядели прекрасно. Этакая декоративная малина, крупная, как садовая клубника, сочного розового цвета, желтоватые семечки просвечивают сквозь полупрозрачную мякоть...

— Чего-то слишком красивые, — сказал Кудинов. — Ядовитые, наверное.

Я подошёл поближе и, тщательно расположив пальцы между шипами, потянул за ветку. И тут из колючих зарослей, с писком резиновых игрушек и шёлковым хлопаньем крыльев, взлетела целая стайка маленьких птеродактилей. Они были даже мельче воробьёв, зато окрашены пёстро, как попугайчики: их покрытые чешуйками тельца переливались синим, зеленоватым, лимонным, а кожанные перепонки беспёрых крылышек казались перламутровыми.

Они были прелестны, эти существа. Я бы сказал, совмещали в себе обаяние птиц и маленьких ящериц, вроде сцинков.

— Они ягоды ели! — радостно сказал Багров. — Значит, неядовитые!

И прежде, чем кто-то из нас успел среагировать, он сорвал пару ягод и засунул в рот.

— Багров, ты дурак или сроду так?! — заорал Кудинов, но было уже поздно.

— Между прочим, вкусные, — сказал Денис с широкой улыбкой и сорвал ещё пару. — Сочные. И на вкус — как лимонад «Буратино». Не очень приторные. А я пить хочу дико.

— Ладно, — буркнул Кудинов. — Засекаем два часа. Если за это время Динька не сдохнет, нам тоже можно попробовать. Будешь у нас морской свинкой, Багров.

— А чего, привыкать мне, что ли? — хмыкнул Денис, уминая ягоды. — Будто я и так не морская свинка для «Иглы»! До сих пор не сдох — что мне сделается? Подумаешь... зато пить не так охота, сразу отпустило.

Не надо бы это трогать, подумал я, но мой рот тут же наполнился слюной отвратительного вкуса, а рука сама потянулась к ветке. Между колючками, кроме листьев и ягод, торчали белёсые шпеньки — так выглядели веточки, с которых ягоды кто-то сорвал. Не только Денис — видимо, и какие-то другие существа. На некоторых ягодах я заметил повреждения от клювиков маленьких птеродактилей: этим было не под силу проглотить ягоду целиком, и они отщипывали кусочки мякоти.

Вряд ли то, что едят животные, ядовито, отчётливо сказал внутри моей головы голос жажды. А Калюжный, пока я раздумывал, уже успел нагрести целую горсть и отправить её в пасть. Смешно было думать, что он сумеет терпеть два часа, мучаясь жаждой и глядя на эти

ягоды!

Ну и плевать, решил я. Чему быть, того не миновать.

Я положил ягоду в рот. Она была прекрасна на вкус, кисло-сладкая, с нежным привкусом — после определения Дениса и мне было не отделаться от сходства с лимонадом «Буратино». Мне тоже стало легче, а услужливый внутренний голос тут же начал декламировать, что ягодный сок явно менее опасен для здоровья, чем вода из открытого водоёма.

— Вот за что мне три мудака на шею?! — патетически спросил Кудинов. — Я ж заманаюсь три могилы копать, салаги...

Но пафос не возымел действия. Кудинов критически взглянул на нас, пожирающих ягоды горстями, вздохнул — и присоединился.

Ну и правильно, мелькнуло у меня в голове. И я бы так сделал. Остаться тут одному было бы смертельно тоскливо — хоть вешайся на собственном рукаве.

Но мрачные мысли вскоре развеялись. Наевшись ягод, я почувствовал себя намного лучше, хотя бы потому, что жажда перестала терзать уж совсем нестерпимо. И в голове прояснилось.

— Витя, — сказал я Кудинову, разломившему очередную ягоду и исследующему её мякоть и семечки, — теперь-то ты не станешь спорить с очевидным, верно?

— Что считать очевидным, — возразил он уклончиво.

— В этом мире нет птиц, — сказал я. — Их нишу тут занимают летающие рептилии.

— Ну вот откуда ты взял, что их нет?! — сказал Кудинов раздражённо. — Мы пока не видели! И всё!

— Но ведь тебе должно быть очевидно, что на Земле нет мест, где обитают такие существа в таком количестве...

— Слушай, Разумовский, отстань от меня, а?! — рявкнул Кудинов, и тут, совершенно неожиданно для меня, вмешался Калюжный.

— Слышь, Витёк, — сказал он, — а ведь у нас таких и верно нет. Когда-то, блин, может, и были, вместе с мамонтами, но сейчас — нет, стопудово. Марс — не Марс, но нихера не Земля.

Кудинов посмотрел на Сергея — и я услышал, как утяжелилось его дыхание.

— Ну не Земля, — процедил он сквозь зубы. — Доволен, салага? Легче тебе? И твоему бойфренду легче, да? Вам обоим полегчало, прямо-таки, обкончались от облегчения, точно? Счастливы оба?!

Калюжный отшатнулся от ударной волны его тихой ярости. Кудинов стёр с губ ягодный сок тыльной стороной ладони, как кровь.

— Я охреневаю по вам, — продолжал он. — Вам просто необходимо ощущать себя в заднице, да? Ну давайте сядем здесь, вот тут, и будем плакать и рыдать! Мамочка, где же ты, мы не на Земле! А я буду причитать: Господи, ты Боже ж мой, за что на мою бедную голову другая планета и сразу три упёртых мудака?!

Багров тронул его за локоть.

— Вить, ну ведь никто же не ноет... и не жалуется... Просто — чего там, не Земля — значит, не Земля. Чего себя обманывать-то?

И от этих слов Кудинов вдруг резко скинул обороты. Он выдохнул — и улыбнулся растерянно.

— Да почему сразу — обманывать... Просто надежда — штука хорошая... и цель надо

бы себе поставить... А проще, если имеешь в виду город. Ведь хрен-то его знает, есть тут города или нет...

— Прости, Витя, — вырвалось у меня. — Ты — молодец. Только мы и здесь можем попробовать поискать город, правда.

Напряжение ощутимо спало.

— Ну и всё! — заявил Кудинов командным тоном. — Фиг с ним, с городом, пока что. Мы собирались воду искать. Нажрались отравы? Довольны? Идём дальше.

И никто не стал спорить. Мне вдруг страстно захотелось принять его игру, сделать вид, что мы — армейское подразделение на марше, скажем, в Индии, что он — командир, а где-то там, за стеной зелени — Дели или Бомбей. Всё, пока не надо больше ни о чём думать. Ищем воду.

Просто ищем воду. Она нам понадобится.

Когда мы услышали журчание воды, никто, по-моему, и ушам не поверил.

Я тоже. Я подумал, это мне кажется. Но Витя Кудинов авторитетно сказал, что в овраге очень и очень может быть родник — и мы спустились в этот овраг.

Он был широкий — по дну прямо хоть шоссе прокладывай — и его края заросли папоротником и, по-моему, хвощами. Каждая хвощина была собрана из отдельных кусков, как конструктор: палка — мочалка, палка — мочалка. Из мочалок, которые разделяли хвощины на сегменты, что-то текло, как смола или сок, а над потёками кружились букашки, похожие то ли на ос, то ли на пчёл.

А по дну оврага бежал ручей. Он оказался не такой уж и маленький, вполне заметный — и даже вымыл себе русло, в котором остался только чистый бежевый песочек. Вода была прозрачная-прозрачная, мне не показалось, что она грязная, — и такая холодная, что дух захватывало.

Артик сказал, что терять нам после ягод уже особо нечего — и мы напились, а потом умылись, и это было чистым кайфом. В этом лесу стояла духота, как в любом лесу летом — может, дома и была середина осени, но здесь ещё продолжалось лето. Мы вспотели, как лошади — и умыться оказалось очень кстати.

А искупаться было бы ещё лучше. Витя сказал, что надо идти по течению ручья — тогда мы, в конце концов, выйдем к реке, в которую этот ручей впадает. Логично. Серёга сказал, что на берегу реки можно встретить рыбаков или ещё кого — да и вообще дойти до какой-нибудь деревни, а Артик сказал, что вовсе не факт, что тут вообще живут люди, и они слегка поцапались, но не так свирепо, как обычно, а просто для проформы.

Мы пошли вниз по течению ручья, и я думал: вот интересно, есть ли здесь люди? А хищные звери здесь есть? И если есть, не нападут ли они на нас? У нас ведь нет оружия, а с голыми руками не очень-то убьёшь тигра, если тут, к примеру, водятся тигры.

По идее, в джунглях им самое место.

И тут на меня напали.

Этот ужас прыгнул на меня с ветки, свисавшей откуда-то сверху, с дерева, наклонившегося над оврагом на манер ивы. Лучше бы тигр, честное слово! Я отшвырнул его в сторону, а сам отпрыгнул в другую и чуть не заорал, как резаный. Меня всего переворачивало и корёжило от того, что я до него дотронулся — такой он был жёсткий, как пластмасса, в жёстких отвратительных волосках, от которых у меня сразу ладони зачесались.

Артик говорит:

— Денис, я понимаю, противно, но ты успокойся. Всё в порядке. Знаешь, на Земле такие большие редко бывают ядовитыми, да и вообще — опасными для людей. Он, наверное, питается яйцами птеродактилей.

А Серёга:

— Не знаю. Выглядел, как ядовитый, — хотя Серёга, по-моему, его толком и не разглядел.

А Витя, который шёл впереди, спросил:

— Что случилось-то, пацаны?

— Он меня не укусил, — говорю. — Простите, мужики. Просто я их ненавижу, пауков, с детства. Даже маленьких. Не выношу. А этот такой здоровенный — я в жизни таких не

видал, разве только — по ящику. Да ещё неожиданно так... тварь такая!

Артик кивнул.

— Серьёзный паук. С мою ладонь, никак не меньше. И волосатый — кто угодно дёрнется, просто инстинктивно.

С ладонь, ага. Со все две ладони не хочешь? Но спорить я не стал. Я только всё время тёр руку об штаны — никак было не стереть ощущение этой мерзости с кожи.

Мы пошли дальше, но теперь мне было ужасно не по себе. Всё время представлялось, что мы устроимся спать под открытым небом — а где ещё-то? — и громадный паук заползёт на меня. На лицо. Бр-рр! Терпеть не могу!

А Серёга тем временем завёл разговор о еде.

— Мне сильно интересно, что мы тут будем жрать, — говорит. — Одни ягоды? Ноги протянем.

— А что ты предлагаешь? — спросил Артик. — Жареную паучатинку? Так ведь мы не прихватили сковородку. Придётся на прутики нанизывать. Лапки паука гриль, так сказать...

Будь у меня сковородка, я б его ляпнул между глаз. Меня чуть не вывернуло наизнанку. И вообще, чего-то не хотелось есть совсем. Никогда бы не подумал, что могу наесться ягод до отвала — даже животу тяжело. И эти двое выясняли, как можно тут охотиться и получится ли рыбу ловить, если мы речку найдём, потом ещё Витька встрял с разговорами о разведении костра трением, и его оборжали — но мне лично было совсем не интересно. Ну просто совершенно был не голоден — и не казалось, что скоро проголодаюсь.

И устал я что-то. Жарко было.

Минут через сорок мы попали на грибное место — но грибы эти глючные стал бы жрать разве что законченный наркот или самоубийца. В склоне оврага обнаружилась такая нишка, шириной метра в три; грибы покрывали её сплошь, как черепица: шляпки, шляпки... А цветом эти шляпки были, как в мультиках рисуют: голубые и светло-фиолетовые, в бледных пупырышках. Ясное дело — местные мухоморы.

Я сказал про мухоморы — и все со мной согласились. А ещё через полчаса впереди будто посветлело, что ли. Осветилось. И Витя сказал:

— Река, пацаны.

Все обрадовались, но как-то вяло. Не так, как я ожидал. Хотя совсем скоро и вправду стало видно: к реке вышли.

Река была неширокая, как шоссе в две полосы. Вода в ней текла совсем тёмная, как крепкий чай, и по ней плыли какие-то лепестки, веточки, щепки... На поверхности то и дело появлялись круги, и Серёга сказал, что это рыба подплывает глотнуть воздуха. Никто не стал спорить.

Там, наверху, когда мы вышли к ручью, все хотели купаться, а сейчас смотрели на реку безразлично. И я тоже передумал. С одной стороны, было душно, да. Но с другой, как-то мне... зябко было с чего-то. В общем, не хотелось лезть в воду, и вообще особенно дрыгаться не хотелось. И потом, тут, у реки, роились какие-то мошки — я подумал, что мокрых они будут особенно жрать, не отмахнешься.

Но Серёга стряхнул с себя кроссовки и комбез и пошёл-таки окунуться. Сперва сказал, что дно песчаное и вода тёплая, потом — что круто, а мы — придурки, а потом махнул туда с головой.

И Артик сказал:

— Кажется, не надо было этого делать.

А Витя:

— Думаешь, тут пираньи есть?

Артик плечами пожал:

— Для счастья и обогащения опытом пиявок хватит.

Но Серёга вышел из воды только минут через пять, счастливый по самые уши без всяких пиявок. И вдруг у самого берега приостановился и выловил светленькую штучку.

— Не, — говорит, — мужики, гляньте сюда! Кукла же, блин! Тут точно недалеко деревня или что! Ребёнок же потерял!

И протягивает нам. Точно, кукла. Пупсик, скорее. Длиной сантиметров десять. Человечек — ручки, ножки, огуречик. Очень всё условно сделано, но узнаваемо. Круглая головка, тельце жёлудем, ручки-палочки, ножки-палочки...

Артик взял пупсика у Серёги из рук, посмотрел — и говорит:

— Не хотелось бы тебя разочаровывать, но это не кукла. И вообще — не творение человеческих рук. Это, я бы сказал, орех. Вроде арахиса. А куклу он напоминает случайно, как корень мандрагоры.

Серёга фыркнул:

— Вечно у тебя всякая мандра на уме! Где ты видал такие орехи? Вон глазки и ротик, блин!

А Артик:

— Наблюдательность делает тебе честь, но это просто царапины и выступы на скорлупе. Вот смотри: это — веточка, на которой орех рос.

И подцепил ногтем то, что мне показалось чубчиком на кукольной головёнке. А это и правда оказалась веточка. С загогулинкой.

Артик между тем повернул эту фиговинку боком — и стало видно такой шовчик, который бывает на арахисе и на грецких орехах между половинками.

— Я уверен, — говорит, — что мы можем найти ядро ореха, если расколем эту фигурку. Скорлупа прочная...

Я потрогал. Скорлупа, точно, прочная. И на ощупь гладкая, не как у арахиса или у грецкого, а как у фундука. А по цвету — ну телесный цвет, и всё тут! И с одной стороны, вот хоть тресни, глазки и ротик!

Тут Витя говорит:

— Ша, пацаны. Это орех. Но ребёнок с ним играл, стопудово. Ясно же, что выцарапал мордашку. Я же говорил — Индия!

Артик нахмурился, будто хотел возразить, но не стал, Серёга кивнул согласно, а я очень обрадовался, что мы всё-таки оказались не на другой планете, а на Земле. И люди где-то недалеко. Только я никак не мог вспомнить, где живут такие летающие ящерицы. По телику их, вроде бы, не показывали, хотя у нас дома канал «Дискавери», где фильмы про природу и разные места, не очень хорошо ловился.

— Надо, — говорю, — идти вверх по течению, да? Безделушка эта, орех, оттуда ведь приплыла — значит, там люди и живут.

Витя говорит:

— Правильно мыслишь. Я думаю, не так далеко нам придётся и идти. Если какая-нибудь хрень по речке плывёт долго, она обрастает тиной и всякой фигнёй, а наша — чистенькая. Недавно в воду упала.

Серёга опять покивал согласно и стал одеваться, а Артик только вздохнул и

пробормотал что-то себе под нос. Мне послышалось: «Фальшивая логика...»

Витя говорит:

— Ну, салажня, живо, живо! Хорошо бы до темноты туда успеть, шевелите конечностями! — и мы пошли по песчаной полоске вдоль кромки воды.

И я всё время думал, что далеко идти. Хотелось посидеть, и было тяжело и мутно. Но никто не останавливался — и я не останавливался. Мне тоже не хотелось ночевать в лесу.

Ёлки, как я на себя злился!

А Витёк Кудинов ещё мне говорит, мудило, мол! Да это ещё мягко сказано, блин! Угрёбище безмозглое, идиотское — вот это к месту. Надо совсем, блин, соображалку отключить, чтобы так поступить — так бы и дал в рыло сам себе за такой идиотизм.

Ну, допустим, он — козёл. То есть, это особых доказательств и не требует, ёлки... но ведь это, вроде, не значит, что если он орёт: «Пожар!» — то я должен наплевать и гореть, да? Скажешь себе: Серый, остановись на секундочку, подумай, блин — нет! Чего думать — переть же надо!

Нет ума — считай, калека, блин...

Характер у меня дурной, вот что. Вспыльчивый очень потому что. Если меня чего-то раздражает, не могу держать себя в руках, блин. Ну что тут будешь делать... Психологи эти говорили, чума, мол, или холера — чё, точно. Чума в полный рост. Выйдешь из себя, залепишь по мордам кому-нибудь — себе же во вред, блин... потом-то думаешь: ты, Серый, так в тюрюгу загремишь когда-нибудь. Пристукнешь педрилу какого-нибудь нечаянно — и поминай, как звали. Никому потом не докажешь, что он сам довыёживался.

Они же хилые такие все, ёлки!

Хотя я тут вот что скажу... Тут о тюрюге ещё пожалеешь, нахрен! Я же смотрел вокруг и думал: послушай я, что он вопил там — сидел бы сейчас в кабинете у психолога в креслице, рисовал бы птички в табличке, а потом пошёл бы борщ жрать и курицу в сметане, кум королю, сват министру.

Нет, блин, выёжнуться захотелось... Самый основной в группе, чё...

Теперь... вот где мы теперь вообще?

Что Индия — это Витёк гонит. Ясно. В Индии слоны живут, тигры, факиры, блин Бананы растут. А мы тут уже сколько прёмся — ни одного слона, ни одной пальмы тебе с бананами. А эти штуки летающие, которые тут вместо птиц — нихрена они в Индии не водятся, зуб даю. И нихрена это не ящерицы с крыльями! У них же — зубы на клюве, ёлки! Какие у ящериц зубы, нахрен?! А клюв откуда?

Артик этот, фигартик, прав. Он, положим, урод, но черепок у него варит. Мы на другую планету попали. Не Марс, конечно — чё, Марс все знают, нихрена там нет. Я без понятия, на какую. Может, вообще где-нибудь там... в телескоп не видать. ТПорталу-то всё равно — хоть километр, хоть тыщца, хоть миллион, биллион там. Хренак — и уже на месте, ёлки.

А они идут и всё гонят: город, город... Дели, Сингапур... Мухосранск, ну да. Уже. Какой тут город?! Я вокруг гляжу — всё вообще чужое. Ягоды эти... не, ягоды вкусные, ясно, лучше клубники — но ведь не наши тоже. Паучина этот, который на Диньку с дерева махнул... Жаль, Динька его в папоротник запулил, не найдёшь теперь — я бы поглядел поближе. Зверь-паук!

Соседке бы нашей по лестничной клетке такого за шкуру пустить! Небось, тут бы и ласты склеила, сука облезлая... Знать бы, что такие паучары жрут... я б поймал штучку — и пусть бы он жил в банке. Или аквариум бы прикупил ему, песку бы насыпал, корягу бы положил обструганную... Круто. Я бы ему мучных червей покупал... а если Артик прав, и они яйца трескают, так ещё и проще.

Чё Динька пауков боится, маленький, что ли? Шикарные твари. Лапищи... А морда —

десяток глаз, под глазами такие шевелятся... челюсти, что ли... Суперски же.

Только всё это не выгорит. Домой-то завести такого — размечтался... как же мы теперь домой попадём, а? С другой планеты?

Не то чтобы у меня дома золотые горы были — но что ж теперь, мы тут, в лесу, что ли, всю жизнь будем жить? Как дикари какие-нибудь? А жрать чего? А спать где? А бабы? Я ж, как с армейки приду, жениться хотел... А теперь что — тут куковать до старости с этими тремя?! Ну смешно же, блин!

До слёз, ага...

Речка меня чутка утешила. Мне жарко было очень, не так жарко, как душно — а водичка свежая всё-таки. Потом уже пришло в голову: слышь, тут ведь и крокодилы могут быть... Да ладно. Не было там никаких крокодилов. Рыба вот была. Я чё, я сразу вижу: рыба есть здесь.

А рыба есть — не подохнем от голода, блин. В любом случае.

У этих придурков пустые карманы были, ясен пень. А у меня — нет, при мне — ножичек. Хорошая штучка, выкидушка с пружиной, подарочек старого друга, талисман, можно сказать. Надёжный — и наточен, как бритва. Так что — удочку вырезать есть чем, вот крючки только... с другой стороны, придумается, как их ловить — а почистить есть чем. И пока эти мудозвоны обсуждали, как костёр развести трением, я-то знал, как огоньку добыть.

Железкой об камешек, чё. И на мох. Дохрена же вокруг сухого мха. И камешек подходящий найдётся, если поискать. Но это всё — если рыбаков не встретим.

У меня в кармане эта штука лежала... орех. И я его перебирал пальцами и думал: кто-то же проковырял в орехе глазки, нет? Артик как-то, вроде, не согласен — но не могла же мышь прямо ровно так прогрызть? Или червяк? Или — могла? Если у них такие орехи тут есть, в форме куклы, дофига похожие — может, и мыши есть такие, блин... Хрен знает же...

У меня непонятки какие-то были, в общем. С одной стороны, как ни посмотри: какая же это Индия? Какие же тут рыбаки, если другая планета? Марсиане? С другой, я всё орех доставал и смотрел. Ну как такое могло вырасти само собой, а, ёлки?!

А тут у меня ещё щека начала чесаться. Мы когда в овраг этот спускались, я веткой ободрал до крови, но ничего, даже забыл про неё — а после речки что-то зачесалась. Главное дело, ёлки, чесать-то больно, ранка же! А так свербит — просто всё время думаешь о ней.

Дома я бы йодом залил или спиртом. А тут — как? Костёр разжечь и прижечь, нет? Чтобы потом ходить с фуфлом в полморды? Ну ёкарный бабай...

А если заражение?

Задница какая...

А идти то легко, по песку, по кромке воды, то — заросли начинаются, берег поднимается, приходится проламываться через все эти ветки. Кой-где — колючие. Иногда какими-то тросами зелёными всё запутано, блин, не продраться. Приходится обходить. Не так утомительно, как раздражает. А над водой летают эти штуки зубастые, которые вместо птиц. Орут, пищат. Ни одной нормальной птицы тут не видали, только эти. Километров пять прошли против течения — и одни ящерицы с крыльями. И мне в деревню уже слабо верится. И раньше-то...

Да ещё и пожрать бы не мешало, а Витёк был против, чтобы сейчас тут рассупониваться, рыбу ловить и всё такое. Он всё думал, что можно до вечера попасть в рыбацкую деревню к индейцам. А Динька с Артиком заявили, что им есть неохота —

малоежки, подумаешь. А мне хотелось. У меня так крутило в желудке от этих ягод и тянуло... в общем, хорошо бы добыть что-нить существенное, блин. Чтобы брюхо успокоилось.

А тут Динька говорит:

— Смотрите, мужики, щётка в песок закопана.

Артик ногой потыкал — а щётка зашевелилась, ёлки! Гляжу — блин!

Мохнатый рак.

Жестяк.

Я его схватил за спину — громадный, в длину — сантиметров тридцать есть, клешнястый, щёлкает, усы, и весь, главное дело, шерстью покрыт! Сверху на панцире — мех, блин! Торчит вверх, как щётка, действительно. Прямо весь в шерсти, жёсткой такой, как на малярных кисточках. Но брюхо — почти как у нормального рака, лапки там...

Я говорю:

— Мужики, живём. Тут можно раков наловить, как нефиг делать! — и показываю.

И вдруг Динька бледнеет, сгибается и начинает блевать. Ягодами. Ох, ты ж, думаю...

Это, я думаю, уже не от ТПортала. Это — от ягод, сука... И мужики на него смотрят с таким пониманием, что мне делается совсем фигово.

Артик говорит:

— Денис, очень плохо? — а сам тоже сбледнул с лица.

А Динька — в слезах и соплях, в поту — глядит и говорит:

— Устал очень. Я посижу?

И Витёк вздохнул и грит:

— Ну всё. Пришли. Привал, салаги.

Смотрю, не до рака им, блин. И мне чего-то тоже не до рака. В желудке крутит, я ж тоже эти ягоды ел, ёлки! Ещё побольше съел, чем Динька... Ну, думаю, трындец мне.

А Динька на валун сел — и вид у него стал такой... полумёртвый. Жесть. Артик его голову потрогал и говорит:

— Жар у него. Не знаю, в чём дело: расстройство желудка, инфекция, отравление — но это, похоже, серьёзно. Что будем делать?

— Что, — говорю. — Костёр разводить. Витёк пусть уже начинает тереть что-нить, а я попробую своим методом. А ты держи рака.

Артик на меня смотрит, как в ступоре:

— Что?

— Рака, — говорю, — держи, козлище. Чтоб не уполз. Он пригодится.

Лыбится, как параша, блин. Но взял.

А Витёк говорит, хмуро:

— Чё мне тереть? Холку тебе натереть, чтоб ты не гнал? Сам и три, раз такой крутой.

— Тереть, — говорю, — не в моих привычках. Это ты хотел чё-то трением добывать, ёлки. Вот и валяй. Если умеешь, надо же попробовать, у меня может и не получиться.

Ну что. Посмотрел он на эти палки, на всю эту фигню, которая из песка торчала там и тут — и говорит:

— Вообще-то я, как бы, не тёр никогда.

— Начать, — говорю, — никогда не поздно.

Нефиг выпендриваться, думаю, командир хренов.

А Артик, блин, с раком в обнимку, как полное мудло, смотрит на это дело скептически.

А рак шевелится и клешнями щёлкает. И Динька, как ему рак попадёт в поле зрения — так снова зеленеет; видно, что еле удерживается.

Витёк грит:

— Артик, убери уже этого дурацкого рака куда-нибудь, а то Диньке худо от него, — а я:

— Ты чё! Раки — они полезные. Погодите, сейчас мы костёр разведём, — сам, тем временем, смотрю вокруг и под ноги, камешек присматриваю. А камешков не то, чтобы много, блин. Песок. Но есть.

Артик говорит:

— Если вы разведёте костёр, будет великолепно. Мы вскипятим воду.

— Угу, — говорю. — В пригоршне, блин.

Опять лыбится. Вот раздражает меня, ёлки, до невозможности! Всё, вроде, понимаю — но бесит, хоть ты что! Пидорская манера, нестерпимая совершенно. Удавил бы.

— Мы могли бы вскипятить воды в ямке, — говорит. — Раскалёнными камнями. Не слишком гигиенично звучит, но это, мне кажется, лучше, чем пить воду прямо из реки.

И не поспоришь, сука... всё логично.

Вот умный мужик вроде... не был бы таким мудаком — цены бы не было...

И я стал пробовать камешки.

Рак меня всё-таки ущипнул. Я не уберёгся.

Забавно... я где-то, вроде бы, читал о шерстистых раках — но совершенно уверен: это существо не напоминало фотографию к той статье. Строго говоря, я даже не уверен, что оно было раком.

Его и вправду покрывала короткая жёсткая щетина, торчащая вверх и придававшая животному сходство с самоходной платяной щёткой. Без щетины, лишь хитином, гладким и плотным, как пластмасса, обходились только клешни, скорее, скорпионьи, чем рачьи, и хвостовой плавник в три широких лопасти. У наших раков глаза на стебельках, у этого — фасеточные, как у мухи или стрекозы. В животе и лапках мне тоже мерещилась какая-то неправильность.

В общем, мне казалось, хоть я и не делился этими мыслями с ребятами, что это существо — не рак и не ракообразное, а личинка какого-то очень крупного насекомого. Вроде ручейника или личинки стрекозы, только переросток.

Есть это создание мне совершенно не хотелось. Я обвязал его парой тонких лиан, гибких, как бечёвки — в процессе он ущипнул меня за руку — и повесил к ветке кустарника, растущего у воды. Пусть Калюжный сам убедится в пищевой ценности этого существа, если ему так важна его первая охотничья добыча.

Впрочем, мне вообще не хотелось есть. Меня мутило. Я подозреваю, что в разной степени всем нам было нехорошо. Просто либо у Дениса оказался самый слабый желудок, либо ему попалось что-то особенно вредное, что было в воде или в ягодах.

Из стерильности «Иглы» мы все попали в мир нестерильный и чужой; теперь я размышлял, сколько мы тут протянем, без антибиотиков и медицинской помощи.

Денису, по-моему, становилось хуже. Ему хотелось прилечь — и я помог ему добраться до травы в тени кустарника, но в тени его начало знобить. Его даже укрыть было нечем. От бессилия мне хотелось кусать локти: мне нужен был мобильник, чтобы вызвать сюда помощь, вертолёт, вероятно. Отвратительное состояние — ярость, жалость и тоска.

А Денис спросил:

— Думаешь, я умру, Артик?

Я понятия не имел.

— Не говори ерунды, — сказал я. — У тебя расстройство желудка от непривычной пищи. Если бы ягоды были ядовиты — мы все уже были бы мертвы, а Калюжный с Кудиновым бодро добывают огонь, видишь? Просто эти ягоды не пришлись по вкусу конкретно твоему организму. Адаптируешься.

Денис успокоился и улыбнулся, и мне стало немного полегче.

А наши товарищи затеяли на берегу игру в Прометей.

Виктор подобрал две щепки, белёные от времени, вымытые водой до гладкости и высохшие до состояния древесных мумий, и тёр их друг о друга с ожесточением, вспоминая бога-душу-мать. Я отлично понимал, что так огонь не добудешь, но решительно ничего не мог ему посоветовать — понятия не имел, как, в действительности, это делалось у примитивных культур.

Калюжный насобирал кучу мха и сухой травы, целую горку камней — и колотил по камням ножом: сперва — стальной шишечкой на рукояти, потом — обухом лезвия, матерясь

ещё более ожесточённо, чем Кудинов, раздражаясь, меня и роняя камни, царапая себе пальцы. В какой-то момент он вдруг вскочил, сложил и сунул нож в карман и с треском удалился в кусты, продолжая материться и оттуда.

Ага, подумал я. Второй.

Вернулся Калюжный довольно скоро, и его вид мне не нравился. Он вспотел, глаза блестели, а щека вокруг царапины, как мне показалось, покраснела и опухла.

— Сергей, — сказал я, — желудок болит?

Он зыркнул на меня раздражённо, но ответил довольно лояльно:

— Да так себе... не очень.

Я окликнул Кудинова:

— Виктор, как ты себя чувствуешь?

— Мутит, — буркнул он, отшвыривая деревяшки. — Нагрелись, с-собаки бешеные...

Прямо рукам горячо. А даже не дымятся, ёпт...

А Калюжный бормотал:

— Щас-щас... щас... сука драная... щас... — и от лязга железки об камни у меня уже в ушах звенело, но Денис ухитрился даже задремать под эти звуки.

А свет становился вечерним: мягким, розоватым, тёплым. Жара постепенно спадала, и я подумал, что ночью может быть по-настоящему холодно. Облака окрасились в цвета чайной розы, вокруг было тихо и красиво, как летом на даче. Крохотные птеродактили реяли над водой, охотясь на толкующую у самой её поверхности мошкору и длинноногих жучков, скользящих по речной глади, как водомерки. Другой берег реки я уже успел основательно изучить: он был выше и круче, чем наш, спуск обвивали корни, мощные и выпуклые, бурокоричневые на фоне жёлтого песка. На том берегу росли высокие мелколистные деревья с пепельно-серыми стволами, будто свитыми из толстенных канатов; под ними располагался кустарник в светлых звёздочках с ярко-красными серединками — то ли цветах, то ли похожих на цветы плодиках.

Мне казалось, что под кустарником идёт какая-то тихая жизнь, маленькая возня, но я никак не мог определить, что за существа там возятся: то ли крохотные зверьки, вроде мышей, то ли очень крупные насекомые. Памятуя о пауке, прыгнувшем на Дениса, и жуке, похожем на палочника, я думал, что и прочие членистоногие тут могут быть изрядных размеров.

За это время Кудинов успел отлучиться трижды, а Калюжный — раз пять. Меня по-прежнему мучило — но и только; вероятно, я съел меньше ягод, чем они, или выпил меньше воды. А может, по каким-то загадочным причинам мой желудок легче всё это принял.

Когда Калюжный ушёл по нужде очередной раз, я развязал рака. Оказавшись на песке, он шустро пошёл к воде и нырнул, а я почувствовал некоторое облегчение. Почему-то мне категорически не хотелось, чтобы это существо попытались приготовить — и, кажется, это тоже было симптомом воздействия ТПортала, только нетипичным.

Виктор, довольно равнодушно проводив рака взглядом, сказал, что пройдётся вдоль реки до её поворота — примерно в километре от нас — и посмотрит, не видно ли за ним рыбацкой деревни. Калюжный взглянул на него, набычась, шмыгнув носом — и снова принялся лупить ножом по камням, отрываясь от своего занятия только для того, чтобы почесать щёку. Его терпение, переходящее в упрямство, начало вызывать у меня уважение.

Я остался сидеть около Дениса, который скрутился в позу эмбриона, поджал ноги, обхватил себя руками и спал, вздрагивая во сне. Странное насекомое — толстая мохнатая

туша на широких бархатистых крылышках, размером с полпальца, не меньше — с отвратительным гудением спикировало на него, и я отшвырнул тварь рукой. Мне не хотелось, чтобы Дениса, вдобавок к отравлению, укусило что-нибудь ядовитое.

Отвлекли меня от наблюдений и разбудили Дениса победные вопли Калюжного — так, вероятно, вопил Тарзан. Денис подскочил, протирая глаза, — и я оглянулся. Из кучи травы у ног Калюжного поднимался тоненький дымок.

— Ты поэт, да?! — орал Калюжный в упоении. — Я сказал, что зажгу, блин! Тащите дрова, ёлки!

— Сергей, — сказал я прочувствованно, — это замечательно, ты гений! — и сгрёб несколько пересохших палок в поле зрения. — Держи.

Калюжный взглянул на меня с неопишуемым выражением триумфа. Я принялся собирать хворост. Кудинов, который успел отойти довольно далеко, прибежал на вопли, далеко разнёсшиеся по воде, — и тут же присоединился ко мне. За пять минут мы успели нагрести целую кучу щепок, палок, сухих корней и ещё какого-то деревянного лома, принесённого на наш песчаный бережок водой.

Я не сомневался, что искру Калюжный выбил случайно. Но чтобы сказать ему об этом, нужно совсем не иметь сердца — он был совершенно искренне счастлив. Не без повода: через несколько минут у нас на берегу горел небольшой, но уверенный костерок, а Сергей принимал поздравления, сияя, как солнце.

И автоматически почёсывая щёку. Мне это не нравилось.

С другой стороны, Денис, которому удалось подремать около часа, сел рядом с нами у огня. Кажется, ему стало полегче; меня это успокоило — по-моему, плохое самочувствие при отравлении должно прогрессировать.

Мы выкопали около костра глубокую ямку, обложили её стенки камнями и уже собирались налить туда воды, как мне вдруг пришла ещё одна мысль.

— Может, её очистить? — сказал я. — Сделать фильтр?

На меня обернулись.

— Насыпать песку в рукав, — пояснил я. — И процедить воду через песок и два слоя ткани. На сколько-нибудь она ведь станет чище?

Даже Калюжный вытянул большой палец, а Виктор хлопнул меня по спине:

— Соображаешь, салага.

Это были приятные хозяйственные хлопоты, за которыми забывалась вся безнадежность нашего положения. Я процеживал через собственный рукав воду, которую Сергей и Виктор таскали в пригоршнях, Денис следил за костром, подкладывая веток. По-моему, затея с фильтром удалась: вода в нашей ямке казалась прозрачнее, чем в реке, даже на глаз, а на рукаве остался довольно толстый слой зеленовато-бурого налёта.

А меня осенило снова. Я был в ударе. Мне показалось, что это — новое проявление *déjà vu*, тем более, что вереница микропредсказаний как-то прервалась, поутихла.

— Ребята, — сказал я, — надо вытащить из костра несколько углей, которые уже полностью прогорели, и съесть их.

— Артик! — восхищённо завопил Виктор, который, кажется, моментально уловил мою мысль. — Ну ты даёшь! Ты — прямо в корень зришь, ёпт! Активированный уголь? От живота помогает?

Я не стал вдаваться в подробности. От живота — так от живота. Активированный — так активированный. Лишь бы сработало.

Оказалось, что кипятить воду камешками — дело техники. Надо только выбрать пару удобных щепок, чтобы поднимать камешек, как суши — китайскими палочками. Вот как мы будем пить кипячёную воду — это ушло из виду. Кудинов предложил сворачивать фунтиком широкие глянцевые листья какого-то местного растения. Я помял такой лист в руках, понюхал — вроде бы сок не раздражал кожу, а запах был обычным запахом свежей зелени. Похоже, эти листья не были ядовиты; я согласился с Виктором.

В фунтик из листа помещалась примерно столовая ложка воды — и пришлось ждать, когда кипяток остынет. Но это не имело ни малейшего значения — все как-то успокоились, умиротворились. Мы грызли кусочки угля, вымазали физиономии а-ля спецназовцы на задании, пили кипячёную воду, в которой, не сомневаюсь, был песок, но, скорее всего, не было совсем уж убийственной живности... Калюжный вспомнил о раке.

— Я его выпустил, — сказал я. — Не злись. Сегодня нам лучше ничего не есть, если не хотим изойти на дерьмо, а до завтра он в плену не доживёт. И по-моему, он не больше рак, чем тот паук. Вовсе не факт, что это — приемлемая пища, даже если мы его сварим.

Калюжный сморщился, но особенно возмущаться не стал: меня поддержал Денис:

— Какой это рак, Серёжа! У него фары, как у навозной мухи... а брюхо — вроде, гнойное какое-то...

— Ша! — подытожил Виктор. — Нахрен. Завтра попробуем рыбы наловить. А сегодня лечим понос, засранцы, — и начал грызть кусочек угля с видом отца-командира, подающего пример подчинённым.

Калюжный угомонился и стал развивать мысль, как можно сварить уху в нашей ямке для кипячения. Мне это показалось слишком самонадеянным, но я не стал его разубеждать. Сергей чувствовал себя укротителем огня; если бы не щека, видимо, ему было бы совершенно прекрасно.

А щека распухала.

— Дай взглянуть, Сергей, — сказал я, в конце концов. — Пока светло.

— Обойдусь, — отрезал Калюжный. — Отвали.

Я не стал настаивать.

Виктор и Сергей отправились бродить вокруг костра в поисках более длинных и прочных палок, чем те, что валялись на отмели — за неимением лучших средств защиты они решили сделать копья. Добыть подходящий материал оказалось совсем непросто: длинных, прямых и прочных палок нам не попадалось, больше — причудливо изогнутые коряги, лианы разной толщины, гибкие, как шланги или хлысты, упругие прутья... Ребята попытались спилить ножом высокое тонкое деревце, но древесина оказалась неожиданно прочной, а из разреза полился чудовищно липкий сок, от которого мы еле отёрли пальцы.

В конце концов, Калюжный подобрал корень с довольно длинным куском ствола, обрезал торчащие отростки — и вышла дикая палица, вполне годная для какого-нибудь неандертальца. Виктор долго над ним издевался, но в насмешках мне послышалась тень зависти: он сам не нашёл ничего более подходящего, чем довольно короткая белёсая щепка. Виктор заострил её и обжёг, но этот импровизированный кинжал его явно не устраивал.

Мы с Денисом собирали хворост, перебирали деревяшки — и набрали целый ворох горячего, бесполезного во всех прочих отношениях. Я разыскал несколько длинных палок, но они оказались безобразно хрупкими... Из нас не вышло носителей копий.

А день потихоньку сворачивался в сумерки. Вокруг нас завилась стайка насекомых

покрупнее, чем дневные мошки — подозрительно похожих на местный аналог комаров или москитов. Разницу мы выяснили очень быстро. Во-первых, кусались они больнее, и на месте укуса сразу вспухал волдырь, как от укуса слепня. Во-вторых, мы рассмотрели пару пришлѣпнутых: что-то комариное в них было, тоненькие ножки, тоненькие крылышки — но ножек, как мне показалось, перебор.

Восьминогие москиты местных джунглей. Гнус отвратительный. Зараза...

Мы подбросили в костерок свежей травы, чтобы дымил. Летучие вампиры отдалились на некоторое расстояние, выжидая, когда кому-нибудь из нас приспичит по нужде. Дожидались...

Я по-прежнему чувствовал себя лучше всех. Ближе к ночи снова прорезались микропророчества: я знал, что у этого мира два спутника, раньше, чем они появились на небе: тонкий длинный серпик побольше и, чуть ниже, почти полный диск значительно меньше. Громадная белая звезда мерцала под ними, над гаснущей полосой зари.

И к ночи нам стало по-настоящему жутко.

Ни у кого не осталось ни малейших сомнений: мир, в котором мы находимся — не Земля. Чужая темнота, наваливающаяся на реку и лес, казалась зловещей. Молчание ночи, наполненное непонятными шорохами, продирало спину морозом. Весь наш дневной кураж испарился; мы прижались к костру так близко, как могли: огонь был свой, может — единственный свой в совершенно чужой нам среде. Вне своего мира, других людей, цивилизации, без оружия — мы чувствовали себя беспомощными, как маленькие дети.

Я был прав, думая, что ночью станет холодно. Заря догорела — и на траву и песок пала ледяная роса, сделалось очень зябко. Мы подбросили в огонь сучьев, тихо порадовавшись, что топлива должно хватить на ночь с изрядным запасом — оружейная лихорадка принесла хоть какие-то полезные плоды.

Пролетел светлячок, крохотный, очень похожий на брошенный с балкона хабарик. Сперва это показалось забавным, но когда светлячки замелькали между стволами на другом берегу, они стали до отвращения напоминать чьи-то перемещающиеся горящие глаза.

— Мужики, — сказал Денис жалобно, — как вы думаете, хищников тут нет?

— К костру не пойдут, — отрезал Виктор непререкаемым тоном, по которому я безошибочно определил, что ему тоже страшно.

Сергей вытащил нож и стал стругать им палочку. Я подумал, что он комфортнее себя чувствует с ножом в руках, и даже заточенная палочка создаёт некую ауру защищённости. Дубина, лежащая рядом с ним, выглядела скорее орудием психотерапии, чем настоящим оружием.

Мне же мучительно не хватало стен. У меня начался приступ агорафобии, доходящий до панической атаки. Меня бы устроила даже палатка — лишь бы не видеть этого бездонного чужого неба с двумя лунами, большой — бледной, белёсой, и маленькой — мутно-красной. Я ощущал спиной всё громадное пространство, заросшее чужим лесом, и спину жгло, как от сотен недобрых взглядов.

Луны пугали меня больше, чем любой хищник. Похоже, Виктора тоже. Он смотрел на небо, и кожа на его скуле дѣргалась от мелкого тика.

— Ребята, — сказал я, — наверное, хорошо бы поспать... кто-нибудь подежурил бы... могу начать я.

— Мне не хочется нихрена, — тут же отозвался Сергей. — Живот крутит опять, хрен заснёшь, ёлки...

Денис ёрзнул, вздохнул.

— Надо бы это... щас приду, в общем.

Он уже начал подниматься, как вдруг долгий стон, мучительный и совершенно нечеловеческий, возник где-то за деревьями на том берегу, проплыл над рекой и затих.

И все замерли.

Денис снова сел между мной и Сергеем.

— Тьфу, ёпт, — пробормотал Виктор. — Птица, наверное. В смысле, эта... летающая Сука...

Мне снова срочно понадобились стены. Я подбросил в огонь толстую кривую корягу, но дрожащие отсветы пламени делали мрак ещё более непроницаемым. Смесь паники с тоской была нестерпима, как сильная боль.

Но тут снова накатило микроясновидение. Когда Калюжный приподнялся, вытянулся и сказал: «Мужики, огонёк!» — я уже знал, что он это скажет.

Честно говоря, хреновато мне было.

От слова «совсем».

И рвать не рвёт, но мутит. Когда подкатит — остановишься на минутку, подышишь — вроде, отпускает. Ну и стараешься держать себя в форме — не годится салагам думать, что я тут расклеился, как Багров. С чего худо, не понимаю. Вроде ягод этих гадских съел самую малость.

А живот болел — сил нет. И крутило, и резало — как ножом... То отпустит, то снова. Спасибо, Разумовский эту штуку с углем придумал: вроде слегка полегчало. Но когда начало темнеть, холодно стало — прямо уши к башке примерзают, шерсть на всём организме встаёт дыбом.

И противно, когда к шкуре что-то прикасается, даже одежда. Ползут такие колючие мурашки. И ломит везде, будто накануне вагон кирпича на горбу перетаскал.

А тут ещё наступает ночь, долбись она конём — и мы все наблюдаем две луны. И Калюжный, расперемать его, сучёнок, делает бровки домиком, спрашивает:

— А чё, Витёк, в Индии всегда две луны, да?

И Разумовский с улыбочкой говорит:

— Сейчас Витя скажет, чтобы мы не совались с комментариями, потому что не астрономы, — и Багров, кулацкий подпевала, хихикает.

Засранцы... и без них тошно.

— Ша, — говорю, — салаги. Решили уже: не Индия. Где там у нас две луны-то? На Марсе, опять же?

Разумовский говорит:

— Решили уже, Витя: не Марс. Я уверен, мы вообще вне пределов Солнечной системы. Может, и Галактика не наша... кто знает, как прошёл этот пространственный прокол?

— Ах, ты ж, Господи, — говорю. — Послушать тебя, Артик, так ты прямо Эйнштейн! Что, теорию относительности выдумал?

А Разумовский продолжает:

— Есть у меня одна гипотеза... — ну тут уже все начали ржать, никто ему говорить не дал. Гипотеза у него... Выискался тут, физик-атомщик! Вот учёные-то из «Иглы» забыли с ним посоветоваться — он бы им объяснил, что почём, ясновидящий наш...

С одной стороны, неглупый парень. Но с другой, как заведёт иногда — и не заткнуть его. Нет, я скажу, излишняя начитанность людей портит. Воображение у них такое появляется, что все кругом — быдло, а они сами — гибрид Ломоносова с Менделеевым, только без таблицы.

В армии это — не дело. Дисциплина хромает.

Я так, немного, об этом намекнул, все, вроде, согласились, даже Разумовский, а кругом тем временем совсем стемнело — и разговаривать вовсе расхотелось.

Комары здешние жрут, как зараза. Как иголки втыкают, злые, хуже цепных псов. А Разумовский у них ещё ножки считал... Да не плевать ли, сколько там у них ножек, когда у них хобот длиной с булавку! Хорошо ещё, что дыма боятся, как и наши.

И холодрыга. Прямо колотит, сижу — и зубы держу, чтобы не лязгали. И живот крутит. На тот берег, в темнотищу эту смотреть тошно, а вверх посмотришь — в животе ещё хуже,

прямо выворачивает от здешнего неба, от лун этих, хотя днём было вполне ничего. И в лесу — конкретно жутко.

Я вот что скажу: прямо жалко, что среди моей группы ни одного деревенского нет. Сланцы-то мои, может, и не особо город, но всё ж таки не деревня. Дома потому что блочные, водопровод, газ, туда-сюда... свою привычку даёт. Так что я, получается, горожанин. И салаги мои — горожане. В лесу бывали только за грибами, на рыбалку и на шашлыки ездили. И если попадают в лес вот так вот, без ничего — всё кажется страшно.

Непонятно потому что. Вот шуршит кто-то за кустами — какая там падла шуршит? Может, мышь, а может, волк — почём я знаю-то? Или завыло-заскулило что-то, так жалобно прямо, будто душат его — что это за хрень? Может, птица эта тутошняя, ящеричная, а может, зверюга кому-то горло грызёт. И спросить не у кого — группа моя сидит, как зайчики, в кучке, жмётся к костру, сами не в курсе. Разумовский ладони греет, Калюжный ветку стругает, Багрову по нужде отойти — и то неудобно. Солдаты... орлы...

Сидим — беседуем, как нам спать не хочется. Каждый лицо сохраняет, усатся и не жить!

И тут издалёка, оттуда, где река поворачивает, кто-то так: «Цвир-ррь!» — звонко так, тоненько, как канарейка. Калюжный оторвался от ветки, посмотрел, потом привстал, ещё посмотрел — и говорит:

— Мужики, огонёк, бля буду...

Все повскакали, устали. По реке туман плывёт клочьями, темень, костёр больше дымит, светлячки мельтешат, луны тусклые — а там, вдалеке, на излучине, и вправду светится что-то. Свет белый, ровный — круглая точка, прямо похоже, что фонарь там висит. Но вроде как невысоко над землёй.

Багров говорит:

— Не светлячок. На одном месте всё время, — будто ему кто-то сказал, что светлячок.

А Разумовский:

— Яркий свет. Электрический?

— Чёрт его знает, — говорю. — Непонятно. И я ближе к повороту подходил, чем вы, но, вроде, ничего такого не видал. По-моему, нечему там светиться.

Калюжный шмыгнул носом, говорит:

— Может, правда, рыбаки? А?

— С сильным фонарём? — говорю. — Они б ещё прожектор туда припёрли, мудачьё, чтобы рыбе было повиднее!

Ухмыляется, дерево:

— А хрен их разберёт, индейцев!

Разумовский говорит:

— Если Витя ничего такого не видел, значит, фонарь принесли. Я не думаю, что это — естественный свет. Мне кажется, в природе так светиться нечему.

Я подумал.

— Ладно, — говорю, — ша. Надо пойти и посмотреть.

И все на меня устали, морды вытянутые, замученные и перепуганные, но обнадёженные какие-то. У меня в голове мелькнуло: круто их свернуло за один день...

Калюжный башкой поматал:

— Куда ночью? Хрен знает, что там светится и зачем зажгли. Может, таких долбоклюев, как мы, приманивать. Ты знаешь, что там за перцы, с фонарём, ёлки?

— А что, — говорю, — ночью перцы, значит, могут нас макнуть, а днём — с пирогами встретят, по-твоему? Ты ж моя радость, Калюжный, скажи ещё что-нибудь умное!

Багров говорит:

— Не-не, сейчас не надо туда идти! Серёжа прав, на фиг!

А у Разумовского вдруг появилась какая-то сумасшедшинка в глазах.

— Нет, ты прав, — говорит, — ты прав, Витя. Днём мы, быть может, и не найдём это место. Ты же не видел ничего, похожего на источник света, когда туда ходил... Надо посмотреть сейчас. Предлагаю так: Денис и Сергей останутся у костра, будут поддерживать огонь, чтобы нам было хорошо видно, куда возвращаться — а мы с тобой пойдём вперёд и поглядим. Как ты на это смотришь?

— Я, — говорю, — на это смотрю строго положительно. Динька со своим животом идти не сможет, пусть сидит, а Серёга остаётся за старшего и охрану: он боксёр, у него нож... и дубина. А мы сходим.

Артик вдруг улыбнулся, будто я ему штуку баксов предложил за так, а остальные двое переглянулись. И Багров сказал:

— Не хочу, чтобы вы уходили!

— Ша, — говорю. — Приказы не обсуждаются, ясно, нет?

Калюжный скорчил рожу — и я ему сказал, пока он не начал выступать:

— Чего, хочешь поспорить? Ну, давай, ты будешь принимать решения! Давай! Не вопрос! А я погляжу. Только ты учти, мудачина: ты одно решение уже принял самостоятельно: мы все сюда случайно попали, только ты — по доброй воле, ёпт! А тебя предупреждали. Так что все уже поняли: ты не то, что выход, ты дырку в собственной жопе без указателя не найдёшь.

У Калюжного ноздри раздулись, и тут Разумовский сказал:

— Сергей зажёт огонь.

— Ага, — говорю. — Прометей, итить... Зажёт — пусть поддерживает. Я же не говорю, что от него пользы нет или смысла в нём — но выдрючиваться он дома у мамы мог. Тут нельзя: тут положение чрезвычайное. Если мы сейчас начнём причиндалами меряться — разбежимся или раздерёмся к псам свинячьим, и сказочке нашей конец. Я всех слушаю. Но кто-то должен командовать, чтобы итог был всей вашей трепотне, ясно?

Артик говорит:

— Согласен, — и Багров кивает.

Калюжный говорит хмуро:

— Ты чего на меня-то гонишь?

— Да ладно, — говорю. — Чтоб никаких неясностей меж нами не было, Серёга. Не хочу, чтоб, если что случится, ты вдруг возник или с Разумовским разосрался, вот и всё. Мы тут с вами все в одной лодке — может, больше людей тут и вовсе нет... ещё неизвестно, какая срань тут живёт. Нам надо держаться друг друга, а всё моё командирство тут в чём? Я просто слушаю, что вы скажете, каждый — и прикидываю, что к чему. И всё.

Артик говорит:

— Мне кажется, это очень здраво.

А Калюжный:

— Я чё, спорил, что ли, ёлки...

— Ништяк, — говорю. — Всё, договорились. Ещё раз: мы с Артиком идём смотреть, что там за свет, а вы с Динькой поддерживаете огонь. Решили.

Багров говорит:

— Просто я боюсь за вас...

А Артик ему:

— Не стоит. Нам, скорее всего, грозит не больше и не меньше, чем вам с Сергеем. Надо рискнуть; вдруг мы и впрямь найдём людей.

И Калюжный, вроде бы, уже не таким зверем на него смотрел. Может, дошло что-нибудь до идиота? Больше никто спорить не стал.

А Разумовский потихоньку начинал мне казаться толковым парнем. Не без своих тараканов в черепашке, но толковым. Я вдруг сообразил, что доверяю ему побольше, чем прочим, хоть и закидывался он ужасно.

Он был, как будто, не совсем... моей породы, что ли... но в товарищи я бы выбрал его.

Поэтому хорошо вышло, что мы к свету пошли именно с ним.

Забавно, но все решили, что я ужасно смел. В действительности я жестоко трусил и даже не пытался это скрыть.

У костра было безопаснее. Очевидно: по идее, любые дикие животные, на Земле или нет, должны бояться огня. Мне хотелось факел, но горящий сук факелу не замена — уже через пятьдесят шагов он скорее коптил, чем горел, и, в конце концов, погас совсем. А больше ничего у нас не было.

Но сидеть мне казалось нестерпимее, чем идти. В передвижении была какая-то иллюзия действия, тень влияния на собственную участь. И — да, да, я подышал от любопытства, которое было сильнее страха.

Этот круглый светильник на другом берегу отмечал поворот реки. Вот что я думал. И, возможно, там и вправду кто-то был, кто-то живой. Люди? Разумные нелюди? Моё любопытство рисовало невероятные образы, а приступы ясновидения снова, некстати, поутихли — я ничем не мог себя проверить.

И мне отчаянно не хотелось, чтобы первым из нас, кто увидит чужаков, был Калюжный. Я не мог отделаться от мысли, что он может выкинуть нечто, убийственное и для контакта, и для нас. Денис, которого я уже давно считал своим приятелем, напротив, рисковал от волнения попасть в беду сам — в нём в его восемнадцать осталось слишком много детского.

Виктор был надёжнее, чем они оба. В нём я чувствовал какую-то простую честную сметку и природный разум. Когда мы отходили от костра, я думал: Виктор заметит то, что я пропущу.

Мы пошли по песчаной кромке вдоль воды. Восьминогие москиты, обрадовавшись, накинудись на нас с некомариной силой — и я отломил ветку, чтобы от них отмахиваться. Лес, чёрный, дышащий сырым холодом, исчерканный зеленоватыми трассами светлячков, затаясь, следил за нами — и я по-прежнему чувствовал спиной пристальные взгляды бесплотных и безглазых существ. В лесной тишине жили шорохи, делавшие её зловещей.

В реке что-то плеснуло, будто по воде неумело шлёпнули веслом. Звук заставил меня вздрогнуть.

— Типа как бобёр, — пробормотал Виктор. — Да?

— Похоже, — отозвался я, чувствуя облегчение.

На нашем пути появилась какая-то спутанная тёмная масса. Виктор выругался.

— Кусты? — спросил я.

— Это не кусты, а моток колючей проволоки, ёпт! — огрызнулся Виктор. — Осторожно, я уже оцарапался весь...

Чтобы обойти заросли колючек, пришлось войти в воду почти по пояс. Вода показалась мне очень холодной, и под её тёмной поверхностью что-то легонько прикоснулось к моей ноге, вызвав волну колючего озноба вдоль спины. Ощущение вышло таким гадким, что я не поинтересовался, живое было существо или затонувшая коряга, только постарался скорее выбраться на берег.

Костёр отдалялся, а фонарь, кажется, почти не приближался. Из прибрежных зарослей с шелестом взлетело что-то — то ли птеродактиль, ведущий ночной образ жизни, то ли некий аналог летучей мыши. В чаще снова кто-то простонал, сорвавшись на всхлип.

— Как будто убивают кого-то, — вырвалось у меня.

— Птица, — бросил Виктор небрежно. — Ты воображай поменьше, а то навоображаешь фигни всякой...

Счастливец, подумал я. Воображение — гнусная вещь, если оно есть — его не угомонишь упрёками.

Мне мерещились целые стаи тяжелоописуемых чудовищ, восьминогие москиты успели укусить меня раз пятьдесят и выпить, подозреваю, полведра крови, у меня было отвратительное расположение духа — но мы постепенно продвигались вперёд. В конце концов, мы оба смогли рассмотреть фонарь на том берегу.

Это была матовая сфера на низком столбике, вкопанном в землю посреди неширокой площадки. Круг света обозначал какие-то мелкие растеньица, вроде мха, успевшие покрыть площадку ровным газончиком, ветки кустов, толкующуюся на свет мошкару и кусок водной глади. Здесь река делала поворот и разливалась шире — мы с Виктором видели только чёрную гляцевую её поверхность, на которой местами лежали пласты тумана. Вокруг фонаря не было ни души — и никаких следов недавнего пребывания человека.

— Вот же, блин... — в голосе Виктора я услышал нешуточное разочарование. — Ну и где эти гадские рыбаки?! Нахрена только пёрлись сюда...

— Что ты, Витя! — возразил я. — Как это «нахрена»? Во-первых, мы узнали, что где-то неподалёку живут люди: согласись, такой фонарь не могли бы поставить пауки или птеродактили. Во-вторых, эти люди — не дикари с дубинами, а вполне цивилизованные господа, как минимум, знающие, что такое электричество. Верно?

— Электричество, говоришь? — переспросил Виктор скептически. — Ну и где провода? Скажешь, кабель тут под землёй протянут?

— Возможно, фотоэлементы, — сказал я. — Солнечная батарея. Заряжается днём, светит ночью.

— Надо поближе посмотреть, — Виктор нагнулся, чтобы расстегнуть липучку на кроссовках. — Сплаваю на тот берег.

«Ночью рискованно лезть в эту воду!» — орал мой внутренний голос, но я сказал только:

— Мы не потеряем свою одежду?

— Не так тут темно, — сказал Виктор. — От фонаря я даже рожу твою вижу.

Я стал раздеваться, пытаюсь не обращать внимания на озноб и страх — москит тут же изо всех сил всадил свой шприц мне под лопатку. Я уже хотел его смахнуть, как вдруг накатило очередное микропророчество: Виктор, пытающийся вылезти из воды — кровь хлестала из длинного пореза чуть ниже его рёбер. Это уже не просто коктейль из интуиции и страха.

Я схватил его за руку.

— Витя, в воду нельзя. Я видел тебя раненым.

Он остановился: одна нога — в брючине, вторая — голая.

— Точно?

— Пока мне только казалось, что это опасно, я молчал. ТПортальные déjà vu я уже научился отличать от всякого рода предчувствий.

— Ясно, — мрачно сказал Виктор и принялся одеваться. — Вот хрень-то... Думаешь, его там что-то защищает?

— Понятия не имею, — сознался я. — Я даже не понял, что тебя ранило — зверь, какое-то тайное оружие в воде, или ты просто на острый сук напоролся. Сам же говорил, что я —

недоделанная Кассандра.

— Какой бы ты был ценный, если бы всё толком видел и мог объяснить, — Виктор смотрел мимо меня, на далёкое тусклое пятнышко костра. — Ладно, пошли обратно. Непокойно что-то.

И в этот момент лесную тишину разбудили крики наших товарищей.

Я вздрогнул — но мне показалось, что это вовсе не вопли ужаса или боли. Они орали: «Эге-гей, бу-бу! Э-эй! Бу-бу-бу!» — и их голоса далеко разносились по реке. Нас просто звали, нас хотели быстрее увидеть, но им, похоже, ничего не угрожало.

Виктор, судя по всему, сделал такой же вывод.

— Нашли что-то, — сказал он удовлетворённо. — Или поймали кого-то. Не соскучились же... Эге-гей! Идём! — крикнул он в ответ. — Побежали, Артик.

И мы побежали. Я успокоился. То, что могло бы ранить Виктора, осталось позади. Микропророчество впервые принесло пользу: похоже, я сумел предотвратить беду. Это меня так обрадовало, что чужой лес вокруг показался почти таким же уютным, как на Карельском перешейке...

Ну и худо же мне было... Прямо жить не хотелось, как было худо. Как будто тухлого ежа без соли съел — такое у меня было ощущение. И отрывалось этим тухлым ежом. И несло, я бы предположил, им же.

Но к ночи немножко полегчало.

Может, потому, что Артик сказал всем угля погрызть. Уголь всегда полагается есть, когда живот не даёт ногам покоя — хотя я лучше съел бы в таблетках, конечно. Потому что грызть горелую палку вообще-то — радости мало.

Но хоть тошнить перестало, только знобило. И страшно было очень, если честно. Потому что ночью бродят хищники, а у нас всего оружия — только Серёгин ножик и палка эта. И против медведя или тигра этот ножик — всё равно, что его вообще нет, а про палку я вообще молчу. В общем, нас бы съел любой, кто захотел бы. Как тех негров, к которым леопарды приходят в хижину, где те негры живут, и едят их прямо там.

Да ещё местные комары кусались, как дикие звери. И этот огонёк... Я не знаю, мне не понравилась эта идея. Пусть я буду трус или кто — но мне тут нравилось всё меньше и меньше. И около этого огонька могли бы оказаться какие-нибудь... в общем, люди тоже бывают разные, если там есть люди. И вряд ли они понимают по-русски, и могут начать, скажем, стрелять из ружей только потому, что решат про нас что-нибудь плохое. Что мы — припущенные уголовники из леса, к примеру.

И я хотел проследить за Витей и Артиком, как они идут, но у Артика скоро погасла палка, которую он поджёг на конце — и они пропали в темноте с концами. А у меня опять начало крутить и тянуть в животе, и было прямо-таки тоскливо — от этого кручения и от страха. А они надолго ушли.

А Серёга сперва палочку строгал — он уже две палочки заточил, как карандаши, и третью затачивал — потом бросил, достал свой орех человекообразный и стал в нём дырочки проковыривать повиднее в свете костра. Веток подбросил, чтобы было светлее. Мне тоже хотелось чем-нибудь себя занять — и я стал искать на небе Большую Медведицу.

Но со звёздами творилось что-то не то, как и с лунами. Может, тут у них, на их планете, и не было видно никакой Большой Медведицы, и Полярной звезды я не нашёл — какая-то большая белая звезда сияла прямо над верхушками деревьев, но она, по-моему, была не Полярная.

Потому что, если судить по закату, она была не на севере, а на юго-западе.

Зато я вдруг увидел, как между звёзд движется огонёк. Маленький, белый. Самолёт летит, ёлки-палки! Самолёт! Ну, или вертолёт, может быть — но, скорее, самолёт: высоко, гула не слышно.

— Серёга! — говорю. — Смотри!

Он головой закрутил: «Где? Где?» — а я тычу пальцем в небо:

— Да вон же! — и Серёга только присвистнул.

— Ох, ты ж, блин... — и как завопит! — Мужики! — орёт. — Смотрите вверх! Эй! Вверх смотрите!

Тут до меня дошло. И я заорал:

— Смотрите вверх! Мужики!

Должны они это увидеть! Может, это и не Земля, но цивилизация тут есть, люди тут

живут! Самолёты строят, летают на них!

От наших воплей все лесные шорохи как-то отошли в тень. По-моему, даже комары переполошились и разлетелись. Если нас какой-нибудь хищник и выслеживал, то, я думаю, ломанулся подальше от нестерпимого ужаса. И кто-то из наших покричал оттуда, где фонарь.

Я как-то сразу успокоился и развеселился. Фонари, самолёты... нормальная цивилизованная страна. Подумаешь, две луны!

И тут вдруг Серёга сказал:

— И чё мы разорались, как идиоты?

— Так люди! — говорю.

Смотрю на него — а у него лицо... худо ему, в общем.

— Динька, — говорит. — А с чего мы взяли-то, что они — люди, если мы, бляха, на Марсе или где там? А если это не самолёт, а ихняя летающая тарелка?

И меня накрыло. Точно же!

А Серёга говорит мрачно:

— Поймают нас — и сдадут в лабораторию для опытов. А может, и не будут ловить, а сразу макнут — им и потрошёные тушки на опыты сгодятся.

И тут всякая дрянь как полезла мне в голову! Чужие! Хищники! Инопланетяне, у которых пасть не поперёк, а вдоль башки, как в «Ловце Снов»! Серые! Зелёные! Сс щупальцами!

Хорошо ещё, что мы услышали, как парни бегут по песку — почти по воде, судя по звуку. Живы, по крайней мере.

Выскочили из кустов на наш пляжик. И Витя сразу спросил:

— Чего орали?

И Серёга сказал, уже совсем другим тоном:

— Самолёт видели, — но они, вроде, не так уж и удивились. Они были чем-то страшно озабочены.

Артик подошёл к костру и вытащил сук, горящий на конце — а я увидел на его белой брючине какие-то тёмные полосы.

Пригляделся поближе — и меня немедленно снова скрутило.

Это были пиявки. Три штуки, каждая длиной сантиметров по двадцать и толщиной в палец — но раздувались на глазах. Артик ткнул одну головешкой, она зашипела и отвалилась, а белая ткань сразу стала красной.

Через секунду уже все смотрели, как Артик отцепляет пиявок. Отцепив последнюю, он задрал мокрую брючину. В его ноге остались три дырки, каждая — с булавочную головку, и кровь текла струйками.

Серёга присвистнул сквозь зубы:

— Вот же с-сука...

— Ах, ты ж... Кассандра... — сказал Витя с досадой, но как-то печально. — Про себя предсказывать не можешь?

— Я контролировать предсказания не могу, — сказал Артик с напряжённым лицом, зачерпнул листом остатки кипячёной воды из нашей ямки и вылил на ногу. Я видел, как ему мерзко.

— Больно? — спросил я совершенно некстати.

— Не очень, — сказал он и вылил ещё воды. — Они, похоже, выделяют в кровь

обезболивающие вещества и антикоагулянты.

— А эти анти — это что? — спросил Сергей.

— Мешают крови свёртываться и помогают гадам вкусно питаться, — сказал Артик и попытался улыбнуться. — Видишь — не останавливается... Вот же чуял я, что тут есть пиявки...

— Как они прокусили штанину? — спросил Витя.

Артик сорвал ещё один лист и подобрал дохлую пиявку. Меня передёрнуло от гадливости.

— Вот смотри, — сказал Артик каким-то научным, слишком спокойным голосом, как диктор по телевизору, — они отличаются от земных пиявок. У них — хоботки, рты, скорее, как у земных комаров, чем как у земных червей... заострённые на конце. А вокруг хоботка у них — присоска, вот она. Прокололи ткань — и присосались к коже. Ты видишь, как они высоко прицепились? Они сидели на ветках кустарника, а не в воде и не на земле, — но тут ему, похоже, стало нестерпимо, и он зашвырнул листок с пиявкой в кусты. — Теперь заболело... Как мне остановить-то... Сильно течёт.

Я схватился за себя — и сообразил, что остановить и верно, нечем: ни ремней у нас нет, ни шнурков. Даже не перетянешь ногу. А кровь лилась тремя ручейками; Артик попытался зажать ранки ладонью, но кровь протекала сквозь пальцы.

— Ша, — сказал Витя. — Артик, снимай майку... Стой, дай, я.

Артик хотел перевязать майкой ранки, но Витя мотнул головой и затянул её чуть выше икры.

— Сейчас... немножко утихнет — и перевяжешь... Так что вы, говорите, там увидали?

Мне вдруг стало очень стыдно.

— Самолёт, — говорю. — Только Серёга думает, что это летающая тарелка. Высоко летело — не рассмотрели толком. Просто огонёк двигался.

Витя сел рядом с Артиком и стал смотреть на его ногу. Кровь почти перестала.

— То есть, вы не знаете, что это было такое, — сказал он. — То ли самолёт, то ли летающая тарелка, то ли фонарик на верёвочках, то ли спутник вообще. Так?

Серёга возразил:

— Не, не фонарик точно. Фонарики так высоко не летают. Всегда разглядишь хорошо — а тут только огонёк двигался, ёлки... — и задумался. — Не, вот. Вроде как несколько малюсеньких огоньков в одну линию. Или продолговатый такой... типа как иллюминаторы в самолёте или, в натуре, летающая тарелка, блин.

— Ага, — говорю. — Похоже.

Артик ослабил узел на майке, подождал немного — и замотал майкой ранки. Кровь уже не лилась, а так, слегка сочилась.

— Знаете, господа, — сказал он, — меня это очень обнадеживает. Кто бы тут ни жил — они цивилизованные существа. Не бегают с дубинами по лесу в поисках добычи. Следовательно, у нас немало шансов с ними договориться.

Витя усмехнулся.

— Как ты там говорил? Фальшивая логика? Вон, Калюжный — цивилизованное существо, телевизор смотрел, компьютер понимает, в школе кончил не меньше трёх классов... много у тебя было шансов с ним договориться, что в армейке, что на гражданке? Тем более что он вполне с дубиной бегают.

Серёга сразу вскинулся:

— Чё сразу я-то?

А Витя:

— Ты-то — то, что сперва кулаками машешь, потом думаешь, хоть и цивилизованный...

Нет, пацаны. Пока мы их не увидим в подробностях, рассчитывать нам особо не на что. Какие бы они ни были — вряд ли нас тут ждали с оркестром. Не обольщайтесь. И вообще — всем поспать надо. Я дежурю первый. Разбужу следующего, когда большая луна вон от той хрени в пупочках сдвинется на кулак. Ясно?

И никто больше не возразил. Артик сказал:

— Хорошо. Спокойной ночи, господа, — и стал устраиваться около костра, а рядом и я пристроился кое-как. Серёга ещё вытаскивал какие-то палки, бормотал, что жёстко, что ему песок за шкуру сыплется — но я уже слышал это как-то издалека...

Как же было холодно-то, ёлки!

Главное дело, к костру придвинешься — печёт от костра, прямо подрумяниваешься, а отодвинешься подальше — чувствуешь, как задница инеем покрывается постепенно. От комаров всё везде чешется, песок повсюду забился. А спать хочется. И во сне снится не муть инопланетная, невероятная, а что одеяло сползло с дивана, сука, и на пол упало, и дверь на балкон открыта, а на балконе — октябрь, ёлки.

Начинаешь искать одеяло спросонья, дотронешься до чего-то вроде тряпки — а это Динька дрыхнет, ты его за рукав тянешь. Вот же паскудство...

В конце концов стало так холодно, что я окончательно проснулся. Зуб на зуб не попадает, да ещё щека особо, блин, чешется и болит, будто где-то там, внутри, кусочек иголки застрял и покалывает. И живот режет. И глаза не разлепить. Не жизнь, а малина земляничная...

Кругом — темень, хмуро как-то, сыро, ветрено, туман лентами ползёт. Песок мокрый, трава мокрая, я весь мокрый. Костёр мечется под ветром — пламя маленькое. Около костра Артик сидит, мелко трясётся, обхватил себя руками, тоже хочет согреться. Рядом с ним — Витёк: руками обнял колени, на них же положил голову, непонятно, то ли спит крючком, то ли так... Только Динька — в полном отрубле, но опять же свёрнут буквой зю.

— Чё так темно-то? — говорю. — Утро же, вроде?

Артик проглотил зевок, отвечает:

— Тучи. Плохи наши дела, Сергей.

Сам зеваю — спать охота, ёлки, сил нет — но холодрыга, спать нельзя. И соображаю со скрипом, мозги будто заржавели.

— Какие, — говорю, — тучи в Индии, нахрен?

А Разумовский, этак печально:

— А это и не Индия, Сергей. И не тропики. Умеренные широты, как я и предполагал. Будет дождь. Так что поспи, пока можешь — потом не получится в принципе.

Тут Витя поднял голову:

— Хорош трындеть уже... — и зевает. — Ни днём, ни ночью от вас покоя нет...

И тут мне на башку — кап! Не капля, а прям чайная ложка холодной воды, блин! Ну вот и выпались.

— Сволочь, — говорю. — Падла. Эта Индия сволочная вместе с Марсом.

И пока я говорил, на меня капнуло раза три. И вокруг начался мерный такой шелест — ясное дело, дождь пошёл.

Динька вздрыгнулся и говорит, чуть не плача:

— Да что ж это за жизнь-то?! Только заснул... — и глаза трёт.

Но главное дело — костёр шипит. Шипит мой костёр — и я вижу: погаснет. Кирдык нашей ухе, ёлки.

Хорошо ещё, что камушек — тот самый, главный камушек, серенький такой, вроде как с кусочками слюды вплавленными — у меня в кармане, рядом со сложенным ножичком. Костёр зажжём, конечно. Но ведь — когда? Дрова-то будут сырые, блин, и земля сырая — дождь зарядил только так. И рыбу в дождь ловить — тоже не факт, что хоть что-нибудь поймается.

Что делать... Отошли от нашего пляжика поглубже в лес, думали — под деревьями меньше льёт. Щас! Стоим, смотрим, как наш костёр заливает. Пяти минут не прошло — огонь совсем погас, а мы промокли до нитки. Артик закашлялся — и кашлял, и кашлял. Витёк ему по спине врезал, а Артик сказал:

— Так ты только синяков мне наставишь, — и снова закашлялся. — Я слегка простужен, по-моему. Мы вчера вечером вымокли и так и не высохли толком, а сегодня похолодало и дождь пошёл...

Витёк чутка подумал. Он вообще командира из себя строил изо всех сил, но долго не думал. Мыслитель, фиг ли... Так вот, минуты не прошло — решил уже:

— Так. Ша. Сейчас — бежим по берегу по направлению к фонарю. А потом решаем, куда дальше.

Динька спрашивает:

— 3-зачем бежим-то? — а у самого губы синие, и зубами лязгает, как шакал.

А Витёк:

— Затем, что замёрзли все. Побежим — и согреемся. Только к кустам не подходите близко — там пиявки могут быть.

Артик и тут разулыбался. Хоть поленом его лупи — смешно дураку, что нос на боку...

— Я бы, джентльмены, откровенно говоря, предпочёл пробежке горячий кофе с мёдом, лимоном и свежими булочками... нет, с бутербродами...

Нашёл момент о жратве гнать! Я уже хотел ему двинуть — Витёк остановил:

— Стоп. Сменили тему — и бегом марш!

Ладно. Побежали.

Где — по песку, где — по воде. Вода холодная. С одной стороны, движения, вроде, греют, с другой — вода холоднушая, ноги мокрые, сверху льёт, в животе крутит... Куда бежим, зачем — ни хрена не понятно; серое кругом всё такое, мутное, между деревьями — туман... Я не против, чтобы побегать — но так погано я никогда не бегал. Просто так погано, что прямо лёг бы и помер.

Только другим-то, гляжу, хуже моего, ёлки.

Артик всё кашлял, откашляется — и дальше. Динька быстро начал отставать — и Витя выдохнул:

— Легче, пацаны. Не олимпиада, — и все чутка притормозили.

Добежали до поворота реки минут за десять, я так думаю. И Артик остановился.

— Фонарь, — говорит, — господа.

И все остановились. Смотрю, на другом берегу странная штукавина. В «Икее» продаются такие абажуры японские, блин, или китайские, я не разбираюсь — вроде как из бумаги, что ли. Неровные такие, шершавые. Вот такая там была штукавина на столбе. Неровная. Не совсем круглая, а кривая какая-то. И на вид шершавая.

Витёк говорит:

— Прикол... вчера круглым казался.

А Артик откашлялся и говорит:

— Из-за света. Какая странная лампа... она ведь не стеклянная и, кажется, не пластмассовая... Из чего это сделано? Если бы не было смешно, я бы предположил, что из папье-маше.

— Чего это? — говорю.

— Мятая бумага, — отвечает. — Смачивают в клейстере, придают ей форму, она

засыхает и становится довольно твёрдой... Но это неподходящий материал для фонаря в лесу.

Витёк говорит:

— Как хотите, пацаны, а я сплаваю. Надо посмотреть поближе, — а Артик головой крутит молча, нет, мол.

И тут Динька, который фонарём как-то слабо заинтересовался, а прошёл немного вперёд, крикнул:

— Мужики! Мост!

И Артик тут же:

— Не надо в воду! Сейчас перейдём туда по мосту!

Обрадовался он охрененно. Прямо камень у него с души свалился, блин. И они с Витей переглянулись и побежали к мосту, а я — за ними.

До меня начало потихоньку допирать кое-что.

Из-за Артиковой пидорской манеры мне всё время казалось, что он — ссыкло последнее. Дёрганый он был — никого такого дёрганого на «Игле» я больше не видел, да и вообще, народ старался себя в руках держать, а этот — нет. Но я сейчас случайно поймал евоный взгляд — как он на Витьку смотрел — и вдруг подумал, что он ещё дома на меня смотрел почти так же.

Он же в натуре припадочный, Артик. А когда у него припадок — тогда у него предчувствие. Это не трусость. Он просто знает.

Когда ТПортал проходили, он один заранее знал, что в задницу лезем. И сейчас — знал, что Витьке в воду нельзя. И мандраж у него этот случался, когда он боялся, что не послушают. Не зря боялся, ёлки.

Ёкарный бабай...

Мост маячил впереди, нам пришлось ещё с полкилометра пробежать, и я думал, что далеко возвращаться придётся. Не хотелось возвращаться, не знаю, почему. Когда бежишь вперёд — думаешь, что прибежишь на место, в конце концов. Домой, типа.

Дурь какая-то. Тут-то совершенно всё равно, куда — вперёд, назад, блин, хоть как. Но в башке сидела идея, что сзади мы уже всё видали, а впереди — нет ещё. И впереди может оказаться лучше. Вот и гонит — вперёд, вперёд, вперёд, бляха-муха... Беспонтово.

Но Витёк сказал:

— Где мост — там люди.

— Про фонарь ты то же самое говорил, — говорю. — Хрень это всё.

А Витёк:

— Нет, тут — точно. Где мост — там дорога.

А Артик кашлянул и выдохнул:

— Ага!

Но это вправду оказалась хрень.

В смысле, ни хрена не мост. То есть перейти-то можно, даже очень — но совсем не так, как по-человечески.

На нашем берегу росло два дерева — и на том берегу росло два дерева, но корни у них высывались из земли, переплетались друг с другом и с ветками, протягивались туда, вперёд. И из этих переплетённых корней получалось что-то вроде моста, даже с перилами, шириной метра в три. Само собой, в общем. На корнях росло зелёное, как тина, свисало вниз, и вся эта хреновина мне показалась какой-то ненастоящей. Как в кино бывает.

Но, главное дело, к ней и правда вела дорога! Она выходила из леса — и на том берегу тоже виднелась. И дорога эта была — такая же хрень, как мост, такая же ненастоящая.

Я думал, она вымощена камнями — издали показалось. Подошли поближе — какие же это камни, ёлки! Это фигня какая-то!

Я на корточки присел, потрогал. Оно было — как мокрая упругая резина, но не резина. Какие-то, блин, плиты или что — неправильной формы, скруглённые, очень глубоко вкопанные; я пальцем покопал, потом — ножом: не достать, где кончается, а режется тяжело, как качественный литой каучук. На века сделано, но между плитами кое-где — зазоры в палец, в зазорах растёт что-то мелкое, зелёное.

Мужики, на меня глядя, тоже расселись вокруг, давай эту штуку, из чего дорога, пальцами тыкать.

— Чё это за хреновина, не пойму, — говорю.

Артик кашлянул и говорит:

— Это, вероятно, прозвучит безумно, но, на мой взгляд, оно похоже на литопсы.

Вот ещё идиотская черта у него — выдумывает всякие слова, которых нормальные люди не знают. Небось, спецом в энциклопедиях искал, умник хренов...

Динька говорит:

— А что это — литопсы?

А Артик:

— Растения. Это какая-то невероятная технология. Мост скручен из воздушных корней, а дорогу, похоже, посеяли... высадили... как рассаду, понимаете?

Витёк говорит:

— Нет. Как это — «высадили», ёпт?

— Какие, нахрен, растения? — говорю. — Ты посмотри, они же вкопаны в...

И тут до меня доходит. Эти плитки... они — типа кактусов, только без колючек и с плоским верхом. Колобашки такие... у одной бабы на подоконнике видел. А ихние листья или что там — это зелёное между, в швах.

— Тёма, — говорю, — они что, растут, что ли? Там, внизу — корни?

Ну, ёлки, стоит ему сказать два слова попросту — тут же лыбятся, урод:

— Ты делаешь успехи, Сергей. Каждая такая плитка — это отдельное растение. Эта дорога — нечто, вроде колонии, или клумбы, если хотите... Удивительно, как она держит форму, не разрастается...

Динька говорит:

— Я такие в цветочном магазине видел. Только те были не такие плотные.

Витёк попрыгал на этих дорожных растениях и говорит:

— По-моему, они и машину бы выдержали. Ни хрена себе — клумба!.. Да ляд с ними — пойдёмте по дороге, пацаны. Выйдем к жилью, стопудово.

— Интересно, — говорю, — а мост выдержит?

Артик посмотрел.

— Машину? Не знаю, но возможно. Нас выдержит точно.

Мы зашли на мост. Охрененно прочный мост, вот что я скажу. Ведь, если идёшь по дощатому мосту — да хоть бы даже не по дощатому, а по железному — он как бы вибрирует, трясётся под ногами, что ли. Чувствуешь, как от шагов подаётся. А тут — как по земле идёшь. Монолит, бляха. Не шелохнётся. Я на нём прыгал — ничего. При том, что из корешков сплетён, в несколько слоёв, правда. По этим корешкам автобус проехал бы легко

— и мост этот, ёлки, даже не дёрнулся бы.

Мы эти корешки, где они в сплошную массу не срослись, тоже трогали. Как чугун, не шелохнуть.

А посередине моста, с двух сторон, на перилах, тоже вроде как из тех же корешков — эти шары, бляха. Как Артик сказал — «папье-маше». Сероватые, шершавые. И Динька говорит:

— Мужики, фонари!

А Витёк:

— Ну вот, щас и узнаем, на батареях они или на чём, — и грабки тянет.

— Легче, — говорю, — ковыряйся там. Мокрое же всё — током дерябнет, ёлки — и поминай, как звали.

Но тут Артик говорит:

— Что-то в них не то, ребята. Совсем не то. Это очевидно такие же фонари, как тот, что на излучине реки... но они совершенно ненормальные. Хотя бы потому, что...

Взял руками один этот шар, серый такой, мокрый — и поднял! Шар этот не привинчивался, ничего — просто стоял в такой, вроде, нишке между корней. И никаких тебе проводов, никаких батарей. Просто серый шар у Артика в руках — неправильной формы, ёлки — а в шаре, внизу, маленькая дырка. Вот если большой палец сцепить с указательным — между такая дырка и выйдет.

Витёк спрашивает:

— Лёгкий?

Артик его, вроде, взвесил на руках.

— Лёгкий, — отвечает. — Очень. Почти ничего не весит... Знаете, уважаемые граждане, что это за шар? Это, дорогие друзья, высушенный плод. Растения, напоминающего тыкву.

— Чего?! — говорю. — Какую, нахрен, тыкву?!

Артик поднял шар повыше и пальцем показывает:

— Видишь, Сергей — вот тут, похоже, сторона, где на нём раньше рос цветок. Вот в этой ямочке он и рос, потом отвалился. Потрогай... чувствуешь, какая поверхность? Это высохшая кожура... только мокрая. Но она уже так засохла, что влага с неё скатывается, не впитываясь. А отверстие — на месте ветки... черешка, быть может, или плодоножки... как называется то, на чём этот плод вырос.

Перевернул эту шгуку и ладонью от дождя прикрыл, чтобы вовнутрь не капало. И все, как бараны, уставились на эту дырку.

Витёк говорит:

— Погоди... а светил-то он как? — забрал тыкву эту из рук у Артика, сунул в дырку палец и покрутил. — Что за хрень, — говорит, — не пойму. Пустая же! Только на стенках плесень какая-то... или тина.

А точно. У него на пальце осталось что-то такое, то ли серое, то ли зелёное, липкое.

— Эти, наверно, не работают, — говорю. — Долбоклюи какие-нибудь лампочки вывинтили — лес же!

Динька говорит:

— Лампочки вывинтили, а провода где? — и второй шар поднял, тот, что с другой стороны. Та же самая песня, ёлки: тыква с дыркой, пустая.

— С собой унесли, — говорю. — Цветной металл, блин. Может, загнать хотели.

Динька то место в нишке, где шар стоял, рукавом потёр. Гладкая площадка. Никаких следов проводов. Никаких выключателей. Фигня какая-то.

Артик у Вити тыкву забрал и аккуратно её пристроил на место. И повернулся — морда странная, задумчивая такая... нехорошо задумчивая.

Когда в автобусе мы в «Иглу» ехали и на КПП остановились — у него такая же задумчивая морда была.

— Джентльмены, — говорит, — а ведь никаких лампочек в этих шарах не было... и в том фонаре, который мы наблюдали ночью — тоже не было. И я почему-то уверен: это рабочие фонари.

Витёк криво ухмыльнулся, нос сморщил, спрашивает:

— И как они, по-твоему, светят? На этом липком говне, что ли?

А Артик кивает.

— Точно, — говорит. — В десятку, Витя. Я бы предположил, что это липкое говно — культура каких-то светящихся организмов. Кто-то поселил их внутри высушенного плода — и они, вероятно, питаются чем-то на его стенках, а по ночам светят. Как светлячки или гнилушки, только, как видите, гораздо ярче. Такие дела.

— Ни фигя себе! — говорю. — Не наша технология!

Ведь точно же, ёлки! Похоже ведь! Артик, конечно, тюкнувший, но соображает хорошо: всё сходится. Гнилушки светятся, точно. А эти сопли внутри — на гнильё похожи...

А Артик посмотрел на меня — и даже лыбиться не стал. Видно было, как он умотался. Глаза ввалились, синячищи — и дождь у него по морде тёк, как слёзы.

— Не наша, — говорит, — технология, Сергей. Твоя правда. И всё то, что мы тут наблюдаем... дорога, мост, фонари... не земная технология. Не человеческая технология.

И никто не стал спорить. Точно же, блин. Не человеческая.

Бежал я через силу. Вообще не знаю, как мне удавалось бежать. У меня болело в груди.

Я бы предположил, что ночь, проведённая в лесу, предоставила мне отличный бронхит с неплохими шансами перейти в пневмонию — если бы дело было дома, на Земле. Здесь...

Здесь это мог быть любой вирус. Любой. Или не вирус — кто-нибудь мог есть мои бедные лёгкие изнутри без моего разрешения. И я подумал, что, по-видимому, первым... как это говорится о человеке моей комплекции? Перекинусь или дуба дам? Эх, в данном конкретном случае явно скажут просто: гигнулся Артик...

Откуда вообще у меня взялась энергия на бег? Мне было тяжело дышать. Видимо, меня подняли страх и надежда: я боялся остаться в лесу один и надеялся, что мы всё же найдём людей. Глупая вера: люди помогут, обогреют, накормят, окажут медицинскую помощь...

Глупая. Нет тут людей. Не знаю, что за существа сплели этот невероятный мост из воздушных корней четырёх удивительных деревьев, похожих на фикусы-мутанты — стволы их казались скрученными из чего-то, напоминающего одеревеневшие канаты, кроны состояли из мелкой, жёсткой, глянцевиной листвы, и косматый мох или лишайник свисал с корней прядями длинных спутанных зелёных волос. Не могу представить, что за существа вырастили тыквы-фонари и заселили их гнилью, светящейся по ночам электрическим светом. Их дорога была так же невероятна — сказанув про литопсы, я тут же подумал, что сходство сугубо внешнее: эти растения, предчувствую, жили большей частью под грунтом, а не над ним. Только чудовищная корневая система могла сделать дорогу настолько упругой, такой немислимо проходимой — и эти растения тоже казались мне неестественными.

Дорога не была прямой. Она выходила из леса и уходила в лес, петляя, как тропа. Какая логика могла подсказать её строителям — или сеятелям — этот дикий изгиб крутой подковой? Мы не знали, удаляемся от населённого пункта или приближаемся к нему; нас вела только та самая глупая вера.

Нас встретят, пустят погреться, нальют супа или чаю — и всё кончится. Можно будет некоторое время лежать в сухости и тепле, не двигаясь, чувствуя, как потихоньку уходит боль.

Ох.

На кого я рассчитываю?

О чём я говорю! Я даже не мог осмыслить до конца, насколько мы чужды этому миру. Денис взглянул на меня и сказал:

— Артик, а вдруг им покажется, что мы — чудовища?

Тогда нам конец, подумал я, но промолчал. Зато Сергей выдал:

— А вдруг нам покажется, что они сами — чудовища, а, ёлки?! — и захохотал.

И умный Виктор судорожно вздохнул и буркнул:

— А какая, нахрен, разница?!

Перебравшись на другой берег реки, мы ещё бежали минут пять или чуть больше — но темп падал и падал; в конце концов, мы окончательно перешли на шаг. Я смотрел на своих товарищей и невольно удивлялся тому, как быстро нас свернуло... а ведь мы не случайные люди. Мы — здоровые парни, прошедшие специальный отбор. Нет, дело не в голоде и не в усталости. Дело в мире, куда мы угодили, в мире, которому мы совершенно не нужны — и он равнодушно избавляется от нас, как от блох.

Мы больны за одни сутки. Даль нашей карьеры видна мне совершенно отчётливо: либо мы адаптируемся, отлежимся и отлжемся, как псы — либо покинем сей мир в ближайшее время, двинувшись куда-то дальше... только на сей раз не телесно, а чисто духовно.

А наши заморённые тела примет этот лес и придумает, как их переварить. В конце концов, лес так велик, а мы — такое мизерное, не стоящее упоминания явление...

Дождь начал стихать, он уже не лил яростно, лупя нас каплями, как градинами, а мелко моросил. Небо, серое, мутное, лежало на верхушках деревьев, было ужасно холодно. Каждый порыв ветра пронизывал нас насквозь: наши комбинезоны, такие эффектные, будто специально сделанные для хроникальных съёмок, фотогеничные такие комбинезоны, совершенно не годились для лазанья сквозь колючий кустарник, беготни по воде и сна на голом песке. Мы были мокрые и грязные, как черти. Наша форма приобрела столько же оттенков, сколько использовали для знаменитого плаща Иуды на мозаике в Исаакиевском соборе: и зелёные, и бурые, и серые, и почти чёрные, и красные, и чёрт ещё знает какие — разница мне виделась только в том, что упомянутый плащ всё же издали казался белым.

Но одежда всё равно выглядела лучше, чем лица. Смотреть на Сергея мне было тяжело: его щека распухла, стала багровой и отливала синевой. Денис напоминал панду — бледная физиономия и иссиня-чёрные подглазья. Лицо Виктора в одночасье достигло последней степени худобы — без фаса, как сказал кто-то, лишь два профиля... Подозреваю, меня бы тоже не пригласили на фотосессию в гламурный журнал.

Через полчаса мы тяжело брели, почти не глядя по сторонам.

Дорогу пересёк птеродактиль ростом с голубя, летящий довольно низко. Чёрный, глянцевоый, он блестел, как полированный — и его чернота отливала неожиданной розовостью на грудке. Мы остановились, чтобы проследить за его полётом, а больше — чтобы чуть отдохнуть.

— Интересно, — задумчиво спросил Денис, — а есть их можно?

Сергей хмуро буркнул:

— Поймай — попробуем.

— Очевидно, можно, — сказал я. — Вообще, мясо животных мне кажется более безопасной пищей, чем растения...

— Да уж, — кивнул Денис. — Ягод мне долго не захочется. А вообще... вот бы сварить из него суп... типа куриного... Знаете, мужики, есть вроде бы не очень и хочется, а бульона выпил бы.

Я кивнул. Я чувствовал то же самое: мне хотелось не есть, а выпить чего-нибудь горячего.

— Ша! — одёрнул Виктор. — Хорош о жратве триндеть. Ясно, что летучего — не поймает. Надо что-то другое думать... И вот что ещё. Пацаны, вы заметили, какой тут лес странный?

Это показалось мне дьявольски смешным; я попытался сдержаться, но фыркнул — а Сергей загоготал в голос. Денис, улыбаясь, сказал:

— Витя, ты чего, только что заметил? Соколиный Глаз прямо!

У Виктора дёрнулась щека.

— Да заткнитесь вы, мудацьё! — сказал он с досадой. — Я же не про то! Ясен хрен, тут всё другое. Я вот о чём. Вот мы ведь по дороге идём, так?

— Ну? — Сергей поднял на него глаза, и я понял, что Виктор пытается высказать некую цельную и новую мысль.

— Мост перешили. Фонари там, ё-моё... сообщаете?

И тут осенило Дениса.

— Витя, ты хочешь сказать — мусора нет? — сказал он, оглядываясь по сторонам. — Да? Дорога ухоженная, не заросла, фонари горят — тут народ бывает, да? А мусора нет...

Виктор хлопнул его по спине.

— Верно мыслишь, салага. Мы сколько прошли? Километра полтора? И — ни одной бумажки, ни одной бутылки, ни одной пробки там... Чисто, как в больнице, ёпт... Что это значит?

— Тут давно никого не было, — предположил Денис.

— Либо мы не воспринимаем как мусор то, что является мусором для этой цивилизации, — сказал я. — Кукла-орех, которую выловил из воды Сергей — очевидно, их мусор. Или, по крайней мере, следы быта. А остальное просто не остановило наших взглядов... мы устали.

Виктор задумался.

— Да... — сказал он, помолчав. — Это мне как-то в голову не пришло, — и передёрнулся. — Дальше пойдём?

— Очкуешь уже? — спросил Сергей с кривой ухмылкой и закинул свою дубину на плечо: ни дать, ни взять — питекантроп. — Чё, ссыкотно посмотреть на хозяев, а?

Виктор мрачно промолчал. Денис чуть пожал плечами и сказал:

— А что, нам теперь всю жизнь от них в лесу прятаться?

— Да, — сказал я. — Надо всё выяснить, Витя.

— А ты ничего не предчувствуешь? — спросил Виктор с надеждой.

— Нет, — сказал я виновато. — Мне нездоровится.

Виктор подумал ещё немного.

— Ладно, — сказал он в конце концов. — Пошли. Не шоссе же это... мы не в город идём. В деревню, наверное.

И мы побрели вперёд. Мелкий дождь шелестел в чаще, и громко капало с веток. Крики птеродактилей, притихших во время ливня, снова стали слышнее и чаще. В глубине леса кто-то издал странный звук, гнусаво протрубил в сиплую трубу — и ломанулся от нас через хрустящий кустарник; мы не увидели это существо, но услышали отчётливо.

Так мог бы ломиться лось или медведь; судя по тому, что ломились от нас, я предположил, что создание травоядное. Никто не стал спорить.

Наша дорога вильнула — и, свернув, мы увидели её конец. Меня передёрнуло с головы до пят.

Это было не *déjà vu*, а нечто значительно более яркое. Я видел это место во сне.

Перед нами, метрах в двухстах впереди, лес расступился, как кулисы — и на открытом месте мы увидели руины. Они выглядели, как останки целого комплекса построек; самая высокая была трёхэтажной, если только несколько этажей сверху не обрушились и не пропали без следа.

Это были самые вписывающиеся в пейзаж руины, какие только можно себе представить. Мох пропитывал стены насквозь, как вода — и стены, зелёные и мохнатые, казались сотканными из мха, а не выстроенными из какого-нибудь плотного материала. Дверные и оконные проёмы поросли длинными прядями зелёных «волос», свисающих экзотическими занавесами. Стены плавно переходили в поросль — как ни дико это звучит. Кустарник начинался из стен и плавно переходил в подлесок.

И мне ещё дома, на Земле, снилось, как я стою на верхнем этаже самой высокой постройки, смотрю в небо, благо нет даже следов крыши — и из мха стен выползают поросшие тем же мхом крабы или пауки. Мне сделалось основательно не по себе.

— Идём, что ли, — предложил Виктор неуверенно.

— Да на фига? — сказал Сергей и скривился. — Его бросили сто лет в обед! — но я заметил, что Сергей перехватил свою дубину поудобнее.

— Не, мужики, — возразил Денис. — Фонари. Дорога. Мост. Ничего его не бросили.

— Верно, — сказал я. — Если там и не живут, то бывают. Не могу сказать, что я в восторге от этого места, но нам не мешает крыша над головой. Вряд ли мы сейчас кого-нибудь встретим — так хотя бы посидим под крышей и чуть обсохнем.

Тут у меня так заболело в груди, что я не смог продолжать, пока не откашлялся — и ребята дождались, пока приступ кашля пройдёт.

— Идём, — сказал Виктор твёрже. — Под крышей хоть огонь можно будет развести. Моху надрать...

Я кивнул, хоть и сомневался в успехе и в том, что выйдет «надрать моху» с этих странных стен. Мы пошли вперёд.

Чем ближе мы подходили к руинам... тем отчётливее я понимал, что слово «руины» надо брать в кавычки. Мне померещился слабый свет в окнах верхних этажей, пробивающийся сквозь зелёную поросль. Вросший в стены кустарник при ближайшем рассмотрении оказался живой изгородью. Живая плитка, из которой состояла дорога, уходила за дом, видимо, покрывая двор. Вдобавок у меня было отчётливое ощущение, что из окон за нами наблюдают.

Это, кажется, чувствовали все. Ребята замедлили шаги. Сергей подобрался, будто готовясь шарахнуть в лес, если по нам вдруг откроют огонь. Виктор крутил головой, очевидно, пытаясь заметить опасность сразу, как только она возникнет. Зато Денис неожиданно вышел вперёд. Я смотрел ему в спину — и не чувствовал в его движениях напряжения или страха.

Денису было любопытно — и он не нервничал вовсе. Его доверие к этому миру, на мой взгляд, было совершенно избыточным; если бы хозяева «руин» решили нас убить, Денис умер бы первым... но мне не хотелось его одёргивать. В конце концов, трое осторожных всегда прикроют одного, если тот совершит опрометчивый поступок.

Денис совершил.

До «руин» оставалось метров двадцать, когда он резко остановился и сказал с какой-то детской радостью в голосе:

— Мужики, там — эльф.

Сергей поперхнулся и закашлялся:

— Кхм! Чё?!

Виктор развернул Дениса к себе лицом:

— Ты чего, Багров, бредишь, что ли?

А я оценил широкую наивную улыбку на простоватом лице Дениса. Я не видал того, что заметил он — но, судя по этой улыбке, замеченное было нестрашным и безопасным.

— Где эльф? — спросил я. — И почему он — эльф? Не жизнь, а сказка, да?

— Не как в сказке, — сказал Денис. — Настоящий. В окне на первом этаже видел — только уши торчали. Ему тоже интересно, только он, наверное, мокнуть не хочет.

— Дождь мелкий, — сказал я, а Сергей криво ухмыльнулся и скептически выдал:

— Эльфов не бывает, во-первых. А во-вторых, хрен ли ты там видел, в окне? Там только водоросли какие-то...

— Тихо, ша! — вдруг приказал Виктор и заговорил намного тише. — Я тоже видел. Эльф — не эльф, но уши, точно... не в окне уже. В зарослях. Осторожно, пацаны.

— Я его сейчас сюда позову, — сказал Денис и раньше, чем Виктор успел ему помешать, сделал несколько шагов вперёд, к зарослям высоких кустов, похожих на шиповник. — Эй! — окликнул он и протянул вперёд ладони. — Выходи, мы тебя видели!

Не выйдет, мелькнуло у меня в голове. Нас четверо, а «эльф» — один. Калюжный вцепился в свою дубину. У Виктора слишком напряжённый вид. Мы вымокли, грязны, я ещё и в крови... Не рискнёт.

Но он вышел. Я был настроен далеко не так восторженно, как Денис — и меня потрясла чуждость этого существа. За человека оно могло сойти только в сумерки. Эльф? Не уверен.

Нет, конечно, существо было прямоходящим, как и мы. У него были руки-ноги, как у нас, голова — и на ней копна тёмно-рыжих блестящих волос, которую хотелось назвать гривой. Но на этом сходство и кончалось.

Уши существа и вправду виднелись издали. У него были громадные подвижные ушные раковины; их кончики смотрели не вверх, как у эльфов в обычном их традиционном виде, а в стороны, вызывая в памяти поговорку «развесить уши». Эти локаторы с острыми кончиками и такой щёткой или кисточками по нижнему краю повернулись в нашу сторону — существо прислушивалось.

И принималось. Его нос бросался в глаза не меньше, чем уши. Его переносица была раза в два длиннее человеческой — нижняя часть лица выдвинута вперёд и вниз, общий вид — очеловеченная нервная морда борзой. Ноздри с длинными разрезами по крыльям носа, втягивая воздух, расширялись и сужались, что тоже придавало «эльфу» сходство с псом. Вообще лепка лица у него казалась изящной, даже, можно сказать, аристократичной: чёткая линия скул и надбровных дуг, подбородок, очерченный жёстко и правильно, большие влажные карие глаза... Но всё лицо существа покрывала мелкая-мелкая шёрстка золотистого цвета, необыкновенно нежная. По линии бровей и около век шёрстка темнела до шоколадного — и над бровями в ней росли пучки настоящих вибрисс, как у кошки. Над губами тоже росли вибриссы, только покороче. Усы?

Только на веках, на губах и на носу вокруг ноздрей шерсть отсутствовала: чуть шершавая на вид кожа имела оттенок корицы.

Тело этого создания, похоже, тоже покрывала шёрстка, но на ладонях и запястьях с внутренней стороны, которые существо повернуло к нам, шерсти не было — там я тоже увидел голую оранжево-коричневую кожу. Меня сильно удивили эти узкие пятипалые ладони — слишком человеческие руки, у инопланетянина пальцев должно быть больше или меньше.

Во что существо было одето, я не мог понять: что-то, напоминающее длинный и мохнатый зелёный свитер с рукавами до локтей или короткое платье, не достающее до колен; бахрома свисала намного ниже бёдер. Обуви «эльфа» сперва не было видно, но потом он вышел из кустарника на дорогу — я увидел его вполне человеческие ступни, и на них — пожалуй, «сандалии» из подошвы и сложной системы гибких ремешков, почти скрывающих ногу.

Мне показалось, что существо молодо, не старше нас. Но я не разобрал, парень оно или девушка: свитер был слишком мохнат, чтобы дать разглядеть его грудь, скрадывал бёдра, а

фигура в целом, астеническая, довольно-таки угловатая, но не без своеобразной грации, могла принадлежать особи или особе любого пола.

Выражение его лица никак не определялось. Страх, удивление, напряжённое внимание? «Брови» приподняты, глаза широко раскрыты, ноздри шевелятся, «усы» — тоже... Виктор присвистнул — и одно ухо уморительно развернулось в сторону резкого звука.

А владелец уха что-то сказал.

Голос у него оказался довольно высоким, как у девушки или подростка, а сама фраза... Её, видимо, можно было воспроизвести человеческими языком и гортанью, но слова, цокающий, чирикающий акцент — не ассоциировались решительно ни с чем земным. «Дзги-цнирь! Цзи-ци гри-нелл?» — вот как это примерно прозвучало для моих ушей, причём я отлично отдаю себе отчёт, что моё нелепое звукоподражание выглядит, как попытка записать английскую речь кириллицей.

Но интонация была определённно вопросительная. Не злая, не надменная. В голосе, интонация которого понималась лучше, чем выражение лица, звучали тревога и любопытство.

— Мы с планеты Земля, — сказал Денис тоном героя фильма. Я не видел его лица, не слышал улыбку в голосе. — Заблудились мы. Понимаешь?

«Эльф» сделал шаг — и Денис шагнул навстречу, хотя по закону жанра полагалось бы отпрянуть.

«Эльф» протянул руки ладонями вверх к лицу Дениса. Денис со смешком взял «эльфа» за руки и принялся рассматривать их вблизи. И мы подошли ближе: я тоже разглядел шёрстку на руках «эльфа», похожую на шёрстку крохотных комнатных собачек, только ещё короче и нежнее, светло-золотистого цвета — и его ногти, плоские, как у людей, только не светлые, а почти чёрные.

На шёрстке и волосах чужака осела водяная пыль. Мне показалось, что от существа пахнет чем-то вроде мокрого дерева, но уже через минуту запах показался похожим, скорее, на растёртую в пальцах аптечную ромашку...

— Они не опасные ни фига, — ляпнул Сергей, протянул лапищу и потрогал «эльфа» за ухо. — Ваше безобидные. У него и оружия-то нет!

«Эльф» дёрнул ухом и покосился на Сергея.

— Не трогай, — прошептал Виктор. — Дурак, что ли?!

— Не обращай внимания, — сказал Денис «эльфу» и погладил его руку, как кошачью лапу. — Серёга у нас — балда невоспитанная.

Чужак в ответ деликатно взял Дениса за руку, поднёс её к своему лицу — и принялся обнюхивать. Зрелище было невероятным: гуманоид чужого мира внюхивался в ладонь Дениса, как пёс — прижимаясь носом к коже вплотную, втягивая воздух короткими вдохами. Денис не отнимал руки, а чужак изучал её запах с минуту, обнюхав каждый палец отдельно — и вопросительно поднял глаза.

— Что? — спросил Денис. — Пахну не так, как ваши, да?

Он говорил таким тоном, будто ни секунды не сомневался в способности чужака его понять. Уголки губ «эльфа» чуть дрогнули, как от лёгкой улыбки. Он снова протянул Денису ладонь. Денис рассмеялся.

— Мне тоже предлагаешь тебя понюхать, что ли? — спросил он слегка смущённо.

«Эльф» смотрел на него. Денис поднёс его руку к носу и осторожно втянул воздух.

И поразился. Перепроверил, еле удержался, чтобы не чихнуть, снова принялся.

Повернулся к нам.

— Мужики, — сказал он потрясённо, — у него запах меняется.

— Цвиктанг, — сказал «эльф», как мне показалось, утрируя артикуляцию. — Кэлдзи цвиктанг, — и потёр друг о друга кончики пальцев. Я отчётливо почувствовал запах, похожий на терпкий запах тополиных почек. — Кэлдзи цвиктанг, — снова сказал чужак. — Гзи.

— Ага, — Денис восхищённо улыбнулся и кивнул. — Цвиктанг — это ты. А я — Денис. Я так не могу, — сокрушённо сообщил он и тоже потёр пальцы. — Я всегда пахну одинаково. Я нездешний.

— Дзениз. Гзи-ре, — чужак тоже склонил голову. Я мог поклясться — он понял! По крайней мере, понял достаточно, чтобы осмысленно ответить.

Мы, три самоуверенных болвана — я со своей якобы эрудицией, Виктор со своим здравым смыслом и Калюжный со своей глубиной — стояли и пялились на то, как растяпа Багров, недотёпа и простачок, устанавливает контакт с инопланетянином.

Боги, боги мои... да у Багрова просто ума не хватает сообразить, что нельзя вот так просто болтать с чуждым нам существом! Он не понимает, что это невозможно — и болтает.

Но у него получается!

Денис и чужак уже стояли вплотную друг к другу. Незнакомые люди так не стоят — личное пространство ушло даже не в ноль, а в минуса. Цвиктанг, если его и вправду так звали, потянулся обнюхать Дениса ещё тщательнее — и тот не отстранился. И чужак обнюхал углы его губ, виски — и дальше за ушами, гораздо деликатнее, чем ладонь. Не прижимаясь ноздрями к коже, даже не прикасаясь — но очень сосредоточенно.

А Денис погладил его по голове. Дотронулся до прекрасных волос, которым позавидовала бы любая земная девушка — до пышной тяжёлой гривы цвета ирландского сеттера. Отчасти я его понимаю: волосы были слишком близко — и очевидно восхитительны на ощупь. Детский порыв.

Но Денис ужасно ошибся.

Откуда-то из-под искрасна-рыжих прядей вдруг возник паук, вернее, Паук — с большой буквы. Чёрное, серое и серебристое мохнатое страшилище, размером не меньше ладони: россыпь чёрных глаз, покрытые волосками клыки, растущие из пасти, жвала, вероятно — не знаю, как назвать их правильно. И он не просто выполз из волос «эльфа» — он принял на его плече очевидно угрожающую позу, задрав передние лапы. Я не страдаю арахнофобией, но и меня взяла оторопь, а ребята отстранились.

Я думал, что Денис закричит — монстр оказался слишком близко, и это случилось слишком неожиданно — но он сдержался. Его только передёрнуло от макушки до пят, он с трудом взял себя в руки и виновато улыбнулся.

Удивительно, но чужак оценил и страх, и самоконтроль. Он чуть качнул головой, тронул щёку Дениса кончиками пальцев и сделал какой-то еле уловимый жест — именно для паука, как дрессировщик жестом командует собаке. Тварь пропала в его волосах так же бесшумно и внезапно, как появилась.

— А ты говорил, оружия нет, — прошептал Виктор.

И тут я как будто неправильно вдохнул — и закашлялся. Мне было мучительно неловко, это было некстати, я не должен был мешать Денису, но я кашлял и кашлял, грудь резало, я согнулся пополам, но никак не мог остановиться — а ребята смотрели на меня с жалостью.

Кажется, Цвиктанг растерялся. Он протянул к моему лицу ладонь, от которой теперь

пахло, пожалуй, анисом — но запах вызвал у меня новый приступ кашля. И в крохотной паузе между судорожными вдохами я услышал, как со стороны дома голосом взрослого мужчины, чистым, музыкальным, вполне эльфийским тенором, приказали:

— Дзонгдан!

Я вытирал выступившие слёзы и думал, что это именно приказ. Как «стоять!» или «вперёд!» — совершенно определённая интонация. Холодно и строго. Денис, мне кажется, тоже понял это обращение, как приказ.

— Мужики, — сказал он, — он хочет, чтобы мы вошли.

Виктор хмыкнул.

— Придётся... — проговорил он медленно. — Пойдёмте... раз он хочет. Хозяин — барин, ёпт...

Я заставил себя разогнуться — и увидел хозяина.

... Долгий путь приводит в эдем...

Доглинг из клана Лэга

Я сидел на корточках и вынимал вещи из рюкзака.

Вытащил компас, котелок, свирель, семена тёплой одежды и шкатулку из белого дерева, с томиком старинных стихов и моей тетрадкой — я записывал в неё разное и клеил листок с весёлым отцом, листок с мамой, когда она варит медовые тянучки, и листок с Дзиорном перед разлукой. Маленькую палатку распаковывать не стал. Сидел и смотрел на всё это имущество, разложенное вокруг меня на полу. Было то ли грустно, то ли стыдно.

Дождь.

Я не хочу уходить в дождь.

Паук спустился по плечу и руке на ладонь, уставился чёрными глянцевыми капельками глаз. Я поднёс его к лицу, тихонько дунул — и он приветственно развёл передние лапы. Я погладил его по шерстинкам на спине:

— Не пойдём в дождь, да? — и он принялся внимательно исследовать мои пальцы, надеясь на что-нибудь вкусное. Паук был со мной согласен. Я дал ему капельку слюны и сунул в волосы.

Ничего не стал раскладывать по местам. Бросил свои вещи рядом с рюкзаком. Дал понять: я просто переживаю дождь. Подошёл к окну, чтобы посмотреть на небо.

На небе не оказалось ничего интересного. Серая хмарь затянула его от края до края, облачная муть была так плотна, что полдень казался сумерками. Стало ещё грустнее, но стыд поутих: как беспринютно человек чувствует себя один, в дождь, в пути. Кто осудит того, кому неприятна сырость? Путешествовать лучше в солнечную погоду.

Сзади потянуло Лангри, вернее, насмешкой Лангри — брата, принятого недавно, почти моего ровесника. Лангри, опытного и независимого до безобразия. Я оглянулся: он стоял в дверном проёме.

Запах насмешки стал куда заметнее, и была в нём примесь чего-то, мне не очень понятного. Как будто он хотел скрыть сочувствие под сарказмом.

Я слез с подоконника и подошёл, чтобы понюхать получше, но всё равно недопонял. Мешали сороконожки-стеночистки, их острый запах; Лангри принёс их целую горсть. Всё правильно — в плохую погоду удобно убирать дом.

— Отпусти сороконожек, — сказал я. — Паук их не любит.

— Я знаю, — сказал Лангри и поднёс ладонь к стене, чтобы сороконожки расплозились. — Придержи его, пусть отбежит подальше.

Пауку не было дела до сороконожек — он неподвижно сидел у меня в волосах и, кажется, дремал.

— Остался, значит, — констатировал Лангри, разглядывая мои вещи, и сарказма стало больше, чем сочувствия. В сочетании с сороконожечьим привкусом это было как-то обидно. — Знаешь, что случается с теми, кто слишком надолго задерживается там, где родился? Он *укооряется* окукливается.

— Каламбур неудачный, — буркнул я. — Просто говоришь одно, а пахнешь другое. Не воображай себя великим остроумцем. И вообще, пусть я окуклюсь. В коконе у меня вырастут

крылья, и я улечу *а ты завидууй дальше*.

Лангри ухмыльнулся и даже высунул кончик языка, будто хотел попробовать ответную хохмочку ещё и на вкус.

— Хм-м, — сказал он, — быть может, это и понравится какой-нибудь неразборчивой *девчонке* Хозяйке. Если у тебя хватит храбрости когда-нибудь отправиться в путь.

— Знаешь, — сказал я как можно небрежнее, — отец говорил, что на белом свете просто нет таких парней, которые легко покидают дом, где их любили. *У нас не принято никого гнать взащей*.

Лангри начал меня раздражать — я и не подумал скрывать, чем это пахнет. Моё раздражение почувствовал паук и выбрался из волос на плечо.

— Думаешь, с пауком ты похож на Друга Народа? — спросил Лангри. — Ты, конечно, очень чувствителен, *сестрёнка* братишка, но паук — ещё не Народ, всё-таки.

— Как хорошо, что я уйду, а ты останешься, — фыркнул я. — Я *тебе не сестрёнка, чтобы прощать явные глупости* не похож, я — Друг. Паук — тоже часть Народа, чтоб ты знал. Арахноиды — часть Народа. Ты просто завидуешь — с любым Народом общаются избранные; грибы молчат, пока молчит Народ-посредник.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Если тебе так безразличны грибы, что ж ты снова увязался за микологами? — спросил Лангри, но я не стал отвечать.

Паук щёлкнул хелицерами у меня под ухом, я взял его в ладонь и поднёс к лицу. Он тут же упёрся лапой мне в щеку — и я подул на него нежно. Если бы не он, мне было бы очень тоскливо. У всех, как правило, есть погодки или ровесники, которые могут уйти вместе с ними — а в мой год, как назло, рождались только девчонки. Сокровище клана. А мой любимый старший брат Дзиорн ушёл прошлым летом — не мог же я хватать его за ноги, чтобы убедить подождать годик, пока я вырасту... он и так задержался. И этого паука подарил мне на память и на прощанье.

Шикарный, эфемерный подарок — самец-боец. Жить ему лет пять — грустно, но пяти лет его жизни мне хватит, чтобы привыкнуть к собственной взрослости.

Отец говорил: у каждого парня в жизни наступает такой момент, когда сестрички становятся более чужими, чем чужие. Поэтому всё время случаются мелкие ссоры — сёстры отгораживаются от тебя запахом, как стеной, или вообще зажимают его в кулаке, если ты подошёл некстати. Это обидно.

И принятые братья, особенно ровесники — это обидно. Потому что девчонки всеми силами дают понять: эти пришлые типы тут теперь свои, а ты — чужой... а сами пришлые пытаются изображать из себя взрослых мужчин. Подумаешь.

Я отвернулся от Лангри и снова запихал в рюкзак всё своё имущество. Я уйду сразу, как только кончится дождь. В конце концов, дома я уже со всеми простился, я простился с мамой и Прабабушкой, а лесная лаборатория микологов — это просто остановка в пути.

Я бросил рюкзак в угол и вышел из комнаты, где Лангри тут же начал проверять водосбор, будто именно за этим и пришёл, а я ему мешал.

Из кухни благоухало прекрасным: жареными грибами-плакунами, яйцами термитов в масле и чем-то сладким и непонятным — печёным то ли со шмелиным мёдом, то ли со сваренным на меду вареньем из хмеля. Я не пошёл; лично мне до обеда сестрички принципиально не дадут ни кусочка. Давно ли стали такими строгими?

Из глубины дома, из комнаты Гзицино, доносилось тихое пение флейты — мелодия

тянулась нежно и светло, как солнечный луч или струя запаха, а не звук. Играла не для меня — для себя или имея в виду кого-то из пришлых. Я не пошёл слушать.

Я поднялся в комнату Нгилана.

Если мне и было жаль расставаться с кем-нибудь здесь, в лаборатории — так это с Нгиланом, принятым братом, *давным-давно* уже года четыре как пришедшим в клан. Он был мне уже настоящей роднёй; я бы попытался сманить его с собой, если бы мои сёстры не цвели для него *клубой медоносов для шмеля*.

Ему не захочется никуда идти. Он любит свою работу в нашем клане, сестричек, Дольгина, Ларда и бабушку Видзико. Прижился.

Я помню, как приход Нгилана восхитил саму Прабабушку, не говоря уж обо всех прочих. Во-первых, он был Друг Народа, да ещё специализировавшийся на медицине. Во-вторых, он был милый — и чем больше мы все к нему привыкали, тем он становился милее. Мне хотелось бы стать похожим на него — даже на его снежность и пушистость, даже на его запах-фон. Будь я хоть вполовину таким, как Нгилан — я не беспокоился бы о том, что ждёт впереди. Я бы знал, что меня примут и полюбят.

Он учуял меня раньше, чем я подошёл к двери — встретил вполне приглашающим запахом, рассеянным и неконкретным, как намёк на сладкое или смешное. Я обрадовался — думал, у него плохое настроение из-за дождя, а оно — хорошее. Было приятно, что Нгилан рад мне и хочет поговорить.

Он ведь тоже меня отличал. Считал, что у меня есть способности, которые стоит развивать — в сфере, которая интересовала меня гораздо больше, чем любые грибы. В конце концов, грибы — всего лишь специализация клана Кэлдзи, который я навсегда покину со дня на день, а моя личная специализация — арахноиды.

Нгилан сидел на подоконнике, держа на коленях справочник по грибам Светлого Леса — но не читал. Наверное, он бросил щепотку прикормки в фонарик, потому что тот ярко светил, несмотря на тусклый дневной свет из окна. Разведчики Народа, пять или шесть, ползали по рукам Нгилана, слизывая секрет из-под ногтей. Мы обнюхались, хоть уже встречались за завтраком — мне было приятно.

— Твоя разведка начеку, да? — сказал я. — Рою что, и дождь нипочём?

Нгилан вздохнул, встряхнул волосами.

— Нет, конечно. Они вернулись затемно, и я с тех пор пытаюсь разобраться в странных вещах, которые они хотят мне объяснить.

— Ты не понимаешь? — я крайне удивился. Я думал, Нгилан понимает Народ, как самого себя.

— Разведчики сами не разобрались, — сказал он. — Они *растеряны* встревожены. Их Мать тоже. У них был большой совет, но они так и не разобрались, как относиться к новой информации. Такого ещё никогда не случалось.

— А что случилось? — мне тоже стало тревожно. — У тебя такой вид, будто кто-то попал в беду.

— Может, и попал... — сказал Нгилан задумчиво. — Понять бы, кто.

— Человек? — спросил я. — Или животное? Или что-то случилось с механизмом?

Нгилан погладил меня по щеке, оставив на мне запах беспокойства, тепла и непростых мыслей; на щёку, где остался след его секрета, тут же сел разведчик и принялся изучать это место антеннами. Мне польстило; мой паук вышел на плечо, чтобы поприветствовать Нгилана — паук его хорошо знал.

— Понимаешь, Цви, — медленно проговорил Нгилан, угощая паука слюной, как это сделал бы и я, — «человек», «животное», «машина» — категории, известные Народу, а значит, они были бы понятны мне. Более того, любое из этих понятий я бы мог конкретизировать. «Животное» *дикое-домашнее-сытое-голодное-больное-здоровое* — это объяснимо. «Человек» *свой-чужой-мужчина-женщина-ребёнок-работает-прогуливается-заблудился* — это тоже объяснимо. «Механизм» *знакомый-незнакомый-полуживой-обычный-наземный-водный-летающий* — это совсем просто. Но в данном случае Народ *затрудняется* не знает определения. И оперирует *картинками* образами.

— Значит, ты видишь *глазами* память* с помощью Роя? — спросил я. — Но что?

— Не механизм, — улыбнулся Нгилан, но пахло от него грустью и смущением. — Это точно. Объектов — несколько, они, несомненно, живые. И невероятные.

— У нас в Светлом Лесу никто особенно невероятный не водится, — сказал я. — Весь лес вокруг лаборатории миколога на четвереньках исползали. А мы с братьями обследовали всё на десять дней пути вокруг. Довольно много разной живности. Мы с Дзиорном как-то обнюхивали следы *мускусного* оленя, видели лазающих волков, а уж про обычных зверей и про птерисов я вообще молчу...

— Это не звери и не птерисы, — сказал Нгилан. — Если бы мы с тобой жили времена До Книг, я бы предположил, что это демоны. А сейчас я в растерянности *в демонов не верится*.

Я рассмеялся.

— А демоны отличаются от людей?

— Внешне — *голые, но в одежде* — абсолютно. Сходство только в том, что они, как и мы — существа прямоходящие.

— Как это: *голые, но в одежде*? — мне пришлось потрудиться, чтобы воспроизвести эту бессмыслицу. — Нелепый каламбур...

— Это не каламбур, — сказал Нгилан. — Представь себе человеческое тело, с которого удалили все волосы. Все вообще. Кроме, быть может, того, что росло на макушке — а волосы у них на макушке не длиннее и не гуще, чем у тебя на щеках. Тело голое, как подушечки пальцев. Как мочка носа. Целиком. И прикрыто одеждой. Как ты думаешь, бывают такие млекопитающие?

— Бывают такие амфибии, — сказал я. Мне снова стало слегка не по себе. — И рептилии. Может, и млекопитающие бывают, но не в наших краях... А они *опасны* крупные?

- *И мне вспомнились лягушки* Не знаю, — Нгилан протянул мне паука, я его взял и сразу почувствовал себя лучше, хотя паук тоже чуточку беспокоился. — Народ считает, что они *голодны*больны*потерялись* нуждаются в помощи. Но не знает, *стоит ли* можем ли мы им помочь.

— Как это *стоит ли*? — запах показался мне куда сильнее слов.

— Они убили двух разведчиков, — сказал Нгилан. — Как ты думаешь, в каком случае человек может убить чужого разведчика?

— Вор? — предположил я. — Вор, который хочет украсть что-то, отмеченное чужим запахом. И убивает разведчиков, чтобы Друзья Народа, те, кто общается с Роем в ограбленном клане, не спохватились раньше времени. Как?

— Никак. Не логично. Вор бы попытался убить всех. Враг Народа — тоже.

Загадка.

— Хорошо. Кто-то, пришедший очень-очень издалека. Из-за Океана. С Запредельного Севера. С Горючих Земель. Совсем чужой здесь — и не знакомый с местными видами Народа. Либо принял разведку за бойцов, либо взял образцы, чтобы разобраться.

- *Ветер дует в лицо* Мысль чётче, чем предыдущая, — согласился Нгилан. — Я бы ещё предположил: хотят познакомить свой Рой с нашим — *вышло бы красиво* но это неверно.

— Почему? — спросил я.

— Потому что, будь среди них Друг Народа, любого Народа — разведчики точно сообщили бы мне об этом. Это *пустые* простые существа.

— Хорошо бы сказать кому-нибудь из старшей родни, — сказал я, думая об отце.

- *Хорошо бы* Кому? Почти все старшие улетели в усадьбу. Только Золминг и Длагорн в лесу, ищут повреждения на линии Болото — Тёплые Ручьи, но они ещё не возвращались, несмотря на дождь. Кто ещё... твоя *рыжая* тётушка. Она дома.

— Дзидзиро? Можно ей. Она — квалифицированный специалист...

— По артроподам.

— Биолог. Разбирается в живых существах.

— Так и я разбираюсь... А среди нашей родни есть антропологи? Кажется, нет...

— Нет, — согласился я. — Наш клан всегда интересовали более практичные вещи. Но чем больше людей обсуждает проблему, тем легче прийти к истине.

Нгилан кивнул и сдунул с ладони пару разведчиков — они тут же вылетели из комнаты вглубь дома. Он отправил их позвать Дзидзиро; она вошла пару минут спустя, принесла одного разведчика на щеке, второго — в волосах, а на одежде — вкусный запах сока молочайника и шмелиного мёда. Прекрасная сколопендра, иссиня-чёрная, блестящая, переливающаяся струйкой живого мрака, длиной с руку, не меньше, скользила по шее и плечам Дзидзиро подвижным ожерельем, то прячась между побегами тётинной одежды, то снова появляясь.

Моя старшая тётя, моя любимая тётя. Это она в давние времена привезла мне с Большой Ярмарки моего первого паука — не чёрного охотника, какой у меня сейчас, а мохнатого древесного паука, из тех, от которых любой малыш приходит в дикий восторг. Она и учила меня ладить с Народом; правда, по своему профилю — с многоножками, арахноидами и боевыми скорпионами. Как все женщины, тётя Дзидзиро никогда не имела дел с Роем, занимаясь только обслугой и охраной жилищ, принадлежащих клану — но мне хватало. Больше всех представителей Народа я люблю пауков.

В нашем клане, как это ни печально, было не так уж много настоящих Друзей Народа, тех, кто способен вступить с Роем в абсолютный союз. Поэтому я невероятно гордился дружбой с Нгиланом.

Дзидзиро обнюхала Нгилана, благоухая теплейшим дружелюбием, с некоторым даже кокетством, а мне вылизала глаза, как маленькому:

— Что это тебя беспокоит, Младенчик?

Я — Младенчик. Я сунул ладонь в её сумку, как *маме* в детстве. Дзидзиро даже не подумала шлёпнуть меня по пальцам, зарылась носом в мои волосы — и я ощутил тонкий-тонкий запах её сожаления. Прощального сожаления.

— Я *ещё не ухажу* хотел поговорить с тобой, — сказал я. — Твоя сколопендра не нападёт на паука? Что-то она мне незнакома.

— Новенькая, — Дзидзиро пропустила сколопендру сквозь пальцы, как воду. — Сторож. И телохранитель. Равнодушна к ручным паукам, пахнущим детьми клана... Нгилан,

что-то я не разберу, чем тут у вас пахнет? Игрой в загадки? Научной дискуссией? Вопросами без ответов.

Нгилан принялся посвящать тётю в курс дела, почти не прибегая к словам вслух. Видимо, он попытался воспроизвести тот образ, который создали для него разведчики Народа — гораздо выразительнее, чем словесный. Меня он впечатлил не меньше, чем Дзидзиро, но иначе, чем сказанное: если от словесных описаний мне стало тревожно, будто и впрямь где-то в окрестностях лаборатории бродили демоны из старинных страшных сказок и могли напасть на наших родичей, то от запахов резануло жалостью. Эти существа — их было несколько, три или четыре, разведчики не уточняли — разили болью, неприкаянностью, страхом и голодом. Они не угрожали — я ошибся.

— Ты хочешь, чтобы я объяснила, что это за создания? — спросила Дзидзиро, кончив обнюхивать пальцы Нгилана и лизнув его ладонь, чтобы освежить восприятие. — Я *понятия не имею* никогда не встречалась ни с чем подобным. Но знаешь, что приходит на ум, красавчик? Люди. Странные, но — люди.

Нгилан рассмеялся — и я вслед за ним.

— Не могу представить себе животных, какими бы они ни были, носящих одежду и умеющих разводить огонь, — пояснила тётя. — А в демонов не верю.

— Они разводили огонь? — удивился я.

— Мне показалось, что от них, кроме прочего, пахло и дымом. Если Нгилан, увлёкшись, не придумал это сам.

— По-моему, они попали в беду, — сказал я. — Надо бы их поискать. Нгилан, твоя разведка видала их далеко?

— Нет *в шести пальцах отсюда*, — сказал Нгилан. — Я бы попросил Мать Роя перепроверить, но дождь всё ещё моросит.

Вот тут-то в комнату и вбежала Ктандизо, кухня, тётина дочь; целое облако запахов несло за ней шлейфом — она так торопилась, что ухитрилась обогнать собственные мысли.

— Малютка, — сказала Дзидзиро, вскинув брови и собирая в ладони всё это смятение чувств, — попробуй ещё раз. Спокойнее.

— Там *КРОВЬ!* полумёртвые *ГОЛЫЕ* без ушей *РЯДОМ* на дороге *КРОВЬ!* *КРОВЬ!* на дороге *РЯДОМ С ДОМОМ*! — Ктандизо швырнула струю образ прямо в окно. Её запах, усиленный страхом, потрясением, любопытством, те, на дороге, должны были учуять за три пальца пути, минимум.

Мы все выглянули в окно.

Они брели по дороге странной походкой, будто хотели втереть в землю свой запах. Дождь мешал всё хорошо разнюхать, да они ещё и не подошли близко, но я понял: этих существ видели разведчики Нгилана.

Но Нгилан не говорил, что у них нет ушей. Я прищурился, чтобы лучше видеть; мне показалось, что какие-то крохотные ушки всё-таки есть — прижатые к лысой голове, как у лесных кротов. И уж совершенно отчётливо различалась голая бледная кожа. Когда-то в детстве я сбрил волоски с руки, чтобы посмотреть на себя под шерстью — там была такая же бледная кожа, которая выглядела беззащитно и не очень приятно, будто плохо заживший шрам. Больше так делать не хотелось.

А эти создания... то ли они были побриты целиком, то ли на них вообще не росла шерсть, как на лягушках или существах, постоянно обитающих в воде. Мне стало их жаль.

— Цвиктанг! — окликнула тётя. — Погоди.

— Я — посмотреть, — сказал я и сбежал вниз по лестнице.

Четверо стояли посреди дороги и смотрели на дом. Моросил дождь, запахи стали очень острыми — и я их так чуял, будто носом в них уткнулся.

И мне стало так жалко...

Я в жизни не обонял таких грязных существ. От них несло в сорок слоёв — и каждый слой был просто ужасен. Страх накладывался на безнадёгу, накладывался на боль, накладывался на голод, накладывался ещё на что-то, и оно всё стояло вокруг них столбом, будто они и не чистились, и не пытались собрать старые запахи с себя. И они были молоды. Как я. Молодые... парни?

Я понял: им было не до того. Они попали в такую беду, что им было вообще ни до чего. И тут до меня дошло, кто они такие!

Где-то есть мир, в котором живут голые люди без ушей. Эти четверо — родичи. Покинули свой клан, отправились на поиски счастья, а потом случилось что-то невысказанно ужасное... но что? Где-то порвалось то, что отделяет наш мир от того? Или они упали с неба? В общем, теперь они тут совсем одни. Чужаки.

Они никогда ничего не найдут.

Я понимал, что всё это, придуманное — дичь, ерунда. Но иначе — откуда они здесь? Такие?

И тут один из них меня позвал. Учюял меня в кустах и окликнул.

Голос у него был, как у человека, а слова — нет. Но откуда ему знать наш язык? Иногда кто-нибудь добирается сюда из таких дальних мест, где говорят совсем непонятно.

Но я по запаху понял, хоть и тяжело было разобрать новый запах в этой мешанине боли, крови и грязи. Один из них меня позвал, а остальные ужасно напрягались. Кажется, они меня боялись. Я понял, что надо выйти.

Они думают, что я — дикий зверь или ещё какая-нибудь тварь? Прямо около дома — тварь? Прямо на отмеченной чёткими метками территории клана? Или я сам так непривычно пахну? Ладно, пусть посмотрят.

Всё правильно, я верно решил. Они увидели и расслабились. У одного была дубина, он, чудак, приготовился защищаться от опасной зверюги — дубиной, но он её опустил. Потрогал меня за ухо, будто хотел убедиться, что я существую. И вообще, заметно, что все перестали напрягаться. Но старый запах так и не убрали. Не умеют, что ли? Или им не до того, сил нет?

Я ждал — и тот, спокойный, ко мне подошёл. Он мне понравился; у него имелись кое-какие уши — и от него не разило страхом и напряжением. Он стал разговаривать со мной, но, почему-то, по-прежнему только словами. Хотя мы словами друг друга не понимали, вернее, понимали, но еле-еле.

Понимания на словах только и хватило, чтобы назвать друг другу имена. Он назвал своё имя — Дзениз, а его родичи не стали себя называть. Они наблюдали. Не очень вежливые, но это, кажется, просто от страха, боли и усталости.

Я попытался Дзенизу объяснить, что надо переходить на запах, но он не понимал — и всё. Тогда я решил показать жестами и взял его руки. И вот это было да...

До меня дошло. Он не просто не понимал. Он не мог. У него были совершенно пустые ладони. Я нюхал-нюхал, рассматривал — но руки у Дзениза были как у деревянной куклы. Не совсем, конечно, но похоже. Я разнюхал много всякой странной всячины: ягоды дикой

красницы, золу, речную воду, уголь, листья четырёх видов, по крайней мере, сок клеевика, убитых насекомых... Ещё от его ладоней пахло его, я бы сказал, фоном. И всё.

На его ладонях не было никаких желёз. Вообще.

Я подумал о существах с других планет. Говорят, на других планетах могут жить люди. И у людей с других планет органы могут находиться не там, где у обычных людей. Иначе этих голых парней вообще нельзя объяснить.

Инопланетяне. Интересно, на чём они прилетели в наш мир? Где их летательный аппарат? Разбился? Испорчен? Тогда понятно, почему от них несёт бедой.

Инопланетяне — это всё объясняет. И — что голые. И — что без ушей. И — железы у них не на руках. А где?

Я стал его обнюхивать везде, где может быть что-то, похожее на железы Старшей речи. Гениталии у него были очень плотно закрыты одеждой, слишком плотно; я подумал, что, наверное, не на гениталиях, раз так. А от лица чуть-чуть пахло, особенно — от висков и около ушей. Слабо и общо. Неразборчиво.

А Дзениз давал себя обнюхивать, но сам даже не попытался поизучать меня, хотя не похоже, что ему всё уже было ясно. И я подумал: а вдруг у них на планете это неприлично? Неприлично бесцеремонно брать за руки и обнюхивать без спросу? А спросить он не умеет?

Я намекнул, что у нас — можно. А он удивился.

Они все поразились, что-то говорили, смотрели на меня странно — но никто не нюхал толком. Я понял так: они догадались, что у меня Старшая речь, но понятия не имели, что с ней делать.

Дурацкая мысль: они вообще не понимают всё, связанное с запахами. Может, у них и обоняния-то нет? Или есть, но очень слабое? Носики-то крохотные... И из-за этого один из них хотел защищаться от зверей дубиной?

Человек может ослепнуть или оглохнуть — а может даже родиться без зрения и слуха. Я слышал о несчастных, которые рождаются со слабым обонянием. Но — совсем без него? И нет запаховых желёз? У всех четверых?

Никогда не слышал о такой болезни — чтобы желёз Старшей Речи не было вовсе.

И тут я услышал, как из дома Нгилан крикнул:

— Подойдите сюда!

Что интересно: они ведь поняли слово. Запах не понимали, а слово поняли. И пошли.

Серёга, конечно был прав, когда сказал, что Цвик безопасный. Он точно безопасный, но дело не в этом. Он милый был ужасно. Я даже описать не могу, какой он был милый.

Вблизи-то он был совершенно не похож на эльфа. Только издали, а когда подошёл... Бывают такие собаки — лабрадоры. Они мягкие, как плюшевые игрушки, у них морды — славные, добрые, губы обвислые, уши болтаются, а нос летом темнеет, а зимой делается розовый. Они добрые, доверчивые, весёлые и бесстрашные. Вот Цвик — он как лабрадор.

Я от людей никогда такого не чувствовал. Только от собак, да и то — собака собаке рознь. Но вот когда пёс подходит, улыбается, машет хвостом — сразу понимаешь: не будет кусаться. Перевернётся пузом кверху, чтобы почесали, будет тыкаться, лизаться, но точно не укусит. Я в таких делах никогда не ошибаюсь. Не боюсь собак. Знаю, как они себя ведут, когда им страшно, зло или укусить охота, а как — когда хотят, чтобы почесали пузо.

И Цвик — как пёс. Нет, это смешно, но мне показалось, что он гораздо больше пёс, чем человек. Уши его, вертолёт, шевелились, как у пса. Нос мокрый и холодный, усы. Шерсть. И когда его гладишь — чудесно на ощупь. Как дога, к примеру, только ещё мягче.

Добрый, умный и доверчивый. И нюхает. Это было ужасно смешно, как он внюхивался в мои пальцы. Теперь я понимаю, что он там хотел нанюхать. У них из-под ногтей выделяется по чуть-чуть такая штука... как масло, что ли. Она пахнет, и каждый раз — по-разному.

В этом наверняка есть какой-то смысл. Но тут уж мне никак не разобраться. Я только догадался, что этот запах — он у них как сигнал. Но что означает — человеку не разобрать. Будь у нас собака с собой, она бы, может, и догадалась как-нибудь.

А паук у Цвика в волосах — домашний зверь. Ручной.

Когда паук выполз у него из шевелюры, я думал, у меня сердце выскочит. Ненавижу пауков до невозможности. Но Цвик с ним, как с котёнком... нет, как с дрессированной собачкой. Он ведь ещё и пауку подал сигнал своим запахом. Выпустил крохотную капельку из-под ногтей, растёр по пальцам и мазнул меня по щеке. Чтобы паук знал: свои. И я сразу успокоился, стало смешно: вот, человекообразный собак запахом паука дрессирует, отозвал, забрал своего паука, как кусачую собачонку.

И всё, что Цвик делал, было мне понятно. Он меня обнюхивал правильно, так любой пёс нюхает. Около рта, за ушами... некоторые собаки даже лизаться лезут. Им человеческий запах нравится.

И пока он меня обнюхивал, я его хорошо рассмотрел. Он всё-таки был странный. Очень странный. Оно и понятно, марсианин же.

Цвик мне показался совсем худеньким: кости тоньше, чем у наших. Или мяса на них меньше, может быть. Не мускулистый — или мускулы по-другому устроены. Ну, как бы, скорее, жилы, чем мускулы. Плечи уже. Грудь не то, чтобы уже, но какая-то другая. Но из-за шерсти не выглядит дистрофиком. А одежда на нём — вовсе не одежда.

Она на нём растёт. Или из него. Или приклеена. Но одет он, вроде как, в кучу таких зелёных пучков, как водоросли, и друг с другом они не соединяются. Они прямо с Цвиком соединяются. Когда руку держал — видел: шерсть — и прямо из неё растут эти зелёные прядки.

И никаких штанов Цвик не носит. Это зелёное, газончик у него на шерсти — как травяная юбка у дикаря.

И разговаривать с ним мне было приятно. Потому что я понимал — ну, почти всё понимал. Не знаю, почему. Он сказал, что звать его Цвиктанг, по фамилии — Кэлдзи. Что, ясно ведь всё! И потом, когда кто-то из его старших позвал нас к дому, я ещё Цвика спросил:

— Идти надо, да? Гзи?

И он запах чем-то сладковатым и говорит:

— Гзи-ре, — в смысле, «точно».

А ребята почему-то ужасно нервничали. И Витя повёл себя так, будто мы в логово врага идём, а Серёга вцепился в свою дубину. Артик хрипло дышал и покашливал так, будто сдерживается, чтобы по-настоящему не раскашляться — ему было всё равно, но остальные заметно дёргались.

Я сказал:

— Серёга, положил бы ты эту дубину. Неудобно, — а он огрызнулся.

— Неудобно, — говорит, — штаны через голову надевать.

Цвик на дубину смотрел и чуточку посмеивался. Почти неслышно, но глаза блестят и зубы из-под губ — усмешечка такая осторожная, будто он обидеть Серёгу боялся. А мне было неловко.

Мы обошли кусты и оказались на дворе. Двор весь зарос этими живыми плитками, из которых у них тут дороги, и около входа в дом, с двух сторон от дверного проёма, эти плитки выросли в такие стволики, в половину человеческого роста примерно. На них лежали тыквенные фонарики-гнилушки. А двери в доме не было совсем. Была такая же зелёная бахрома, как на окнах. И эту бахрому для нас отодвинул другой... в общем, родич Цвика.

Он был настолько чудной, что все остановились и уставились.

Когда видишь первого марсианина, думаешь, что они все такие. Ну, как в кино: если на чужой планете один зелёный и пупырчатый, то все прочие тоже зелёные и пупырчатые, поголовно. Цвик-то был такой коричневатый, золотистый, с рыжей гривой — а второй оказался белый-белый. Белоснежный.

Нос у него розовый. Уши розовые. Глаза — голубые и бледные. Шевелюра вся в косички заплетена — белая, как молоко. А на белой шерсти на лице — еле-еле заметные полосы. Даже не сероватые, а тоже белые, но шерсть, как будто, чуточку по-другому растёт. Бывает ткань такая: блестящая с матовыми узорами — вот такие полосы и были. Тигриные. По щекам к вискам, по лбу — буквой «м». И по надбровным дугам.

Ухи у него оказались проколоты, и в них по нижнему краю вдеты даже не колечки, а целые блестящие спиральки — из дырочки в дырочку. А одет он был в белое пушистое облако, поэтому казался толстым. Но мордочка лица-то у него была узкая и нервная, как у Цвика, и руки тонкие. Он был не толстый, просто очень мохнатая одежда. Это белое и пушистое закрывало у него и тело, и руки по локоть, и ноги почти по самые лодыжки.

Цвик сказал:

— Нгилан. Кэлдзи мин.

А я:

— Ага. Нгилан. Твой брат, да? Кэлдзи? Он — Кэлдзи, и ты — Кэлдзи? Гзи? — и показал рукой, чтобы было понятнее.

Цвик, конечно, понял и сказал:

— Гзи-ре.

Мне было очень приятно, что мы с ним так здорово друг друга понимаем. Я видел, как у Нгилана шевелятся ноздри — и протянул ему руки. Понял, что он хочет понюхать — и

точно: он стал нюхать, а Цвик стал ему объяснять, что у меня руки ничем особенным не пахнут. Ну, очевидно же! Поэтому Нгилан не стал сильно вдаваться в подробности и так тщательно меня обнюхивать, как Цвик, просто отступил вглубь дома, чтобы мы все вошли.

Нас звали в гости — я вошёл. Я просто спиной чувствовал, как ребятам неудобно, но мне было совершенно непонятно, почему. Ну ничего, ничего абсолютно нам не грозило!

Я почему-то думал, что в комнате будет темно, а там было довольно светло. Утро стояло такое пасмурное, что свет в окна еле просачивался, но в комнате мягко светился потолок, неярко, но достаточно, чтобы стало уютнее. Свет желтоватый, как солнечный. А пол и стены все заросли мохом сплошь, и мох на одной стене плавно переходил в диван или во что-то такое. Мне показалось, что там была ещё какая-то мебель, из тёмных гнутых трубок, в зелёной бахrome, но я не рассмотрел. Потому что все домочадцы собрались на нас посмотреть — и мне хотелось смотреть на них, а не на обстановку.

И они все были совершенно не похожи на одинаковых марсиан в кино.

Один, серый со стальным каким-то сизоватым оттенком, как голубь, с гривой, завязанной в два хвоста, как у индейца, и в такой серой хламиде, типа пончо, только вязаного, в узелках и косичках, стоял напротив двери, расставив ноги, как герой боевика, шурился и подпирал подбородок кулаками. Человеку так стоять неудобно. Второй, почти такой же коричневый, как Цвик, и с такой же рыжей шевелюрой, подошёл близко, ноздри у него шевелились, и он цокал тоненько: «Цок-цок-цок!» — слова это были, или «ай-яй-яй!» — я не понял. Этот второй был одет в целую копну тонюсеньких веточек с листиками, и в волосах у него тоже были веточки в мелких цветочках. Я ещё подумал, что он гораздо старше Цвика, потому что в рыжих волосах была сероватая проседь, и мордочка лица поседела, как, бывает, седеют собаки: в золотистом и коричневом появились мелкие белёсые шерстинки.

Третий и четвёртый остановились рядом, поодаль, и шушукались. Третий был песочного цвета, рыжеватый, с громадными зелёными глазищами, одетый в ярко-жёлтый цыплячий пух, а четвёртый, тоже чем-то похожий на Цвика, рыженький, только меньше и тоньше, был прикрыт только множеством ожерелий из чего-то переливающегося и условной золотистой сеточкой, вроде ажурной вязаной шали. Через сеточку было видно почти всё тело, покрытое мелкой шёрсткой — и до меня вдруг дошло, что это же — самочка! Девушка!

То есть... ну как... по этому самому... по паху понятно. Потому что у неё наряд был очень вызывающий. Но марсианка! Марсианка же! Потому что у неё вообще не было бюста! Никакой груди вообще, у неё не было даже сосков — гладкая шёрстка на грудной клетке! И у меня слегка зашёл ум за разум.

А эта рыженькая сообразила, что я на неё смотрю, подошла вплотную, зацокала и стала меня обнюхивать. Как Цвик: руки, губы, около глаз — и в это время всё время пахла сама, а запах менялся и менялся. Но они все пахли. Я это ощущение описать не могу. Кто-нибудь открывает ладонь — и оттуда запах струёй, как из распылителя с дезодорантом. А потом — другой. И запахи смешиваются волнами, у меня даже голова закружилась.

А рыженькая вдруг резко нагнулась и понюхала... в общем, я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Я, наверное, красный был, как помидор. И не знаю, чем бы кончилось это дело, но тут Артик раскашлялся.

Надо думать, от запаха. Не то, чтобы в комнате воняло — не продохнуть, но запах вполне ощутимый. Особенно, когда тот, серый с двумя хвостами, прямо махнул запахом на нас, а пахнуло будто аптекой. Резко. Камфорой, что ли. Не знаю, как определить.

И когда Артик начал кашлять, все моментально переключились на него. Особенно

белый Нгилан: у него вид сделался такой сосредоточенный, шёрстка над носом собралась в складочку и встала дыбом — и он тут же подошёл обнюхивать Артика внимательно.

Артик пытался удержаться, не кашлять, но плохо получалось. Тогда Нгилан сказал: «Дзон мин», — и качнул головой, как собаки иногда, вбок.

— Артик, — говорю. — Он тебя зовёт куда-то.

Артик одной рукой держался за грудь, другой рот зажимал — посмотрел на меня.

— Давай, — говорю. — Давай, иди. Он, похоже, помочь хочет.

И Витя тут же сказал:

— Все пойдём, — и Серёга кивнул.

Цвик стоял рядом и слушал: уши нацелил и усы тоже. Всем, чем мог, слушал, очень внимательно. Я его взял за руку и говорю:

— Цвик, мы все, — и показываю пальцем, — пойдём с ним, — и опять показываю. — Пойдём. Дзон. Гзи?

Цвик начал объяснять Нгилану, но тот, кажется, и сам уже понял. И в комнате вдрут полностью пропал запах. Вообще. Всякий. Даже нашим потом перестало шмонить, а только что разило — будь здоров.

Чуть-чуть попахивало только вроде как мхом со стен.

Нгилан что-то сказал своим и махнул кулаком. Очень странный жест, не как бы человек погрозил, а у себя перед лицом махнул. Будто муху отгонял, но кулаком, а не ладонью.

Тот, что с цветами в причёске, забрал рыженькую и того, что в жёлтом — и вышел в дверь, в глубь дома куда-то. Серый секунду постоял, фыркнул или чихнул — и тоже ушёл. И Витя с Серёгой, похоже, немного расслабились. А Нгилан снова мотнул головой, на другой дверной проём. А за проёмом была лестница.

По лестнице мы все и поднялись наверх; лестница была не очень широкая, и мы толкались плечами. Со мной Цвик пошёл, как переводчик. А наверху оказался недлинный сумрачный коридор, в коридор выходили три двери и окно. Двери — это я по привычке сказал. Не было тут дверей нигде. Только дверные проёмы, занавешенные зелёными нитями.

Нгилан одну такую занавеску отодвинул. За ней была большая комната, довольно светлая, нас туда приглашали. Мы вошли.

И мне сию минуту очень захотелось выскочить назад. Но тогда я бы сбил с ног Цвика. Пришлось вдохнуть и остаться — и даже смотреть вокруг.

Углы напротив, с двух сторон от окна, сплошь затянула паутина. Там даже, кажется, какие-то коконы висели. Из стен росли стеллажи — не могу это по-другому описать. Мне кажется, что-то тут было технологически общее с мостом: прямо из стен высывались ветки, сплетались друг с другом и образовывали полки. А на этих полках стояли террариумы, в которых копошилась какая-то крошечная живность.

Мне показалось, что даже более гадкая, чем пауки.

Между стеллажами мне померещились зелёные трубы, идущие из пола в потолок, но я тут же сообразил: это стволы. Растений, вроде бамбука. Такие же коленчатые, и на них даже различались веточки. Посреди комнаты стоял стол из белёсого матового стекла на непонятных ножках — такое ощущение, что он тоже вырос из пола. Над столом наклонно висело зеркало, а рядом стояло стеклянное, по-моему, гнутое кресло — ножки тоже уходили в мох. И ещё там были какие-то гнутые подставки, а на них — стеклянные трубки, в которых шевелилось непонятное. А в простенке между стеллажом и дверью росли трутовые грибы, как на берёзе, жёлтые, буроватые и песочного цвета, и от них в некоторые трубки тянулись

тонкие корешки или нитки, а другие нитки шли в стену.

В общем, мне показалось похоже на зверинец и на лабораторию.

Пока я глазел по сторонам, Серёга вскрикнул:

— Ох, ёлки! — чуть меня в стену не впечатал, в грибы прямо.

— Ты чего? — говорю.

А Серёга:

— Из этого белого оса вылезла, ёлки! — глаза у Серёги расширились, и лицо было такое, будто его мутит.

Я посмотрел на Нгилана — и увидел, как вылезает вторая оса. Серёга был прав: она появилась из белого пуха у Нгилана на животе, здоровенная, сантиметра полтора в длину, бурая в золотистую полоску. А вторая такая же уже ползала по его рукам. А сам Нгилан в это время принюхивался к Артику, вид у которого был до полусмерти замученный.

Я обернулся к Цвику. Цвик показал мне глазами на Серёгу и сказал тихонько:

— Дзениз, Нгилан видзин мин. Видзин, — и поднёс ладошку к моему носу.

А от его пальцев пахло как-то сладко и нежно, то ли пудрой, то ли ванилью. И до меня начало доходить. Тот, серый, пахнул резко — мы ему не очень-то нравились. А Цвик пытался меня успокоить вкусным запахом.

— Видзин? — говорю — Видзин — хорошо. Всё в порядке, да? Гзи?

Я потёр его палец своим и ему же дал понюхать. И он рассмеялся. Почти как человек, очень похоже. И сказал Нгилану, чтобы и его рассмешить, но Нгилан был занят с осами и обнюхивал Артика.

Артик мне сказал:

— Денис, ты понимаешь что-нибудь? — и снова закашлялся. И Нгилан взял его за плечо и нажал, чтобы он сел в кресло. Артик сел — и кресло подалось. Оно было мягкое, хоть и казалось стеклянным. На самом деле — не стекло.

— Я понимаю, что всё хорошо, — говорю. — Или будет хорошо. Что тут непонятно-то? Они думают, как тебе помочь.

И тут оса взлетела с руки Нгилана и села на руку Артика. И Артик на неё уставился держа руку на весу — я видел, как ему хочется согнать насекомую, он еле сдерживался. Витя сказал, как про себя:

— А я ведь видел такую на берегу. Прихлопнул. Вокруг меня кружилась...

В его голосе была какая-то такая интонация... где-то между страхом, отвращением и проблесками понимания, только не знаю, что именно он начинал понимать.

А Серёга сказал:

— Во жопа, ёлки...

Нгилан Артика тронул пальцами за щёку, как Цвик — меня. Я уже это знал, это он показывал осе, что Артик — свой, как собачонке.

— Всё хорошо, — сказал я совершенно уверенно. — Не бойся.

И тут оса его укусила. Артик дёрнулся от неожиданности и хотел её прихлопнуть, но Нгилан схватил его за руку и приказал:

— Хен! — и на один момент выдал резкий запах, как чесночный, но тут же запах и пропал.

Я перевёл тут же:

— Нельзя! Не трогай!

Артик, который даже кашлять перестал, как-то криво усмехнулся:

— Больно...

И Серёга дёрнулся вперёд, но Витя его остановил. Что-то очень чудное было во всём этом действе. Неправильное.

Оса укусила не так, как жалят осы. Осы жалят сзади, у них высовывается жало из хвоста. А эта именно укусила зубами, или как это называется у ос: впереди у неё из головы росли такие кривые клыки, ими она проколола Артику кожу и подцепила на них капельку крови. И взлетела.

Мы все за ней проследили, как она села на Нгилана и пропала у него в белом пуху. Реально залезла в него. Полная чертовщина какая-то.

Нгилан вынул из сосуда с чем-то прозрачным тоненькую стеклянную палочку — и смазал крохотную ранку у Артика на тыльной стороне ладони. И положил палочку на стол.

Артик усмехнулся заметнее, поднял глаза на Нгилана и ему сказал:

— Щиплет. Это — дезинфекция? Или — что вы делаете?

Нгилан кивнул ему, и сказал, как с детьми разговаривают:

— Видзин, скоу мин, — мягко и успокаивающим тоном.

И от него запахло ванилькой. Чуть-чуть не так, как от Цвика, но похоже. Мне стало смешно.

— Говорит, что всё будет хорошо, — перевёл я. Я потихоньку начал себя чувствовать, как переводчик. Я мало что понимал, если честно, но чувствовал, что не будет нам тут ничего плохого.

Нгилан тем временем сделал такой знак рукой для Артика, который мог значить только «посиди пока» — и посмотрел на Серёгу. Серёга сделал шаг назад.

— Слышь, Динь, — сказал он мне, глядя на Нгилана, как на дикого зверя, который уже подкрадывается, — скажи этому ушастому, что нефиг мной своих ос кормить. А то по кумполу огребёт.

— Да не рвись ты, Калюжный! — сказал Витя тихо и раздражённо. — Без тебя ему ос кормить было нечем... Видишь, изучает нас. И тебя, дубину с дубиной.

— Нефиг меня изучать, — сказал Серёга хрипло. И я понял, что ему страшно, гадко и хочется свалить отсюда как можно дальше — еле в руках себя держит.

А Нгилан показал, не дотрагиваясь, на Серёгину щёку, которая раздулась вчетверо, и покраснела почти до синевы, и блестела глянцево, как опухоль. Там, где вчера была царапина, теперь кожа воспалилась, и виднелось что-то тёмное.

Нгилан старался что-то объяснить, а Цвик смотрел на меня: понимаю я или нет. Я почти не понимал, только догадывался — Нгилан беспокоился. За Серёгу беспокоился. Может, хотел сказать, что щёку надо обработать, а то заражение будет.

Артик в это время сидел в кресле в напряжённой позе, держал перед собой руку с крохотной ранкой и пытался не кашлять. И тут из Нгилана снова появились осы — сперва одна, потом вторая. Артик отшатнулся, насколько позволило кресло, а Нгилан взял его за руку, где укус, показал на укус — и что-то сказал. И поднёс ос на свободной ладони. Ближе.

— Слушай! — вдруг осенило меня. — Он говорит, что им надо тебя укусить ещё разок! Знаешь, некоторые болезни лечат пчелиными укусами! Народное средство! Деревня же! До врача далеко, машины нет...

Все меня слушали очень внимательно. Осы ползали по ладони Нгилана, но не взлетали. Артик нервно усмехнулся.

— Народное средство, говоришь, — сказал он со смешком, по которому было ясно,

насколько ему неуютно. — Вас зовут Нгилан? — спросил он у Нгилана.

Тот улыбнулся в первый раз. Очень мило — щёрстка встопорщилась в уголках рта.

— Нгилан. Гзи-ре.

Артик выдохнул, но не кашлянул — и протянул руку.

— Пусть жалят.

Нгилан взял его руку и перевернул запястьем вверх. Осы будто поняли. Они одновременно взлетели, сели Артику на запястье и — не укусили, как в тот раз, а ужалили именно. Как настоящие земные осы. Из хвостов. А потом немедленно убрались в пух к Нгилану, как самолёты в ангар. И он смазал дырочки прозрачным — как йодом.

А у Артика сделалось очень странное выражение лица. Он хмурился и прислушивался к чему-то внутри себя.

— Ты чего? — спросил Витя.

— Мне жарко, — сказал Артик тихо и вдохнул. Чуть кашлянул, но мне показалось, что вдохнул свободнее. — И голова кружится. Денис прав, это лечение пчелиными укусами. В их яде, похоже, содержится какое-то вещество, облегчающее дыхание.

— Охренеть, — пробормотал Серёга.

Цвик за всем этим наблюдал, страшно довольный.

Артик дышал и слушал собственное дыхание. И Нгилан слушал. Уже было ясно, что Артику не хочется кашлять до рвоты от каждого вдоха.

— Колоссально, — сказал Артик, обращаясь к Нгилану. — Нгилан, спасибо вам. Денис, ты уже знаешь, как здесь благодарят, или ещё нет?

— Скажи «видзин», — посоветовал я. — Это не «спасибо», но тоже хорошо.

— Нгилан, — сказал Артик прочувствованно, — видзин. Мне намного лучше. Чутьку больно только... — и потёр грудь.

Нгилан поменял запах с ванильки на что-то посвежее, как яблоко. В общем и целом было похоже на какие-то фруктовые духи, только без запаха спирта. Он взял Артика за руку и показал ему следы укусов или уколов. И поднял четыре пальца. Ну, как землянин, честное слово!

— Он хочет сказать, тебе ещё понадобится четыре осы, — перевёл я уверенно. — Как лекарство. Потом. Чтобы прошло окончательно.

— Нгилан, — спросил Артик, — вы медик?

— Он белый, — сказал Серёга. — Поэтому белый, что ли?

— Я ещё не могу это перевести, — сказал я. Но пока это было не очень важно.

А я начал очень-очень медленно понимать.

Что всё офигеть, как хорошо. Так хорошо, что и ждать было нельзя. Какие ж мы везучие-то, ёпт! Да мы же просто в рубашке родились, все в одной! Потому что ушастики нас приняли — раз, нами заинтересовались — два, а вот теперь белый Нгилан нас изучает и лечит — три.

А всё, между нами, девочками, могло бы повернуться совсем другим концом.

Нгиланову осу я хорошо запомнил. Очень запоминающаяся оса: как карамель «раковая шейка» — шоколадные полоски и полоски медового такого цвета, а задница — с белым кружочком, типа шмелиной. И она вокруг меня кружилась ещё вчерашним вечером. Только вот не надо, что она случайно туда попала!

Ушастые нас вычислили ещё вчера. И прикидывали, что с нами делать.

Если бы мы сами к ним не впёрлись, они бы нас забрали в лучшем виде. И дофига нам повезло, что мы не сделали, видимо, в их лесу ничего плохого. Потому что они у ушастых очень непростые, эти осы.

Не знаю, что у Нгилана там, под белым пухом. Может, маленький домик какой-то, типа улья, где осы живут. А может, что-то ещё сложнее. Но оса туда отнесла анализ крови, которую у Разумовского взяла. Зуб даю, взяла анализ. И какая-то там система эту кровь обработала, вывод сделала и других ос зарядила лекарством. Ни от чего другого — от кашля конкретно.

А если бы Нгилан захотел, вкалывали бы его осы ядовитый яд. На любом расстоянии. Стопудово. Самонаводящиеся пули, жесь. Сами цель нашли, сами с ней покончили — и улетели докладывать. Это пчела укусит и подышает, а оса — та нет. Оса может ужалить сколько угодно раз. И потом полететь к хозяину и как-нибудь всё объяснить.

Эти здешние такие симпатяжки, только если ни о чём не думать, как Багров не думает. Ну, да, ушки у них шевелятся, сами шерстяные такие, как плюшевые мишки... Ага. Щас. У них тут всё под контролем. И лес под контролем. Они велели дороге вырасти — дорога выросла. Мост ещё можно себе представить, как сделать руками, но дорога-то! Прав Разумовский, вообще: почему она вширь не растёт, если посажена, как клумба? А дом этот. Они же его тоже не строили, а вырастили. Интересно, сколько на такое дело времени уходит...

Нгилан, конечно, не потому белый, что медик. Альбинос просто. Бывают такие — альбиносы. Даже люди. И он не такой развесистый, как Динькин Цвик: строгий мужик, серьёзный. А как вы думаете! При нём же постоянный самонаводящийся автомат, с обоймой, которая сама собой пополняется. Офигенное оружие, как подумаешь, совершенное. И многофункциональное. Хочешь — оружие, хочешь — аптечка. В деревне, ага. А нам, землянам, до таких технологий, между прочим, ещё пердолить и пердолить. Что у них тут в городах, если в деревне вот этакое?

А Нгилан, между тем, Разумовского оставил в покое, на Калюжного переключился. Вижу, обнюхать хочет, и оса у него ползает по свитеру. А Калюжный вот-вот психанёт — просто худо человеку.

Я тогда говорю:

— Слышь, Серёга, не дури. И не ссы. Он ничего плохого делать не будет, мы им живьём

интересны. Видишь: врач. Дай ему посмотреть, что у тебя с мордой.

А Калюжный:

— Что у меня с мордой... ничего у меня с мордой! Что он привязался со своими осами!

— Ты что, — говорю, — уколов, что ли, боишься? Да это у него не осы, а летающие шприцы. Он их заряжает под свитером и выпускает, не видишь, что ли? Скажи, Разумовский?

Артик говорит:

— Да, похоже.

И Багров говорит:

— Серёж, он думает, что у тебя заражение будет. Что ты, в самом деле...

Нгилан тем временем Разумовскому показал жестами, что креслице надо уступить Калюжному. И сыпанул порошочек в какую-то коричневую колбочку. Опа! — и свет зажёгся! Яркий, как в операционной. По краю зеркала, что наверху подвешено, оказались длинные лампы.

Офигеваю я от них.

Тут, видимо, и до Калюжного дошло — видимо, потому что очень похоже стало на настоящий врачебный кабинет, со светом. Он в это кресло сел — как к зубному врачу. Прямо мелко потряхивало его, как психовал. Где так смелый...

Я тогда говорю:

— Док... в смысле, Нгилан! Гхм... прощения прошу, — и тронул его за локоть.

Он на меня посмотрел, а я ему руки протянул и, вроде как, подставился понюхать. Раз, думаю, у вас тут такой осмотр — давай, осмотри меня сперва. Покажу салагам, что здесь у тебя безопасно, хоть и чуден твой кабинет не по-нашему.

Он, вижу, понял. Нюхал — и хмурился. Руку мне положил на живот.

— Точно, — говорю, — док. Там — болит, это есть.

Нгилан комбез мой потрогал — и всё хмурился. Я сообразил: ему до меня не добраться через одежду, не носят они такого. Расстегнул молнию, показал ему пузо. Он ещё больше удивился: и обнюхал, и ощупал. И соски его, понимаешь, поразили. Только что не облизал. И ясно, в общем: у них никаких сосков нет. И у девиц их тоже нет никаких сисек, даже намёка. Всей радости, что уши...

Потом Нгилан выпустил осу. А я руку подставил правильным порядком. Как медсестре.

Произвёл впечатление-то!

Улыбается Нгилан, смотрю. «Видзин, — говорит, — видзин». Это мы все уже поняли: «видзин» — хорошо. «Видзин» — и пахнет плюшками. А «хен» и чесночная вонь — это «плохо», «нельзя», запрет, в общем. Нет у меня способности к языкам, но вместе с запахом что-то быстро пошло.

Он проделал ровно ту же процедуру. Запустил осу, чтобы капельку крови взять на анализ — это больно. По-моему, она и кусочек кожи срезала своими челюстями. А я глядел, и вдруг меня осенило: а вот нифига это и не оса! Потому что никаких челюстей у осы-то нет! У осы — хоботок! Она им варенье ест, если найдёт! А эти букахи только похожи на ос, потому что летают и полосатые!.. Или стоп, спутал. Хоботок у мух. Всё-таки осы?

А вот когда эти осы жалом впрыскивают своё лекарство — нельзя сказать, что сильно больно. Чувствительно, но не больнее укола. Мне он одну осу выпустил; видимо, не так я плох оказался, как Разумовский. И сразу ничего не подействовало — наверное, время должно пройти.

Пока док здешний со мной возился, Калюжный успокоился, салага. Дошло до идиота. Даже рукав задрал, чтобы осам было удобнее.

А Нгилан взял, значит, анализ осой и ушёл куда-то к окну. Там раскрыл один контейнер, где у него сидели непонятные живые твари, и вытащил... даже не знаю, как обозвать-то... Гада какого-то, длиной сантиметров в десять. То ли скорпиона, то ли жука с клещами — ужас какой-то, в общем. Чёрно-бурый.

И этого гада понёс к Калюжному. Влип, в общем, Калюжный. Потому что лучше — оса, мне кажется.

Серёга аж приподнялся:

— Витёк, — говорит, — что за жопа?!

— Сядь, — говорю, — салага, и не отсвечивай. Видишь, методы у них какие. Жить хочешь — сиди, терпи и молчи в тряпочку.

Разумовский улыбнулся бледно.

— Здесь лечат очень эффективно, но как-то непривычно.

А Калюжный:

— Ага. Точно, — а у самого морда белая, как гипсовая, только блямба красная, где опухоль.

Нгилан пальцем тронул его за щёку, за то самое место. «Видзин», — говорит, ясно ему, что нифига мы больше не понимаем, а это уже поняли кое-как. И сажает Калюжному на физиономию своего таракана.

И Калюжного перетряхивает с ног до головы. Рефлекторно. Вцепился бедный Серёга в подлокотники — точно, как у зубного, только хуже. Зубной-то на Земле всё-таки, и хоть не суёт тебе в рот всяких пауков.

А гад, между тем, сработал, как самый, что ни на есть, современный медицинский агрегат. На хвосте у него жало, как у скорпиона — первым делом ужалил рядом с опухолью. Калюжный дёрнулся, но, гляжу, ужас с его физии пропал, понимание появилось.

Разумовский говорит:

— Что-то чувствуешь, Сергей?

А Калюжный:

— Типа заморозки. Наркоз. Фигею я от них, ёлки.

Кто бы не фигел...

А насекомый гад чуток подождал, вроде, знал, что заморозка его должна подействовать — и разрезал какой-то шпуккой из своей пасти Серёгину кожу, как скальпелем. Только раз в сто быстрее, чем человек: моментом — рраз! — и всё. И вытащил из разреза белую личинку. Всё это в секунду уложилось. Я сообразил, что произошло, когда гад уже жрал эту дрянь.

Калюжный сидел с вытаращенными глазами, даже рот приоткрыл. И вид у него был то ли полубморочный, то ли — будто вырвет сейчас. А Нгилан совершенно хладнокровно забрал гада у него со щеки, сунул обратно в контейнер и прикрыл стёклышком. Потом поднял крышку над прозрачным цилиндром, где рос у него какой-то фикус с жирными листьями, сорвал лист, снял с этого листа кожицу — она легко-легко снялась, как плёнка с сосиски — и влажной стороной приложил к щеке Калюжного. Прижал — приклеил, как пластырь. И две осы Калюжного ужалили, будто между прочим: одна в руку, а вторая — в щёку, под лист. Нгилан только места укусов смазал чем-то.

Вся процедура заняла минуту. Хороший врач, в общем. Сделал профессионально, быстро, чисто, аккуратно — хоть в учебник. Только совершенно ненормально. Не по-

человечьему. Но ещё и что-то доброе сказал Калюжному: по интонации и по запаху ясно, что доброе.

Калюжный нас оглядел и спрашивает:

— Что случилось-то, ёлки? — видимо, у нас изрядно шары на лоб лезли.

— Ничего, салага, — говорю. — Червяка из твоей морды вытащили. Который бы тебя сожрал нафиг до самых мозгов, если бы не Нгилан.

Калюжный потёр щёку поверх листа.

— Бляха-муха... — говорит. — Спасибо... гхм... А не пауком никак нельзя было?

Разумовский сделал строгий вид и говорит:

— Нельзя было не пауком, Сергей. Надо было — как положено.

И Багров прыснул. Багровым Нгилан занимался только пару минут, да и то больше обнюхивал, чем что другое. Сделал ему укол осой — и свободен. Видимо, с нашими желудками ничего такого уж страшного не случилось.

Когда Нгилан о нас позаботился, чтобы мы, значит, не передохли, пока он по нам диссертацию не напишет, Цвик своего Багрова за рукав потянул — и давай что-то щебетать. И Нгилан слушал и пах одобрительно. Только не очень понятно, о чём речь.

Но Багров, конечно, хорошо соображает в этом плане. Цвик на наши комбезы показал, на банку с дезинфекцией. Пока я думал, что да, постирать шмотки было бы дельно — Багров догадался спросить, где самим можно помыться. Плюнул на ладонь, потёр другую. Цвик хихикнул и выкусился, как пёс, когда тот блоху ищет. Рядом с локтем. И стал вылизываться, уже как кот — вылизал себе между пальцами. Очешуеть, высокоразвитая цивилизация!

А Багров говорит:

— Хен, Цвиктанг. Мы целиком грязные, у нас на всё тело слюны не хватит, — и показал жестами.

На что Нгилан серьёзный, и он усмехнулся.

Тогда Цвик взял его за руку и кивнул. Они кивают не по-нашему, вперёд, а как-то снизу вбок — и значит это у них «пойдём».

Багров говорит:

— В баню зовёт, мужики. Или в ванную.

Хорошее дело. Грязные, как чушки. А тут женщины нюхают, неловко. Мы же — не то, что здешние, мы — простые люди. Специально пахнуть розами не обучены, а случайно получается то, что получается. Обычно никто не радуется.

Мы пошли за Цвиком.

А он нас привёл в небольшое помещение на первом этаже. Провёл нас рядом, кажется, с кухней, потому что оттуда потянуло определённо съедобным, когда мы проходили мимо. Калюжный даже спросил:

— А пожрать дадут, интересно?

— Ты, — говорю, — хоть руки вымой сперва, хамло. Смотри: народ вокруг чистый, пушистый — а мы из дикого леса припёрлись, все в дерьме. Нас лечить стали спешно, чтобы мы по дороге не сдохли, ясно. Но уж кормить грязными не будут, стопудово.

А Разумовский говорит:

— Денис, раз уж ты с ними на товарищеской ноге, спроси и про сортир заодно. Немаловажный момент.

Багров скривился:

— Ну как я буду у них про сортир спрашивать? Какими жестами? А вдруг они что-то неприличное подумают?

Но Цвик и сам сообразил. Тем более, оно у них было рядом — гигиенические помещения. Отодвинул две занавесочки — показал.

В одной — сортир. Окно, чуть занавешено, но светло. На потолке подсветка, опять же. В полу три толчка, поросших чем-то мохнатым — можно сесть рядом и поговорить ладком. Чисто конкретные пуфики с дырками, причём дырки сквозные, ведут куда-то вниз. Никакого смыва нет. Внизу должна быть выгребная яма, но дерьмом не тянет, тянет чуток погребным холодком — и только. Такие же зелёные стволы, как в лаборатории, из пола выходят, в потолок уходят, шпук пять растут вдоль стены, прямо с ветками и листиками, типа лавровых. На свободном месте что-то странное, вроде трутовика, опять же, только больше размером и слоистое — этакая штуковина размером в суповую тарелку. На маленькой полке лежат два шарика с пупочками сверху, вроде декоративных тыкв — один ярко-жёлтый, другой — оранжевый в зелёную полоску. И всё во мху, как везде.

И гадить тут как-то странно и непонятно. Непривычно.

Но в следующей комнатухе всё было ещё непривычнее. Потому что это оказалась не ванная.

Вернее, ванна посередине стояла, точно. Большая. Стеклянная. Почти круглая. И полная на три четверти меленьким-меленьким белым песочком. Очень чистеньким. Вдоль стены — полки из веток, на них банки-склянки стеклянные и ещё из чего-то. Вдоль другой — бамбук этот. Всё, как у них полагается. Только мыться нечем, воды — ни капли.

— Японский бог, — говорю. — Что за комедия, пацаны? Нафига тут этот пляж?

Ну, у Разумовского тут же гипотеза:

— Они чистятся песком, Витя. Как шиншиллы, — говорит. Взял с полки бутылочку, вынул пробку притёртую, понюхал. — Ну да. Смотри, видишь — масло тут. Сначала они вычищают себя песком, потом вытряхивают его из шёрстки и смазываются маслом. Чтобы шерсть лоснилась.

— Кайф, — говорю. — Хренею я со всего этого. А мы как мыться будем? Тоже песком посыплемся? А стирать как?

Но никто мне на это не ответил.

Нгилан сказал, что им надо почиститься, поесть и поспать, а я подумал, что всё это может оказаться сложнее, чем на первый взгляд представляется.

Я понял, что всё может быть сложнее, даже раньше, чем Нгилан начал их исследовать и лечить. Я об этом подумал ещё в передней, когда пришелец, который кашлял, закашлялся снова, и Нгилан запретил использовать Старшую речь.

— Говорите только вслух, — сказал Нгилан и собрал все запахи в комнате в кулак. — Этот парень... это существо... мне кажется, любое ароматическое высказывание вызывает у него приступ удушья. А ещё лучше — уходите. Дайте им опомниться.

— Этот парень *это существо*, - не удержался Лангри, но ушёл.

Пришельцы ему не понравились, он даже не попытался это скрыть. Он вообще не из тех, кто всегда благоухает, чтобы не сказать больше. Но его слова и мысли всегда пахнут одинаково, что, по-моему, хорошо.

А Дзидзиро, перед тем, как увести сестрёнок, сказала словами:

— Я была права. Они существа вроде нас, только совершенно незнакомые. Им будет очень тяжело, общайтесь с ними поласковее.

И Нгилан тут же сжал кулаки, чтобы не согласиться Старшей речью, и согласился вслух: «Конечно».

Вообще, забавно себя чувствуешь, когда приходится сознательно себя останавливать, чтобы не пахнуть. Это похоже на контроль каких-нибудь естественных, как дыхание, движений: как в детстве, когда задаёшься целью прыгать до какого-нибудь места на одной ноге, или тебе щекочут ухо травинкой, а ты стараешься им не шевелить. Всё время себя одёргиваешь... это похоже на какую-то игру.

Пришельцы вызвали у всех разный запах, это и понятно. Ктандизо, мне кажется, просто перепугалась, а может быть, ей неприятно смотреть на эту голую белую кожу и очень странные лица. К таким вещам нужна привычка. Зато Гзицино было интересно. Мы с ней здорово похожи: ей тоже интересны все люди, все живые существа и всё необыкновенное. Но Дзениз, почему-то, сам испугался её, даже, кажется, больше, чем моего паука.

А меня не боится. И вообще не из трусливых.

Вот тогда-то я и понял, что всё будет очень непросто.

Нгилан позвал пришельцев в лабораторию, а пришельцы позвали с собой меня. Мне было очень интересно, лестно, что удаётся помочь и понять в таком сложном случае — и ещё появились забавные мысли. Моё положение было до странности похоже на положение Друга Народа, который объясняет людям информацию, принесённую Роем — только какой же пришельцы Народ? Разве что — в том смысле, что мы с ними разные виды. Но представители разных Народов общаются друг с другом с помощью феромонов — то есть исключительно Старшей речью, не смешно ли!

Интересно, когда-нибудь кому-нибудь приходилось решать такую невероятную задачу — договариваться с разумным существом, которое не понимает Старшего языка? У любого человека с детства прорастает в сознании: Старшая речь — универсальна. Её понимают все. Звери, птерисы, Народ, причём — любой. Грибы, растения. Мир же держит биохимия! Если отвлечься от всяких поэтичностей, то Старшая речь — это химическое послание, в общем-то, единое для всех живых существ.

И вдруг — раз! — вот перед нами пришельцы, вроде нас, которые не понимают!

И сразу думаешь: а они точно разумные? Вправду нам сродни? И сам понимаешь, что мысли эти — глупы и несправедливы.

Если пришельцы и впрямь из другого мира, то почему тамошние химические послания должны совпадать с нашими? Ерунда, не должны.

И мы, получается, к визиту чужаков совершенно не готовы.

Вот что я думал, пока Нгилан их обнюхивал, а потом отправил разведчиков взять материал для биопсии. Чтобы ещё и Мать Роя могла высказаться на сей счёт.

Честно говоря, я думал, что их строение вызовет у Матери замешательство, если у пришельцев и впрямь совсем другая биохимия. А Мать очень быстро сориентировалась.

— Знаешь, Цвиктанг, — сказал Нгилан вслух, — они отличаются, но не принципиально. Мать определила их как... и несколько мгновений думал, как перевести образ, созданный Матерью, в слова. — Ну... как «незнакомых», например. Не как «невозможных» или «невероятных», а как «незнакомых»... как долго всё это выговаривать, бездна!

— Не ругайся, — сказал я. — «Незнакомый» — это как *чужой, но предсказуемый*...

Нгилан тут же собрал мой запах.

— Я же просил! У этого парня сейчас снова будет приступ — у него задышка, летний кашель...

— А вид такой, будто сильно поражены лёгкие, — сказал я. Я удивился.

— Его организм ничем не защищён от наших инфекций, — сказал Нгилан. — Вообще ничем. Иммунитет очень слабый. Это просто задышка, Мать нашла возбудителя и создала антидот — пока что. Посмотрим, как организм среагирует. Я боюсь применять серьёзные иммунопротекторы и ставить защиту, даже стандартную — он слишком сильно отличается от нас.

Антидот ввели два бойца Роя. И мы с Нгиланом, а пришельцы вместе с нами — стали наблюдать, что с их товарищем будет.

Ему было хуже всех. Я не изучал медицину специально, но от него несло явственной болью за версту. И я печально думал: а если антидот, который создала наша, местная Мать, на пришлого человека не подействует? Он умрёт?

И понимал, как это будет жаль. Обидно и печально. Пришелец так издалека, преодолел, конечно, множество опасностей — и вдруг умрёт от задышки, пустяковой болезни, обычной летней простуды, которая у любого из наших проходит за трое суток.

Но уже спустя малое время мы все увидели, что дышать пришельцу стало легче. И поняли, что скоро будет ещё легче. Это было, как в сказке.

И пришелец сказал, как Дзениз:

— Нгилан... хорошо.

Он ещё что-то говорил вслух, но остальное было уже не понять. А слово «хорошо» пришельцы сразу запомнили, и это мне показалось очень трогательным, потому что они первым делом придумали, как поблагодарить вслух.

— Вот это чудеса, — сказал я. — Существо с другой планеты — и на него действует лекарство Матери твоего Роя от задышки... Как в истории для детей.

— Цвиктанг, — сказал Нгилан, осматривая другого пришельца, — а с чего ты взял эту нелепицу про другую планету?

Я фыркнул.

— Нгилан, в нашем мире такие, как они, не живут!

— Не буду пока рассуждать с тобой о самой возможности перелёта с другой планеты, — сказал Нгилан. — Скажу лишь об их физиологии. И биохимии. Посмотри на лицо... на его лицо! — и показал.

У этого пришельца была дубина от диких зверей, он её так и не бросил — и я вдруг понял, зачем он её с собой таскает! Он понимает, что ничем не остановит хищника, если хищник решит напасть! Старшей речи-то нет! А те способы, которые в ходу там, у них, здесь, конечно, не действуют! И этот храбрый парень действительно собирался отбиваться от лазающих волков дубиной.

Правда, отчаянная храбрость. Впрочем, раз они добрались сюда из космоса или ещё как-то, то трусов среди них нет. И если они испытывают страх, то тем сильнее нужен характер, чтобы его преодолеть.

Но лицо у него распухло, да. И опухоль выглядела очень плохо, как-то знакомо, но непонятно.

— Я где-то видел такое, — сказал я.

— Конечно, видел, — согласился Нгилан. — Только не на лице и не на голой коже. На ногах. Или у мускусных оленей. Это — олений кусач. Как ты думаешь, личинка живого существа может развиваться в принципиально чуждой среде?

— Как же кусач может попасть на лицо? — удивился я. — Этот парень что, совал голову под воду? Зачем?

Нгилан неопределённо махнул рукой.

А пришельцы всё-таки очень странно себя вели. Потому что сначала я решил, будто парень с дубиной не хочет, чтобы Нгилан трогал кусача. У меня даже промелькнула дикая мысль: вдруг этот пришелец, там, у себя, был Другом Народа, а Народ у них живёт прямо внутри тела, под кожей! Вдруг парень не понимает, что кусач — опасный паразит, а не потенциальная Мать?! А может, он вступил в контакт именно с кусачом, кто знает...

Но я ошибался, конечно. Просто этот пришелец всё время ожидал опасности, от всего и от всех. И его друзьям пришлось ему практически показывать и объяснять, что уж от тех артроподов, которые живут в лаборатории Нгилана, никакого вреда точно не будет.

Я предположил с точностью до наоборот, до смешного. Парень-то Народ Нгилана заподозрил в том, что они могут быть опасными паразитами! А когда недоразумение разъяснилось, сразу успокоился.

И всё. Больше никаких непонятностей между нами и пришельцами не было. Только они сами были совершенно непонятные.

Нгилан сказал, что у всех четверых — кишечные расстройства и иммунитет снижен. Наши возбудители ломают их слабую защиту. Пришельцы, конечно, ещё не адаптировались ни к воздуху, ни к воде и, наверное, что-то съели или выпили — но Нгилан ещё отметил слабость их защиты вообще. Даже намекнул, что, похоже, у них нет специальных иммунных барьеров.

Быть может, их мир — гораздо безопаснее нашего? Они почти не знают ни паразитов, ни эпидемий, всё это — такая редкость, что им дико? Им не нужны мощные защитные механизмы? Если так — *плохо дело* их состояние легко объясняется.

К тому же даже такому неучу, как я, бросалась в глаза чуждость анатомии. Чтобы показать свой живот, четвёртый пришелец раскрыл свою одежду. Одежда — это отдельная история, она сама по себе выглядела удивительно, но не удивительнее, чем живот пришельца.

Потому что ни малейшего следа сумки у него на животе не было. Даже такой крохотной кожной складки, как у меня — не сумка, а недоразумение, ни на что не годится. Но это ещё ладно, бывает, что у мужчин сумка вообще не развивается — но у него соски-то были не на животе, а наверху! Два! Только немного пониже ключиц!

Мы с Нгиланом переглянулись, но Нгилан ничего не сказал. По-моему, он сам был потрясён. А я подумал, что их тела отличаются от наших куда больше, чем можно подумать. Не только тем, что бросается в глаза. Внутри у них, скорее всего, тоже всё не так. И тем более странно и невероятно, что Мать работает с ними так же легко, как с обычными людьми.

— Им надо почиститься, — сказал Нгилан, когда они с Матерью закончили. — Они не могут уничтожить эти слои старого запаха, это затрудняет понимание. И грязь на их телах — источник потенциальных вторжений, а иммунитет и так крайне слаб.

Я согласился. А пришельцам стало легче, и сразу рассеялось напряжение, которое бывает, когда кому-то плохо и помочь нечем. Всё в порядке. Я просто повёл их в нашу туалетную комнату... но у входа в комнату мы все остановились, и я, и чужие. Мы совершенно одинаково посмотрели на всё это, на привычные вещи — и одинаково, я уверен, подумали, что обыкновенные туалетные принадлежности совершенно не подходят.

Парень, из которого Нгилан вытащил кусача, тот, с дубиной, которого товарищи звали Зергей, зачерпнул горсть песка и пустил её между пальцами. И посмотрел на меня — я сообразил.

Песок нужен, чтобы чистить шерсть. Но как им вычистить голую кожу? Они только расцарапают себя песчинками...

Тот, кто подцепил задышку, открыл бутылочку с маслом и понюхал. Я взял его за руку, вылил капельку масла на ладонь и потёр. Грязь стиралась, но мы с пришельцем встретились взглядами, и я опять-таки понял: чтобы отчистить его тело целиком, нужно больше масла, чем мы найдём в лаборатории микологов. А на четверых?

Как же они чистятся дома?

Дзениз тронул меня за плечо — забавный способ, которым они привлекают к себе внимание — и изобразил, как пьёт из пригоршни. Я открыл ему водосбор, так, чтобы он мог напиться — а он набрал в ладони воды и ею смыл грязь с лица. Хотел набрать ещё — но я же открыл на одну веточку, так что вода больше не текла. И у Дзениза сделался такой уморительно огорчённый вид, что я рассмеялся.

Мне стало понятно, как они чистятся. Водой. Может, они иногда и живут в воде? Поэтому у них голая кожа? Теперь-то ясно, как Зергей подцепил своего кусача — он очищался прямо в реке. Я так и думал, что он отчаянный парень.

Но это значит, что воды нужно много. И что они намокнут — значит, потом им потребуется обсушиться.

Было немного необычно приглашать чужих в клане вниз, туда, откуда начинаются стволы водосбора, но — что же делать, если им нужна вода? Я объяснил, что надо спуститься ещё ниже, и мы все отправились в подвал.

По дороге нас перехватили сестрички. У Ктандизо была коробочка с семенами одежды, но сверху прибежали Гзицино и Дзамиро с целыми ворохами неживой одежды в руках. Весёлая болтовня окружала их, как запах мёда окружает цветы — я заметил, что от Ктандизо уже не пахнет не только страхом, но и неловкостью.

Девушки и сами — удивительные создания. Старшая женщина назвала пришельцев

людьми — и всё, для девушек они люди. Голые, почти без ушных раковин, с невозможным строением тела, непонятно как попавшие в наш мир — но люди, и всё. С ними уже можно общаться, как с любимыми проходящими мужчинами; единственное, что пока неясно — будут ли чужаки членами клана.

Девушки не знают проблем в общении совсем.

— Мама велела забрать их одежду *чтобы почистить* — сказала Ктандизо.

— А Ктандизо думает, что живая одежда *найдёт, где укорениться* пригодится странникам, — хихикнула Гзицино. — *При такой скудной шёрстке* Я не верю.

— Это семена пуховика, — возразила Ктандизо. — Ему хватит *и пары волосков*.

Я успел подумать, что невежливо смеяться, когда половине присутствующих смысл шуток непонятен, но всё равно фыркнул — тяжело сдерживаться, когда веселятся девушки.

Пришельцы смотрели на сестрёнок во все глаза. Дзамиро, прижимая к себе несколько пушистых пледов, подошла ближе к парню с задышкой и сказала ему, только вслух:

— Вам нужно тепло. Тебе. Тебе больше всех нужно тепло, — а он несколько раз опустил голову, по-моему, в знак согласия.

— Сперва им нужно почиститься *водой* — сказал я. — А потом тепло придётся очень кстати.

Гзицино моментально всё поняла и побежала на кухню. Оттуда притащила к водосбору большую миску, в которой обычно замешивали тесто — и в миску пустила струйку воды. А Дзамиро потянула ближайшего пришельца за одежду:

— Сними это. Одежники почистят.

Но пришельцы как-то не торопились раздеваться и чиститься, что-то их смущало. Они тревожно озирались и на девушек посматривали беспокойно.

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы к водосбору не спустился Лангри, закутанный в запах собственного тихого торжества.

- *Что?* — спросил я.

— Всех, кроме тебя, зовёт Дзидзиро, — сказал Лангри вслух. — Всех девушек. Она сказала: пусть оставят одежду и уходят. Между прочим, здраво: представьте себе, что это вас окружают *голые и чужие* незнакомцы, когда вы собираетесь чиститься. Я бы *взбесился* ушёл грязным.

Девушки устыдились. Дзамиро положила пледы на подставку для удобрений, взглянула на меня:

— Напомни им *про одежду*, - и убежала вверх.

Ктандизо покрутила в руках коробочку с семенами, подумав, положила её поверх пледов — и они с Гзицино тоже ушли, оглядываясь и обнюхивая друг другу кончики пальцев с девичьими секретиками. Лангри посмотрел на меня.

— Я отправил домой микограмму, — сказал он. — И жаль, что *нельзя связаться с микологами в лесу* в лаборатории нет гелиографа.

- *Зачем?* Не многовато суеты? — спросил я.

— Новости должны узнать все, — сказал Лангри и дёрнул плечом. — Голые чужаки появляются в лаборатории клана не каждый день.

А пришельцы, между тем, сняли одежду — на них было очень много одежды — и стали чиститься водой.

— Не везде голые, — сказал Лангри. — Нелепо как-то *будто их брили, и они неровно обросли*.

— Почему они тебе не нравятся? — спросил я, глядя на пришельцев.

У них вправду росли редкие волоски на руках и ногах, росли дорожки тощих шерстинок на животе, а на лобке шерсть была гуще и довольно длинная. От этого вправду казалось, что они выводили волосяной покров везде, кроме головы и паха — смешно и не особенно красиво, но не отвратительно.

А мышц у них казалось больше. У них были широкие грудные клетки, и таз широкий, и пенисы до гротеска большие, и на руках и ногах — особенно у того, с палкой — мускулы двигались под кожей буграми.

Пришельцы оттирались водой, косясь на нас. Что-то коротко говорили друг другу вслух. Выглядели настороженно и напряжённо.

— Им неприятно, что они голые, — сказал Лангри. — Им самим неприятно *а ты удивляешься, что мне неприятно тоже*. Они нас боятся. Этот принёс в дом палку *зачем бы? * В общем... они... *опасны* не вызывают доверия.

- *Опасны?!* Разумные существа? — удивился я. — Ты думаешь, они могут что-то испортить или украсть?

- *Меньшая из неприятностей* украсть и испортить, — Лангри смотрел на пришельцев и шурился. — Могут причинить кому-нибудь боль. Ударить *этой штукой*.

- *Чушь!* Человека?! Зачем?!

И тут Лангри зажал тревогу в кулак, а раскрыв ладонь, вдруг окружил себя и меня облаком тепла. Настоящего братского тепла — я в жизни не обонял от него ничего подобного.

- *Я тебя люблю* ты ещё очень юн, — сказал Лангри. — Ты многое поймёшь, когда будешь странствовать. Мир — не ягоды и не мёд. *Надо отнести в чистку их одежду*.

Он принялся собирать в охапку грязное тряпье. Зергей, всё это время хмуро посматривавший на него, сделал резкий шаг в его сторону и протянул руку, будто хотел отобрать одежду силой; его нервный запах впрямь стал невозможно угрожающим.

- *Нельзя!* — приказал Лангри наотмашь, так что Зергей закашлялся.

Я тут же убрал след приказа.

— Ты что?! Это же почти больно!

Зергей и Лангри смерили друг друга недобрыми взглядами — и мне вдруг захотелось забрать дубину. Забрать — и убрать. Лангри выглядел рядом с Зергеем *уязвимо* маленьким — и почему-то это было очень неприятно.

Но Дзениз тронул меня за локоть и начал что-то говорить вслух. Судя по жестам — объяснять, что в одежде осталось что-то важное. Мне стало стыдно.

Я взял у Лангри то, что прикрывало Зергея — Лангри сузил глаза, но не возразил даже намёком аромата. На одежде впрямь оказались карманы, а в карманах — что-то тяжёлое. Я вынул камешек и ещё какую-то вещь — тяжёлую, сложной формы, с неприятным запахом *металла*.

Эту вещь Зергей тут же взял у меня из рук и выщелкнул из странного тёмного корпуса блестящее лезвие.

И случился момент странного оцепенения: с одной стороны — я и Лангри, с другой — Зергей и пришельцы, а нож из блестящего металла будто обозначил границу. Их территория — наша территория.

При том, что мы стояли в подвале лаборатории клана Кэлдзи. При том, что это изначально была целиком наша территория. И при том, что любой парень, мужчина,

странник, приходя на территорию чужого клана, становится его гостем или его частью — но уж не отмеряет себе куски личного пространства, в которое нет хода хозяевам.

Зергею сказали двое — Дзениз и парень с задышкой, а потом присоединился и третий. *Довольно жёстко* очень понятно сказали Зергею, чтобы он убрал — и он *неохотно* убрал, но остался металлический запах и след этой невозможной делёжки пространства, от которой вставляли дыбом волоски вдоль позвоночника.

Я посмотрел на Лангри, а Лангри тронул мою щёку, чтобы оставить у меня на лице след тепла, смешанного с *готовностью защищать* еле заметной беззлобной насмешкой.

- *Сосунок*, помнишь специализацию клана, откуда я родом? — спросил он.

— Защитные системы.

— Понимаешь, зачем они нужны?

Кажется, я впервые это до конца осознал. Я всегда жил в очень благополучном месте.

А пришельцам, кажется, не было так холодно от воды, как мы думали. Но я всё равно показал на пледы и стал объяснять, что надо закутаться.

Пришельцы, вроде бы, посмеивались — но теперь в их смешках мне слышалась какая-то неуловимая изнанка. Недобрая.

Они закутались в пледы, от пледов пахло домом — но под пледами от пришельцев пахло напряжением, тревогой и ещё чем-то. И этот запах раздражал Лангри и смущал меня. Пришельцы смыли боль, усталость, грязь — и теперь это *что-то* было главным в их общем фоне.

Дзениз и больной пахли слабее, Зергей и четвёртый пришелец — сильнее, но запах шёл от всех.

И тут мне пришло в голову: может, это просто тоска? Неприкаянность чужаков? Помноженная на страх — ну, это не очень хорошо, но ведь мы им совсем чужие, вдобавок они плохо нас понимают.

Сравнивают со своими — и им тоскливо.

Гзицино крикнула сверху:

— Идите завтракать! — и Лангри перевёл в запах, а я сказал:

— Пойдёмте, — и показал рукой.

Они поняли и пошли. И их окружала пелена сложных чувств, где были и тоска, и неуверенность, и досада непонятно на что, и почти страх, и непонятно откуда взявшаяся злость. И если бы через всё это не пронюхивались любопытство и капелька дружеского участия — встречные бы отворачивались от этого запаха.

Наверно, не надо было, ёлки. Но я устал.

Я охерительно устал. До отупения. Всё же, ёлки, как во сне, как не взаправду, как бред какой-то. И я не так от болячек устал или от голодухи, как от этого бредового вокруг.

Я же от самого моста был, как во сне. Как не со мной всё — будто кино смотришь. Фантастическое, не так, чтобы очень крутое. Я бы не стал такое смотреть: никаких тебе битв, суперсилы, звездолётов, роботов — а только четыре полудохлых чухана, лес этот гадский, больно везде и выбраться нельзя.

А потом ещё — ушастые.

Сначала, вроде как, было смешно. Не, ну верно, хохма: уши — такие лопушищи, собачья морда, шерсть... Смешно и не взаправду, как в мультике. А потом...

Кажется, это чувство, что всё — сон, начало ещё в кабинете у ихнего дока отходить. Главное дело, ведь это же медицина! Эта ненормальность — ихняя медицина! И эта медицина — по всем правилам: обезболили, стерильность, ёлки, операция...

Тараканом.

В докторе живут осы. Мать вашу. Осы в нём живут. И он их посылает делать уколы.

И нам теперь тут жить. С ушастыми, с собачьими мордами, где в докторях живут осы.

С их бабами — с этими сучками без сисек, зато с шерстью. И настоящих девок тут просто нет. Вообще нет. Совсем никак. Когда шерстяные сучки пришли в подвал и принесли одеяла, я вдруг понял: всё, Серый, тебе нормальных баб никогда в жизни не видать. Ни живьём, ни на картинках, ни на фотках, никак. Их тут нет, а есть только шерстяные ушастые сучки, и они, твари, хихикают, как настоящие девки.

А они все в шерсти. Как можно, чтобы баба была вся в шерсти. Просто блевать тянет.

А серый — не как я, а настоящий серый — он нас сходу невзлюбил, гнида. Он, главное дело, всё бдит — он хотел шмотки забрать, вместе с ножом. Устроил химическую атаку, падла — тем и уцелел.

Они тут все хиляки, эти ушастые. Я б его, ёлки, с полпинка бы сделал, не напрягаясь. У них нет мускулов вообще. Либо у них все мужики такие хлипкие, либо сейчас нет дома мужиков — вроде, никакой угрозы нет. Только это всё обман.

Потому что у них есть эта химия, ёлки. Скунсы вонючие.

Отравить тоже могут, стопудово. Удушить. Сюси-муси, ушастенькие.

Я чего подумал: все эти нацисты-расисты — уроды, ёлки. Придурки. Потому что негры-то люди, а евреи — и тем более. Вот сюда бы такого нациста — как бы он тут задрогался, а?! Потому что ушастые — вообще чужие, чужее любых негров и евреев, в них ничего человеческого нет, всё ненормально, всё непонятно. Всё по-уродски.

Динька мне: «Ты нож убери, ты их не пугай, зачем?» — я их, ёлки, напугал! Да этот серый сам на меня уставился, как шарфюрер какой-нибудь на затурканного еврея! Удушил бы меня, если бы рыженький не вступился, который с Динькой договаривался. Напугаешь такого!

А Артик: «Нам тут жить». Ядрёна Матрёна, а я и не знаю, что нам тут жить, бляха-муха!

И Витя: «Не истери, Калюжный, держи в руках себя». Учителей развелось, как блох кирпичу упасть некуда. Да, жить нам тут! Да, я себя идиотом чувствую, в этом одеяле и с ножом! Да, нефиг было забирать мою форму! Да, я не хочу мыться в тазу водой, которая

течёт из какого-то дерева и пахнет деревом!

Этот их грёбаный дом был не лучше, чем лес! Не по-людски, вот! Всё не по-людски! И да, хотелось орать, ёлки! Хотелось кому-нибудь врезать или хоть стену попинать — потому что я понял: жить тут придётся. Жить тут! Всегда!

Я не подписывался жить так всегда! Среди — не то, что негров каких, а вообще не людей!

Лучше бы мы вообще ничего не нашли. Лучше бы шалаш в лесу, ёлки.

И, главное дело, я вдруг подумал, что Артик меня что-то меньше бесит. Пусть он хоть пидор, хоть распидор — он человек. А людей тут — четверо нас. Лучше Артик, чем вонючая гнида с ушами.

Динька сказал: «Они нас зовут обедать», — а мне хотелось жрать, ясное дело, но я не знал, что они тут жрут, ушастые. А если дохлятину какую-нибудь, а, ёлки? Или ещё какую-нибудь дрянь? Не хотел я тут у них ничего из еды брать.

Артик к серому подошёл. В одеяле, блин. Хохма с яйцами.

— Спасибо за воду, — говорит и лыбится. — Видзин. Ты — Лангри, да? Ты — Лангри?

А тот: «Лангри. Гзи-ре. Артик — дзон», — ухмыляется в ответ. И не воняет убойным чесночно-химическим, а мило пахнет яблочками. И ушками пошевеливает. Делает вид, что лояльный, ёлки. Что не ненавидит людей, а так, погулятенки вышел.

Смешно ему. Унизили нас до предела: придурки в одеялах, жесьть! — и развлекаются. Уроды. А наши и довольны, лыбятся в ответ. Даже Витя, хотя уж он бы и мог понимать кое-что.

Купились. На гражданке, небось, в Интернете котиков постили, мимишечек. Тьфу, блин.

Серый — Лангри, Лангри, ага — и рыжий Цвик нас всех проводили из подвала наверх.

Комната большая, вся мохом поросла. Посредине — стеклянная столешница, большая-круглая, на тоненьких низких ножках, а стульев нет. Ушастые прямо на полу сидят, как чурки какие-нибудь, во мху.

На стол здешние бабы притащили всякого-всего — непонятная отравка, ёлки. Но, кроме непонятного, и понятное есть: блины.

Нормальные блины, прямо как у нас. Лежат на круглом стеклянном блюде. А вокруг всякое в маленьких мисках. Мазать на блины? И высокие стаканы с питьём — ни спиртом не пахнет, ни чем-нибудь другим знакомым.

А нам белый, здешний док, подвинул мисочки с зеленоватой бурдой. Я взял, поболтал — не очень жидкое, но и не густое. Пахнет... не разобрать точно. То ли грибами, то ли сыром каким-то, то ли — как «Доширак» в коробке.

Цвик Диньке дал такую мисочку — а Динька, дурак, отхлебнул через край глоточек. И разулыбался во всё хлебало, сообщил радостно:

— Мужики, знаете, на что похоже? На картофельное пюре, только жидкое.

Витя стал принохиваться к миске. А Артик сказал доку:

— Нгилан, эта пища не входит в ваш обычный рацион, да? Адаптационная диета? Или просто щадящая? Как же объяснить...

Как ты им объяснишь, если они только чирикают не по-людски, ёлки?!

Но белый-то понял. Они слишком здорово понимали — и я даже подумал: а если они телепаты? Прикидываются дурачками... В общем, Нгилан сообразил. Он из Артиковой миски сделал крохотный глоточек, отдал Артику назад — и грабку ему на живот положил. И

что-то такое, с «видзин-дзин-дзин».

Артик кивнул.

— Всё верно, — говорит. — Я так и подумал. Джентльмены, это еда, которая должна привести в порядок наши желудки. Лекарство, если хотите.

Может быть. Но с чего бы им нас лечить, вообще-то, а?

На самом деле, совершенно не с чего. И нажраться такой крохотной мисочкой — сложно. Жратвы нам пожалели. Но мужики изобразили из себя натуральных джентльменов — сделали вид, что блюдут правила. Стали хлебать эту дрянь.

А я не был уверен, что надо. Мало ли, что они туда плеснули, ёлки.

Рыжая сучка в сетке — всё наружу, а смотреть всё равно не на что, помесь собаки с обезьяной — Артику намазала кусочек блина чем-то, вроде тёртой свёклы. Плоской штучкой, не ножом. Боятся они ножей, чебурашки.

Артик белого спросил:

— Можно это, Нгилан? — а док показал пальцами, совсем как человек, даже удивительно. Мол, можно, чуточку.

И волосатые девки вместе с Цвиком стали угощать наших мужиков — по чуть-чуть. Пикник прямо. А я сидел с миской, не жрал и слушал, как они обсуждают это хлебово.

Динька говорил:

— Не пойму, это икра что ли, мужики?

А Артик:

— Не похоже. Вернее, похоже на зародыши, но не рыбы... может, нечто, вроде муравьиных яиц? Вкус странный...

Витя:

— Вкус ничего. А это — просто рубленые яйца, пацаны. Нормальные яйца.

— Где-то тут несутся птеродактили...

Динька тут же кинулся выяснять:

— Цвик, это яйца птеродактилей? — и руками машет. И Цвик помахал. Девкам на смех.

А Витя прикопался ко мне:

— Калюжный, ты чего не жрёшь, особого приглашения ждёшь?

Может, я чутка и откусил бы, да напротив сидит одна, вся в цветочках, и громадную сороконожку кормит какой-то пережёванной отравой. Прямо изо рта. А у неё ножки шевелятся. Сил нет.

Ну нравится тебе сороконожка — держи её в банке какой-нибудь, ёлки! Как можно за столом сюсюкаться с насекомой тварью? Это же — как муха на котлете, на них же всякая дрянь налипает, микробы! Да что! Чебурашки и руки не моют никогда, им нормально жить по уши в тараканах и с сороконожками лизаться, но я-то человек...

— Знать не знаю, — говорю, — из чего эта фигня сделана.

— Господи ты боже мой! — выдаёт. — Да какая разница! Тут это — жратва, вот и привыкай. Борща не подадут, спасибо, что такое есть.

— Не нанимался, — говорю, — жрать что попало за одним столом с чебурашками.

У Артика морда окаменела:

— Лично ты мог бы сюда и не лезть, — говорит. — Сам выбрал. И хватит выделываться, веди себя, как человек. Противно, когда за своих стыдно.

— Ну и с каких пор, — говорю, — ты мне свой?

Смотрю, ушастые пришипилась — и уши прижали. И смотрят, зырят глазищами —

нехорошо. А этот серый — как его, дьявола — сжал кулаки. Не видали, как люди отношения выясняют. Дать бы Артику между глаз — так чебурашкам ещё понятнее было бы...

И тут Динька как завопит радостно, как пацанёнок на детском утреннике:

— Мужики, глядите, что! Цвик, это кто?

Наши поглядели — и ушастые поглядели. Было на что: вошла в комнату какая-то фигня на четырёх длинных руках, как маргышка, только морда вроде крысиной — а на ней ещё таких же, только мелких, три штуки. Хвост у неё лысый, как у крысы, чешуйчатый, на спину завёрнут — и она мелких хвостом, вроде как, придерживает. Размером — что-то с лайку, наверное, но такая вся тонкая, одни руконоги, шея и уши. Кажется небольшой.

Волосатые девки к ней руки потянули, запахло, вроде, тестом — и от этой штуки запахло. Непонятный запах, невкусный, но и не очень противный. И она уселась около стола, а эта мелочь с неё полезла, ёлки, прямо на столешницу!

Как они все засюсюкали! Чебурашки щебечут, кормят эту гадость — и наши не отстают. Артик мелкого в руки взял, разглядывает, а тот руконоги растопырил, облизывается. Динька большую наглаживает, а она мурлычет, ёлки! Или хрюкает — хр-хр, хр-хр...

Мамани моей на них нет, на засранцев — чтобы полотенцем по мордасам. Это ведь даже хуже, чем кошку на стол поставить, рядом с тарелками — прямо погаными лапами. Вот как можно одновременно жрать и какую-нибудь животину трогать? Ну, ещё облизите её, для полного счастья!

Я, главное дело, отвлѣкся. Я отвлѣкся на эту хрень, потому что не наша хрень и потому что на животину всегда отвлекаешься — а меня потрогали за локоть. Меня аж передёрнуло всего.

Оборачиваюсь, а это светленькая сучка. Бровки белые, круглые, как у собачонки, и нос собачий, мокрый. Глаза зелёные, кошачьи, уши прижала, грива блеклая, цвета песка, свитер жёлтый, а руки-ноги в своей шерсти и только. И по пѣсьей морде блоха ползѣт.

Последняя капля, ёлки. Всѣ. Тошно.

— Всѣ, — говорю. — Я пошѣл. Сыт уже по горло.

Витька на меня зыркнул:

— Ну, мудило, Господи, прости... — но мне уже было наплевать. Я встал.

И тут Нгилан что-то сказал — и Цвик тоже встал, подошѣл ко мне. Не самый противный из всех чебурашек; я не стал его шугать.

Он мне показал: «Цин-цин, зин-зин!» — что проводит, если хочу уйти. И он мне... как это... напах — спать.

Я не знаю, ёлки, как это объяснить. Он свою обезьянью ладошку мне к носу поднёс, а от ладошки пахло — спать. Люди так не могут, я даже не могу описать, как оно пахло, на самом деле — но он запахом сказал «спать», а я понял.

Главное дело, я не такой уж прям чувствительный к этим ароматам. Плевать мне всегда было. И я не думал никогда, что можно вот так выговорить запахом — чтоб можно было догадаться.

Но ведь не только я понял-то, ёлки! До всех дошло, все учуяли. И Артик стал с чебурашками сюсюкаться, что правда надо поспать, а блохастая потрогала Витю за лицо, а Динька мелкую полукрысу эту посадил назад, на стол. И просто — все встали и вышли.

Пошли молча. По лестнице наверх, по коридору, где пол вроде как паркетный, но это переплетѣнные корни. Комната без дверей — только зелёная занавеска в проѣме, из каких-то, как водоросли. Ничего там мебели не было, только мох — и на мху лежала куча подушек,

из того же мохнатого, из чего у нас одеяла. Цвик показал и ушёл.

А мы остались.

Пока чебурашка не ушёл, все молчали. А как ушёл, так Витя тут же сказал:

— Я такое мудло, как ты, Калюжный, впервые в жизни вижу!

— Да пошёл ты, — говорю. — Командир льдов. Всё, хорош командовать. Не видишь, в какой мы жопе?

А Артик тут же сказал:

— В основном, мы в этой жопе из-за тебя, — и я еле удержался, чтобы не двинуть ему в морду.

А Динька чуть не со слезами в голосе выдал:

— Никакие они не чебурашки, ясно?! — и мне в самом деле стало ясно. Даже больше, чем наполовину.

Мне было стыдно — просто душа болела.

Я раньше думал, это только так говорится — «душа болит», ведь на самом деле никакой души нет, болеть-то нечему. А вышло, что есть, и болеть может, как зуб. От стыда.

Они нас приютили, лечили и угощали. А мы ведём себя, как сволочи, как свиньи. Допустим, Артик их не обижал, он очень воспитанный, и Витя тоже, хоть и не особо вежливо держался — но Серёга ведь с нами, значит, мы все отвечаем. И если лицин подумают, что мы все — такие сволочные хамы, то будут правы в своём роде.

Они — лицин. Вернее, ли-цин, в два звука, с двумя, как бы, ударениями — человеку так сказать трудно. Мне объяснили Цвик и Гзицино: они — лицин, лицин — всё равно, что люди у нас. Потому что речь шла не о нациях, я думаю, а о всех здешних жителях вообще. Мы — «люди», они сумели это сказать, а они — «лицин».

Если бы ребята не мешали так ужасно, я бы уже больше лицинских слов понимал. Я и так уже потихоньку начинал врубаться в их язык. Запах очень много помогает, оказывается. Вот еда вообще — «дгон-го», например, а блины — «ви-дгон», похлёбка наша — «ндол-дгон», зато начинка для блинов — «дзинг-ви». Ну всё же понятно! Или, может, у меня способности к языкам!

Мне уже казалось, что оно пошло. Между словами и запахом — понятнее и понятнее. И я просто шалел от обстановки: ну, какие они спокойные ребята, лицин — до невозможности. Всё равно, что у нас на Земле спустилась бы в посёлке где-нибудь летающая тарелка, оттуда вышли бы гуманоиды зелёные — а какой-нибудь дядя Вася-тракторист пригласил бы их на чаёк к себе домой. С женой, тёщей и детьми знакомить.

Невероятная ситуация, на самом деле.

Что никто не позвонил в полицию там, на телевидение или ещё куда. Хотя у них и телефона нет — то ли в деревне нет, то ли вообще нет. И телевизора нет. И вообще непонятно, есть у них полиция, или её тоже нет.

Фишка-то в том, что они не боятся вообще. Когда Серёга схватился за нож — не испугались, удивились, по-моему. А у него был вид...

У него был такой вид, будто он собирается Лангри ударить. Ещё тогда, из-за шмоток. Даже, наверное, не из-за шмоток и не из-за ножа, а из-за того, что они нас разглядывали, когда мы мылись. Они очень спокойные, лицин, но стыда у них нет совершенно, они его не понимают. Одежда у них — пустая формальность, вот и не понимают, что людям может быть неловко...

Да и это не главное. Просто — нервы сдали.

А лицин как будто не обиделись. Они даже из-за этой выходки в столовой не обиделись, или сделали вид, что не обиделись. Всё это так устроили, что будто нам надо отдохнуть — а нам надо, не в том суть. Просто — они не хотели соваться в наши разборки.

А мне было стыдно до смерти, что у нас бывают разборки.

Стоило оставить нас всех своей компанией, как парни тут же начали выяснять, кто первый сдурил. У Вити щека дёргалась, когда он говорил Серёге:

— Ты что, козлице, не понимаешь?! Они нас встретили, как люди — хочешь, чтоб просто прикончили к чертям?! До тебя ещё не дошло, что раз плюнуть при их технологиях?!

А Серёга тут же окрысился:

— Да какие, нахрен, у этих блохастых технологии? Если ихние кошки или кто с ними из одной тарелки жрут...

И тут меня понесло.

— Никакие, — говорю, — они не блохастые, ясно?! — почему-то ужасно за них обиделся.

А Серёга:

— Блохастые! На них всяких тараканов полно, ёлки, внутри и снаружи, ясно?! Бляхмуха, ну почему, почему не люди-то, а?! Ну хоть бы плохонькие людишки, хоть поганенькие, хоть какие...

Витя раздул ноздри, сказал, как сплюнул:

— Тебя не спросили, Калюжный, кого тут развести.

А Артик вдруг тихо сказал, как-то задумчиво:

— Блохи есть, кстати. Но мне кажется, что это не блохи... не совсем блохи. Эти существа — тоже часть местных технологий, если... ну, если это вообще можно назвать технологиями.

И на него посмотрели. А он продолжил, так и не повышая голос:

— Это не деревня. Они очень компетентные. Спецы. И те существа, которые живут у них в шерсти — живут там не просто так, это не паразиты. Как, ты сказал, они себя зовут, Диня?

— Лицин, — говорю. И он повторил:

— Лицин. Совершенно не наша цивилизация. Не как на Земле, не похожа. И не надо искать аналогий — мы только запутаемся и сами себе наврём. Но орать за столом в любом случае было глупо и противно, Сергей. У всех нервы, а истеришь только ты.

И Витя тут же вставил:

— Вот его и замочат первым.

— Да с чего ты решил, — говорю, — что они кого-то замочат?!

Витя усмехнулся. Как в кино усмехается герой, когда его спрашивают о якобы пустяках, а на самом деле там мафия замешана.

— А как ты думаешь, Динька, — говорит, — почему тут у них ни охраны, ничего — а они нас спокойно впустили и даже не удивились вроде? Ах ты ж Господи, пацаны, вы смешные такие — я уссусь с вас. Вы чё, ещё не поняли, что нас тут ждали? Нет?

Теперь на него уставились все. И я. А он начал тоном отца-командира, который рассказывает про вражеские козни:

— Букашечки, говорите? Ага, щас, букашечки. Эти осы у Нгилана — не осы ни фи́га, и блохи — не блохи, тут Разумовский верно сказал. Это оружие. Ихние осы — они многофункциональные, я таких ещё у реки засёк, на них датчики или что. Нгилан их посылал, чтоб за нами, баранами, следить. У него под свитером зарядное устройство, аптечка и ещё ляд знает, что — а осы... Это охрененная штука, пацаны. Это такие продвинутые технологии, что я не могу...

Серёга перебил:

— Хрень это всё! — но на него взглянули, как на недоразвитого, и он сам осёкся.

И Витя с Артиком стали обсуждать, насколько возможно, чтоб на осах были микрочипы или датчики, и Серёга перестал лезть на стену и стал прислушиваться, а на меня перестали обращать внимание.

И я вышел.

Мне не хотелось ни с кем спорить, да я и доказать не мог — но я чувствовал, что всё не так. Меня бы не послушали: когда говоришь, что кто-то хороший — тебе говорят, что это наивно.

Как я сказал бы, что Нгилан хороший, потому что я так чувствую? Или что Лангри — вспыльчивый, но хороший? Никак. Лангри у них теперь был — как опасный элемент: он Серёгу остановил запахом, очень мерзким — ясно, мог бы и убить вообще.

Витя и Серёга мешали Артику думать. Он пытался, но они его сбивали. Я бы мог попробовать встрять — но меня бы заткнули, и делу конец. Я не такой умный, как Артик, даже не такой, как Витя — мне бы тут же сказали, что я ничего не понимаю.

Ну и ладно.

Я хотел поговорить с лицин. Хоть с кем-нибудь. Лучше всего — с Цвиком или с девушками.

Я вышел из комнаты и стал искать кого-нибудь. Услышал, как кто-то мягко спускается сверху, с крыши, наверное — сунулся к лестнице и увидел Лангри.

Он остановился и сжал кулаки.

Будь он человеком, я бы сказал — злится и драться собрался. Но он был лицин, а лицин пахнут кончиками пальцев — чтобы не пахнуть, прячут эти кончики в ладонь. Я уже давно заметил. Парни считают, что показывать кулаки — к драке, а по мне — у лицин это как покерфейс. Я, мол, тебе ничем не пахну.

Лангри стоял, нацелив на меня и уши, и усы, и раздувал нос, и щурился. Не очень был рад меня видеть. Но я подошёл.

Я сказал:

— Лангри, видзин, — улыбнулся и руку к нему протянул.

Как незнакомому псу. Собаки тоже живут запахами — я подумал, может, ему надо понюхать. Может, если он меня обнюхает, то поймёт — я ничего дурного не хочу, вообще.

Он как-то хмыкнул: «Дзениз, гхен-ре, чен», — но взял меня за руку и принялся сперва рассматривать, потом обнюхивать ладонь. И я сказал:

— Я никак не могу менять запах. Прости.

Вот с этого и началось. Лангри меня обнюхал, как Цвик — но крайне тщательно. Руки, шею, виски, около ушей, углы губ — потом подмышки и пах, и я стоял, не шевелясь, чтобы ему не мешать. Он будто хотел собрать всю информацию, какую можно — а я помочь-то не мог, жалел, и просто не дёргался.

Минуты полторы он меня изучал. Читал, можно сказать, сканировал — прямо было такое чувство, что пронюхивает насквозь. Цвику до него далеко было. В том, как меня Цвик нюхал и как Лангри, разница была — как между болтовнёй и допросом.

Не знаю, как точнее сказать.

И когда Лангри закончил меня нюхать, поднёс свою ладонь к моим глазам. Показал на кончики пальцев — они как будто чуточку увлажнились, запахло мятой, ещё какой-то травкой. Показал на ладонь. На ладони, как у людей, виднелись линии — ну, как гадают по руке. Линии жизни, души, чего там ещё — но на поперечном сгибе оказалась не линия, а трещина, складочка. В эту складочку он упёр кончики пальцев, сжимая ладонь в кулак — и запах исчез, как отрезанный. Махнул ладонью перед моим лицом — от неё не пахло вообще ничем.

Пальцы — слова. Ладонь — точка. И всё это — химия, хитрая химия.

Он меня учил — и я понял.

— Да, — говорю, — да, Лангри, — и тоже показал и на кончики пальцев, и на середину ладони. — Только у нас нет...

И он мою руку сжал в кулак своими пальцами. Чуть-чуть улыбался — шёрстка в уголках рта встопорщилась.

— Ага, — говорю. Киваю. — Мы можем только так, как вы — когда у вас сжаты кулаки. То есть — никак.

И тогда Лангри выкинул отменный фокус. Он запах нами.

Я обалдел. Просто замер — потому что запах вышел совершенно точный. От нас так разлило, когда мы завалились к ним в дом: потом, грязным телом, пропотевшим тряпьем, наверное — казармой...

И я показал на себя. И он показал на меня. Но на этом не закончил.

Он убрал этот запах в кулак. Схлопнул. И сделал другой. Он разговаривал со мной запахами, как с малышом — простыми словами: «бибика», «ав-ав», «кака». Медленно и раздельно — и я понимал, сам от этого ошалевая.

Потому что он сделал запах Серёги, уже чистого. Не знаю, как описать... запах угрозы. Адреналина? Снова убрал — и сделал запах стали. Поднёс к самому носу мне — запах металла. Ножа?

— Сергей? — говорю. — Нож?

— Зергей, — сказал Лангри. — Зергей, гзи-ре.

— Он дурак, — ляпнул я. — Убери, фигня, он ничего такого, — и сжал ему кулак. — Это не считается.

А Лангри тронул меня за щёку. Оставил след запаха, тонкого-тонкого. Почти одного тепла — я не сообразил, что он имеет в виду.

— Это что? — говорю. — Вот тут — не понимаю?

И тогда он опять — раздельно. Железо — нож. И вдруг — тоже железный, густой, тяжёлый запах, тошный. Я сперва подумал — что за хрень? — и вдруг дошло.

Кровь.

— Нет, нет, — говорю. — Хен. Так нельзя. Нет.

Лангри посмотрел мне прямо в лицо, внимательно. Испытывающе. И убрал запах крови, медленно, как гаснет свет в кино — мне показалось, что какой-то следок его в воздухе остался.

— Ты ему не веришь, — говорю. — До конца поверить и мне не можешь. Ну, что... ты прав. Он слегка чокнутый. А мы — люди. Иногда и сами не понимаем, что выкинем в следующий момент. Но, ты знаешь... я очень постараюсь, чтобы ничего плохого не случилось. Честное слово.

Тогда Лангри чуть-чуть усмехнулся. Кажется, он, как наши мужики, меня не очень принимал всерьёз. Ну да, занятые люди, а я у них гирей на ногах висю. Или вишу.

— Дзон, — говорит. — Дзениз, чен-ге...

И пошёл вниз. «Дзон» сказал, позвал — и я тоже стал спускаться. Я решил, что постараюсь всё понять, я нашим буду переводчиком, если надо, и для лицин тоже буду. Ведь правда же, надо, чтобы хоть кто-то из наших понимал, что происходит. И как тут всё устроено, кстати.

Мы спустились в прихожую — и тут вдруг в неё с улицы вошёл парень в дождевике. То есть, мне показалось, что парень, потому что девушки у их народа гораздо мельче, а он был довольно крупный. А может, дело в запахе... в общем, создавалось впечатление, что

мужчина.

Ручаюсь, я его ещё не видел — и на обеде его не было. Он был очень уж приметный — полосатый, как бродячий кот: по серому шли чёрные фигурные полосы, чёрная чёлка торчала из-под капюшона. И одет почти что по-человечески: дождевик-распашонка, с рукавами, с капюшоном, из серебристой непромокаемой ткани — вода по ней скатывалась каплями — и серебристые высокие сапоги... ну, да, штаны лицин не носят. Поэтому дождевик ниже бёдер, а дальше просто ноги.

Он скинул капюшон, встряхнулся, как пёс — и увидел меня. Или учуял. Поразился так, что замер на месте, только нос раздувался — люди смотрят во все глаза, а лицин нюхают во все ноздри.

И спросил, вслух. А Лангри ответил словами кратко, но целой волной запахов. Я не успевал следить — как за быстрой речью на чужом языке не успеваешь следить — но кое-что понял.

Лангри иногда передавал запах, чуть не сказал, дословно. Нас — как мы пахли на самом деле. Обед — тоже так, как он в действительности пахнул. Но ещё, как я думаю, там были и всякие абстрактные вещи, этакие комментарии, примечания — и это мне уже было не расшифровать.

Я себя чувствовал, будто учил их язык по книжке с картинками. Простые конкретные вещи понимаю, а посложнее — шиш.

Яблоко можно нарисовать. Кошку — можно. А вот доброту или тревогу — попробуй!

Но, с другой стороны... я ведь понимал, что Лангри взвинчен и тревожится. И я понимал именно потому, что запахи он выдавал тревожные и недобрые — в смысле, вызывающие такие ощущения. А с третьей стороны, может, мне и казалось. Люди иногда додумывают.

Новый снял дождевик, остался в плетёной сетке, плотнее, чем у девушек, но всё равно сквозной; дождевик повесил на стену, на сучок, как на вешалку. Ага, он был мужчина. А тяжело привыкнуть, вообще говоря, к тому, что вокруг все ходят... не то что нагишом, нет. Лицин в нашем смысле вообще не могут нагишом — они же шерстяные. Просто штаны не носят.

И причиндалы странно выглядят. В таком шерстяном чехле, как у псов. Но всё равно.

Зачем же им одежда вообще, если она ничего не закрывает?

А полосатый подошёл и нюхнул меня в нос. Коротко, вообще ни о чём — так спрашивают на бегу «Как дела?», а ответ не слушают. Его не интересовал мой запах — ему Лангри всё популярно объяснил.

— Ген-дол, — говорит. — Дзениз, ген золминг.

Я несколько секунд тупил, пока Лангри не помог: хмыкнул — «Золминг, Золминг» — и ткнул в грудь полосатому пальцем. И в себя: «Лангри, ген-дол». Ага.

А Золминг слушал и... вроде, ему обязательно надо было что-то сделать, но хотелось дослушать. И они с Лангри пошли к лестнице, Лангри ещё кивнул мне — «дзон» — и по дороге разговаривали запахами и словами. Обо мне, потому что «Дзениз» и «люди», и ещё о чём-то, чего я никак не мог понять.

Вернее всего, что тоже обо мне. В смысле — обо всех нас.

И я решил, что Лангри как-то вызвал этого парня из другого места. Может, оторвал от дела. Но позвал, чтобы помочь что-то с нами решить.

А я даже не мог ничего сказать — ни согласиться, ни возразить. Я просто за ними шёл,

а они спустились в подвал. Подвал оказался очень просторным и высоким, пропах зеленью, землёй, смолистым и ещё чем-то непонятным, был освещён тусклым светом — и я увидел, откуда растёт дом.

Там, внизу, были корни. Вот что. Всё в корнях. Я вдруг понял, что весь этот их дом — это громадное живое растение. Может, одно, может, несколько сросшихся, но живое — это совершенно точно. Сюда, в подвал, выходили их выгребные ямы, но дерьмом не тянуло, а тянуло раскопанной землёй — я заглянул краем глаза, походя, и мне показалось, что там живут какие-то существа, червяки или жуки. Я подумал, что они перерабатывают дерьмо в компост, а тем компостом дом постоянно удобряется.

В переплетении корней мерещилась система, которую мне было никак не понять. Гладкие толстые стволы, как колонны, вырастали из земляного пола, уходили в гущу корней, из которых сплетался подвальный свод. Некоторые корни слабо светились; по некоторым сновали шустрые многоножки.

Лицин тихо переговаривались и, наверное, перенюхивались. А мне вдруг пришло в голову... даже не знаю, как это вернее описать. Знаете, как бывает внутри сложного механизма? Я вдруг ощутил себя, как внутри ядерного реактора или ещё какой-то жутко технологичной штуковины, где происходят жутко сложные процессы — только тут всё было живое. Не знаю, как сказать вернее — всё живое, всё завязано друг на друге и друг от друга зависит. И корни — не просто так, и многоножки — не просто так, и червяки — не просто так: все они — части рабочей системы.

Это было ново — просто до озноба. А владельцы этой невероятной системы ничего от меня не скрывали — всё показывали. Я, положим, тупил — но это ничегошеньки не значило, потому что всё равно чувствовалось: от меня ничего не собираются скрывать.

Либо тут нет никаких военных тайн, либо мне верят всё-таки.

И тут мы подошли к сравнительно гладкой стене.

Нет, корни и из неё выступали, как вены — но она всё равно была более гладкая, чем прочие. А корни увиты тонкими белыми ниточками или волосками, а кое-где покрыты белёсым пушком — и всю стену покрывала путаница этих белых нитей. А в нише расположился громадный... скажем, муравейник. Только в нём жили не муравьи, а другие существа. Тоже насекомые.

А может, всё-таки, муравьи, только инопланетные. Чёрные головастые букашки с маленькими клещами на головках, на восьми тоненьких ножках каждая.

Они кишели, как в настоящем муравейнике. Самые крохотные бегали вдоль белых нитей и что-то с ними делали — то ли ели, то ли собирали с них невидимое простым глазом. Те, что побольше, перебирали лапами пушок и носили из него в муравейник какие-то капли.

А лицин пришли к муравейнику. Именно сюда и шли, по делу.

Золминг взял — и пальцы сунул туда, в самое это муравьиное кишение. Земные муравьи в таких случаях дико кусаются и прыскают кислотой — но здешние даже не подумали на него обидеться или испугаться. Зато облепили его пальцы сплошь, как кусок сахара.

Я подсунулся посмотреть поближе. Муравьи обирали пальцы Золминга — и уходили куда-то внутрь, в сплетение корней и белых нитей, но это ещё не всё. Пара муравьёв вылезла из маленькой чёрной дырочки под корнем — они несли что-то, вроде муравьиных яиц, только побольше, круглые, не очень правильной формы.

Не просто несли — а Золмингу! Они принесли ему в руки эти шарики!

В цирке такого не увидишь: у Нгилана — дрессированные осы, а у Золминга —

дрессированные муравьи! Но Лангри, кажется, не умел дрессировать букашек; он просто стоял и перебрасывался с Золмингом непонятными словами.

Зато Лангри понимал, что Золминг делает. Даже взял у него один муравьиный шарик. Я думал — зачем бы? — а он ногтями разломил эту штучку и понюхал. Улыбнулся. Когда он разломил шарик, я вдруг понял, что это такое.

Это гриб.

Белые нити — грибница. А шарики — крохотные грибочки, вроде очень мелких дождевиков. Из дождевиков пыль не сразу сыплется, а только из старых — молодые как раз такие: белые, по форме похожи на бусины, покрытые вроде как меленькими пупырышками, а внутри мякоть, будто пенопласт на разломе.

Из грибочка довольно сильно пахло. Незнакомо.

Золминг тоже понюхал и кивнул. А потом разломил другой грибок, стал тщательно внюхиваться; держал одной рукой, а другая у него так и лежала на муравейнике. Муравьи ужасно суетились, но Золминга так ни один и не укусил.

Второй гриб пахнул резче и иначе, чем первый. Даже мне чувствовалось.

А я стоял рядом, совершенно ошалевший.

С одной стороны, всё было понятно. В подвале дома — муравейник. Муравьи — домашняя скотина, их дрессирует Золминг, дрессирует, надо думать, тем... не знаю, как назвать... тем, скажем, секретом, который выделяется у него из пальцев. Муравьи живут в грибнице, наверное, грибы едят — но некоторые грибы приносят своему Золмингу. Зачем?

К тому же я вообще не мог себе представить, как можно так надрессировать насекомых. Это же не кошки, не собаки — ума у них нет. Ладно, муравьёв можно пустить по дорожке из сахара — но чтоб они собирали для человека грибы?

И почему грибы пахнут по-разному? Это же одинаковые грибы!

Тут у лицин уши дрогнули и нацелились на вход в подвал. И я тоже услышал, как сюда кто-то бежит. Лангри сказал: «Цвиктанг, зген-лард», — и ещё что-то сказал, а Золминг усмехнулся, добродушно. Я подумал, что лица у них, в общем, не очень человеческие, но выражения — просто на удивление понятные. Или я уже привык, присмотрелся.

И я обрадовался, я хотел видеть Цвика. И он обрадовался — понюхал меня в нос.

То, как они нюхаются, конечно, немного непривычно, но надо понимать: руку лицин пожать не могут — у них запахи смешаются. Поэтому и я его понюхал — нос влажный и прохладный.

А Лангри протянул ему нюхнуть гриб. «Цицино дценг», — сказал, прозвучало, как подначка — но не зло. Цвик просто просиял — совершенно человеческая улыбка, зубы белые. Кивнул, всё улыбаясь: «Цицино дценг, гзи-ре!» — и на меня посмотрел счастливыми глазами.

— Цицино ланг мин! — сообщил потрясную новость.

Но я почти не понял. Я подумал только, что «Цицино» — это имя. Похоже на их женские имена. Но к чему тут гриб — я никак не мог взять в толк. Не гриб же так зовут...

И я сказал:

— Гзи-ре — хен, — а что ещё скажешь. Я не знал, как это выразить литературно. А лицин заулыбались все, даже Лангри. Кажется, догадались, что я хотел сказать.

Тогда Цвик взял меня за локоть и потащил к выходу из подвала: «Дзениз, дзон», — и ещё слова. Интересно: мне с ним было легче и веселее, чем с Лангри, но Лангри говорил понятнее. Цвику и в голову не пришло вот так пахнуть по слогам — а сейчас очень надо бы.

Я ему попытался объяснить по дороге навверх, но не уверен, что меня поняли. Хотя кое-какие выводы он, кажется, всё-таки сделал.

Он привёл меня на кухню — и я увидел, какая у них кухня. Такая же невозможная, как и подвал.

Стены тут были не во мху, а в коре. В грубой такой, конкретной коре, как на деревьях типа дуба. А эту кору покрывал слой стекла.

Может, это и не стекло, но выглядело так: блестящий прозрачный слой, совершенно гладкий и тёплый на ощупь. Вся кухня покрыта стеклом — и стены, и потолок. Полки из сплетающихся веток тоже все в стекле, на них — стеклянные сосуды с припасами. На полу большие глиняные горшки, закрытые пергаментом и завязанные верёвочками.

Плита стеклянная, из тёмного стекла, вроде обсидиана, такими же разводами — где посветлее, где потемнее. В стекле — дырочки, в дырочках горит газ: нам ли газ не знать! Сами на таком готовим. Даже удивительно, что у них тут тоже газ — и я подумал: значит, есть и газопровод. Или у них газ в баллонах?

Металлической посуды на этой кухне не было ни одной ложки: всё стеклянное, деревянное или глиняное. Стеклянная столешница на подставке из толстых веток — а на ней всякие штуковины.

Но Цвик привёл меня не кухню показывать: тут же что-то делали три девушки, они немедленно захихикали и запахи мёдом, как одуванчики. И Цвик хихикнул, но тут же сделал серьёзную мину.

Показал на Гзицино: «Цицино дценг», потом на Дзамиро: «Цицино дценг», потом — на себя: «Цицино дценг». И торжественно — на Ктандизо: «Дзидзиро дценг. Гзи-ре?»

Девушки примолкли, наблюдали за мной. А я смотрел на них и думал.

Цвик, Гзицино и Дзамиро были более-менее одного цвета. Рыжие, золотистые. Цвик — самый рыжий, потом шла Гзицино, а Дзамиро — со светлыми пятнышками у бровей, там, где у Цвика и Гзицино — тёмные. Но Ктандизо — просто блондинка, вообще не из той колоды.

А вот Дзидзиро — тоже рыжая...

И самая старшая.

Ктандизо — её дочка?

И тут меня осенило. Цвик же хочет сказать, что Цицино — его мама! Всего-навсего. Его и его сестрёнок. Дценг — мама. А у Ктандизо — Дзидзиро мама. Ясно.

А гриб при чём?

Тогда я в первый раз и подумал, что, наверное, лицин нельзя понять, если ты человек. Даже если выучить слова — останутся запахи. А в их жизни ничего похожего на нашу жизнь нет.

Как в фантастических романах это просто! Землянин тыкает пальцем: «Звездолёт! Бластер! Компьютер!» — а инопланетянин называет по-своему. А здесь — что тыкать? Как называть?

Дом. Еда. Мама. А остальное? Если дают нюхать гриб, а говорят о матери?

Почти что отчаяние.

— Дценг, — говорю, — ага, — и случайно посмотрел на Гзицино — а она хихикнула и сделала совершенно безумную вещь.

Она задрала свою блузку-сеточку и сунула руку себе в живот. В шерсть.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять. У меня в голову не вмещалось. Это

не в живот. Это в меховой карман на животе. Не в одежде, вот в чём самая дикость — а на самом животе!

У неё на животе был карман. Как у кенгуру. И она улыбнулась хитренько и сказала: — Дзениз, дценг ми, — вытащила руку и пахнула молоком и детским теплом.

Прямое, чёткое, конкретное объяснение.

Я мотнул головой и взглянул на Ктандизо — кажется, мне хотелось, чтобы она меня разубедила. Но она посмотрела, пожалуй, кокетливо — и тоже сунула ладошку себе туда. Прямо сквозь этот свитер из отдельных побегов. А Дзамиро распахнула шаль и тоже показала.

У них были сумки. Как у кенгуру сумки. Меня бросило в жар и даже стало тошно.

Я понял, почему у их девушек нет бюстов. Потому что они носят детёнышей в сумке — и соски там. На животе.

«Дценг» — не «мать». «Дценг» — «сумка». Вот что Цвик сказал. Что он с сестричками — «из одной сумки». Из «сумки Цицино».

Я посмотрел на Цвика. Он наблюдал — и, кажется, догадался, что мне не по себе. Чуть улыбнулся, по-моему, смущённо — и показал мне на живот и себе на живот. Под свитером из зелени было не видно, но я догадался, что у него там... ну... соски тоже там. На животе.

— Да, — говорю. — У наших девочек дценг — хен.

Но они, похоже, не поняли. Они налили в чашку компота из ягод — и дали мне попить. Очень хорошо сделали, потому что в горле пересохло.

Они — не чебурашки. Они — кенгурушки.

Мы попали в мир сумчатых людей.

За этим обедом я отлично понял, чего в действительности стою. Я не получил образования. Я ничего собой не представляю. Мой информационный багаж ничтожен. Я не могу сделать никаких толковых выводов. К тому же я — совершенно бездарный контактёр.

Я, конечно, мечтал, мечтал, читая фантастические романы: уж я бы договорился и с жукоглазыми, и со всеми прочими, да... Нет, к сожалению, не договорился бы. Всё это — инфантильные фантазии, бред подростка, не знающего жизни. В сущности, мы все — ещё мальчишки, а как психологи или ксенологи — и вовсе ничто.

Кроме Дениса.

Я наблюдал, как Денис общается с сообществом личин, и понимал: в нашей компании всё это время находился гений, а мы — ни сном, ни духом. Я первый думал, что Диня простоват до глупости — и что с меня взять? Я — сноб и дурак. Впервые в жизни я ощущал собственную психическую неуклюжесть — как физическую, до стыда и горящих ушей.

Вот как это делается, господа. Человек просто начинает общаться. Выхватывает, понимает, запоминает, использует чужие слова. Зеркалит чужие жесты — и, видимо, точно попадает в местные традиции. Наш простоватый Динька...

Но остальным моим, так сказать, сопланетянам, кажется, не было никакого дела до этой невероятной работы, которая происходила прямо у них на глазах. Вот и отобедали с ксеноморфами... юрьев день тебе, бабушка. И к моей досаде на себя добавились ещё и стыд за Калюжного и раздражение, вызываемое Виктором.

Кудинов не глуп. Но такие парни дома читают о всевозможных псевдоисследованиях, принимают всерьёз натуральные фальшивки, смотрят телепередачи, «раскрывающие глаза» мирному населению — и обожают рассуждать о происках мировой закулисы. Верят не глазам, а впитанным в кровь и плоть газетным штампам.

Вот ты встретился с потрясающе чужеродной культурой. Смотри же теперь, смотри внимательно, делай выводы и пытайся понять! Но нет — любая непонятная диковинка объясняется с позиций давно устаревших газетных страшилок.

— Зачем, скажи, — пытался я выяснить, — им нужно создавать летающие наноботы в виде насекомых, да ещё и таких достоверных? Объясни мне хотя бы это.

— Да Господи, Боже ты мой! — раздражался Виктор в ответ. — Это же секретность! Азы ведь! Да кому я объясняю, салага... у них ведь весь этот гадский лес под колпаком. Ты сам сказал: лаборатория...

— И повторю: биологическая.

— Значит, биологическое оружие. Скажешь, эти осы — не оружие?

— И эксперименты, — добавил Калюжный. — На людях.

Я еле сдержался.

— Сергей, — сказал я как можно спокойнее, — они людей впервые в жизни видят. И ещё вчера... ладно, пусть позавчера даже представить их себе не могли.

— Так потому и эксперименты!

— Ша, пацаны! — вдруг дёрнулся Кудинов. — Динька свалил.

— Может, отлить пошёл, — буркнул Калюжный.

— Не думаю, — шурясь, сказал Виктор. У него на лице вдруг нарисовалось немалое интересное из нашего исторического наследия: «враг народа», «предатель», «власовец» —

весь этот ассоциативный ряд. Он запахнул на себе одеяло, как плащ с пурпурным подбоем, и сделал шаг к дверному проёму.

В этот момент ко мне вернулось ТПортальное ясновидение. Я отчётливо увидел Диню дружелюбно беседующего с Лангри и незнакомцем-лицин в чёрно-серых тигровых полосках — и схватил Виктора за локоть.

— Оставь Багрова в покое. Он ушёл работать, пока мы тут... дурью маемся.

Виктор посмотрел на меня с тем же выражением.

— Работать?!

Я про себя недобрым словом помянул «Иглу» — даже не за то, что она загнала нас сюда, а за то, что в группах испытуемых не продумана психологическая совместимость. Впрочем, на такое долгое и безумное путешествие никто и не рассчитывал.

— Джентльмены, — сказал я и попытался улыбнуться. — Я понимаю: все устали, все психуют. Но давайте уже, мать вашу, перестанем играть в войнушку, ладно? Опомнитесь, вы, милитаристы! Никто из нас не шпион и не изменник Родины. И никто из лицин, если Динька прав и они так себя называют, пока не объявлял землянам войну, хоть некоторые земляне и выдвываются, как мухи на стекле. Если хоть кто-то из нас может выяснить у местных что-то полезное — так это Багров. И не надо его дёргать, хорошо?

Виктор оцетинился, смерил меня взглядом — но сходу не нашёлся, что возразить. Я взглянул на Калюжного — и вдруг понял, что он едва держит себя в руках, причём хочется ему не подражаться, а закатить истерику со слезами и воплями. Его губы дёргались, глаза покраснели, он тискал клок одеяла на груди, будто хотел его оторвать.

С его точки зрения, подумал я вдруг, война, вероятно, не так страшна, как абсолютная неопределённость, непонимание и тоска.

— Серёга, — сказал я, — ты напрасно не поел. Довольно вкусно — и вообще, тут ведь можно жить, могло быть и хуже...

Он взглянул на меня жалобно и яростно — беспомощно:

— Артик, твою мать... да я просто домой хочу. Ёлки, я не могу, я домой хочу — вот и всё...

— Да заткнись ты! — рявкнул Кудинов. — Домой не выйдет! Ты больше всех вопил: Марс, Марс — вот, получи, распишись и жри его с кашей, свой Марс! Доволен?!

Калюжный даже не попытался возразить — ему было слишком плохо, плохо всерьёз, он был занят утрамбовыванием воплей и слёз в глубину души. Возражать Виктору пришлось мне.

— Ну что ты на него рычишь? — сказал я, надеясь, что это не прозвучит слишком высокомерно. — Он просто и честно сказал о том, что мы все чувствуем, а ты орёшь на него. Тебе не так страшно, когда ты на кого-нибудь орёшь или когда кто-то кажется тебе виноватым?

Они оба уставились на меня поражённо, будто я выдал какую-то невероятную дикость. А я вдохнул и продолжил светским тоном:

— Между прочим, осиный яд отлично помогает, вы заметили? Совершенно не тянет кашлять... и спать хочется, джентльмены. Нам посоветовали отдохнуть — между прочим, дельный совет. Может, поспим?

И Виктор взял себя в руки. Грамотно взял, я восхитился.

— Совет дельный, это да, — сказал он уже нормальным тоном. — Только учтите, салаги, мир чужой — и спать будем по очереди. На всякий пожарный.

— Хотите, я покараулю пока? — предложил я. — Сергею нехорошо, да и у тебя замученный вид. А мне легче — лекарство действует.

— Стрёмно как-то, — сказал Виктор и сел.

Мы с Калюжным присели рядом с ним. Мох на полу был мягок, как роскошный иранский ковёр — и совершенно не казался влажным, как почти всегда ощущается мох или трава. Только запах и выдавал в нём растение. Я выдернул тоненькую прядку мха — она подалась с большим трудом, оказалась удивительно прочна, но мы получили возможность рассмотреть длинный и тонкий, упругий, как кручёный металлический тросик, корешок.

— Ничего ведь тут не сделано попросту, ёлки, — задумчиво проговорил Калюжный. — Ничего по-людски не сделано. Рубанком, там, топором... или ещё как. Оно же всё выросло. Весь этот дом вырос. Весь этот ковёр, ёлки. Стены эти. Как?

И это уже было почти похоже на нормальный тон. Нормальный тон нормального человека, изучающего окружающий мир. Гораздо лучше, чем накручивать себя, думая о доме, матери, Ришке...

Тут и мне пришлось дать себе ментальную оплеуху. Я втянул дикую тоску внутрь и заставил себя сказать:

— Мне представляется, что они влияют на обычную программу роста здешних растений. Видел мост? Лицин заставили два дерева расти не так, как им велит природа, а так, как архитекторы решили...

Виктор фыркнул:

— Дерево, расти! Расти, кому сказано!

— Не так просто. Быть может, это воздействие на ДНК. Может, на что-то иное.. Простите, ребята, я не биолог, я сам не понимаю — но мне кажется, что это не механическое воздействие, а что-то намного, намного более сложное...

— ГМО, что ли? — хмуро спросил Сергей.

Вряд ли, я думаю, он имел представление о том, что такое ГМО, но по телевизору часто говорили, какая это ужасная штука. Будь ему хоть немного морально легче, я бы, наверное, его высмеял, но ему было так паршиво, что у меня не повернулся язык его пинать.

— Мы ещё ничего толком не знаем, — сказал я. — Может, да, может, и нет.

Виктор поймал на стене зеленовато-бурую сороконожку, взял её через одеяло. Ему явно было отвратительно, а гадость с длинным суставчатым тельцем извивалась у него в пальцах. И Сергей нагнулся взглянуть.

— Думаешь, она искусственная? — спросил Сергей.

— Почему бы и нет, — сказал Виктор с гримасой предельного омерзения. — Противная. Если не искусственная, то зачем она? На фига они таких гадин в доме держат?

— Видимо, у неё тоже есть какая-нибудь важная роль, — сказал я. — Как у ос. И неужели ты до сих пор думаешь, что это — робот?

Виктор взглянул мне в лицо:

— Разумовский, давай, придумай тест для неё. Ну, давай. Как узнать, настоящая она или нет?

— Витя, — сказал я, — отпусти букашку, она настоящая. Ну, посмотри, рассмотри внимательно. Ты можешь себе представить технологию, которая позволит создать робота в три сантиметра длиной, с головёнкой меньше булавочной головки — и чтобы он себя вёл в точности как живая тварь? И зачем делать такую тонкую, трудоёмкую и дорогую вещь, если каждый дурак может её случайно раздавить?

Калюжный потыкал сороконожку прядкой мха. Сороконожка извивалась и дёргала лапками в точности, по-моему, как любое пойманное насекомое — Сергей, как и я, усомнился в её искусственности.

— Это тоже ГМО, наверное, — сказал он неодобрительно. — Да, Тёма? Вить, она наверное, вредная, ёлки, но на работа не похожа ни фига.

— Не думаю, что она вредная, — сказал я. — Во всяком случае, не для хозяев дома. Вспомните ос... Я уверен, что все здешние насекомые им зачем-то нужны. Их не просто не уничтожают — их разводят специально. Быть может, эти сороконожки борются с паразитами... или ещё что-нибудь... В общем, в этом мире насекомые имеют огромное значение. Даже блохи.

Виктор отбросил сороконожку подальше, и она тут же полезла на стену и закопалась в густой мох.

Калюжный хмыкнул.

— И нафига им блохи?

Что я мог сказать?

— Сергей, я не знаю. Просто не знаю... допустим, блохи — такое же лекарство для их шерсти, как осы — для внутренних органов. Может такое быть?

Сергей скривился:

— Совсем не по-людски... но у них тут всё так.

— Именно.

— А жрать охота, — признался Сергей печально. — Но не могу я жрать, когда прямо рядом сороконожек изо рта кормят и блохи ползают. Блевануть впору.

— Сочувствую. С такой чувствительностью надо что-то делать, а то с голоду помрёшь.

— Небось, на армейке жрал любую дрянь, — заметил Виктор.

Калюжный хмуро, искоса взглянул — и пожал плечами:

— Ну и что. Там была *наша* дрянь. Не знаю, как там у вас, а у нас никто тараканов не обсасывал.

Виктор неожиданно осклабился.

— Ха, салаги, кстати — о тараканах. Я не рассказывал, как у нас ещё в другой части, до «Иглы», один оставил в тумбочке открытую сгущёнку? А туда стасиков этих, тараканов — уйма налезла. И один мудачина стырил и столовой ложкой — хват! «Мужики, — говорит, — никогда не видал сгущёнки с изюмом!»

У Калюжного вытянулась физиономия. Виктор рассмеялся — и я следом:

— Виктор, садистская морда, ты это только что придумал, признавайся! Надеешься, что мы с Сергеем проблюёмся? Обломись, ничего не выйдет!

Тут хохма дошла и до Калюжного. Он заржал басом и выдал:

— Э, знаете анекдот про зелёную волосатую расчёску в супе?

— О! — воскликнул я пафосно. — Вашему деликатному сиятельству полегчало-с? И не тянет блевать даже от волосатой расчёски? Или вы блюёте-с только от членистоногих?

Виктор повалился на мох, хохотал и всхлипывал. Калюжный бил себя по коленям и повторял сквозь смех:

— Точно! Точно, ёлки!

А я думал, что это — неслучившаяся истерика. Что мы ржём над фигнёй, чтобы не реветь. Ну и пусть, не худший случай.

Мы впервые смеёмся вместе, над одним и тем же. Диня, конечно, гений контакта — но,

быть может, и я на что-то сгожусь?

Моя упавшая под плинтус самооценка приподнялась на пару сантиметров.

Мы посмеялись и расслабились. Разжались какие-то внутренние тиски, стало легче дышать — и все тут же начали зевать. В комнате было тепло и сухо; окно сплошь завешивали какие-то зелёные нити, но потолок слегка светился — мягким, рассеянным желтоватым светом. Такой уютный полумрак... а за окном дождь шуршит...

Мы улеглись на мох и сделали вид, что травим байки, но я видел: у всех слипаются глаза. У нас вчера был чудовищно тяжёлый день, потом — ночь, во время которой нам удалось подремать только по паре часов, наши болячки, контакт, ворох безумных впечатлений нынешнего утра... Наши бедные организмы, ещё не потерявшие надежды адаптироваться в здешнем мире, просто настаивали на отключке.

Я не помню, как вырубился. Я точно не думал о безопасности — кажется, надеялся, что о ней позаботится Кудинов. Впрочем, я не верил, что нас прикончат во время сна: моё ТПортальное déjà vu запустило калейдоскоп ярких, как вспышки, мгновенных снимков нашего будущего.

Я успел отловить воздушный шар, медленно плывущий в тихом предзакатном небе цвета лепестков чайной розы. Кишащих красных сороконожек в чьей-то протянутой обезьяньей — точнее, лицинской — ладони. Гирлянды из живых белых цветов. Шествие громадных, ростом с небольшой огурец, муравьёв, несущих что-то вроде кукурузных початков. Аквариумы в человеческий рост, полные какой-то спутанной зелёной и бурой травы... на них я, кажется, окончательно заснул, но карусель цветных картинок неслась и во сне — я смутно помню ощущение от мелькающих кадров, но напрочь забыл и сами образы, и свои впечатления от них.

Потом сон превратился в тёплую тёмную воду. На дне этой темноты было замечательно, не надо было спешить, дёргаться и бояться, мельтешня микропророчеств отступила — но я блаженствовал в полунебытии, кажется, очень недолго. Из него меня выдернули: кто-то потряс за плечо.

Веки разлеплялись тяжело, словно склеенные. Но, увидев Дениса, я рывком вернулся в реальный мир.

Одеяние Диньки было рыцарское: кроссовки, чудесным образом чистые белые форменные трусы — и пончо-сеточка из каких-то кручёных золотистых нитей, с кисточками понизу, с бусинами и узелками. И всё. А простецкая его физиономия сияла.

Денис сидел на полу, а рядом с ним стояло большое стеклянное блюдо с, кажется, чипсами. С золотистыми ломтиками, от которых пахло жареным маслом. Но чипсы никто не ел: Кудинов и Калюжный уставились на Диньку спросонья, очевидно, так же оторопело, как и я.

— Вы выпались? — весело спросил Денис. — Вас звали ужинать, но Гзицино сказала, что вы, может быть, не пойдёте — и прислала печенья сухим пайком, — и рассмеялся. — Они думают, что вам надо прийти в себя до вечера, а уже ведь вечер, на самом деле. Хотите подняться на крышу? Там круто, увидите, как мать Цвика сюда едет — ну и ещё кто-то с ней, кого мы не знаем...

— Так, ша! — окончательно проснулся Кудинов. — Ты, салага, почему в таком виде?

Денис смущённо ухмыльнулся и пожал плечами.

— Я Цвику сказал, что в одеяле ходить неудобно. Трусы уже очистили, а остальные шмотки — ещё нет.

— Как это — увидим, как едет? — спросил Калюжный. — Это сколько ж времени она будет ехать?

— Не знаю, — сказал Денис невозмутимо. — Мне кажется, воздушный шар приземлится — это не быстро. Там, на крыше, у них причал для воздушных шаров... Знаете, мужики, Цвик не может сказать «шар», у них буквы «ше» в языке нет, а «аэростат» — может. Только у него получается «аэроздад», — и хихикнул.

Не знаю, как прочие, но лично я ощутил, как мой ум заходит за разум. От всей этой обстановки, от того, что трусы уже очистили, а прочие шмотки — нет, от того, что мать Цвика едет сюда на воздушном шаре, а на крыше причал, от того, что Денис так обо всём этом болтает, будто рассказывает, как покупал в ларьке банку «колы»...

Он был феноменально спокоен. И весел. И отчего бы ему грустить? — человек спокойно общается с инопланетянами, объясняет им, что ему надо, а они дружески делятся собственными планами. Почему бы и нет?

— Погоди, — сказал Виктор и потряс головой. — А откуда ты знаешь, что на возд... на аэростате — его мамаша? Он тебе сказал?

— Ну да, — кивнул Денис. — А ему — Лангри и Золминг полосатый. Золминг — и: взрослых мужиков, их ещё человек пять пришло, они что-то делали в лесу. А про воздушный шар и про Цвикову мамашу они узнали по грибам.

— Чё? — спросил Калюжный.

У него было такое лицо, что я снова его пожалел.

— У здешних, кстати, по-моему, нет слова «мамаша», — сказал Денис. — Или у них «мама» и «сумка» одно слово, я недопонял.

— Мама и что? — спросил Виктор. Его лицо сделалось таким же потерянным.

— И сумка, — повторил Денис. — Они сумчатые, мужики. Как кенгуру. У их девушек маленькие сумочки на животе, понимаете? Совсем маленькие и плотно прижаты, поэтому не очень заметные. А соски — там, внутри, поэтому и фигуры такие странные...

И тут у Калюжного случилась-таки истерика. Он заржал с привизгом и навзничь завалился на мох, размахивая руками:

— Сумки! Кенгуру! Кенгуру, ёлки! Сиськи в сумке! — всхлипывал он и колотил по полу кулаками. — Мамка с сумкой! Охренеть!

Виктор наблюдал с растерянной ухмылкой и, когда Калюжный немного успокоился, спросил:

— Ладно. Мамки с сумками — это я понял. А как они узнали по грибам, Динь?

Калюжный приподнялся на локте:

— Ясно как. Нажрались, ёлки, и заторчали! — и снова гыкнул, уже устало.

Денис посмотрел на него с укоризной:

— В подвале у них — грибной муравейник, — начал он объяснять, и тут пробило меня.

Я сам не пойму, почему это было так дьявольски смешно. Видимо, это тоже был выход эмоционального и интеллектуального шока: Динька, с серьёзным видом говорящий дикие вещи. Единственное, на что меня хватило — это попытаться быстрее взять себя в руки. Денис смотрел хмуро, почти сердито, с выражением: «Я серьёзно, а вы ржёте, как идиоты», — и был в своём роде прав.

— Ты начал про муравейник, — сказал я, отчаянно пытаюсь не расхохотаться снова. Я вдруг оказался в том состоянии, которое вызывает смех от любого пустяка. Только палец покажи...

— Муравейник, — терпеливо продолжил Денис, — а вокруг грибница. За ней ухаживают муравьи. Ребята спустились в подвал, а муравьи принесли Золмингу два грибочка, вот таких, с ноготок. Он их понюхал и догадался, что мать Цвика собирается приехать...

— Стоп, — Виктор прищурился. — Ты сам-то понял, что сказал?

— А что? — удивился Денис. — Я говорю, они узнали по грибам. Понюхали — и догадались. И Цвику давали нюхать. Он обрадовался.

Мы переглянулись.

— Это технологии, да? — спросил Виктор. — Какие-то здешние технологии, что ли? Чтобы гриб понюхать и...

— Надо быть Диней, чтобы всё это спокойно воспринимать, — сказал я. — Очевидно, технологии. Только не спрашивай, как именно можно догадаться о чьём-то приезде, понюхав гриб.

— Давайте поднимемся на крышу, мужики? — снова попросил Денис.

Я потрясённо понял, что ему, в сущности, пока всё равно, каким именно образом его приятели-лицин получают новости, нюхая грибы. Он просто собирает информацию о мире. И, пожалуй, он прав. Инопланетянин видит, как человек смотрит на термометр за окном и говорит: погода нынче тёплая — наверное, инопланетянину в первый момент не особенно важны строение и принцип работы термометра. Вещь, с помощью которой здешние жители узнают температуру воздуха — и предовольно пока. Ну, так грибы — вещь, с помощью которой здешние жители узнают новости. И хватит.

Обычное дело для этого мира, к чему суетиться?

— А ты нюхал? — спросил Калюжный.

Денис кивнул.

— Но я не понял. Лицин переговариваются запахами, а я понимаю с пятого на десятое, — грустно сообщил он. — Некоторые вещи не понимаю вообще, даже когда они — медленно и раздельно. У них вот тут — такая складочка, чтоб убирать запахи, а вот тут...

Вот что принципиально, думал я. Язык. Местная артикуляция. Речь запахами, которую надо попытаться, если уж не воспроизвести, то понять.

— Денис, — сказал я, — ты просто молодец. Тебя бы взяли в любую космическую экспедицию.

— Нет, — грустно сказал Денис. — У меня девять классов, кто взял бы?

— Пойдём на крышу, — сказал я. — Я видел этот аэростат во сне.

— Слышь, это, — сказал Калюжный. — Пусть хоть трусы отдадут. Что мы будем в одеялах — как идиоты?

— Можно зайти за трусами по дороге, — с готовностью сказал Денис. Ему не терпелось вытащить нас из этой комнаты и показать всё, что он успел тут изучить.

Я встал, а за мной — остальные. Кудинов отодвинул занавеску из зелёных нитей на окне: уличный свет уже стал мягким, вечерним, и я подумал, что мы ухитрились проспять почти целый день. Дождь перестал. Лес стоял вокруг дома зелёной стеной — и сам дом был частью леса, а увидеть из этого окна воздушный шар нам не удалось.

Впрочем, я уже знал, как он выглядит.

До того, как мы отрубались, мне еще верилось во всякий пацифизм. Я ведь думал, что покараулю, пока салаги дрыхнут. Разумовский сам предлагал — но я подумал, что сделаю надежнее: слишком уж его сильно лечили — и глаза у него прямо сами собой закрывались, заметно.

Калюжный просто сразу отключился — и всё. Я от него на секунду отвернулся, что-то говорил Артику — и готово дело: Серый уже в отрубе и храпит. А Разумовский еще некоторое время трепыхался, чего-то там втирал еще про дружбу народов — но было видно: надолго у него запала не хватит.

И точно. Разумовский начал что-то там про китайцев, которые всё едят, что по полю ползает, кроме танков, хотел еще сказать что-то про водоплавающих — но умер и не договорил. По нему самому могло ползать все, кроме танков — все равно ему было, умнику.

А я стал прислушиваться, только зря. Было тихо-тихо, деревня же! — только дождь еле шуршал. Дождь меня и добил. Я провалился в сон, как в западню.

В кошмар.

Потому что во сне была лаборатория типа той, что у Нгилана, только побольше раз в десять. И дела там творились грязные и жуткие.

Они прикрутили Калюжного, голого, к креслу, вроде прозрачным скотчем. Рот залепили, но глаза оставили — и взгляд у него был отчаянный, нестерпимый, как у приговоренного. Они содрали листок с его щеки — и из разреза полезли громадные мухи, синеватые блестящие трупоеды с мохнатыми лапами. Один полоснул Серегу ниже ребер чем-то острым, блестящим — целый поток мух хлынул из раны вместо крови.

А Динька и Артик стояли на каких-то невысоких подставках. Они были будто из пластилина; из них вытягивали куски тела, кожа вместе с мясом тянулись, как пожёванная жвачка...

Вот тут-то Динька меня и разбудил.

Первая мысль, ясно, была: живы, салаги. Такое облегчение, что камень с души просто. Прямо как родне им обрадовался. Но чуть погодя я пришел в себя и оценил обстановку.

А по обстановке-то выходит, что всё хреново! Сумчатые — это ладно, но кого они там вызвали «по грибам», а? И у Диньки вид, как у перевербованного: счастья и радости — полные штаны. Так и ждёшь, что сейчас агитировать начнет за какую-нибудь хрень.

«Пойдемте наверх», «пойдемте наверх»! А на фига? Воздушный шар смотреть или ещё зачем-нибудь?

И тут мне как врезало, аж задохнулся: а вдруг на меня тоже ясновидение нашло? Как на Разумовского? И сон этот кошмарный — наше будущее, а?

Но идти, понимаю, надо все равно. Куда деваться-то. Вот же не хотелось мне идти в этот дом, безопаснее казалось в лесу. Просто так, что ли?

Мы же все ушибленные ТПорталом, все чуток с приветиком. Интуиция обостряется. Надо ее слушать, или нет?

А Калюжный, дубина, ихние чипсы жрёт. Прямо за ушами пищит. И Разумовский горсть прихватил. И что им скажешь? Не жрите, там любая наркота может быть?

Тоска на меня напала — просто хоть волком вой. Ещё и Динька рядом лыбится, как деревенский идиотик. Чему радуется-то?

Но ладно, пошли. Я только тарелку отобрал у Калюжного.

— Хорошего помаленьку, — говорю. — Кончай жрать в три горла, дорвался.

Он на меня зыркнул, как Сталин на врага народа.

— Чё, тебе жалко, что ли? Вы там нажрались хрючева этого, которое Нгилан давал, а я вторые сутки нигде ничего, ёлки!

И Разумовский вдруг вступился за своего бойфренда:

— Правда, Виктор, пусть он доест. Это какая-то белковая пища, а не фаст-фуд, по вкусу чувствуется — а он голодный.

А Калюжный на него глянул, можно сказать, миролюбиво, чуть не благодарно. Хохматое! То черепушки друг другу готовы оторвать, а то чуть не целоваться собираются. Не иначе, их, типа, трудности сплачивают.

Только вышли из нашей спальни — Динька радостно сообщил:

— Во, мужики, тут у них химчистка, вроде прачечной! — и ткнул пальцем вниз по лестнице. — Трусы можно забрать.

Планировка у чебурашек в доме, кстати, совершенно ненормальная — закутки какие-то, коридорчики... Три ступеньки вниз — и занавеска, за занавеской — химчистка эта, странное местечко.

Воды — вообще ни капли. Сквознячок — два окошка напротив друг друга, без занавесок, из них — вечерний свет; видно, что дождь давно кончился. И решётки растут из стен, вроде сквозных стеллажей из веток. А на решётках — какие-то серые кучки, как зола. Много.

— Круто, — говорю. — А шмотки где?

И салаги глазают по сторонам, ничего понять не могут: не прачечная же и не похоже! Тогда Динька сделал цирковой вид, прямо фокусник Копперфильд:

— Крекс, фекс, пекс! — говорит. — Трах-тибидох! Последняя гастроль! — и хватает одну кучку руками.

И с нее тут же взлетает целая туча мелких-мелких серых мошечек! Просто — ну, я не знаю! — мелких-мелких, но густым столбом, целая метель! Мы все шарахнулись.

А под мошками оказались чьи-то трусы, факт. Причем чистые до удивления. Калюжный даже присвистнул:

— Не, ну ничё себе! Они, чего, грязь сожрали, что ли?

А Разумовский отобрал у него трусея:

— Во-первых, это мои, вот номер. А во-вторых, не удивлюсь, если наша одежда фактически стерильна. Продезинфицирована. Сам не знаю, почему, но такое впечатление.

А Калюжный:

— А мои где тогда? И как эта гнусь соображает, что жрать, а что оставить?

Артик встряхнул еще одну шмотку, но это оказалась почти чистая майка. Моя, я ее забрал. Пришлось перетряхнуть все небольшое на этой решетке, чтобы найти все трусы. Мошки, которых мы согнали, постепенно оседали обратно.

Разумовский встряхнул большое — оказались Динькины штаны, еще слишком грязные, чтобы их надевать — и сказал:

— Как соображает... Ну, как... Как осы Нгилана соображают, кому вводить легочное, а кому желудочное? Предположу, что у лицин есть способ им объяснить.

— Фигово объясняют, — хмыкнул Калюжный. Он крутил пуговицу на Динькиных брюках.

— Не оторви, — сказал я. — Иголок с нитками у них, может, и нет.

— Да стой ты, потрогай! — сказал Калюжный.

И точно: пуговица была чуть-чуть шероховатая на ощупь, будто мелко-мелко обкусанная: в круглых таких вмятинках.

А Динька все тянул:

— Ну мужики, ну без нас же приземлится шар-то... Охота посмотреть!

А Калюжный:

— Не, вы видали, ёлки? Они же пуговицу обгрызли! Они её, бля буду, обгрызли! Решили, что грязь присохшая...

А Динька:

— Надо же, пластмассу едят... Ну, ладно, пойдёмте наверх-то!

Ладно. Трусы и майку я надел. Калюжный нож носил засунутым под завязанное одеяло, как за пояс, а теперь хотел в трусы пихнуть, только нож провалился — и он стоял, как балда, с ножом и пустой тарелкой. Артик все одеяла свернул и сложил — и на них тут же мошки насели. И уже ничего не оставалось, как идти туда, наверх.

Ужасно не хотелось. Подстава там ожидалась, просто живот крутило. Но я просто не видел разницы, идти или не идти. Не пойдём — они, если захотят, сами потащат. Я опять думал, что вообще не надо было сюда соваться, и опять думал, что иначе сами в лесу сдохли бы. В общем, очень паршивые вещи крутились в голове, пока мы из этой мушиной прачечной поднимались на самый верх.

А когда вышли, оказалось, что там много народу. Ихнего народу — попадались незнакомые, видимо, те, кто утром в лес уходил. Некоторые смотрели наверх, где громадный воздушный шар, золотистый, блестящий, медленно плыл по розоватому вечернему небу прямо на нас, как парусный корабль; несколько, видно, мужиков возились с какими-то скобами и канатами — наверно, чтобы его привязать, когда причалит. Скобы были вделаны, похоже, давно и насовсем: нормальное тут дело — принимать воздушные шары.

Крыша была широкая, во мху и с бортиками. Чисто по размеру на неё и вертолёт бы поместился без проблем — правда, не факт, что выдержала бы вертолёт. Никакой черепицы, никакого рубероида, никаких вообще таких вещей, которые удерживают воду — я ещё подумал, что, по идее, течь должна такая крыша.

Но самое оно — что ничего спецназовского я не видел и не чувствовал. Чебурашки друганов ждали и встречали, такое было чувство. И, вроде, обрадовались, когда нас увидели.

Цвик с довольным видом подбежал к Диньке, в нос его нюхать. Нгилан всех нюхнул по разику — убедился, что нам лучше, не иначе. Лангри с Разумовским натурально обнюхался, цирк смотреть. Потом ещё эта маленькая блондиночка, с блохами, забрала тарелку у Калюжного, а тот как-то смутился, потерялся и сперва тарелку потянул к себе, а потом сунул ей — она захихикала и зачирикала, совсем как наши девчонки. И все улыбались, показывали на шар: «Цин-цин, вин-вин, цин-вин», — и задирали головы.

Рыженькая в бусах подошла ко мне, мёдом от неё пахло, как духами, а носик оказался влажный, как у кошки. Я её понюхал, как тут по вежливости полагалось — и прямо напротив вышли её глаза, почти наши, тёмные, влажные... улыбнулась, дотронулась своим обезьяньим пальчиком...

И вдруг меня как током шарахнуло. Прямо тряхануло — она испугалась, зацокала, стала меня гладить по руке. Я ей покивал, тоже погладил — ну да, что-то вдруг дёрнуло, бывает, нервный, мол — но так и не успокоился до конца.

У всех чебурашек-то — не руки, а обезьяньи лапы. В шерсти с тыльной стороны, а ладонь — ну, не похожа там кожа на нашу совсем. А вот во сне у меня — у ТЕХ — были руки.

Человеческие руки.

Оборудование здешнее, местное, а руки — человеческие. Чётко видел, помню.

Стал вспоминать ещё — вспомнил, что не только руки, а всё. Вот это номер.

Мне, оказывается, снилось, что нас — свои. Но тут. Из-за того, что тут — и показалось, что чебурашки. Но в натуре... вот тебе и ясновидение.

Пока я тормозил и пытался всё это как-то себе объяснить, чебурашки начали причаливать шар. Круто, вообще-то.

Ведь сон — он... По снам главный спец — Фрейд, был такой старинный профессор. А по Фрейду выходит что: если огурец во сне обозначает хер, и банан — его же, то эксперименту почему бы не обозначать другой эксперимент? Тоже жуткий?

Но тут что интересно: ведь чебурашки заметили, что я психанул. Наши не заметили, на шар глазели — а чебурашки заметили. Страх унюхали?

Рыженькая меня обняла за плечо и лизнула в щёку. Буквально, как собачонка. И смотрит: легче мне или нет. Ну хохма, честное слово.

Я ей говорю: «Видзин, видзин...» — а как её звать, забыл: имена у них — язык сломаешь, сплошное чириканье. Но тут подошёл Лангри.

— Вик, — говорит, — диц-хен, гзи-ре?

Ага. «Понял?» — нет, я не понял.

— Я, — говорю, — ни фи́га не способен к языкам, Лангри. Не гзи-ре.

И он мне руку поднёс к самому носу — на крыше чувствовался ветерок, так ему хотелось, чтобы я обязательно унюхал. А запах был...

Сходу и не объяснишь. Тепло, не вообще, а именно — тепло живого тела. Не знаю, как это словами передать. На что похоже — так на всякие детские шутки; вспомнилось, как мать обнимала, когда я ещё пешком под стол ходил. Как-то... ну, не знаю... родным.

Я даже растерялся. Не знал, как это понять и что делать теперь. Посмотрел на него — а он ткнул мне в нос своей мокрой носопырой. И ухмыльнулся.

И тут до меня дошло — озарило. Это он сказал: «Чувствуй себя, как дома. Расслабься, парень, тут свои — не кипишись». Без слов сказал, одним запахом.

А я подумал: вот интересно, можно запахом соврать? Но это так, мельком подумалось; на самом деле, я ему поверил.

Характерец у Лангри — не нежный, он всем ещё в подвале показал, когда умывались. И если ему не нравится — он даже не подумает прикидываться, что всё хорошо. Если уж Лангри захочется развоняться на весь дом — он уж развоняется, будь спок. Прямого нрава чебурашка.

И если уж он сказал: «Будь как дома», — значит, вправду так думает.

В это время с шара скинули канат, и мужики — Нгилан, серый-полосатый, рыжеватый-гладкий и наш Разумовский — стали его подтягивать. Лангри с Цвиком тоже подключились, а глядя на них — и мы с Калюжным. Подтянули шар к самой крыше; оттуда подали ещё канаты — и мы его закрепили на скобах, как на якорях. Надёжно.

А я всё это время думал: надо же, какой у них там... пилот или кто — аэронавт, да? — который управляет шаром. Не вертолёт же, тупая штуковина, ветер его несёт, всё управление — вверх-вниз, а ведь, поди ж ты, вышел на самый дом, точно над крышей. Либо и тут тоже

какие-то особые технологии, либо все ветра и воздушные потоки просчитаны — и в них вписывались прямо ювелирно.

Из корзины первой выскочила рыжая чебурашка в мохнатом оранжевом комбезе. В рыжей гриве у неё цвели белые и синие цветы ростом с ромашку — не венки, не воткнуты, прямо росли, как в траве, как у них тут водится. Наши, лесные, ей обрадовались, как дети малые, особенно Цвик — тут-то я и подумал, что она, должно быть, его мамаша.

С ней приехали ещё две чебурашки, обе — тётки, не первой молодости уже. Девчонки-то здешние — совсем тоненькие, худенькие, одни косточки, а тётки — в теле, хоть без сисек всё равно очень странно и непривычно. Но попа у их дамочек с возрастом, похоже, раздаётся, и сумки заметны — это, надо думать, детёныши их оттягивают.

А пилот оказался мужик, чёрный, прямо вороной, и тоже давно не пацан: около рта, по щекам — вроде как с проседью. И ещё с яркой белой полоской на лбу и на переносице сверху, с белым пятном на груди и с белыми руками и ногами по лодыжки — такие коты бывают. Гриву завязал сзади в хвост, носил не мохнатость, а распашонку, вроде ветровки, из брезента или чего-то такого. Штаны бы ему ещё — и стал бы круто выглядеть.

Он нашим мужикам начал подавать груз из корзины, который с собой привезли. Все разгружают — и я стал помогать: контейнеры странные, не очень правильной формы, и углы скруглённые. Довольно-таки тяжёлые, но не сказать, что вообще неподъёмные.

Здешние чебурашки очень им радовались. Мы с Цвиком один сравнительно небольшой ящичек сняли — и он крышку открыл, по мордахе видно, что не утерпел. Я и заглянул.

А там — полный контейнер... я чуть не выронил.

Личинок, в общем, полный контейнер. Здоровенных, приблизительно с королевскую креветку или даже побольше. Живых.

Цвик заверещал от восторга, хватать одну — и в рот. Вид такой, будто пирожок стырлил, счастливый по самое не могу, салабон. И, на него глядя — все потянулись. Ржут — и жрут этих червячков, как конфеты, сами довольнёненьки... Цвикова мамаша тоже хихикает, шлёпает их по рукам, мол, не трогайте, чего перед обедом немывтыми грабками — но видно, что не злится. Приятно ей. Угощение друганам привезла, ёпт...

Калюжный свалил к краю крыши — и дельно: если блевать, то не всем же под ноги. А Разумовский:

— Сергей, зелёная волосатая расчёска!

Калюжный заржал — и вроде как отдышался. А я думаю: только бы им в голову не пришло угощать нас своим деликатесом, расперемать их...

Но чебурашки — они же гостеприимные, хрен им в зубы, прямо до ошизения. Цвик же не мог своему корешу Диньке не дать конфетку, как же! Ведь много же вкуснятины привезли, ёпт, на всех хватит!

Я думал, Динька сейчас тут всё облюёт — или уж придумает, как деликатно отказаться. Ага, шиш! У него мина сделалась лихая и придурковатая — и он с этой миной взял гусеницу у Цвика и храбро её откусил. Брызнуло зелёное.

Калюжный аж позеленел с лица, а Разумовский на Диньку взглянул, как на оживший памятник Чапаеву — восхищённо, но слегка обалдело.

И я прихренел. Нет, я догадывался, что Багров — чокнутый, я не думал, что настолько: он ведь эту гусеницу целиком сожрал. И говорит:

— Знаете, мужики, в общем, даже ничего, не смертельно. Я думал, хуже. А у неё внутри — на то пюре похоже, которым нас Нгилян кормил. А сама шкура — как кальмар

консервированный.

Калюжный еле проглотил, его просто передёрнуло до самых пяток.

— Ты, — говорит, — Багров, рехнулся совсем — живых гусениц жрать.

А Динька выдал, наивно — как первоклашка:

— Так лицин же их едят... и знаешь, ведь и на Земле устриц едят прямо живых.

Неудобно отказываться, да и интересно... ну, это... что им так нравится в этих гусеницах.

А Цвик и рыженькая на Калюжного поглядели озабоченно, даже испуганно. Хрен ли тут не испугаться: был розового цвета, а стал зелёного. Удивительно же чебурашкам, в диковину.

Динька им что-то чирикнул и стал Цвика гладить по шёрстке, а рыженькую нюхнул в нос и разулыбался. Надо думать, донёс до чебурашек: из людей не все это могут. У Калюжного, мол, либо ещё организм не готов после перехода, либо просто кишка тонка.

А тётки, что прилетели, в это время нас разглядывали. Им здешние говорили что-то, говорили — а они просто смотрели, и ноздри у них пошевеливались.

И я вдруг понял потрясную вещь.

Это, конечно, никакой не спецназ. Но это — комиссия. По нашу душу комиссия. Эти тётки и тот, брюнетистый, с седой мордой — они прилетели специально нас посмотреть, нас обнюхивать. Вот посмотрят, понюхают, как тут принято — и, надо думать, примут решение.

Ещё неизвестно, какое.

Общаться с пришельцами оказалось непросто, но всё равно целый день я радовался, что не успел уйти. *Ветер переменился*. Я был уже уверен, что уйду не один.

Я решил, что буду сопровождать Дзениза и его друзей. Они не останутся в нашем клане, основная специализация которого — микологи-связисты, это очевидно. У нас нет специалистов, способных их правильно понять, а уж тем более сделать какие-то принципиальные выводы и по-настоящему помочь. И Лангри, и Нгилан, и я — просто пытались, этого недостаточно.

Нужно подумать об антропологах. Или о биологах широкого профиля. Или — о психологах, педагогах, медиках... А может, у кого-нибудь, кого я не знаю, есть более сложная и необычная специализация. В любом случае, на первых порах пришельцам понадобится серьёзная помощь; я готов помогать, мне нравится Дзениз — но я умею до обидного мало.

Хотя для начала и это полезно *я надеюсь*.

И я с удовольствием думал, что мне предстоит путешествовать в обществе *существа* человека, которого по-настоящему интересует мир. Ведь путешествие — это поиск себя, а Дзениз как раз был занят поисками себя и изучением всего, *что принесёт ветер* что попадётся по пути.

Он запоминал жесты, запахи и слова. Меня восхищала его способность преодолевать страх: утром Дзениз испугался моего паука; вечером он дал пауку на пальце капельку своей слюны. Я смотрел и думал: интересно, хватило бы у меня самообладания вот так перешагнуть через порог собственного страха — да хоть неловкости и застенчивости — среди незнакомцев?

Было немного жаль, что Дзениз — пришелец. Я не знал, сможем ли мы стать принятыми сыновьями одного клана — если вдруг решим попытаться стать братьями. Я даже не знал, сможет ли он стать настоящим принятым сыном какой-то нашей семьи.

Пришельцы ведь — существа другого вида.

В нашем мире нет таких женщин.

Закономерно: как правило, женщины не путешествуют. Но — каково же пришельцам будет среди нас, без принятых сестёр и подруг? Мужчина создан природой жить в обществе женщин — и для женщин, в конечном счёте. Если друзья Дзениза не смогут вернуться к себе домой — у них никогда не будет детей. Как это печально...

К тому же не все пришельцы настолько отважны и открыты миру, как Дзениз. Зергей никак не может справиться со страхом. Вигдор так смотрит на всех вокруг, будто ждёт подземного толчка *или пинка в спину*. Арди погружён в себя — и лишь время от времени с трудом отвлекается от внутреннего и начинает смотреть на внешнее. Наблюдая, я всё время ловил себя на *мысли об их неприкаянности* желании куда-то их пристроить, чтобы они перестали так остро ощущать одиночество.

Но возможно ли это вообще?

Как вышло, что, странствуя, они зашли настолько далеко? Где мир, откуда они родом — ведь ясно, до какой степени он вне всего, что мы можем себе представить? Можно ли помочь им вернуться?

Вопросы без ответов...

И ещё я был без памяти рад, что вижу маму. Запах микограммы, в которой из Усадьбы сообщали о её приезде, принёс целую охапку счастья. Я ведь уже вполне серьёзно думал, что расстался с домом и мамой насовсем или почти насовсем: мне хотелось найти клан, специализирующийся на пауках — скажем, мастеров шёлковых дел, фармакологов — специалистов по паучьему яду или создателей сверхчувствительных охранных систем — но родословные линии всех наших соседей такой специализации пересекались с Кэлдзи. Я думал, что идти придётся долго и далеко, а значит, родной дом вполне может навсегда превратиться для меня в запах микограмм.

Конечно, земля круглая — и всё может случиться, и все пути пересекаются — но ведь вряд ли скоро...

И вдруг такая неожиданная радость: мама, бабушка Видзико — один из старших медиков клана, бабушка Нгидаро — советник Прабабушки по генетике, и мой старый товарищ, пилот Гданг! С новостями от Прабабушки *а мама, кажется — для того, чтобы ещё раз обнюхаться со мной*! Вдобавок, кроме расходных материалов для лесной лаборатории и обычных консервов, они привезли с собой целый плодоброток личинок бесхвосток! Как на праздник — разумеется, все съели по шпучке, не удержаться — а между делом успели перекинуться несколькими репликами.

Отнимая у нас с Дзенизом бесхвосток, тётя Дзидзиро спросила:

— Мариновать их? — а мама рассмеялась и сказала:

— Нет, сестрёнка. Мы сегодня до заката будем жарить их, угощать гостей и беседовать.

И размышлять.

— А вкусный запах и дым костра не помешают *вдумчивому анализу*? — спросил Нгилан, улыбаясь.

Мама тронула его щёку:

— Нет *оттенят и углубят его*.

— Если гости будут есть, — сказал Лангри, и я кивнул. — Мне кажется, бесхвостки нравятся только Дзенизу, остальные *будто тухлое яйцо унюхали* — не в восторге.

Дзидзиро улыбнулась:

— Тем, кто не любит бесхвосток, предложим лепёшки *с мёдом* — лепёшки им нравятся *не вредят их здоровью*.

Арди и Дзениз помогали вытаскивать плодобротки с подкормкой для грибов — и Дзениз взглянул на меня весело, а Арди ухитрился моргнуть одним глазом, но Зергею, кажется, снова было дурно. На наш груз он смотрел, как на целую кучу опасных предметов.

Гзицино попыталась сказать Зергею, что всё в порядке, бесхвостки безопасны и вкусны; он чуть успокоился, но, кажется, не совсем поверил.

— Быть может, у них на родине и нет бесхвосток, или там их не едят, — сказал я. — А может, им больше нравится растительная пища.

— Нет, жареную саранчу съели дочиста, — сказала Ктандизо, показав пустое блюдо. — А за обедом — личинки термитов в масле. Может, им просто не нравится есть что-то сырым?

Гданг тем временем рассматривал пришельцев, шурился и принюхивался.

— После микограммы я думал, что они и впрямь напоминают разумных амфибий *фантазия Лангри*, — сказал он задумчиво. — А они, скорее, похожи, на младенцев в первые недели жизни, если можно так сказать о взрослых существах. *Поразительно*.

— Были бы впрямь похожи на разумных лягушек — было бы куда поразительнее, — возразила мама.

Гданг отрицательно повёл носом.

— Мне нравятся фантастические истории, ты знаешь, Цицино, — сказал он с несколько смущённой ухмылкой. — Я ещё в детстве прочёл множество сказок и мифов, а потом — научных фантазий... Образов пришельцев, демонов, иномирян встречал — не сосчитаешь, но с такими я не встречался. А вот разумные жабы мне попадались, милая. Народ в рост человека — был, существа с десятью пальцами на каждой руке — были, с шерстью всех цветов радуги — были, покрытые чешуёй — были, с хвостом — были, с органами Старшей Речи на голове, гениталиях, ушах, рогах, на неких отростках — были. А таких — не было. Фантазия жителей нашего мира оказалась неспособна такое представить.

— Глан из клана Цларинэ *тоже микологи, кстати* написал роман о разумных грибах, — заметил Золминг. — Забавно. Вообразить разумный гриб — пустое дело, а? Если не продумывать частностей...

- *Не читал* Ещё во всех *плохих* книжках у пришельцев есть Старшая Речь, или они её понимают, — вставил Лангри. — Любая другая — световая, ультразвуковая, сонар, электрическая — и непременно Старшая. Сочинители не в силах представить созданий, лишённых Старшей Речи *вот забавно*!

— Грибы *у Глана* только Старшей и общались, — согласился Золминг. — *Для грибов — обычное дело*

Бабушка Видзико рассмеялась. Мы подумали — над словами Лангри, а оказалось — над нашей ручной руконожкой Лге, которая пришла встретить гостей: её дети уселись в ряд на бортике крыши, а она бдительно наблюдала, чтобы все как следует держались за мох.

За болтовнёй *жаль, что пришельцы не могли в ней участвовать — ведь в остальном они участвовали и помогали* мы разобрали груз, погасили горелку, выпустили воздух из баллона и свернули его оболочку. И можно было уже знакомить наших старших с пришельцами.

Бабушка Видзико подошла к пришельцам, которые стояли у лестницы в дом и выглядели так напряжённо, будто *боялись* ожидали чего-то дурного — только Дзениз улыбался *и пахнул спокойно*.

— Привет, мальчики, — сказала она весело. Запах удовольствия, смешиваясь с её собственным уютным фоном, развеялся на лёгком вечернем ветерке, как осенние паутинки. — Вот вы, значит, какие, путешественники... Издалека... дальше, пожалуй, чем мы все можем себе представить. Ну, хорошо *давайте знакомиться* я — Видзико. Я уж вижу, какие вы невероятные...

Они назвались, но говорили с трудом, и было заметно, как сильно они смущаются. Они не умели ей ответить — потому от смущения у них краснела кожа на лицах, на шее, у Дзениза — на ушных раковинах, а у Зергея — даже на груди.

— Бедные мальчики, — говорила Видзико, внюхиваясь в самую суть. — Это безобразие, знаете ли — отправляться в такую даль без серьёзной защиты. Нгилан, подойди ко мне.

Нгилан подошёл, прижимая уши. Я подумал: как хорошо, что под шерстью не видно, приливает ли кровь к лицу.

— Здравствуй, — сказал он, потянувшись носом. — Как я рад, что ты прилетела. Мне очень не хватало *опыта и уверенности* твоего общества. Ты же — лучший диагност в Светлом Лесу *что особенно удивительно для женщины*

Видзико улыбнулась, понюхала его в нос и погладила по переносице:

— Тяжело себе представить, что *для постановки диагноза* кто-то может обходиться без Роя? Обоняние важнее *белый и пушистый* — я об этом всегда говорила. Но — познакомь меня с этими ребятами.

Нгилан кивнул на Арди.

— Он — Арди — самый интересный случай *наводящий на самые важные мысли*. Его чуть не убил возбудитель задышки, обыкновенная усатка, которая живёт в любых лёгких. Даже при ослаблении иммунитета эти существа не могут причинить серьёзный вред — но вот...

— Арди, — сказала Видзико, пригнувшись к дыханию пришельца и коснувшись его груди, — как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — сказал Арди и тем поразил Видзико, которая рассмеялась и оставила на его щеке запах своей симпатии.

— На основе данных о его крови Рой сымитировал для него антитела к задышке, — сказал Нгилан. — Всё, что я мог быстро сделать. Сработало довольно легко и хорошо.

— Молодец, — сказала Видзико и повернулась к остальным. — *Угадать общий для всех диагноз?*

- *Не сомневаюсь, что тебе по силам* Попробуй, — сказал Нгилан *ожидавая её ответа, как ребёнок — фокуса*.

Вокруг нас собрались почти все — было интересно. Я воспользовался моментом, чтобы подойти к маме — она обняла меня за плечо и понюхала в уголки глаз *и пахла, как в детстве* хотя и делала вид, будто это всё между прочим.

— Тяжёлое кишечное расстройство, слабость, ломота в костях, — перечислила Видзико, раздувая ноздри. Тронула лист на лице у Зергея. — *А что с лицом?*

— Кусач *и я удивляюсь*, - Нгилан шевельнул ухом. — Эти *существа* люди чистятся в воде. Счастливы отделались. А насчёт остального — ты права *как я и думал*. У них — не только совершенно другая физиология. В кишечнике — водяные вибринеллы, а кости ломит от токсина, выделяемого осенниками *ты ведь так и подумала*. То, что такие простые *в общем, безвредные* существа причиняют боль носителям, должно означать полную беззащитность наших гостей. У них — совсем другой набор антител *удививший Рой*, из чего я заключаю... — и ужасно смутился.

— Продолжай *мне нравится запах твоих мыслей*, - попросила Видзико.

— Их организмы сформировались в другой среде, — сказал Нгилан несколько неуверенно. — Но биохимия очень сходная, и искусственные антитела приживаются в них чрезвычайно быстро и просто. Поэтому я не верю в пришельцев из других миров.

— Во что ж ты веришь? — удивился Лангри.

— Не знаю, — признался Нгилан. — Наверное, в то, что у нашего мира существуют неточные копии в других реальностях. Но в то, что чужая планета может создать настолько похожий генетический код — я поверить не могу.

— А ты принял меры для защиты от потенциальной инфекции? — спросила бабушка Нгидаро. — Ведь они и на себе кого-то принесли, и в себе.

— Не *обоняю* чувствую опасности, — сказал Нгилан. — Они полупустые. *Насколько я сумел узнать* у них нет наружных симбионтов — и внутренние удивительно немногочисленны. Как вы думаете, Старшие, разумное существо может жить в искусственной среде, почти не обитаемой другими живыми существами? Настолько пустой, что им и защита не нужна?

Видзико и моя мама хотели что-то сказать, но Нгидаро их опередила:

— А ты тщательно исследовал?

Нгилан взглянул на Видзико, на маму — от него явственно припахивало растерянностью.

— Сложно тщательно, — сказал он. — Гости *боятся* не позволяют обнюхивать их гениталии и анус. И это тоже удивительно. *Словно ждут, что их кто-то укусит*.

Я слушал и думал: как непохоже получается на приём гостей — если гости рождены в нашем мире. Это же не встреча, это... будто кто-то нашёл удивительный экземпляр гриба, растения, минерала — и вот, представляет его друзьям и родственникам, имея в виду, что будет интересно и учёным из других кланов. Не забудьте то, обратите внимание на это. Не опасен ли он. Запишите свои наблюдения...

А речь идёт о разумных существах. И не об учёных из другого мира, которые посетили наш с исследовательской миссией — ясно же. Речь — о таких же ребятах, как я *бездна! Они просто ушли из дому и заблудились!* — обычных ребятах, попавших в беду, только чужих...

Я встретился с взглядом Дзениза, а он приподнял брови и всем лицом изобразил то, для чего нужна Старшая Речь: его друзьям тяжело и неудобно от такого *пристального* внимания.

Тебя лишили шерсти — совсем, ты выглядишь, как новорождённое дитя — голенький, беспомощный и всему открытый — на чьей-то раскрытой ладони. Нестерпимое, должно быть, ощущение...

- *Взгляните на меня!* Можно слово сказать? — окликнул я бабушку Видзико и Нгилана.

Теперь все посмотрели на меня, а я представил себе, что они мне незнакомы — и тут же отлично понял пришельцев.

— Может, не стоит так их обсуждать на крыше? — сказал я. — Может, пойдём разводить костёр, а? Жарить бесхвосток, разговаривать — там, внизу? Ведь *пришельцы* эти люди нас почти совсем не понимают — а мы и не помогаем им понять... Они же *не грибы* разумные существа, в конце концов...

Ко мне обернулись.

— Вы не согласны? — спросил я. — Они — не только редкие экземпляры и сложные случаи.

Мама восхитилась, но только фоном *очевидно, чтобы я не возомнил о себе слишком много*, а бабушки так улыбнулись, будто только этих слов и ждали.

— Неглупо *все голодны, но не все хватают бесхвосток прямо из плодобока* — сказала бабушка Нгидаро. — Пойдёмте вниз — и пусть костёр разожгут те, *кому это нравится* кто помоложе.

Я потянул Дзениза за локоть:

— Пойдём разжигать огонь?

— Напрасно общаешься словами, *младенчик*, - сказал Лангри. — Они не говорят на Старшей речи, но понимают её *если говорить медленно*. Смотри.

И, поднеся ладонь почти к самому носу Дзениза, сказал:

- *Разжечь огонь*, - и собрал эти слова в кулак. — *Поджарить бесхвосток*

Дзениз посмотрел на него, на меня, улыбнулся, а потом, по-моему, перевёл своим родичам — и они, кажется, поняли.

И мы побежали вниз все вместе — пришельцы с нами.

— Чудесно, Лангри! — сказал я. — Как ты догадался?

— А как малышей учат говорить? *Мне надо быть морально готовым к детям* — рассмеялся он.

- *Дивный будущий папаша!* — хихикнула Ктандизо и улетела на кухню.

* * *

Утро было прохладным, шёл дождь — но уже к полудню распогодилось, а вечер оказался очень тёплым и очень тихим. Над влажными листьями живой изгороди стайками вились мокрушки; мы разожгли костёр в каменной чаше, и ароматный дым сухих ветвей долгостойника разогнал диких насекомых — а Народ попрятался в одежду и в волосы. Только мой паук блаженствовал, уписывая внутренности бесхвостки у меня на плече, а сколопендра Дзидзиро быстренько умяла своё угощение и спряталась между побегими тётинной одежды.

Девушки под руководством тётушки притащили тарелки, решётки с длинными ручками, чтобы жарить бесхвосток прямо на углях, блюдо с лепёшками *для пришельцев, на всякий случай* и два соусника — с *медовым* соусом для лепёшек и с *кисло-сладким* пряным соусом для бесхвосток. И это всё расставили на плоских камнях, которые издавна так и использовались, если микологам приходило в голову устроить ужин на вольном воздухе. Мы расселись на траве вокруг костра, а пришельцам, по-моему, было сыро — а может, просто травинки неприятно царапали их голую кожу. Дзениз и Гзицино сходили в дом и принесли одеяло. Пришельцы расстелили его и сели. Это выглядело немного смешно — будто они отгородились от земли, травы и леса этим одеялом.

А я заметил, что им вообще сильно хотелось отгородиться. Они отмахивались от мокрушек; Зергей даже сорвал длинную ветку и махал ею, как мускусный олень — хвостом, а Арди прихлопывал тех, которые садились на его тело. Вигдор смахивал с одеяла сверчков и маленьких лесных многоножек, которые туда заползали. В общем, им всем не нравились насекомые; я переглянулся с Нгиланом — мы создали отгоняющий мокрушек секрет и оставили его след на коже наших гостей.

Как только пришельцы поняли, что мы сделали — они на удивление сильно обрадовались. Как подарку. Тогда я и подумал, что они запросто могли убить разведчиков из Роя Нгилана только потому, что им не нравились насекомые, а разведчики кружили вокруг.

Всё-таки редкая еда пахнет так прекрасно, как жаренные на углях бесхвостки, которых не в лесу собирали, а выкармливали дома, листьями белого лопуха. Это даже пришельцы оценили. Дзениз ел бесхвосток вместе с нами — и даже научился их жарить. Арди немного поколебался, но попробовал — а кто их попробует, тот уже не откажется. Вигдор думал дольше, хмуро наблюдал — но его убедили родичи. Перед тем, как съесть первую бесхвостку, он вылил на неё треть соусника — но, по-моему, был приятно удивлён. Только Зергей посматривал на наш пир с отвращением — но Зергей, видимо, происходит из клана, в котором традиционно едят что-то очень специфическое, испытывая неприязнь к незнакомой еде.

К тому же Зергей, по-моему, невзлюбил нашу руконожку. Лге, само собой, пришла к костру, чтобы угостить своих детей человеческой вкуснятиной. Она всегда была до смешного вежливая: её малышня уселась в рядок поодаль, а она сама самым скромным образом

дождалась, пока девушки достанут из огня и остудят парочку бесхвосток. Как такое тактичное и сообразительное существо может раздражать? В клане Зергея принципиально не держат позвоночных животных? Но ведь выходит, что и с Народом его клан не общается?

Мы обсуждали создавшееся положение дел друг с другом, а пришельцы, очевидно, обсуждали его же между собой. Между нами был невозможный языковой барьер — но, хуже того, ещё какой-то барьер, который подчеркнуло одеяло. Пока не получалось сломать эту стену — мы с пришельцами, не сговариваясь, занимались наблюдениями друг за другом и обсуждали эти наблюдения. И только.

Мы сидели рядом: пришельцы и моя родня. Тихо говорили и смотрели друг на друга.

— Меня позвали совершенно напрасно, хоть история и крайне интересна, — говорила бабушка Нгидаро. — Разумеется, ни одна родословная линия этих *созданий* юношей не пересекается с линиями нашего клана — но это ровно ничего не меняет. Мы можем называть их хоть гостями, хоть приёмными детьми — они в любом случае пришельцы, существа чуждого нам вида. Я бы даже предположила, что они происходят от плацентарных животных.

— Мне это приходило в голову, — согласился Нгилан. — Но я решил, что это невозможно. Как же их женщины рожают? Если у них такой же таз, как у наших — как?

— Запиши в загадки, Нгилан, — усмехнулся Золминг. — Пока чужаки не освоят хоть какую-нибудь речь, мы не сможем ничего узнать о строении *их женщин* их мира.

— Кое-что *о строении их мира* я бы предположил, — сказал Лангри. — *Было бы забавно потом проверить, угадал ли* Они едят мясо позвоночных животных *и это их основная пища*.

Эта реплика поразила меня и, кажется, всех прочих тоже.

— Как ты пришёл к этому выводу, милый? — спросила мама.

— Ты хочешь сказать... э... *убивают* охотятся? — спросила Ктандизо.

— Все кого-то убивают, — хмыкнул Лангри. — Ты вот лопаешь бесхвосток *а бесхвостки страдают*.

— Это подначка, — заметила Гзицино.

- *О, да!* Бесхвостки — не то, что теплокровные существа, *которые всё понимают*, — возразила Ктандизо. — Спроси Младенчика: смог бы он съесть своего паука?

— Я вообще не ем пауков, — вырвалось у меня. — Даже *других* тех, которых тётушка жарит в тесте.

— Ну, видишь, подруга, — сказал Лангри своим обычным загадочным тоном, — Цвиктанг не может есть пауков — и пришельцы тоже. Им и бесхвостки — непривычная еда, но вовсе не потому, что они *испытывают с личинками душевное сродство* жалеют тех бархатных бабочек, в которых бедняжки превращаются после метаморфозы.

— Согласен, — неожиданно вставил Гданг. — Ты ведь с севера, Лангри? Ты подумал о северянах с гор? О тех, кто обрабатывает металлы?

Лангри согласно опустил ресницы.

— У Зергея — *металлический* нож, — сказал он. — Это характерное орудие. Функций у такого, конечно, много, но главное — им легко приготовить в пищу теплокровное животное. А в его случае — и убить. Предположу, что его родичи, как наши северяне, разводят для еды каких-нибудь существ, которые быстро размножаются *вроде прыгунчиков или клыкастых коз*.

— Прыгунчики — такие милые! — ужаснулась Гзицино. — Их убивают железными

лезвиями?

— Снимают шкурку железными лезвиями, — уточнил Лангри. — И съедают мясо. Очень и очень некоторые — но есть любители. Скажем, наши далёкие соседи, клан Аглоэ *они специализируются на обработке металла*. А ещё они издавна украшают свою одежду мехом *убитых и съеденных* прыгунчиков.

— Я, кстати, пробовал *вяленое мясо* прыгунчика, — сказал Золминг. — Лет пять назад *на Большой Ярмарке*. Из любопытства.

— Неужели они вкусные? — поразилась Ктандизо.

- *Так себе*, - Золминг сморщил нос. — Видимо, дело привычки.

— Суровый климат, — медленно сказал Нгилан, — беспощадная природа, память о столетиях полуголодной жизни *и ещё двенадцать дюжин невзгод*. Всё это можно понять, но Времена До Книг давно прошли. Уже давным-давно можно выращивать растения и насекомых в искусственном тепле, при искусственном свете. К чему же сейчас это древнее *жестокое* действие? *Отвратительно* Прости, Лангри, я родился на Побережье, я — южанин, *не знавший долгих зим*, но всё же...

Но Лангри и не подумал обижаться.

— Ты понял, Нгилан, — сказал он и оставил на щеке Нгилана запах благодарности. — Аглоэ звали меня к себе, с моим кланом, Граа, у них нет ни одной пересекающейся родословной *им всегда нужны мужчины*. Мне было интересно, я пошёл.

- *Не остался*, - констатировал Нгилан.

— Даже не дождался разговора с их Прабабушкой, — сказал Лангри. — *Это делают женщины* дело привычки к запаху *кровь, боль, ужас, окровавленное железо* — тут ты прав, Золминг. Но я, оказывается, не выношу, когда от человека пахнет *готовностью убить* хищником.

Меня вдруг поразила совершенно безумная догадка.

— Лангри... тогда, в подвале, где чистились пришельцы *кровь, боль, ужас, окровавленное железо* — ты ведь об этом подумал?

Лангри посмотрел в костёр, сказал не мне, а куда-то в пространство:

— Запах был очень похож. И мне показалось, что для Зергея мы *прыгунчики* — животные. Опасные или съедобные. Вероятно, я ошибаюсь.

— У них нет Старшей Речи, — сказал Золминг. — Представляете, как им приходится защищаться от хищников? Я и представить себе не могу. *Железо — в плоть, кровь, боль, ужас*. Немудрено, что они всё время *ждут нападения* настороже.

Нгилан и Лангри переглянулись.

— Даже зная, что мы — не животные, — сказал Нгилан.

— Ты не представляешь, каковы *опасные* животные их мира, — возразил Лангри.

Старшие слушали молча и, видимо, делали какие-то свои выводы.

— А ты не перегибаешь, Лангри? — спросил Гданг. — Слишком ужасно *и красочно*. Мне случалось жить на Окраинном Севере: никто из местных не убивает животных таким диким способом. Все ведь знают Слово, верно? Если уж человеку приходится быть хищником *когда его заставляют климат и невзгоды* он стремится избежать *крови, боли, ужаса* лишних мук *совести* живого существа.

— Ты не видел, а я видел, — хмуро сказал Лангри. — Одну из Старших Аглоэ. Когда я спросил, она сказала, что Слово портит запах мяса. Но её собственный запах *хищника* *мертвечины* жестокости...

— Клан за неё не опасается? — спросила бабушка Видзико. — Это может быть симптомом болезни.

— Наверное, опасается, — сказал Лангри нехотя. — А может, и принимает какие-нибудь меры. Я не спрашивал.

Увлечённые разговором, наши отвлеклись от пришельцев — но я наблюдал за всеми сразу. Мне казалось, что пришельцы кое-что понимают — хотя бы потому, что Арди и Зергей пререкались вполголоса. Зергей отвечал раздражённо, а Арди, по-моему, пытался так ли убедить его в чём-то, то ли пристыдить. Перепалка грозила перерасти в ссору, но вмешался Вигдор, сказал пару слов — и оба замолчали, очевидно, оставшись каждый при своём.

Дзениз смотрел на них большими глазами. Я понюхал его в щёку, и он улыбнулся, но вид у него был усталый.

Это заметила Гзицино.

- *Послушайте*, - сказала она, но сообразила, что дым мешает понять её тем, кто сидит за костром. — Послушайте! У меня есть гипотеза *которая всё объясняет*, которая всё объясняет, — закончила она вслух, на всякий случай.

К ней обернулись.

— Они — беглецы, — сказала Гзицино и тронула руку Арди, оставив *девчачий медовый* запах *который означает и расположение, и поддержку*. — Каким-то образом они сбежали из своего мира в наш.

Арди погладил её по плечу, грустно улыбаясь.

- *Неправдоподобно*, - оценил Лангри.

— Что заставляет тебя сделать такой вывод? — спросил Нгилан.

Гзицино задумалась, подбирая аргументы.

— В их мире произошло что-то *эпидемия, катастрофа* ужасное, — сказала она. — Многие и многие погибли, остальным грозила постоянная опасность *оттого и настороженность, и тревога*. У наших пришельцев никого не осталось *или им некуда идти*... Ну как?

— Эпидемию исключи, — сказал Нгилан. — Они почти стерильны. Не вижу никаких организмов, способных вызвать эпидемию *или их неустановимо мало* — а ведь *если ты права* они должны бы быть носителями инфекции.

— А если их подвергли чему-то, что уничтожает всё живое снаружи и внутри тела? — предположила Гзицино. — Или это случилось во время перехода?

— Что-то в этом есть, — задумчиво сказал Золминг. — Пришли грязные, израненные и больные, вы говорите?

- *Нож*, - напомнил Лангри.

— На всякий случай, — тут же ответила Гзицино. — Они же не знали, что их тут может ждать.

— А мы напоминаем им хищников из их мира? — спросил Нгилан.

— Не знаю, — призналась Гзицино. — Возможно.

Вид у неё был печальный, Арди это отметил — ему очень заметно хотелось её потрогать, утешить, но что-то мешало. Тогда Гзицино придвинулась к нему вплотную и медленно, так, как показывал Лангри, прочла милый старый стишок, пряча запах каждой строчки перед тем, как выдать следующую:

- *В костре потрескивают дрова*

День уходит, в небе — отсветы пламени

Из леса и с реки идёт ночь

Вечером родство крепче и дружба теплее

Арди прикрыл глаза и явно пытался понять — а может, что-то и понял. Во всяком случае, он перестал опасаться Гзицино, а обнял её за плечи, будто хотел прикрыть от ночи собой. Жест выглядел трогательно *и по-нашему*.

Вигдор наблюдал, грызя кончик былинки. Зергей отвернулся и уставился в огонь — я подумал, что понял и он, только образы стихотворения вызвали у него мысли о доме, а с ними и тоску.

Дзениз улыбнулся, взял меня за руку и понюхал мои пальцы. Это означало: «Скажи что-нибудь, я готов воспринимать».

И как же объяснить простыми словами сложные вещи? Или стихи впрямь понимают все?

И я тоже стал читать классическое стихотворение, очень медленно, убирая запах не после каждой строчки, а после каждого образа:

- *Весь мир: великие чащи северо-востока*

Океанский прибой, омывающий континенты

Сожжённые зноем южные степи

*Джунгли на юго-западе и горные цепи — *

Одинаково принадлежит всем, кто странствует по нему

Долгий путь приводит в эдем

И, чтобы было ясней, что имел в виду Доглинг из клана Лэга, *эдем* я сказал, как *домой* — почти точно.

Я уверен, что Дзениз уловил, по крайней мере, главную мысль. Беда в том, что он не мог мне ответить. Он ответил бы, будь у него Старшая Речь, но нужны были слова вслух, которые очень отличаются в разных местах — а общих слов вслух у нас пока не было.

Поэтому он говорил то, что не понимал я, и гладил меня по щеке, будто хотел оставить свой запах — оставлял только фон, конечно. А фон у него был — печаль.

Тем временем Старшие, которые всё это время, конечно, не просто слушали, видимо, сделали выводы. Мне иногда кажется, что бабушки *дедушки тоже, но это не так заметно* умеют переговариваться вообще невербально, видимо, посредством прямой передачи мыслей. Моя мама тоже постепенно осваивает это умение — ведь она тоже скоро будет бабушкой: мой старший брат Дзиорн *из её сумки* живёт в клане Цдамели. Тётя — ещё нет, но это дело времени.

И вот они посоветовались мысленно, не мешая нам размышлять — и сделали выводы, приняв во внимание всё: и наши гипотезы, и собственные наблюдения.

Бабушка Видзико сладко потянулась и сказала:

— Ну что ж, уже поздно, совсем стемнело, становится прохладно, да и роса выпала. Пора принимать решение. Думаю, так: завтра с утра мы возвращаемся в Усадьбу Кэлдзи. Гданг, что говорит твоя разведка?

— Попутный ветер на подходящих высотах — с первого до пятого часа росы, — сказал Гданг.

— Вот и хорошо, — удовлетворённо сказала бабушка. — Встанем в начале первого часа, во втором отправимся в путь. Балласт оставишь тут — пришельцев мы берём с собой.

За одно мгновение я успел ужасно огорчиться, но Видзико продолжала:

— Цвиктангу придётся немного отложить путешествие. Может статься, ему придётся провожать пришельцев — они хорошо его знают, выйдет удобно. Цвиктанг отправляется с нами.

У меня отлегло от сердца — и обрадовал будущий полёт. Редкое удовольствие.

— Золминг, — распоряжалась бабушка дальше, — вы наладили связь с Пущей и Янтарными Озёрами?

— С Пущей — уже, — отозвался Золминг. — С Янтарными Озёрами — только по запасной линии. Грибница растёт, но на полное восстановление связи уйдёт несколько дней.

— Хорошо, не к спеху. Мы сообщим соседям, а они сообщат своим соседям. Пока пришельцы приходят в себя, учат язык и обживаются, узнают все, кому будет интересно. Будет возможен диалог — будет конференция, может, и не одна. Но пока не проверить ваши смелые гипотезы, нет смысла собирать учёных. Разве что — специалистов по плацентарным млекопитающим пригласим уже сейчас. А гостей надо приютить, лечить и ласкать: они чужие здесь, у них никого нет, неизвестно, могут ли они вернуться домой.

— Так что же, мне придётся остаться до конца лета? — спросил я, делая вид, что здорово огорчён. — А может, даже и осенью?

— Тебя это так печалит, что я чую нестерпимый запах смертной тоски, — рассмеялась бабушка. — Всё к лучшему. Прибирайте, гасите костёр, пора спать. Завтра нам придётся встать спозаранок.

И ни у кого даже вопросов не возникло — всё ясно и всё правильно.

Мы залили огонь и выгребли угли для угледок, а потом забрали посуду и остатки еды — пришельцы снова помогали, будто были уже совсем своими. Совсем стемнело; горели только фонари на доме, слабо мерцали колонии бактерий на дорожниках и чиркали светляки. Взошла луна, и планета Дзунг сияла рядом с ней.

Мир вокруг был так уютен, что казалось: ничего плохого в нём нет и быть не может.

Вечером я сообразил, что их имена — не просто сочетания звуков, но и слова с точным значением. Впрочем, любые имена, очевидно, не просто сочетания звуков — а в данном случае ещё и запахов.

Когда разгружали воздушный шар, я заметил... Ну, да, тех странных существ, похожих, в действительности, скорее, на сухопутных крабов, а не на пауков — с мхом, растущим на панцире, я тоже заметил. Но эти создания уже не удивили и не ужаснули меня — очередная материализация ТПортального *déjà vu*, успевшая стать привычной. Зато я, пытаюсь быть чем-то полезным в сложном деле контакта, отметил: наши любезные хозяева-лицин порой окликают друг друга запахом, а не звуком.

Доходчиво.

Душка Цвик — теплейший дух мокрого дерева, вроде сосны. Лангри — резкий запах, напоминающий запах камфоры, странно подходящий и к личности, и к имени этого серого парня с голубинового цвета гривой, завязанной в два хвоста. Нгилан — холодный и острый аромат перечной мяты. Полосатый, постоянно ухмыляющийся Золминг — свежий кисловатый запах, вроде того, каким пахнет мякоть только что разрезанного лимона. Дзидзиро — я бы сказал, запах насекомых; похоже пахнут соты, вынутые из улья. Вспомнил: «Снег, мята, тюльпаны, тафта»...

Но, по сути, это ведь пустяки... То есть, не пустяки, конечно — но не самое удивительное в лицин.

Самое удивительное — то, что мы помогали выгружать какое-то невероятное их имущество, а потом были приглашены на ужин с короедами так, будто в нас нет ничего принципиально необычного. Лицин посмотрели на нас, оценили — и решили, что мы — их гости. Вот так просто.

Пожилые дамы, матриархини, я бы сказал, безусловно, приехали по нашу душу. Не знаю, кто они — знатные дамы, учёные, чиновницы... хотя мадам Видзико, безусловно, врач... возможно, эпидемиолог... как бы то ни было, эти дамы приехали, чтобы посмотреть на нас. А посмотрев, вдруг решили, что мы годимся в СВОИ...

Я вдруг понял, что ничего такого, что было бы абсолютно нормальным с точки зрения любого из нас и, очевидно, кроме ужасным — не произойдёт. Не будет стерильных боксов, видеокамер, охранников с автоматами и лаборантов в скафандрах. Не будет пресс-конференций: вокруг толпа с фотоаппаратами и камерами, а мы — в стеклянной клетке, в ослепительных лучах, в виде лабораторных животных. Не будет опытов, вивисекции, препаратов. Не будет военных, подозревающих в шпионаже, допросов, промывки мозгов и расщепления наших душ на атомы.

Госпожа Видзико сказала: «Откройте рот, скажите «А», молодой человек!» — расспросила Нгилана о нашем здоровье и, как видно, сделала вывод. Из чего сделала своё заключение мадам Нгидаро, я вообще не могу себе представить. Но следствием их выводов стала вечеринка с жареными гусеницами и долгая болтовня под вечерним небом — пикничок.

Во время которого, само собой, нас обсуждали — судя по запаху, несколько раз возвращаясь к теме ножа Калюжного — но постоянно давали понять, что мы — члены их общества. Гости, чужаки, пришельцы — но не пленные, не диковинные зверушки и не

материал для диссертаций.

В нас опознали разумных существ — и дружно уважали наши уникальные личности больше, чем это делали дома наши собственные соотечественники.

Я сидел рядом с лицин и ел их жареных гусениц, которые стали неожиданно вкусной едой после обработки огнём, напоминая приготовленных на гриле королевских креветок с некоей странной начинкой. Ел и пытался уложить всё это в голове. Не укладывалось.

Сказать, что мы не интересны аборигенам — нельзя. Мы очень интересны, это очевидно. Но не настолько, чтобы нас кинулись изучать, забыв спросить нашего согласия.

Сказать, что лицин не могут понять, насколько уникален этот случай... скорее всего, тоже нельзя. Они за день, вернее, за несколько часов, разобрались и вызвали специалисток. Горячо обсуждают создавшееся положение. Но — почему мне кажется, что, если нам придёт в голову встать и пойти, то нас спокойно отпустят?

Я вдруг понял чудовищную вещь.

Вот, рядом с нами, у костра, едят гусениц с домашним кисло-сладким кетчупом хозяева здешнего мира. До такой степени хозяева, что вообще не умеют бояться.

В их мозгах отсутствует эта вечная настороженность землян. Наша родная постоянная недоверчивость, осознание, что человек человеку — *lupus est*, ожидание подставы и подлянки — вот это всё отсутствует. Мы общаемся с совершенно... я бы сказал, непугаными — но приходит в голову, скорее, бесстрашными созданиями.

И никуда они не торопятся. Успеется.

Никаких аналогий такому поведению и мироощущению на Земле я подобрать не мог. Лицин не походили даже на героев советских утопий — потому что у тех, выросших среди млека и мёда, всё-таки имелось представление о классовых врагах, к тому же где-то рядом всегда маячила война. Интересно, знали ли лицин, что такое «враг», классовый или какой-то другой?

Им очень не нравился нож Сергея — но никто из них не пошевелился, чтобы его разоружить. Слушая — и обоняя — их разговоры, я потихоньку понимал, что нож не нравился им, скорее, как некий принцип, чем как оружие в непрояснённых руках. Он удивлял, отчасти — возмущал, но не пугал.

Сергея раздражало внимание лицин к его особе и к его оружию. Они обозначали вопросы запахом металла, крови, сырого мяса; Калюжный рычал: «Ну хрен ли они привязались-то, ёлки?!» — но дальше это не шло. А Денис, больше внюхивавшийся, чем вслушивающийся в речь лицин, вдруг сказал:

— Им не очень нравится, когда мясо едят. Они думают, Серёга свеживал кого-то... зайцев, что ли. В общем, смысл в том, что им больно, зайцам. Поэтому ребятам не нравится, они жалеют.

— Чё? — поразился Калюжный.

— Каких зайцев? — вздёрнулся Виктор, который до того казался полностью погружённым в себя и собственные мрачные мысли.

— Лангри говорит, что где-то там зайцев резали, — перевёл Динька. — Ну, переживает, думает, что Серёга тоже. Не принято у них. Вот, и Ктандизо переживает, жалеет. А Золмин ел, но не понравилось... в общем, как бы им объяснить, что мы не режем зайцев?

— Денис, — сказал я, — ты превзошёл самого себя. Как ты додумался до зайцев? Остальное я ещё могу понять...

— Ктандизо показывала так, — Денис свёл руки. — Как котёнка держат. Не кошек же

они резали!

— Может, нуtrieb, — рассеянно предположил Виктор. — Да неважно, салаги... Нас значит, не собираются того... Артик, слушай, есть тема.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я кивнул:

— Я слушаю.

— Как думаешь, — спросил Виктор вполголоса, — а может быть, что вот всё это нам кажется? Гипноз там, глюки... Типа, эксперимент.

— Странная идея, — сказал я. — И ответить сложно. Если мы все тебе только мерещимся, то какое значение имеет мнение твоих галлюцинаций?

Виктор нетерпеливо тряхнул головой:

— Нет, мы — настоящие. Вокруг — галлюцинация. Типа матрицы, не знаю...

— Бред собачий, — отрезал Калюжный.

— Станный сюжет, — сказал я. — Как ты думаешь, какова была бы цель такого эксперимента?

Виктор снова задумался. Денис фыркнул:

— Они — настоящие. И мы — настоящие. А то так можно с ума сойти.

— Согласен, — сказал я. — Оставим в покое всяческие солипсистские фантазии. Вполне достаточно и одного эксперимента над нами грешными: телепортации. А чтобы окончательно тебя утешить: сложные галлюцинации в виде запахов — редки. Обычно что-то очень простое: запах гнили, апельсинов, дерьма... Здешние ароматические симфонии тяжело внушить. Вот тебе когда-нибудь снились запахи?

— Нет, — сказал Виктор и улыбнулся. Кажется, эта мысль его успокоила.

— Это значит, что у тебя нет склонности к эпилепсии, — сказал я. — Я где-то читал, что запахи мерещатся перед эпилептическим припадком. Ещё никто из нас пока не забился в падучей.

Похоже, такой довод окончательно вернул Кудинова из дзенских размышлений о жизни как о сне, увиденном во сне. Удивительно, как странно устроена человеческая психика... разве галлюцинация — это хуже, чем безумная реальность, на которую совершенно невозможно повлиять?

— А чем глюк хуже? — неожиданно согласился с моими мыслями Калюжный. — В дурке-то — свои, небось. Да и в матрице этой подержат-подержат — да и выпустят... а тут... мрак же, ёлки!

— Нет уж! — решительно возразил Виктор. — Лучше где угодно, но в своём уме.

С этим мне показалось тяжело не согласиться.

Кудинов отвлѣк от наблюдений за лицами меня, но не Диньку. Багров, видимо, решил, что с нами он всегда успеет переговорить — а вот ксеноморфы требуют самого пристального внимания. Заметив, что я смотрю на него, Денис тут же сказал:

— Гзицино не поверили. Интересно, а что она про нас сказала? Никак разобрать не могу.

Гзицино беспомощно взглянула на меня. У неё был вид растерявшейся девочки, которая о чём-то интуитивно догадалась, но не может подобрать аргументы. Это выглядело удивительно по-земному.

Такое выражение лица иногда бывало у Ришки. У меня сердце сжалось.

— Не торопись, — сказал я. — Подумай над формулировками. Очень может быть, что

ты права.

Смысла в словах не было никакого — Гзицино не знала нашего языка. Но мою позицию она поняла.

И подвинулась ко мне. В первый момент она пахла, как маленький пушистый зверёк, вроде кошки — но её запах тут же потёк и стал меняться.

Чтобы я лучше распробовал, Гзицино поднесла ладонь к моему лицу — а дальше принялась объяснять запахами вещи, которым совершенно нет названия на нашем языке.

Для них требовались краски, а не слова.

Для начала она воссоздала костёр — но я тут же понял, что это не просто костёр. Вместе с костром тут было всё его окружение: вечерний лес с его густым, смолистым, прелым запахом, ветер с реки, несущий сырость воды и запах влажного песка, мокрая от росы трава... Запахи, которые создавала Гзицино, смешивались с запахами живого мира вокруг — это было, почему-то, похоже на песню под гитару.

В её ароматической балладе поражала достоверность. Когда мы, люди, пытаемся создать, я бы сказал, «ароматизатор, идентичный натуральному» — каждый догадается, что это не настоящий запах, а суррогат. Не альпийский луг, что бы ни писали на этикетке, а освежитель для сортира. Девочка-лицин создавала полную иллюзию — с той только разницей, что запахи казались подчёркнуто, щемяще прекрасными. Так простой вечерний пейзаж приобретает трогательную прелесть на акварели талантливого художника.

А вокруг розовел догорающий закат, лес темнел, становился чёрным и плоским, дорога из литопсов начала смутно мерцать в сгустившихся сумерках какими-то голубоватыми созвездиями или соцветиями — а в тыквах-фонарях, висящих у входа в дом, медленно разгоралось золотистое сияние. Реальные запахи этого мира дополняли фантазии Гзицино, как фон и фактура бумаги дополняют и высвечивают смешивающиеся краски. Ароматы брали за душу, как ноты.

А художница-парфюмер смотрела на меня вопросительно, выжидающе и вопросительно — и меня вдруг осенило. Я обнял её и прижал к себе — и она прижалась, как котёнок, как маленькая девочка — сестричка по разуму — я вдруг понял, что, в действительности, означает это расхожее словосочетание.

Моя сестрёнка-ксеноморф. Не очередная сексапильная аэлита из фантастической грёзы любителя экзотических сальностей, нет — Ришка другого мира. Я не мог понять, как ей это удаётся — быть может, сверхчеловеческим, собачьим, переутончённым чутьём — понять суть и смысл за несколько часов, ухитриться раскрыться и довериться, как на Земле умеют только совсем маленькие дети и маленькие зверёныши. Она вызывала именно родственные, братские чувства — сумчатая девочка, покрытая шёрсткой, с громадными подвижными ушами пустынной лисицы...

Я внюхивался в неё, как в цветок. Она пахла костром, сосной, сырым песком, ветром, растёртой в пальцах травинкой, диким мёдом, перьями лесной птицы — запах превращался в запах, а я опьянел и ошалел от ароматов. К Гзицино присоединился Цвик и добавил экзотики. Динька дал ему понять, что готов внимать, и Цвик распустил, как павлиний хвост, веер тропических ароматов, пряностей из неведомых стран, солёного морского ветра — я уверен, что эта поэма говорила о скитаниях и красоте их мира. Этакие жюльверновские грёзы, я бы сказал — наивные мечты о приключениях, то, что всем нам присуще, откровенно говоря...

Денис посмотрел на меня повлажневшими глазами:

— Я — как немой, — сказал он почти шёпотом. — Всё понимаю, а ответить не могу.

— Охмурают, — мрачно буркнул Калюжный. Подозреваю, что от этих ароматических симфоний ему было даже тошнее, чем от жареных личинок. — Психотропное это самое... правда, Вить?

— Я не знаю, — сказал Виктор. — Но уши мы развесили знатно. Бери нас теперь голыми руками...

Тем временем небеса залились глубокой ночной синевой — и фрау Видзико благодушно отослала всех спать. Явно пожелала спокойной ночи; не могу понять, как они ухитряются ароматически изображать сон, но запах характерный — не ошибёшься.

Это было необыкновенно мило, совсем по-семейному. Госпожа Видзико вела себя, как добрая бабуля — и остальные ей отменно подыграли. Старая дама умела создавать теплейшее ощущение родства и дружелюбия не хуже, чем юная Гзицино — видимо, у здешних дам это общая особенность.

Мы помогли молодым лицам прибрать место пикника и вместе с ними пошли к дому. У входа, под ярким тыквенным фонарём, меня остановил Нгилан.

Он тронул мою грудь и показал двух ос, ползающих по его ладони. Ладонь Нгилана была нежно-розовой, не как человеческая рука, а как подушечка кошачьей лапы; осы, покрытые пушком, выглядели удивительно мирно. Я задумался, почему мы называем их осами, они же больше похожи на пчёл — и вспомнил: мне нужно ещё четыре осиных укуса. Точнее, четыре впрыскивания их яда.

Нгилан напомнил, что моё лечение ещё не кончено. А мне здорово полегчало — я совсем об этом забыл.

Я протянул руку. Осы ужалили почти одновременно — и дружно убрались под пышный Нгиланов пух; боль показалась не сильнее, чем от уколов. Я улыбнулся Нгилану, он чуть улыбнулся в ответ, тронул мою щеку — явно здешний ритуальный жест — и уже хотел идти, но тут мне в голову пришла мысль, то ли чудовищная, то ли блистательная.

— Нгилан, — сказал я, пытаюсь придумать, как объяснить сложную вещь двумя простыми чужими словами. — Осы... видзин... скажи, где живут осы?

Я показал пальцем на его живот, на пух, под который ушли его живые шприцы. Он внимательно слушал, нацелив уши и раздувая ноздри.

— Осы, — сказал я.

— Озы, — повторил Нгилан, и оса вынырнула из шерсти, опустившись на его подставленную ладонь. — Озы?

— Осы.

— Цанг, — сказал он, показывая пальцем на осу. — Цанг-де. Гзи?

— Цанг, — сказал я. — Осы — цанг. Одна оса — цанг-де. Гзи-ре. Но где живут цанг? Здесь? — и снова показал на его живот.

Вокруг собрались и лица, и земляне. Процедура контакта, попытки понимания — вызывают невероятный интерес, я уже заметил. Но Нгилан колебался — кажется, ему не очень хотелось распространяться на эту тему с чужаком.

Его попытались переубедить Цвик и Лангри — и Гданг, самый старший из здешних мужчин, тоже сказал своё веское слово. Более того: он протянул ко мне руку в «белой перчатке» — и я увидел ос, ползающих по его ладони.

Других ос.

Если в шерсти Нгилана жили пушистые существа, скорее, напоминающие пчёл, то осы

Гданга были осами в квадрате: поджарые, гладкие, глянцево-чёрные, с металлическим блеском, опасного вида.

— Цанг, — сказал Нгилан. — Цанг-ланд.

Я ошибся. Слово «цанг», очевидно, означало ос вообще, а «де» и «ланд» — их конкретные виды. Но меня поразило, что под брезентовой, я сказал бы, ветровкой Гданга тоже обнаружилось осиное гнездо. Где?

Гданг подошёл ближе и стащил ветровку через голову. Под ветровкой была лишь его собственная короткая шёрстка — и я увидел, что и он имеет сумку. Кожная складка Гданга была не так велика, как сумки женщин, но вполне вместительна. Она не прилегала вплотную, как у девушек; в ней, похоже, находилось что-то, объёмом не меньше, скажем, карманного словаря.

Тем удивительнее, что под ажурным пончо я отлично видел живот Лангри — крохотная складка кожи на его пузе почти не различалась под шёрсткой. Похоже, не все мужчины-лицин имели хорошо развитую сумку; у некоторых она превратилась в пустую формальность, почти атрофировалась.

А у Гданга имелась полноценная или почти полноценная сумка.

Я увидел, как из сумки Гданга выползла оса; было не избавиться от ощущения, что он ей приказал. Показал: вот, мои дрессированные насекомые выполняют команды, любуйся. Оса взлетела, сделала маленький круг — и опустилась на подставленную ладонь Гданга. Тот поднёс её к лицу и осторожно подул. Оса взлетела снова, резко набрала высоту и скрылась в темноте.

— Цанг-ланд, — сказал Гданг весело и выдал несколько совершенно непонятных сложных фраз, сопроводив их свежим запахом — скажем, ветра.

Я покачал головой:

— Не понимаю... как сказать... гзи-ре — нет.

— Гронг-ла, — сказал Гданг, улыбаясь ещё шире и нарисовал руками в воздухе широкую сферу.

— Дзар! — вставил Цвик. — Э, гман... эроздад!

— Зе, — обрадовался Гданг. — Эроздад! — и принялся делать плавные жесты вверх-вниз, комментируя их волнами запаха, такого же непонятного, как и слова.

— Ты аэростатом управляешь, как цанг сообщат? — восхищённо уточнил Денис. — Типа метеослужбы? О, мужики, а мы-то думали, как он шар привёл так точно, тютелька в тютельку — как вертолёт... Слушайте: Гданг выпускает своих ос, а они уже ему...

— А охренительно вот что: как они сообщают-то? — задумчиво проговорил Виктор.

— Ос носить прямо там... — пробормотал Калюжный, и его передёрнуло.

Я понимал, что уже перешёл всякие границы, но меня несло. Я протянул руку к сумке Гданга — и он понял, что я хочу заглянуть внутрь. Невероятно, но он был готов показать.

Возможно, цанг или осы, живущие на Гданге и отслеживающие для него ветер на разных высотах, были не так чувствительны к чужому взгляду, как осы-целители Нгилана. Не потому ли Гданг носит ветровку, а Нгилан — свитер из побегов, растущих прямо на шерсти, костюм, который нельзя снять?

Нгилан оберегает ос — своих друзей и свои рабочие инструменты. Осы Гданга, вероятно, менее прихотливы.

Гданг протянул руку ладонью вверх и несколько раз согнул пальцы: совсем наш жест «подойди ближе». Я подошёл — и Гданг отодвинул верхний край сумки, позволяя мне

заглянуть внутрь. Цвик поднёс ближе фонарь-тыкву. Я отчётливо увидел...

Бог мой.

Я увидел натуральный улей. Внутренняя поверхность сумки выглядела нежной, как лайка. Единственный сосок, вернее, еле выпуклый рудимент такого соска — мужской его вариант — располагался посередине живота, там, где у людей находится пупок. И в этот крохотный бугорок впилось ужасное существо — толстая бескрылая зверюга, глянцеви́то-чёрная, с брюшком, раздутым в виноградину.

Или — не впи́лась, а фактически приросла к соску.

Вокруг неё копошились осы, их было не очень много, но казалось, что они просто кишат. Ещё мне показалось, что на дне сумки я вижу белёсых, почти неподвижных личинок. И я вдруг понял.

Толстая зверюга, приросшая к телу Гданга — это матка роя. Через неё же, каким-то невероятным, возможно, биохимическим способом, рой общается со своим хозяином — а возможно, и симбионтом.

Зрелище было одновременно чудовищным и восхитительным.

Тут кто-то сзади мягко обнял меня за плечи. Я невольно вздрогнул и оглянулся: рядом стояла синьора Видзико и улыбалась, белые зубы поблескивали между тёмными губами.

Она запахла корицей и чем-то вроде пудры, и заговорила ласково и притворно строго — как бабушка, убеждающая лечь в кровать неугомонных внуков. Гнедая, темно-рыжая с черной с проседью гривой, мадам Видзико носила мохнатую плетеную шаль, а в причёске в качестве щегольской бижутерии — крупного, блестящего, иссиня-зеленого жука. Почему-то эта старая леди была мне очень мила, и я решил сыграть для нее послушного внука.

— Спасибо, Гданг, — сказал я и тронул пилота за щёку, как все они делали — ужасно смущаясь, но четко осознавая, что это верный жест. — Очень интересно, видзин.

Гданг ухмыльнулся, как весёлый пёс, и оставил на мне запах пряного мёда. Чёрные метеорологические осы ползали по его рукам — и он, вероятно, дал им мысленный приказ. Осы снялись одновременно — вылитая эскадрилья истребителей — и одновременно пропали в темноте. Гданг осторожно отпустил край сумки, закрыв складкой кожи и осиную матку, и сам переносной улей.

Молодые лицин направились к входу в дом, и мы, люди, пошли за ними. Глаза Дениса горели, он, кажется, сделал очередной сногшибательный вывод, зато Виктор и Сергей выглядели потрясёнными, а Сергей, помимо того — раздражённым, почти злым.

— Как им не противно, — громким шёпотом выдал Калюжный, — что у них там насекомые... Тьфу, бя!

— Должно адски чесаться, — хмуро сказал Виктор. — Они должны скребстись, как вшивые, а терпят... Наверное, и не спят толком, чтоб не раздавить... Но... Ведь стоящее дело, салаги, стоящее... абсолют какой-то — эти осы у них, как собаки...

— А видали, мужики, как Цвик с Лангри на пилота смотрели? — сказал Диня задумчиво. — Так восхищаются, что даже завидовать запахло. Как на советского героя...

— Все равно, — гнул свое Калюжный. — Это хуже, чем вши, ёлки! Они же и гадят туда...

— Да заткнёшься ты или нет?! — рявкнул Кудинов — но тут мы увидели спальню.

Альков.

Кроватей у лицин не было: они, как я заметил, вообще не любили мебели — и сидели, и

спали на мху, мохнatom и мягком, как иранский ковер. Пледы и подушки лежали на нем же живописной грудой — не в них дело. Потрясающие светильники — мерцающие голубые огоньки, нити, свисающие сверху и унизанные льдистыми живыми звездочками — создавали в спальне волшебный, какой-то космический полумрак.

— Охрeнеть... — пробормотал Виктор. — Мы же тут спали... Откуда взялись эти штуки? Днем я, вроде, ничего такого не видел.

— Внимания не обратили, — сказал Калюжный. — Они же были выключены.

— Оно живое, — возразил Диня убежденно. — Светлячки какие-нибудь...

Никто не стал с ним спорить.

И мы, и лицин укладывались спать. Я заметил, как нашим гостеприимным хозяевам нравилось именно то, что раздражает большинство людей — спать в куче. Они потягивались, сворачивались клубками — а между делом обнюхивали и лизали друг друга, обнимались и тёрлись щеками, как кошки.

Наверное, в этих обнюхиваниях и облизываниях можно было бы усмотреть и эрос, но, по-моему, ничего сексуального в них не было. Эдакие собачьи изъявления любви и дружбы. Кажется, именно сейчас я подумал, что наши гостеприимные хозяева — не коллеги или товарищи, а родственники. Громадная семья. Братья, сестры, племянники, матери, бабушки... Мадам Видзико не изображала добрую бабулю — она и была им бабулей! И Дзидзиро лежала головой на ее коленях, чтобы мадам Видзико чесала ей ушки, а Золминг примостился рядом и терся о живот Дзидзиро лбом и щекой — только не мурлыкал. Так или примерно так вели себя и все прочие.

Но самым удивительным мне показалось участие в этом действе Диньки. Тетушка Цицино обнимала и гладила его и Цвика, как щенят — Динька положил ей голову на плечо и пытался что-то тихонько сказать, а Цвик бредил ароматами дальних странствий так явственно, что я чувствовал струйки запахов с другого конца комнаты.

Разумеется, ни Калюжный, ни Виктор к этой оргии нежностей не примкнули; они устроились в углу, завернувшись каждый в свое одеяло. Будь я лицин, сказал бы, что от них за версту шмонило неприкаянностью, разбавленной, пожалуй, раздражением, а может, и страхом. Ктандизо попыталась позвать Виктора ласкаться, но он помотал головой и улёгся, отвернувшись к стене. Калюжный сделал всё возможное, чтобы целиком завернуться в одеяло: «ничего не вижу, ничего не слышу».

Но когда Гзицино придвинулась ко мне, я не шарахнулся, я обрадовался. Я обнял ее и поцеловал в переносицу — не отделаться было от чувства, что целую милую кошачью или собачью мордочку, тёплую и шерстистую. Гзицино очень удивилась, но не испугалась; кажется, ей было забавно. Она прижалась ко мне — живая, гибкая, горячая плюшевая игрушка — поднесла к моему носу обезьянью ладошку и принялась что-то рассказывать, я бы сказал, ароматическим шёпотом. Запахи, которые она создавала, стали невесомо лёгкими, еле заметными, и речь в них шла, по-моему, о прекрасной жизни, уж не знаю, прошлой или будущей. Гзицино нагрезила восхитительно узнаваемый, как в детстве, запах лесного ручейка, мокрых камней, осоки, потом — каких-то нагретых солнцем ягод, вроде малины — и вдруг спохватилась, непосредственная, как большинство болтающих девочек, и сделала зиму, снег, мёрзлую хвою и острый запах мороза, внезапно оборвавшийся сладким и сдобным духом, наверное, блинов с вареньем. «Вот как мы живём», — сбивчивый и трогательный рассказ о детстве и девичестве... при том, что половина запахов наверняка осталась мне непонятна.

Я гладил её по чудесным волосам, шелковисто-гладким и тяжёлым, и у меня перехватывало дыхание от узнавания и тоски. Кто бы знал, что запахи могут вызывать такую нестерпимую ностальгию! Я ведь был — немой, перед шерстяной благоухающей иномиряночкой! Я не мог вспоминать «вслух», не мог в ответ похвастаться моим потерянным домом и моей потерянной жизнью, а так хотелось! Будь у меня возможность, думал я, поглаживая золотистый плюш мелкой шёрстки на плече и спине у девочки-лицин, я бы уж рассказал ей! Я бы, пожалуй, начал с парадного нашего старого дома на Разъезжей, папахивающего кошками и жареным луком. Потом показал бы запахи нашей квартиры — из кухни бы пахло мамиными щами или жареной корюшкой, ванилином или корицей, из ванной тянуло бы стиральным порошком, а из нашей комнаты — Ришкиными духами...

Видимо, из-за ароматической болтовни Гзицино, а пуще — из-за её тепла — я вспомнил запах Ришки с яркостью галлюцинации. Её духи, пахнувшие чем-то смолистым и цитрусовым, её волосы, пахнувшие шампунем и чуть-чуть — перьями воробьяшка, её чистую, солоновато пахнущую кожу...

Внезапно я обнаружил, что у меня текут слёзы, а Гзицино слизывает их, как щенок. Душа у меня болела нестерпимо, так, что не нашлось сил даже устыдиться, но моей инопланетной сестричке не нужны были ни мой стыд, ни жалкие попытки сыграть в крутость. Передо мной, как высоченная, до небес, бетонная стена, встало ужасное слово «НИКОГДА», а Гзицино, кажется, чуяла безнадежный пыльный запах этого бетона.

И моя инопланетная сестрёнка сделала всё возможное, чтобы прогнать тоску. Женщины — совершенно особые существа, в каждой из них сидит мать, всё понимающая и сострадающая всем. Я здорово ощущал в Гзицино это материнское начало, её сострадание рассеивало, растапливало тоску — и, в конце концов, я заснул, обнимая инопланетянку и даже во сне чувствуя её запах или запах её мира...

А шар-то, оказывается, присылали за нами.

Лицин нас разбудили утром, притащили ту часть нашей одежды, которая за ночь очистилась совсем, пригласили завтракать, напоили горячим, по-моему, компотом с блинами — и пошли провожать на крышу.

Артик опечалился и обнимал Гзицино, как настоящую земную девушку — мне кажется, ему совсем не хотелось уезжать. Гзицино что-то объясняла-объясняла, и запахами, и так — но ни я, ни Артик так ничего и не поняли, кроме того, что не надо огорчаться.

Но Артик, кажется, огорчался всё равно.

Зато Цвик радовался — он летел с нами, и я по его виду догадался, что эти полёты на воздушных шарах для ребят типа Цвика тут — радость редкая. А ещё он предвкушал что-то. Ну, всегда же заметно, когда что-то предвкушают, ожидают — праздник или сюрприз какой-нибудь, в общем, какую-то приятную шпуковину, которой надо немного подождать.

Серёга не выспался и хмурился. Витя был весь взведён и насторожен, но при этом, почему-то, рад. Как-то нервно рад.

Я его спросил: «Ты чего?» — а он усмехнулся недобро. И сказал тихо:

— Чего... ничего, салага. Вот мы сейчас всё и узнаем до ниточки. Мы же в город летим, не иначе. Всё, пацаны, деревенская малина кончилась. Теперь начнутся суровые будни, вот увидите.

Мне кажется, Витя думал, что вот сейчас-то нас и отвезут в некий местный аналог то ли КГБ, то ли НКВД, то ли ФСБ вообще. И его это хоть и тревожило, но странным образом радовало.

Потому что, если он окажется прав, выйдет, что всё кругом объяснимо. А если нет — то нет. А когда объяснимо — уютнее, даже если тебя везут в НКВД. И ему ужасно хотелось, чтобы всё, наконец, объяснилось.

Но Серёге туда не хотелось. И Артику не хотелось. И не хотелось им из-за разных вещей: Серёга нервничал, а Артику хотелось немного пожить тут, в лесу, с девочками-лицин, с которыми он подружился. Впрочем, лицин их не тянули, а убеждали — и в итоге, конечно, убедили, потому что главное у них там, откуда шар, и невозможно же всё время жить в деревне.

А мне было интересно. Я наблюдал, как насосом очень хитрой конструкции они наполняют шар воздухом, как поджигают горелку — и как шар постепенно поднимается над корзиной и начинает тянуть вверх. Как Гданг выпускает своих ос на разведку. И тут нам объяснили, что можно уже и садиться.

Вообще-то, мне было немного страшновато. Всё-таки шар-то — не самолёт, ни мотора у него нет, ничего, болтается по воле ветра. И корзина казалась совсем несерьёзной, просто сувенирной какой-то, чуть не из бересты, хоть по грибы с ней иди. Но никто больше не боялся, а Цвик — тот просто рвался из кожи, как ему лететь хотелось, и мне показалось неловко показывать, что психую.

Так что я сделал непроницаемую мину и сел в корзину вместе со всеми.

Гданг скомандовал что-то — и парни-лицин, которые оставались в лесу, разом отпустили тросы. Наверное, это называют «отдали концы».

Шар поплыл вверх, быстро и плавно, так быстро и так плавно, что удивительно. Как

лифт. И скоро мы увидели с большой высоты мир лицин, над которым, не торопясь, всходило розовое солнце.

Если назвать этот мир одним словом, слово это будет — Лес. С большой буквы.

Лес под нами расстился широко-широко, как какой-то зелёный океан. До горизонтов. И с первого взгляда никакого следа человеческого жилья — посёлков там, домов, полей — мы не заметили вообще. Лес, лес и лес. Неоднородный, на холмистой местности, то очень тёмный, то ярко-зелёный, то какой-то пёстрый, то поросшие лесом провалы и овраги, луга или болота, извилистые лесные речки с песчаными отмелями — но ничего привычно цивилизованного.

Сколько глаз хватает.

Только всё, по-моему, было не так очевидно, как сверху казалось.

Я оглянулся и увидел, что лесной дом, где нас встретили, исчез совершенно. Он просто не выглядел сверху, как дом, он выглядел, как какие-то странные заросли на небольшой горке. И я понял, что с высоты птичьего полёта мы не разберём, где тут кончается природа и начинается жильё.

А между тем над нами, высоко в утренних небесах, медленно и торжественно, но гораздо быстрее, чем мы, проплыл громадный дирижабль. Мы все его отследили — и я понял, что мы с Серёгой видели тогда ночью, на берегу речки. Не самолёт и не летающую тарелку. Дирижабль. Просто никак не ожидали такое увидеть.

Уже потом, примерно на нашей высоте, только очень далеко впереди, мы увидели ещё один воздушный шар. Такую серебряную капочку в розовых небесах. И этот шар некоторое время тихонько парил в нескольких километрах, наверное, от нас, а потом вдруг поднялся вверх — и его подхватило и быстро унесло какое-то воздушное течение.

Вот тогда я и подумал, что, во-первых, тут чем-то всё скоординировано — и полёты шаров с дирижаблями, и всё прочее, а во-вторых — вокруг у нас мир без самолётов. Не только буквально, но и фигурально без самолётов.

Потому что лицин не спешат.

И я чувствовал, что это очень закономерно. Я понемногу понимал, какой у них тут национальный характер, в общем и целом. Когда случается неожиданное, хорошо бы об этом потихоньку всех оповестить, а пока все не узнают, поболтать с друзьями и закусить гусеничкой. Когда надо куда-то срочно добраться, надо спокойно дожидаться подходящего ветра — а пока ждёшь, заняться чем-нибудь полезным. А поводов для дерготни не существует вообще.

Виделось в этом что-то муми-тролльское.

Хотя, конечно, судить было рановато. Ведь мы всё ещё понятия не имели, как тут что на самом деле; мы на всё смотрели с неудачного ракурса. Оно выглядело очень любопытно, но понятнее не становилось.

Например, кое-где, из нормального леса, обычного, который расстился под нами бесконечным зелёным ковром, вдруг поднимался вверх кусок ненормального леса. Невообразимо высоченные деревья, выше простых раз в десять. Это даже описать сложно... будто кто-то делал модель, игрушечный ландшафт, и ему не хватило маленьких деревьев, чтобы заполнить пустоту. И будто этот дуралей брал штук сто или двести из другого набора, где масштаб другой — и так в нескольких местах.

Или — в чём-то кислотно-зелёного, почти жёлтого цвета, то ли в траве, то ли в трясине, сверху не разобрать, виднеются какие-то громадные тёмные туши. Что это? Валуны,

цистерны или киты болотные?

Или — мы, наконец, увидели след цивилизации, про который можно было сразу сказать, что он — след цивилизации, а не неизвестная фигня. Выглядел он как рекламный постер с иероглифами, очень яркий — алый, жёлтый, зелёный, чёрный — разложенный на футбольном поле или небольшом аэродроме. Но вокруг была такая же пересечённая местность, как везде — а может, дома, заросшие, как холмы в лесу, может, даже с деревьями из крыш. Поэтому выглядело так: цветной, не очень правильной формы плакат посреди буйной зелени — и тонкие нитки тропок, уж точно не шоссежных дорог, которые ведут к этому странному месту, извиваясь между зарослей.

Зачем это?

Я смотрел вниз и вспоминал, как Витя и Артик разговаривали о мусоре, который мы, может, и не воспринимаем как мусор. Я думал о сооружениях и постройках, которые мы с высоты не воспринимаем как постройки. И о мире, где явно поставили себе простую задачу: как-то жить так, чтобы мир обитаемым разумными существами не выглядел.

С другой стороны, думал я, наверное, если бы мы летели ночью, то видели бы свет. Светящиеся дорожки, фонари, окна — и мы бы тогда поняли, какие из этих зарослей обитаемы, а какие — просто так. Но при ярком утреннем солнце всё искусственное освещение, само собой, давно погасло.

Между тем я вдруг сообразил, что шар наш идёт на посадку. Мы недолго летели — может, час, а может, даже меньше.

И чем ниже шар спускался, тем интереснее было там, внизу.

— Не город это, — сказал Витя, и Артик отозвался:

— Это посёлок. Или...

— Или, — сказал Витя мрачно. — Ох, мать...

Что Гданг нацелился опускать шар на крышу, мы сообразили, когда до крыши оставалось метров пятьсот. Это была крыша местной высотки: и сам дом намного выше, чем тот, где нас встретили, и крыша намного шире. Целый аэродром. И на крыше нас ждала очень пёстрая компания.

Гданг бросил им тросы — и они подтянули шар лебёдками. Цвик сразу выскочил здороваться, Гданг вышел более серьёзным образом — а нас ждали, мы как-то замялись.

Потому что здешняя компания была ещё пестрее, чем в лесу.

Мне подал руку очень мохнатый парень — назвался Гларми. Я даже не думал, что лицин вообще такими бывают.

Он весь порос длинными прядями, русыми, светлее и темнее, как бывает у крашенных девиц. Что удивительно: не той одеждой, которая на них растёт иногда, а своими собственными волосами. Грива на его голове сливалась с бородой и усами, на груди росли длинные волнистые волосы, на руках и ногах росли волосы, а в те волосы, что на теле, вплетались пушистые зелёные побеги. Вроде вьюнков.

Нос у него был розоватый, как у лабрадора летом, а ушки — маленькие. В половину Цвиковых. Хотя, конечно, намного больше человеческих — и подвижные, как у всех лицин.

А рядом с ним крепили тросы сложными узлами два одинаковых парня: очень ушастые, ушастее, чем Цвик, гладкие, ярко-рыжие, блестящие, с белыми полосками, шевелюры заплетены в многие косички, в одинаковых распашонках-сетках. И они с мохматым выглядели, как из разных миров вообще.

Я перемахнул через борт корзины — к Цвику, который меня ждал. А рядом с Цвиком

стояла молодая женщина с ребёнком.

Это было так невероятно... я ведь уже подготовился морально к тому, что они сумчатые, а всё равно зрелище казалось невозможным. Потому что брюнеточка эта, шоколадная в леопардовую крапину, в травяном свитере в цветочек и вообще вся такая цветущая, с белой звёздочкой на лбу, выглядела, как сильно беременная. Но сверху её сумка немного расходилась, и из щели торчала крохотная любопытная головка.

Младенчика.

И тюпочка у него на носу шевелилась, и уши, ещё прозрачные, как лепесточки, шевелились, и глазёнки блестели. И он вытащил из сумки крохотную ладошечку и потянулся. А его мамаша рассмеялась и погладила его по головке кончиками пальцев — и даже я почувствовал, как запахло яблоком и ванилью.

Я подошёл и присел на корточки.

Младенчик с серьёзной рожицей потянул мне ладошку к носу — как взрослый. Я принялся, а младенчик сделал запах вроде варёной сгущёнки. А ещё отдавало котёнком. И младенчик на меня смотрел во все глаза.

— Гзи-ре — хен, — сказал я, и Цвик поправил:

— Нле-гзи, сон гиан ми.

— Ага, — сказал я, и мамаша-лицин оставила на мне молочный и карамельный запах.

Она не удивилась. Она знала. Знала, что мы прилетим — пришельцы, у которых на ладонях этих желёз нет, которые слов не понимают. Я подумал, что и в этой высотке, по виду — этажей на шесть, внизу, есть подвал, где живут муравьи. Кто-то туда спускался — и всё узнал по грибам.

Как-то тут новости идут через грибы.

— Диня, — окликнул Артик, — нас ждут.

И я пошёл вместе со всеми.

Дом внутри оказался абсолютно не таким, как я ожидал. Потому что ничего общего с нашей земной многоэтажкой.

Там, по-моему, даже этажей было не везде одинаково. И не то что лестница, лестничные площадки, квартиры: там как-то очень заморочечно было устроено.

Сразу под посадочной площадкой для воздушных шаров был сделан громадный балкон, или, вернее, открытая веранда. Застеклённая — такие здоровенные стеклянные кубы, как аквариумы. И в этих аквариумах реально была вода, а в воде — тёмно-зелёные водоросли. Полно водорослей, как в густом супе, больше водорослей, чем воды. Вдоль аквариумов — дорожка; из-за аквариумов то и дело кто-нибудь выходил на эту дорожку, чтобы на нас посмотреть. По дорожке мы вышли на лестницу вниз, мимо ниш с тыквами-фонарями, мимо цветов, которые целыми букетами цвели прямо на стенах, мимо коридоров во мху, мимо ещё каких-то закоулков, занавешенных зелёным.

Там, в закоулках, в каких-то сумеречных залах за матовыми стёклами, что-то жужжало, хрустело, поскрипывало, будто там жили мухи или сверчки — или какие-нибудь механизмы работали.

У меня за спиной Артик пробормотал: «Ну, правильно». Витя спросил:

— Что правильно-то? — а Артик ответил тихо:

— Дежавю. Эти бассейны. Дальше будут бассейны, где живут водоросли, не любящие света.

— Нафига? — удивился Серёга, но мы прошли два лестничных марша и попали в галерею без окон, слабо освещённую чем-то мутным на потолке. С двух сторон от нас тянулись аквариумы в два ряда: по правую руку — с водорослями какого-то пурпурного или вишнёвого цвета, насколько можно было разглядеть, по левую — с тёмно-коричневыми водорослями. Почти чёрными. Витя озирался и шептал: «Что это за хрень?» — вид у него был какой-то растерянный, но Артик приободрился, встряхнулся и улыбался. Мне показалось, что он понял что-то, до чего ещё никто из нас не дошёл.

Когда мы все спускались на первый этаж, жужжание и скрип почти что смолкли, зато мы слышали то ли кваканье, то ли мяуканье котят, громкое и частое.

— Цвик, — окликнул я, — Это что?

Цвик ко мне повернулся. Он улыбался, и глаза у него в полумраке блестели весело.

— Ндалино! — крикнул он, и от его крика лицин тоже начали улыбаться, а те, кто квакал, примолкли.

А прямо передо мной разошлась стена. Вид такой, будто она была не сплошная, а из каких-то мягких волокон — но, наверное, тут только дверной проём был так устроен. Между волокнами проскользнула маленькая женщина или девушка, золотисто-беленькая, курчавая, пушистая, как собачка-болонка. Она весело обнюхалась с Цвиком — а потом со мной. От неё пахло опилками, сырой землёй, резаной травой — но она тут же спохватилась и сделала цветочный запах, вроде жасмина.

Сперва она спросила что-то у меня, потом — у ребят, но никто не мог ничего понять. Тогда они с Цвиком попросили мохнатого Гларми, получили его согласие, взяли нас за руки и потащили в эту псевдодверь.

А за ней оказалась обширная, ярко освещённая солнцем веранда. И по этой веранде, по слою мха цвета сухой травы, бродило множество очень странных существ.

Таких странных, что мы все остановились, как вкопанные.

Ходили эти создания на двух ногах, у них было по две коротеньких ручки — или это были вырожденные крылышки, без перьев, как у ощипанной курицы. Общий вид — как игрушечные тираннозаврики резиновые, только морды у них были не тупые и зубастые, а длинные — и кончались клювом. А всю тушку каждого такого тираннозаврика покрывала чешуя, то серая, то коричневая в разводах, то песочного цвета, то белёсая в мелкую бурую полосочку.

А ростом они... самый большой достал бы мне головой до колена.

Некоторые из этих существ ели что-то из корытцев, тянущихся вдоль стен. Некоторые почёсывали себя клювом подмышками. Некоторые рылись во мху, будто хотели что-то там разыскать. И квакали-мяукали именно они.

— Вот бляха... — протянул Серёга непонятно, то ли восхищённо, то ли с порицанием.

— Птичник, — утвердительно сообщил Артик.

— Вот эти? — тут же спросил Витя. — Думаешь?

— Не сомневаюсь, — Артик кивнул и снова кивнул. — Диня, ты можешь спросить... спросить у кого-нибудь из местных?

Почему нет?

— Яйца? — спросил я у Цвика и показал пальцами яйцо — в воздухе овал нарисовал. Весь окружающий народ это очень развеселило и самого Цвика тоже. — Яйца, да? — спросил я.

— Аица, аица, — хихикнул Цвик и тоже показал пальцами. Раза в три побольше.

Тираннозаврики неслись, как небольшие страусы, если он не преувеличивал.

— Ну вот, джентльмены, — удовлетворённо сказал Артик, — теперь я без тени сомнения могу определить, что это за место.

— Ну и что? — спросил Витя.

— Фабрика-кухня, — сообщил Артик с еле заметной усмешкой. — Забавно устроено. Мне кажется, причал для воздушных шаров на этой крыше — неспроста. Гостям показывают, насколько тут всё великолепно с удовольствием.

— С тиной? — сморщился Серёга.

Артик хотел развить мысль, но нас пригласили идти дальше — и мы вышли из дома наружу.

На улицу.

Дома оказались не очень высокие, этажа в три — скорей, коттеджи; высотка с фабрикой-кухней над ними возвышалась. Пространство между домами было вымощено литопсами, как какой-то стильной плиткой. Цветными: где ярко-зелёными, где сизыми, где серыми в крапинку, а где — почти голубоватыми, с морозцем, как голубые ели. Стены домов, до нижних окон, почти сплошь покрывали цветы самых удивительных форм, всех цветов — чистый ботанический сад. А как получились сами дома — похоже на дом, где нас встретили в лесу — я так и не понял. Вид такой, будто выросли.

Вообще, на что был похож этот посёлок, так это на видоизменившийся лес. Вот какой-то чародей заклинание сказал, палочкой махнул — и деревья стали сплетаться между собой стволами и ветвями, образовали стены, все отверстия затянул мох, а внутри проложился этот лицинский невозможный водопровод — лианы, которые тянут воду прямо из земли. Стены поросли цветами, окна — вьюнком, который вместо штор, а литопсы выровняли почву и превратили поляну в мощёный двор — ходить удобно, пружинит. А вся живность, какая жила в лесу, так тут и осталась.

В стенах домов жили и чирикали крохотные птеродактили и ещё какие-то зверушки, вроде белок — было заметно, как они там мельтешат между цветов. Между окнами первых этажей виднелись такие округлые вздутия цвета старого картона, типа осиных гнёзд — и там точно жили осы. Дорогу нам перешла такая же руконожка, как мы уже видали, только без детёнышей. И лицин, невероятно красочные, взрослые и дети, занятые какими-то таинственными делами, бросали дела, чтобы посмотреть на нас, понюхать и оставить след своего запаха — обычно сладкого.

Только тут я понял, насколько, на самом деле, лицин разные.

Мы, например, встретили нескольких таких, как Гларми — очень мохнатых, с маленькими ушками. Среди них даже была одна девушка. Отличались от обычных они сильно — если сравнивать с землянами, то прямо как негры от европейцев, сразу видно, что какая-то другая раса, но им явно никто в нос этим не колол.

С другой стороны, из маленького домика вышел тёмно-серый парень — я бы сказал, плешивый. Не стриженный, а видно, что шерсть почти не росла. Её заменял какой-то плюш или бархат, мелкий-мелкий, а вокруг носа и губ остались коротенькие скрученные усики. На веках, на руках у запястий, на груди даже виднелась немного шершавая тёмная кожа. Зато на голове у него волосы вились крупными кольцами, и сзади грива спускалась до самых бёдер, а уши казались просто громадными, этакие здоровенные локаторы, с кисточками на концах. И непонятно, то ли тоже другой народ, то ли болезнь какая-нибудь, или мутация, или что. Из-

за того, что шерсть на нём росла условная, через длинную рубашку-сетку сходу замечалось, что сумка у этого парня — прямо как у девушки, и не пустая. То есть у него в сумке, скорее всего, тоже жили осы, как у Нгилана и Гданга.

А я уже успел сообразить, что осы — это тут признак специалиста, который делает сложные вещи с осиной помощью.

Вообще вид у здешних был очень непринуждённый и посвободнее, чем в лесу. Некоторые, скажем, явно красились: волосы разноцветными прядями, а у некоторых — на теле выстриженные узоры, шёрстка разной длины, как шерстяная татуировка. Причём парни тут не отставали от девушек: если не вглядываться, то и непонятно, кто есть кто. Единственная разница — парни, вроде, не носили цветов. А так — всё: и бусы, и браслеты, и уши у многих были проколоты то серёжками, то какими-то более сложными штуками, и волосы выкрашенные, косы, хвосты, сетки из узелков, из бантиков и из всяких блестящих побрякушек.

На нас они глазели с любопытством, но без ажиотажа. И ни один не казался враждебно настроенным. Все дружелюбные.

Мы прошли по проходу между домами, похожему на узенькую улочку, мимо площадки, на которой стояли на низеньких треножниках ульи — шарообразные, необычные, но я уверен, что ульи, потому что вокруг кружились пчёлы. Пока шли, я окончательно сообразил, почему сверху было совершенно не понять, где кончается лес и начинается жильё: из зелёных мохнатых стен домов кое-где росли форменные ветки, а крыши, кроме той, где устроена специальная посадочная площадка, и вовсе выглядели, как молодая поросль.

Улочка закончилась широкой площадью — и сразу становилось ясно, что это самая главная площадь в посёлке, а может, вообще какое-то особое, даже священное место.

Все разом, не сговариваясь, остановились — и мы, и лицин. А перед нами росло Дерево. С большой буквы.

Дерево было — всем деревьям Дерево. Выше всех домов и выше всех деревьев. Крона закрывала площадь, как шатёр или какой-нибудь громадный зонт. Кора этого дерева, очень нежного серебристо-серого цвета, по виду выглядела не грубой, шероховатой, но мягкой, как мятая замша, а листья были, как у нашего ясеня: каждый лист — несколько маленьких заострённых листочков на палочке.

А вокруг дерева сидели и лежали скульптуры лицин в полный рост, точные до невероятия, не меньше десяти, а скорее — больше. Я не понял, из чего их сделали: внешне материал напоминал желтовато-белёсый пластилин, но так только казалось. Наверняка эти скульптуры изваяли из чего-то очень прочного, вроде мрамора — просто из мрамора, наверное, адов труд вырезать волоски бровей и ресниц, пряди волос и шерсти, усы, кисточки на ушах и всё такое. Даже не верится, что такое возможно.

Но ожерелья, рубашки-сетки или шали на скульптурах были настоящие. Причём — новые. То есть, видимо, их то и дело меняли, если дождь или снег портили старые украшения. И руки, и ноги статуй были в множестве браслетиков, типа фенечек — то ли из крупного бисера, то ли из мелких бусин.

Всю эту красоту окружала лёгонькая ограда, высотой пониже человеческого роста, не сплошная, а с четырьмя проходами. Мне показалось, что ограда стеклянная, из матовых стеклянных трубочек толщиной в палец, выгнутых довольно причудливым образом — но это было не больше стекло, чем материал статуй — пластилин. Почему-то чувствовалось, что материал очень прочный, не по-стеклянному. И на всех изгибах и выступах этих трубочек

висели зацепленные петельками из кручёных ниток орешки в виде пупсиков. Точно такие же, как Серёга выловил из реки.

Серёга оказался прав: куклы или не куклы, но в этих орешках был какой-то смысл.

Их там висели тьмы, гроздьями. Некоторые — явно совсем старые, белёдые или почерневшие от дождей, надколотые; некоторые даже проросли: из трещин виднелись тонкие зеленоватые побеги. Но много и новых, гляцевых, как свежие жёлуди, украшенных бусинками или цветными полосками. Я подумал, что это должны быть подношения.

То ли духу Дерева, то ли статуям лицин, которые сидели вокруг.

— Святилище, — еле слышно сказал Артик, и никто не возразил — все примерно так и подумали.

Только мы не знали, что тут надо делать. Да и сделать ничего не могли: шапок, чтобы снять, у нас не было, а чтобы креститься, там, или чего-нибудь в этом роде — так лицин даже не дёрнулись, чтобы объяснить. Они и сами стояли и смотрели.

Я уже подумал, что, видимо, нам просто показывали своё священное место, но тут из-за Дерева вышла... ну, как это?

Наверное, процессия.

Главная в ней была медленная-медленная и очень старая лицинская старушка, которую сопровождали и придерживали под руки здешние тётки помоложе. За ними шли несколько молодых девочек. Но та, главная — она была просто очень старая, даже хотелось сказать «древняя». От времени ссохлась и побелела: и волосы, которых осталось не так чтобы уж очень много, и шерсть стали совсем седыми. Личико уменьшилось, заострилось, будто осунулось.

Только глаза у старушки были цепкие и живые, тёмные и влажные — и взгляд очень умный и внимательный. Живой, без всякой дряхлости. Добрый, но, почему-то, не такой уж и мягкий.

Чувствовалась в этом взгляде пронизательность и привычная властность. Будто возражать этой старушке никому и в голову не могло прийти.

И я понял, что за ней посылали, что ей хотелось на нас взглянуть именно под Деревом — и вообще, что нас привезли сюда на воздушном шаре именно для того, чтобы эта шерстяная бабушка могла на нас посмотреть под своим любимым Деревом, а не где-нибудь там.

— Матриарх, — прокомментировал Артик чуть слышно, и все опять промолчали, потому что, по-моему, согласились.

Между тем к бабушке подошёл Цвик — и я вдруг понял, что он напрягается и нервничает. Расслабился и заулыбался он, только когда бабуля-матриарх понюхала его в нос и оставила на нём клубничный запах. И я задумался как-то не очень весело.

Вспомнил один телесериал по Кингу. Там была такая Матушка Абагейл, наместник Бога. Если она уж говорила про кого-то, что в него вселился дьявол — значит, всё. Факт.

Меня осенило, что старенькая седенькая сумчатая бабуля тут — наместник местного бога в полный рост. И она может вот с такой чуточку рассеянной миной, пошевеливая ушками, сказать: «Внучки, а кого это вы ко мне притащили?» — и только нас тут и видели.

Вот Вите и КГБ...

Надо было срочно что-то делать — но никто из ребят даже не дёрнулся; похоже, про наместника бога всем разом пришло в голову. Тогда я вдохнул поглубже и сказал:

— Здравствуйте, бабушка.

Бабуля подняла беленькие мохнатые бровки и посмотрела на меня. И сделала сухонькой мартышечьей лапочкой очень интернациональный жест: вверх ладонью — и пальцами вперёд-назад.

«Иди сюда».

И я пошёл, хоть что-то очень распсиховался.

Будто меня какая-нибудь древняя королева подозвала.

Ясное дело, ей хотелось меня обнюхать. Бабушка доставала мне макушкой до груди, и пришлось очень здорово наклониться, чтобы она легко достала до носа — но, помимо носа, её интересовало и всё остальное. До сих пор меня так обнюхивал только Лангри: обнюхивание в духе заполнения анкеты на секретный завод.

Вдобавок, ей же мешала моя одежда. Она осторожно потрогала пальчиками — и посмотрела мне в лицо. И я тут же понял, что надо делать.

Это была чистая жесть, но лицин не понимают, что такое «стыдно» там, или «неловко». Им неловко не бывает — они очень легко и просто рассекают почти что нагишом. И я, наплевав, что тут кругом девушки, и дамы с детьми, и пожилые тётеньки, скинул с себя все шмотки.

Пусть нюхает.

Уши, правда, горели ужасно, но это уже не шло в счёт.

За моей спиной случилось какое-то шевеление, заминка. Я догадался, что Витя хотел меня одёрнуть, чего, мол, делаешь, салага — но Артик одёрнул его самого, а Серёга решил, что не надо лезть. Они все были молодцы, особенно Серёга, потому что я отлично знал: ему не лезть — в сто раз тяжелее, чем полезть.

Но мы за эти дни удивительно научились друг друга понимать без слов. Если и не по запаху, то по нашим человеческим сигналам — но тут уж каждому своё.

А бабушка поняла быстрее, чем я ожидал. Она не стала меня долго мучить. Быстренько вынюхала всё, что ей было интересно — и показала на моё тряпье, прикройся, мол. И улыбалась, невероятно мило.

Она была не злая и не думала, что в нас вселился дьявол. И поняла по запаху гораздо больше, чем можно себе представить — лицин же.

К тому же оказалась такая умная и тактичная, что не стала особо обнюхивать моих ребят. Скорее, для проформы — в нос, там, виски, ладони... Гладила нам руки и лицо — и запах от неё был неопределимый, какой-то немного смолистый, терпковатый, но не резкий, а... Не знаю, как сказать. Надо быть лицин, чтобы объяснить. Мне кажется, она что-то на нас написала или печать поставила: «Пригодно. Пусть пока живут». И это было страшно важно, потому что на этом церемония кончилась, и началось всё более обыкновенное.

Наша жизнь в этом посёлке.

Потом уже я узнал, что это не посёлок. Это усадьба. Усадьба Кэлдзи, а «Кэлдзи» — значит «Говорящие грибы». Вот такая вот хохма.

А бабулю звали Радзико Кэлдзи Дценг, Радзико Сумка Кэлдзи, общая матушка, старший предок.

Но это нам разъяснили уже потом.

После того, как государыня Радзико Кэлдзи Дценг выдала нам всем временную визу, мы храбро могли считать себя гостями семьи Кэлдзи. Правда, я не уверен, что почётными.

Зато могу гарантировать, что виза — временная. Хотя бы потому, что нам выделили отдельное помещение для жизни. Это однозначно говорило о том, что государыня не сочла нас потенциальными членами семьи — нас отделили от прочих, в частности — от женщин. Никаких вечерних оргий обнимашек, да... На секунду меня это огорчило — но, с другой стороны, я прекрасно понимаю, почему госпожа Радзико приняла именно такое решение.

Мы им чужды.

Как, в действительности, интересно складываются наши отношения с этой цивилизацией! Ведь лицин, работавшие в лесу, приняли нас так, что мы почти уверились: в нас смогут увидеть своих. Не иномирную диковинку, не материал для исследований, не опасный объект, а потенциальных товарищей и братьев по разуму. А матриарх, хозяйка, большуха — как бы это ещё назвать — поразмыслила и изменила положение дел. Жаль, хотя решение безусловно рациональное.

Зачем нам привыкать к братишкам-сестрёнкам Кэлдзи? Не надо нам к ним привыкать. Нам ведь предстоит их покинуть — зачем кому-то лишние печали? Всё логично...

Впрочем, обо всём этом мы узнали позже.

В самом начале настоящего контакта нам просто определили место — место гостей. Точка.

И государыня не возражала против нас в принципе, подозреваю, почти исключительно из-за самоотверженности Дини. А я очередной раз поразился его чутью на правильное поведение — и стандартно подумал, что сам бы не рискнул.

Всё-таки для человека ситуация чрезвычайно неловкая: при большом скоплении очень заинтересованной публики устроить этакий лихой стриптиз и позволить пожилой, крайне всеми уважаемой даме внимательнейшим образом обнюхать тебя с головы до ног, не исключая весьма интимных мест. А вокруг — хихикающие барышни.

Положение слегка смягчило лишь понимание, что барышни, покрытые шёрсткой, хихикают не над той обнажённостью, которую имел бы в виду землянин. Для них Динька был голый, как Маугли для волков был голый — не покрытый мехом. Что, разумеется, не может не веселить.

И ещё отлично, что веселит, а не раздражает и не вызывает отвращения.

Хотя, полагаю, отвращение, как и стыд — не те эмоции, которые распространены в лицинском просвещённом обществе.

Впрочем, всё это — лирика и отвлечённости. Факты же таковы: государыня Радзико дала нам аудиенцию, выдала благоухающие временные визы, с нами знакомились её младшие родственники, оставляя на нас автографы, всю ароматическую радугу, нам устроили шикарный завтрак с пирогами, и блинами, и сушёными грибами — а потом наш милый товарищ Цвик предложил нам следовать за ним. Туда, где нам жить надлежит.

А все прочие, по всей видимости, разошлись по своим делам. И моих товарищей-землян это, кажется, оскорбило.

— Я ни черта не могу понять, — говорил по дороге Виктор. — Вот на фигу нас сюда привезли? Показать бабке?

— Бабка, Витя, — сказал я, — очень важная особа. Ей нас показали, чтобы она приняла решение о том, что с нами делать. Она приняла. Теперь мы ждём.

— Сколько можно ждать хрен знает чего? — раздражённо вступил Калюжный.

— А ты уже заждался, Сергей? Мы общаемся с ними чуть больше суток.

— А он прав, — сказал Виктор. — Я вот понять не могу: к ним ведь инопланетяне прилетели, ёпт, не жук нагадил же! Ну что они не телятся? Одной бабке показали, другой бабке показали...

— А! Вот ты о чём, — я очень старался не раздражаться в ответ. — Где телевизионщики и прочие журналисты? Служба безопасности? Международные представители? Конференция у них в ООН, если у них есть? Как-то так?

— Ну да, — Виктор, похоже, даже не понял сарказма. — К ним не каждый день прилетают инопланетяне же...

— Витя, погоди, — сказал я уже серьёзно. — Скажи, с чего ты решил, что всё это будет?

— Им что, по фигу инопланетяне?! — возмутился Виктор, а Калюжный закивал согласно.

— Джентльмены, — сказал я, начиная закипать, — а не зажрались ли вы часом? Нас подобрали в лесу, подышающих от голода и неизвестных земной науке инфекций. Вылечили. Накормили. Приютили. Представили тем своим гражданам, которые тут наиболее уважаемы. Очевидно, собираются работать с нами дальше. Но вам мало. Вам хочется славы, интервью и софитов? Или тебе лично, Витя, хочется допроса на местной Лубянке?

Они оба замолчали и, по-моему, слегка устыдились.

— Вам совсем не интересно, что обо всём этом думают хозяева здешних мест? — спросил я. — Или у вас в головах не укладывается, что другой мир может быть и устроен по-другому? Что тут, быть может, нет ни ООН, ни Лубянки, ни журналистов? Что жители другого мира вправе вообще не знать, кто такие инопланетяне и как, по земным меркам, с ними принято общаться?

Виктор скинул обороты:

— Я не говорил, что не интересно. Ну да, они нам помогли, спасибо... Но что, и все?

Тут вступил Диня:

— Мужики, вы не торопитесь, — сказал он с примирительной улыбкой. — Просто лицин — они не спешат. У них порядок такой — не спешить. Это мы, люди — торопыги...

— Похоже, — согласился я.

Цвик, остановившись у входа в один из жилых, по всей вероятности, домов, развернул к нам ладони, создал запах, напоминающий аромат сандала, и приглашающе мотнул головой. Он тоже улыбался, и мелкая шерстка топорщилась в ямочках на его щеках.

Мы вошли за ним и моментально поняли: вот оно, жилище лицин — а то сооружение в лесу предназначено не столько для проживания, сколько для работы.

Дом изнутри выглядел корзиной с цветами.

Цветочных горшков лицин не признавали в принципе и не нуждались в них: цветы всевозможных видов росли прямо на стенах, каскадами спускались вдоль лестниц, гирляндами обрамляли потолки. Но при всём изобилии форм и цвета местные комнатные растения почти не пахли: видимо, запах цветов не должен был перебивать ароматических бесед хозяев дома.

Цвик показал нам спальню. Я ожидал увидеть пустую комнату, но у стены, в нише, заросшей мхом, мелким, как плющ, лежали аккуратно свёрнутые в валики спальные мешки

из очень толстой, мягкой и рыхлой ткани — если, конечно, можно назвать тканью их странный материал. На мешках возвышалась целая стопка подушек.

Назначение спальни не вызывало сомнений, но для чего использовались остальные помещения небольшого коттеджа, понять было не так легко. Спальня начинала анфиладу комнат — и комната, соседняя с ней, нас удивила и озадачила.

В этой просторной комнате, выходящей широкими окнами на солнечную сторону, цветы свешивались с потолка этакой пышной барочной люстрой. Ветки, растущие из стен, как кронштейны, держали стеклянные полки, образуя стеллажи. Стеллажи предназначались для хранения артефактов, чьё назначение мы не могли объяснить с первого взгляда.

Стеллаж, затенённый бахромой побегов, спускающихся с потолка, был заполнен коробками или шкатулками самых разнообразных размеров и расцветок. Некоторые украшали тиснёный орнамент или нечто вроде инкрустации из тонких блестящих нитей. Виктор взял одну такую шкатулку — и она легко открылась в его руках.

Мы почувствовали лёгкий странный запах. Внутри шкатулки обнаружился желтоватые прямоугольные листы, похожие на пенопласт — из такого делают мягкие пазлы для малышей. Каждый лист испещряли столбцы иероглифов.

— Книжка! — восхитился Диня. — Библиотека!

— А чего все страницы отдельно? — Калюжный вынул один лист, перевернул. — Как китайцы пишут...

Цвик деликатно потянул страницу у него из рук. Калюжный как будто удивился, но отдал. Цвик согнул большой палец и сгибом нажал на иероглиф вверху страницы. Запахло сильно и знакомо, чем-то вроде влажной, свежевскопанной земли. Цвик убрал запах прикосновением ладони и нажал рядом, вызвав неожиданно резкий дух мокрой звериной шерсти.

— Охренеть, — пробормотал Виктор. — Типа книжка с картинками, только с запахом, да?

— Возможно, это и не иллюстрации, — сказал я. — Может, так они передают оттенки смысла.

— Забавно, — ухмыльнулся Виктор. — Воняет псиной... то есть, написано типа «собака», а по запаху они уже разбираются, овчарка или болонка, так, что ли?

— Прикол! — неожиданно восхитился Калюжный. Когда на него накатывало понимание, удивление или восхищение, его туповатая физиономия высвечивалась изнутри чем-то трогательно детским, становясь неожиданно обаятельной. — А ещё?

— Хорошего помаленьку, — строго сказал Виктор и закрыл книгу. — Каждый неграмотный будет лапать — быстренько всё выветрится. Сперва научимся читать, а потом уже будем хвататься.

В это время Диня разбирал мелкие вещицы на стеллаже напротив.

— Артик, — окликнул он меня, — иди сюда, посмотри. Вот так растут страницы.

Он ткнул пальцем в нарост на стене между полками. Этаким слоистый древесный гриб, диаметром с суповую тарелку.

— Туалетная бумага у них в сортире так растёт! — хохотнул Калюжный.

Я ещё не пользовался их туалетной бумагой, но Виктор был в курсе дела:

— Не такая. Там слои отделяются тоненькие, как бы сразу мятые, а тут — вон! Как картон для коробок, только мягкая.

— Для книжек ведь, да, Цвик? — спросил Диня. — Гзи-ре?

Цвик мило улыбнулся и открыл широкую плоскую коробку в неглубокой выемке на средней полке. Мне показалось, что письменный прибор напоминает тот, каким пользовались китайские чиновники: явная тушечница, несколько очиненных стерженьков, пара стеклянных ножей со скошенным лезвием — как ножи для декупажа...

— Похоже, ты прав, Диня, — сказал я. — Этим ножом страницу обрезают, потом наносят на неё иероглифы тушью, а после — запах... А может, и сперва ароматизируют, чтобы не размазать написанное.

— Интересно бы почитать, — задумчиво сказал Виктор. — Жаль, мы неграмотные и научиться шансов нет.

— Может, и есть, — заметил Диня.

Виктор вздохнул.

— И говорить-то ни хрена не выходит...

Следующая за библиотекой комната, в которой, похоже, располагалась мастерская, не произвела на наших орлов должного впечатления. Резцы, куски дерева, разноцветные, в прекрасных разводах, и начатые фигурки на стеллажах и низеньком столе осмотрели бегло — ну, безделушки и безделушки. Недовязанную шаль, лежащую в сплетёной из золотистых прутьев корзине вместе с клубками ниток и кручёных шнуров, и вовсе обозвали «бабским рукоделием». К тому же разряду «девчачьей забавы» отнесли и прозрачные сосуды с бисером, бусинами и ещё какими-то мелкими пёстрыми вещичками.

— Кружок «Умелые руки», — хмыкнул Калюжный презрительно.

Виктор, кажется, молча согласился, Диня обиделся — но только на тон.

А мне пришло в голову, что при изобилии всевозможных незаконченных шуток, которые местные жители делали тут своими руками — тут были и резные фигурки местных животных, и посуда из чего-то вроде терракоты, и стеклянные ножи с наборными ручками, и вязаные шали — нам не попалось ни одной паршивенькой картинки. Ни на стенах, ни в книгах, ни на предметах быта — ни малейшей попытки украсить вещь росписью, не говоря уж о живописи как о самоцели.

Из всех изображений на плоскости — только иероглифы и геометрические орнаменты.

Не означает ли это, что портретной живописи и даже рисунка наши друзья-лицин просто не знают?

Вот удивительно...

Цвик позвал нас в кухню на первый этаж: «дгон» — еда, все уже усвоили; легко предположить, что «лзир-дгон» — место для приготовления пищи. Но ниже типовой здешней кухни, сплошь покрытой стеклообразной субстанцией, видимо, предохраняющей от перегрева живые стены дома, было нечто, значительно более интересное.

Кэлдзи. Вернее, «кэл-дзи» — грибной коммутатор.

Он располагался в круглом зале без окон. Его освещали цветы — собственно, это освещение, таинственно зеленоватое, меня и привлекло.

Цветы росли на потолке. Сами цветки напоминали формой граммофончики петунии или ипомеи — и каждый светился зеленоватым светом радиоактивного циферблата.

Более того: стоило нам войти в комнату, как свечение цветов заметно усилилось. В их зелёном атомном сиянии мы увидели горб или холм посреди круглого зала — и этот холм состоял из бледных нитей грибницы, сверху — тонких, как обнажённые нервы, постепенно толстевших внизу. Под мох, покрывающий пол, уходили нити грибницы толщиной с палец,

не меньше.

В грибнице возились муравьи. Они сновали между нитями, как в муравейнике, с обычной даже для наших земных муравьёв деловитостью — но мне вдруг померещилось, что именно они и есть главные операторы этой невероятной системы.

— Ни фиги се... — пробормотал Диня. — А в лесу другое было. Цвик, а это как?

Цвик скорчил мину, какая бывает у весёлого и продвинутого юнца, который демонстрирует отсталому деду из деревни Малые Дубки работу сложного гаджета — чуть-чуть снисходительная и страшно самодовольная. Он подошёл к грибнице и протянул к ней руку.

Я заметил, что Цвик только чуть-чуть касается её кончиками пальцев — но на пальцы тут же набежали муравьи, облепившие ладонь нашего пушистого приятеля, как шевелящаяся чёрная перчатка.

Видимо, муравьи что-то и сделали. Спустя несколько мгновений — по-моему, и минуты не прошло — в комнате вдруг тонко и явственно запахло тёплым молоком. Запах сгустился, стал слаще — и странным образом превратился в сильный дух унавоженного поля. Навозную вонь перебили и уничтожили запахи какого-то масла, дыма — и, неожиданно, то ли мазута, то ли бензина...

— Слушайте, мужики, — прошептал Диня, будто боялся заглушить запахи голосом, — а в лесу было совсем не так. Там муравьи приносили грибы, надо было гриб разломить и понюхать, а вот так, на всю комнату, не пахло...

Цвик непонятным образом, не шевеля пальцами, согнал муравьёв с руки — и запахи из грибницы как отрезало.

И тут громко, восхищённо заржал Калюжный.

— Ёлки! — ревел он, хлопая себя по коленям. — Это ж приёмник! Это ж радио, ёлки! Ты поэт, да?!

— Ты, Калюжный, совсем рехнулся, да? — спросил Виктор озабоченно и тревожно.

Я думал почти то же самое.

Но Калюжный тряс головой, махал руками и пытался найти слова, чтобы объяснить слишком сложную для самого себя мысль.

— Ка-азлы, ёлки! Чё, не дошло, нет?! Ну, ка-азлы! Радио! Цвик врубил — и все слушают, ну, нюхают, на хрен! А там, в лесу — там телефон!

Тут меня осенило.

— Сергей, ты молодец! — вырвалось у меня. — Ты отлично мыслишь. Ты хочешь сказать, что здесь мы видим, то есть, обоняем нечто вроде общего вещания? А там информация шла приватно, в своего рода запечатанных пакетах?

— Ой, да! — сообразил и подтвердил Диня. — Точно.

— Я хренею с вас, пацаны, — качая головой, сказал Виктор. — Радио... Серёга как ляпнет...

— Радио — это фигурально, — сказал я. — Можно было бы обозвать это аромавизором или теленюхлером каким-нибудь. Важно, что это — средство для массовых коммуникаций, общего вещания.

— Тёма дело говорит, — ухмыльнулся Калюжный.

Цвик слушал нас — и улыбался, будто догадался о нашей догадливости. Калюжный от избытка чувств хлопнул его по спине. Цвик сделал шаг вперёд, чтобы не упасть, взглянул на него удивлённо — но тут же сообразил, что Калюжный не хочет ничего дурного.

Сторожевой паук Цвика высунул лапы из его волос, но Цвик жестом отослал его обратно — и врезал по спине Калюжного со всей дури, с широченной понимающей улыбкой.

Сергей разулыбался вовсю, будто ему сделали изысканный комплимент — и понюхал пальцы Цвика, протянутые к его носу.

И тогда я подумал, что контакт, пожалуй, кое-как идёт. И даже Калюжный постепенно начал кое-что понимать.

На самом деле, привыкать я начал только тут. У Кэлдзи в доме.

Тёмка это называет «усадыба».

А всё почему? А потому, что чебурашки, в смысле — лицин, нам отвели жильё и дали момент подумать. Всё, безопасно, не сдохнешь, думай спокойно — как-то так. И кто как, а я думал.

Я, в общем, перестал напрягаться.

Всё. Никуда мы из ихнего мирка, Марс он там или нет, не денемся. Навсегда застряли. Почему-то, именно тут я до конца усёк: навсегда. Хоть ты трещи крыльями, хоть нет, хоть ори, хоть башкой о стенку бейся — всё, ёлки. Приплыли.

Не на что надеяться.

И почему-то это меня очень успокоило.

Смешно даже. Надо было бы, вроде, наоборот — начать психовать. А у меня в голове будто кто сказал: «Серый, ша. Расслабься», — я и расслабился. Начал вокруг смотреть, не как на экскурсии какой-нибудь, а — будто мы в новый дом переехали. По-хозяйски, что ли. Спокойно.

Просто признал, что жить теперь с чебурашками. Ну да, с ними. Никаких женщин, потому что их тут нет. А какой из этого следует вывод?

А такой, что придётся, может, даже жениться на чебурашке. А куда ты денешься! Вот Тёмка вышел умнее нас всех: пока народ метусился и что-то там переживал, Тёмка просто тискался с шерстяными девками, как у них тут положено. Нормально, да? Если ему припрёт, он закадрит шерстяную, как нефиг делать. А других баб нет — все наши остальные, придурки, так и останутся при снах и дрочилове.

Сейчас ещё никто не понял. Кроме Тёмки, он ужасно ушлый и умеет договориться жестами с любым бабьём, гнида питерская. А мы тут думаем про сиськи, блин, про сумки, шерсть там... Ну-ну.

Через годик любой будет готов на что угодно. А чебурашки нам припомнят... ну, мне уж точно припомнят, если себя в руки не взять.

Сначала кажется — всё, ужас-кошмар... А как поразмыслишь... Другие, вон, когда попадут куда-нибудь в место, где не ступала нога человека — и коз дерут, и что похуже. Куда денешься.

Вот и выходит, что надо с аборигенами общаться, иначе нифига не выживешь.

И я что ещё думаю: ведь могло быть и хуже, ёлки. Ну шерстяные, ну сумчатые. Но по сути-то — такие же люди: руки, ноги, голова... глаза там, нос... А бывает, как в кино: жабы разумные, тараканы... Чужие — из одной пасти другая высовывается, а из той — третья. С кислотой вместо крови, ёлки.

Нет, могло быть гораздо хуже, вот что я скажу.

А раз дело такое, надо присматриваться. Перестать кипишить и присматриваться.

Вот взять Цвика... ну чего, неплохой же парень, в сущности. Спокойный, простой. Не выпендривается, ёлки. С Динькой подружился. Всё объясняет, всё показывает. Ну чего, с нами — по-хорошему, так и мы — по-хорошему.

Или Тёмкина подружка, рыженькая. Ведь из леса приехала прямо на следующий день. Не просто так, ёлки, а тусить. Так-то к нам взрослые тётки приходили, еду приносили —

блины, всякое разное в баночках и эти ихние чипсы, которые лучше наших чипсов по вкусу — а тут она пришла, рыженькая. И сперва к Тёмке ласкалась, как кошка, блин, а он её гладил.

Угар, если влюбилась. Даже Витя сказал: «Привадила ты её, Артик, не иначе», — Тёмка правда, огрызнулся, но — чего там, всем всё ясно.

Понимаю, что удачно по здешним местам — но хохма же, ёлки!

Правда, жить в этом домике не осталась, только забегает. Домик — для мужиков, чётко. Я так понял, что для всякой пришедшей публики, для гостей или как-то так.

Двухэтажный. На первом этаже — кухня и грибное радио. Называется «кэл-дзи», и семейство у них — Кэлдзи. Занятная, надо сказать, фамилия. Как у русского была бы — Радиоприёмников.

Жалко, мы тут ничего понять не можем, потому что по грибному радио передают только запах. Разве что — Цвик бы мог переводить, но тут надо больше слов, чем мы знаем.

На втором этаже — спальня, библиотека и типа мастерской. Дом освещается цветами. Очень, кстати, отличное освещение — и на плате за электричество они экономят, кстати. Днём — цветы как цветы, начинают светиться, когда темнеет. Где радио — там зелёным светятся, в спальне — тускло, розовым, а в библиотеке и в мастерской — почти белый свет. Яркий. Вернее, как: пока в комнате пусто, светятся слабо, а войдёшь — прямо сияют. Как лампочки.

Я же думал, что они электрические, дурак. Мы с Витей это перетёрли, решили, что надо слазать поглядеть. Но в доме-то — ни одной табуретки, ёлки! И стремянок нет. А потолки высокие, не достать рукой. Только в библиотеке эти цветы свисают пониже. Люстрой.

Вот в библиотеке я и решил вывернуть один, поглядеть, какая там у них система. Только взялся рукой, а он — пук! — и оторвался от стебелька. Никаких проводов, цветов — и цветков. И на ощупь — цветок, как все, влажный такой, смялся в руке. Как он светится, как узнаёт, когда ему ярче, а когда тусклее — мы так и не поняли.

Тёма говорит:

— Это направленная мутация. ГМО, как ты это называешь. Видимо, фонарики-тыквы у них используются там, где нельзя постоянно присматривать и ухаживать за светильниками. А может, такие цветы — симбионты дома. Ведь дом — тоже продукт генной инженерии. Или селекции, не знаю.

— Так чего, — говорю, — мы тут прям в ГМО будем жить, что ли?

Лыбится, урод.

— Попробуй понять, — говорит, — ничего в этом страшного нет. В сущности, когда на дикую яблоню прививают черенок культурной — это тоже модификация. Люди это делали с глубокой древности, и никто, заметь, от модифицированных яблок не умер.

Всё у него так легко выходит, главное дело! Я фигаю с него.

Но тут ему Витёк сказал:

— Ну ты жопу-то с пальцем не равняй, вообще-то! То яблоко модифицируют с яблоком, а то — курицу с апельсином. А людям — жрать.

А Тёмка ещё больше ржёт. Ну как это назвать!

— Виктор, — говорит, — а что тебя смущает? У человека с бананом больше половины генов — общие, без помощи генетиков, от природы. Уверен, что и у курицы с апельсином общего немало. А почему тебя смущает, что людям — жрать? Ну, представь, что ты кусок курятины съел и долькой апельсина закусил. Думаешь, у тебя в желудке курица с

апельсином разложатся по разным ящичкам?

Витёк, вроде, немного растерялся, не знает, что сказать. А Динька, дурень, хихикает. Ну, меня-то не собьёшь так просто!

— Я, — говорю, — по телику видел, что одна девка жрала таблетки с кактусным ГМО и вся иголками поросла. А ты говоришь!

А он ржёт, ёлки, прям до слёз.

— Сергей, — говорит, — светоч научной мысли, скажи, ты когда-нибудь курятину ел? А почему не покрылся перьями и не кудахчешь до сих пор?

— Да пошёл ты на хрен! — говорю. — Сдурел, блин, совсем.

А он только ржёт, хоть бы хны.

— Нет, — говорит, а сам просто смотреть на меня не может спокойно, так ему смешно, идиоту. — Нет, ты мне объясни, чем курица так принципиально отличается от кактуса?

— Как — чем?! — говорю. Уже, ясно, завожусь слегка, ёлки. — Да всем!

— Ладно, — говорит. — А текилу пил?

— При чём тут? — спрашиваю. — Ну — пил, раза три. Угощали. А чего?

А этот козёл скорчил сочувственную морду и говорит:

— А знаешь, что текилу из кактусов гонят? Удивительно, что ты, интеллигент, иголками не порос.

Теперь уже и Витёк с Динькой ржут, гады. И Тёмка лыбится, да так ядовито, главное дело, сучёнок.

— А те были не ГМО, — говорю.

Сделал бровки домиком:

— А кто тебе сказал? Ты сертификат читал? — и опять морда расплывается.

— Козлина ты, — говорю. — Я с тобой, как с человеком, а ты — как падла...

Вижу, ему ржать очень хочется, но он как-то взял себя в руки.

— Сергей, — говорит, — не бесись. Просто — по телику врут. И про ГМО — врут напропалую: почти всё, что в газетах и по телевизору — враньё, причём очень глупое и смешное. А специальных книг ты не читал, поэтому и веришь. Повторяешь за дураками глупости...

— А ты читал, — говорю. Ещё злюсь. — Читатель хренов.

Он вздохнул — и только.

— Объяснять — долго, — говорит. — Да ты, наверное, и слушать не захочешь. А это жаль. Видишь ли, за время нашего пребывания в этом мире я успел убедиться, что ты вовсе не дурак. Если ты начинаешь думать — додумываешься до замечательных вещей. Мне искренне жаль, что ты удивительно редко это делаешь.

Витёк скривился и говорит:

— О! Опять они воркуют, наши голубки! Вы уже достали, в натуре, срать постоянно! Брэк уже!

И тут меня что-то дёрнуло.

— А мы и не срёмся, — говорю. — Мы перетираем за жизнь, что к чему. А не нравится — не слушай.

Тёмка на меня смотрел — и я ему сказал:

— Я могу чаще. Как нефиг.

А у него даже эта улыбочка, блин, педрильская с морды пропала.

— Отлично, — говорит. — Надеюсь. И уверен, что тебе надо делать то, что у тебя

хорошо получается: смотреть вокруг и делать выводы. Если сумеешь повторить своё озарение с запаховым радио — мне останется только восхититься.

Под конец, натурально, не удержался, ёлки, и снова оскалился. Ну что ты будешь с таким делать...

Но, если это отместить, то, в общем, дело сказал.

А раз это дело, я решил, что — да, надо оглядеться, чего там. Повнимательней.

Чего мне в этом доме никак не покатило, так это — что всяких тараканов везде навалом. Раздражает, а давить, вроде, неловко. Все говорят: специальные. Так надо. Тьфу, пропасть.

Нет, есть занятные. Как Цвиков паук. Вот — кайф, даже завидно.

Я ему говорю, Цвику:

— Дай зверя подержать, — и показываю, а он лыбится, руки мои отодвигает. Не хочет.

— Да ладно, — говорю. — Дай подержать чуток. Может, не укусит. Ядовитый?

А Цвик «укусит», по-моему, догадался, а «ядовитый» не догадался. Но, в общем, согласился. И все собрались смотреть, даже Динька.

Цвик меня за руку взял и своими пальцами мне натёр посредине. Самую ладошку. Запах оставил, чтоб паучина не мандражил. А потом мне пальцы выпрямил, ладонь вытянул — и чирикает что-то. «Держи так», наверное. Или, там, «не дёргай». Не спугни, мол.

Лады. Держу.

Он тогда паука из своей гривы достал и чуть ли не поцеловал его в рыло, ей-богу! Прямо «ми-ми-ми» — поднёс к самому носу или ко рту. Может, сказал чего неслышно или подул — хрен знает. И протянул зверя ко мне.

А паук поглядел, делово так, как и не паук, как, прямо, собачонка какая — и пошёл ко мне на руку.

Я чуть кучу кирпичей не отложил, ёлки! Главное дело, он так осмысленно чапал! Насекомая — она же безмозглая, глупая. Не полагается ей так осмысленно.

А он ещё, охренеть — остановился прям и лапой меня потрогал. Будто что понимает. Только что на Цвика не обернулся.

Я как к полу прирос. А паук перешёл, не торопясь, лёгонький такой, мохнатый — и давай трогать меня за руку. Сперва лапой, а потом — вот этими, под глазами. Уссаться, ёлки! Потому что — ну чего, я не видал пауков? Не ведут они себя так.

Изучал он меня. Вдумчиво так, тля, изучал, внимательно.

Жуть, в общем.

Цвик на меня посмотрел — и забрал зверюгу. По морде мне мазнул чего-то, вроде мятного. Я не понял, то ли, мол, держись, а то ли — что я слабоват в коленках оказался.

Но Динька на меня смотрел, как на я не знаю что. Как на супермена какого-то. Сам — бледный, аж зеленоватый.

— Ты, — говорит, — крутой, я бы так ни в жизни не смог.

Не, мне нравятся пауки. Только этот что-то...

Витёк говорит:

— Псих и не лечишься. Кусанул бы — и поминай, как звали.

А Тёмка:

— Нет, не укусил бы. Цвик его контролирует. Ты же видел — он принял меры для того, чтобы Сергею ничего не угрожало, — и поворачивается ко мне. — Эксперимент смелый. А

вывод?

И лыбится, в натуре.

— Чё вывод?! — говорю. — Оно — не паук. В смысле — не совсем. Получился вывод?

Витёк сразу прям вскинулся:

— Искусственный? — говорит. — Нанотехнологии?

А Тёмка:

— Почему думаешь, что он — не паук?

И Цвик глядит с интересом.

— Нет, — говорю, — по-моему, настоящий. Не нано-это-самое. Но не паучиный какой-то, ёлки. Чё, мужики, нормальная насекомая думает, что ли? А этот...

Тёмка на паука посмотрел, а паук — из Цвиковых рук — на него. И Тёмка говорит:

— Может, это иллюзия? Хотя... любопытно он себя ведёт.

Витя только головой помотал, типа не согласен. У него прямо бзик, ёлки: думает, что тут все букахи — сплошные нанотехнологии. А — нет, они тут ГМО.

Уродились живыми. Только ненормальные.

Тут всё такое. Радио-гриб — ГМО, зуб даю, вместе с муравьями. Светящиеся цветы — а красиво вечером, ёлки! Чистый Париж, как тут все горит, только не реклама, а цветы. На улице везде светятся, как фонари прямо, хоть газету читай. И плитка, по которой идти, тоже светится. Дверные проёмы светятся. А уж сами ихние домики так светятся, что — как такие домики глиняные со свечками внутри. ГМО же, ёлки, сто процентов!

Опять же, сад.

Сад — он за посёлком. Мы думали, там лес, а нас Цвик показывать повёл. Анекдот такой есть, про Мичурина, у которого всё мичуринское, ёлки, так он на берёзу за укропом лазал — и его арбузом убило. Я к чему — вот и тут всё мичуринское, только ещё злее.

Сад здоровенный, но деревья, не сказать, что высокие. Чебурашке рукой достать — вот такие. Но широкие, ёлки. Зонтики. И на них — дофигища плодов.

И вот эти плоды — они прямо на двести уже процентов ГМО. Тут даже Тёмке было нечего сказать, а остальные просто расстегнули варежки.

Деревья — все усыпаны. Но плоды — везде разные. На одном дереве — несколько сортов, ёлки! Ветка жёлтых, ветка красных, ветка синих — рядами. Цвик сорвал каждого по штучке — разные же, разные вообще! В жёлтом — две косточки, мелких, сам — типа яблока, с кислинкой. В красном — одна косточка, волосатая, как в персике, а по вкусу похоже на арбуз. А в синем — до фи́га мелких косточек, просто набито. Как в инжире.

Не ГМО, можно подумать! Да форменное, блин!

Но это ладно ещё.

Там целый ряд деревьев, а на них тесто растёт. Вот это — как?

Главное дело, орехи — и орехи. Крупные, как кокосовые, а дерево — ни разу не пальма. Типа яблони. Уже ум за разум заходит. Но это ладно.

Цвик срывает орех, пальцем в дырочку — крак! — и раскрыл. Как коробку. А там — тесто.

По вкусу — как для пирогов, ёлки! Сахар, масло там, мука... один в один. Они нарвут орехов — и запекают. И печенье. Вот это — как, а?

Динька с Цвиком по этому саду бегали, как сумасшедшие — всё рвали и надкусывали. Там чебурашки ягоды собирали — так хихикали и Диньке совали всякое попробовать. Веселуха.

А мы втроём стояли с орехом для печенья в руках — в обалдении.

Витя говорит:

— Интересно, какой у них век?

А Тёмка:

— Боюсь, что мы не сможем сравнить их цивилизацию с нашей. Их биотехнологии — совершенны. Они делают с живыми организмами всё, что хотят. Но механика их, похоже, принципиально не интересует...

Витя:

— Да уж. Не наши люди.

А я стою и думаю: а зачем им? Тут у них — как совхоз: всё своё, может, и коровы где-то есть. В магазине, небось, покупают всего ничего — спички, там, бензин, насос для шара своего воздушного... Деревня, конечно. Но нефиговая такая деревня. С вывертом.

Я хотел догадаться, что это у них за выверт такой. Думал-думал, но никакого у меня озарения не вышло.

Я, оказывается, специально не могу.

Обидно, блин.

Я напрягался, да.

Всё думал: чего это они ждут? Ведь явно ждали.

Бабка Радзико им запретила к нам лезть, факт. Позволила только проверенным товарищам. Ну и вот: Цвик у нас постоянно ошивается, и ест, и спит с нами, Гзицино эта прилетела на следующий день, милуется с Разумовским, Нгилан прилетел с ней, нас осматривает и колет осами. И всё.

А остальным — не позволено.

Нет, они могут поулыбаться, запахом мазнуть по физии, жрать принести, но вот чтобы именно в контакт вступить — это нет. Хотя им явно любопытно до смерти.

И я всё думал: чего мы ждём? Что-то ж должно случиться, верно? Мы тут живём, едим-пьём, зачем-то же мы тут тусуемся, а? Не может же быть, чтоб они натуральных инопланетян приютили из одной жалости?

Но мы так и прожили пять дней. И никто ничего.

Правда, всё показывают, повсюду пускают. За эти пять дней мы весь их посёлок облазали, насколько приличия позволяли — и никто не мешал. Не лез общаться — но и не мешал.

Языками мы не владеем, вот что. Багров, правда, уже чирикал там с ними кое-как — многие понимали. Разумовский... этот что-нибудь мяукнет — и лицин веселятся ужасно. Но мы-то с Калюжным и так не можем, так что помалкиваем в тряпочку, наблюдаем.

Думаем.

И чем больше думаю, чем мутнее в голове. Чем больше видим, тем меньше понимания.

Ну, грибное радио — ладно. Это, между прочим, наш личный приёмник. Сами-то лицин слушают, то бишь, нюхают передачи у себя по домам, с нами — только Цвик. И он как-то эту штуковину включает. Но — вот убейте меня, не врублюсь, как можно нюхать передачи по грибам и при чём тут муравьи!

Разумовский, гений в трусиках, итить, рассказывал свою теорию — или, там, гипотезу. Мол, идёт сигнал по самой грибнице, которая под землёй, как по кабелю. Ну физик, ядрёна мать, атомщик...

— Ты где, чудо, — я ему сказал, — такую грибницу видал? Грибница — она же вокруг гриба. Как корни. Потому её нельзя рвать, надо гриб срезать ножом, а то другие не вырастут.

А он башкой потряс, не согласен:

— Нет, Витя. Ты вспомни, видел когда-нибудь «ведьмины кольца»? Когда грибы растут широким кругом? Они все — на одной грибнице, как яблоки на яблоне. Предположи, что такой «ведьмин круг» у них разросся на много километров. Где-нибудь на нём есть транслятор — а к нам идёт передача.

И Калюжный тут как тут! Вот не приколы?! Эти два придурка просто удивительно друг за друга стоят, когда не срут. Так что Калюжный влез.

— Слышь, Витёк, — сказал, — а почему нет? Это же ГМО всё! Вот они грибницу и кабель и модифицировали.

Вот не чокнутые, а? Я сказал:

— Да Господи ты Боже мой! Ну как ты это представляешь-то себе, хрен ты тараканий? Как можно грибницу — в кабель? Где кабель, а где грибница, мудило?

И бой-френд за него вступился немедленно:

— Ну, Сергей же не хочет сказать, что ткани грибницы превратились в медную проволоку. Возможно, после мутации они приобрели какие-нибудь особые свойства... А сигнал идёт по ним, как по нервным волокнам, например.

Что-то в этом мне показалось здоровым. И я спросил:

— А муравьи при чём?

Разумовский только дёрнул плечом.

— Не берусь судить. Сам не понимаю.

Ну, слава Богу, думаю, хоть что-то ты не понимаешь и сознался, умник.

Зато я кое-что понял. Например, что про нанотехнологии перегнул. Тут, по всему виду, именно Калюжный, дубина, прав, всё-таки. Насчёт ГМО.

Технологий-то — нормальных, обычных технологий, как у нас дома — нет. Механизмов — нет от слова «вообще». Поглядеть сторонним глазом — так чистое натуральное хозяйство, без всякой даже, вроде бы, автоматизации.

Но это — если не присматриваться. Потому что на самом деле автоматизация есть, только невозможная. ГМО, как Калюжный бы сказал.

Взять сортир. Ну, что туалетная бумага у них на стене растёт, прямо пачкой, и на кухне растёт, вроде салфеток — это круто, но не до такой степени удивительно. Удивительнее, как сама канализация устроена. Мы с Цвиком спустились, он показал.

Охренеть, так не бывает.

Выгребная яма. А в ней живут букахи. Навозники.

Что туда падает — они пакуют в шарики и куда-то под стены укатывают. Цвик руками махал, чирикал — не иначе, пытался объяснить, что на удобрения. У нас в доме немного народу живёт — и буках немного; где толпа — там их множество, дом больше и всяких штук больше; по всему, эти их шарики — вроде топлива для всего здешнего хозяйства.

Но мало того! Если где шариков не хватает — они же переносят! Я шёл по двору — и вдруг гляжу: верёвочка такая, из жуков! Каждый жук несёт шарик. Выходит из одного дома, уходит под другой дом. Ничего дела, а?!

То ли они дрессированные — хрен знает, как можно дрессировать жуков! — то ли они, как муравьи, из одного роя все. И кто-то там, какая-то матка, ими распоряжается. И живёт, небось, в уборной у бабки Радзико и лично с ней советуется.

Калюжный-то, в сущности, прав и ещё кое в чём: здешняя насекомота что-то слишком хорошо для буках соображает. Тот же Цвиков паук. Он — как крыса. У него и кличка есть, я думаю. И он слушается Цвика, просто вот — команд слушается.

Осы, опять же. Гляжу на Нгилана или ещё кого, у кого в сумке осы — и всякая мистика в голову лезет. Как они осам приказывают? Как Гданг понимает, что его осы видали, когда они возвращаются? Если они ему докладывают метеосводку, как Артик говорит?

В стенах живут сороконожки. Хрен знает, зачем — но их там до фига.

Вокруг оконных проёмов живут очень противные. Даже не знаю, как их обозвать, знаю только, зачем они нужны. В доме ни мух нет, ни комаров — а всё потому, что их на окнах отстреливают. Влетает муха, а её — ррраз! — какой-то слизистой кишкой! Быстро-быстро, глаз не успевает отследить.

А выскакивает та кишка из хлебальника какой-то твари... не знаю... Как слизистый червяк с ножками. Знал бы — не стал бы там мох трогать. Хорошо ещё, что он в меня этой фигнёй не выстрелил. А почему, спрашивается, не выстрелил? А потому, что тоже

соображает.

Как сторожевая собака. Мух-комаров — бьёт, а хозяев не трогает.

А откуда у червяка такое соображение? Вот!

Тоже ладно. Едем дальше.

Например, возьмём ихнюю кухню. Все стены — в стекле, пол — в стекле, плита газовая — тоже стеклянная. Спрашивается, откуда у них тут стекло и как они исхитряются этим стеклом всё так здорово покрывать? Ведь стены-то — не идеально ровные, стены тут — кора. И стекло — в каждой трещинке, в каждой ложбинке, в каждой выемочке! Очень твёрдое — звенит, если постучишь.

Я думал, они с собой приносили в жидком виде, потом смешивали с каким-никаким закрепителем и стены покрывали. Типа эпоксидного клея. Нет, ни фига, ошибался.

Потому что стекло это — смола. Натуральная. И её выделяет сам дом. Цвик показал.

Возьми лучинку, подожги — и к какой-нибудь веточке поднеси. Ну, хоть к уголку, который полку держит. Смола тут же начнёт выделяться — как пот всё равно. Или как испарина. Минуты не пройдёт — веточка вся блестящая, а если потрогать — липкая. Но этой липкости — ещё минут на десять, потом застынет и будет, как везде. Твёрдое стекло.

Чем дольше горячее держишь, тем толще слой этой смолы выделяется. Ясен пень, в кухне — уже слой на слой, с давних времён. Слой смолы там — сантиметра два или три. Можно спокойно готовить, ставить на стол горячее — дому нипочём, он сам себя обезопасил от огня: то, что смолой покрыто, не загорается ни при какой погоде. Огнеупорно.

— Ладно, — говорю, — Цвик. А газ? Газопровод? Или на баллонах готовите?

А вот и нифига! Никаких баллонов. Газопровод. Но угадайте, откуда? Не выйдет, я не угадал. Из того дома, где фабрика-кухня. От аквариумов с водорослями.

Водоросли в воде газ вырабатывают. Выдыхают, может быть. От них в герметичный резервуар трубки идут, гибкие, как резиновые, да только не резина. Резервуар непрозрачный, что там делается, я не понял, только оттуда трубы идут вдоль стен, как бамбук — и по ним газ идёт в кухни по всему посёлку. И топят, и греют, и еду готовят. Может, и не те объёмы, как в нашем городе нужны, но местным, похоже, хватает.

За что ни схватись — здешние технологии, то химия, то ГМО, то ещё что-нибудь непонятное, но явно имеет отношение и к химии, и к биологии.

А металлического у них почти ничего нет, металл они не любят и ничего из него не делают.

И мусора у них тут нет — Артик прав был. Весь отход они пускают в переработку.

Канализация — на жуках. Пищевой отход собирают в коробки из тыкв и уносят на фабрику-кухню. Я думал, местных кур кормить — ошибочка, опять же. Курам дают водоросли и плоды какие-то, а пищевой отход из коробок перекладывают в большой мусорный бак. И отход там превращается в зеленоватые сопли, а эти сопли они накладывают в сухие тыквы особой породы. И — вот они — фонари! Иногда кто-нибудь берёт коробок соплей — и на велосипеде едет по лесной дороге, фонари подзаряжает. ГМО в полный рост!

Велосипеды у них — не совсем велосипеды. Но — на педальном ходу. Из того самого местного стекла, которое их дома дают; я сильно подозреваю, что самодельные, потому что — очень уж разные. Видал штук шесть у них в гараже — и все разные, и совершенно кустарного вида. Как наборные ножи или ещё какие-нибудь такие штуки, со всякими странными прибрлудами; такое чувство, что каждый под определённого чебурашку подогнан.

Местные всё время мастерят что-то — почему бы и не велосипеды?

А вот так, чтобы обломки, техника ломаная или что — нет у них такого. Общества потребления точно нет. Я даже не пойму, торговля у них вообще есть или нет — потому что не понять, что фабричное, а что самодельное, и денег у них я не видел, опять же. Вот, скажем, шмотки дизайнерские — чебурашки их явно себе сами делают. Причём и мужики тоже, я заметил: собираются по вечерам потрындеть, а сами плетут. Но это — дизайнерские, ради понта, в общем, потому что серьёзную одежду, для тепла или для защиты, они не делают, а выращивают. Нам Цвикуля показал — офигеть.

Начал с того, что свой зелёный свитер... ну... снял. Надрезал там и сям специальным ножичком, потом взял такую щётку, типа расчёски, только из деревянных, вроде, шипиков — и счесал с себя. Видно, что снимается легко, но если умеючи взяться. Снятое идёт на корм соплям, потому что уже ношеное, наверное — только семена сперва собирают. Счесал — остался нагишом, в одной своей условной шёрстке, худенький и смешнющий совершенно; никак не привыкнуть, что они вообще не стесняются — хоть по площади нагишом ходят. Одежда им — для красоты или для пользы, а не от стыда закрываться.

И вот, разделся, значит — и из маленькой коробочки достал такие... мы в детстве называли похожие «лапками». Растут у нас на Земле, вроде репьев, но не репья: круглая коробочка, а в ней другу к другу впрытык длинные семена, на каждом — два тонких шипика. С крючками какими-нибудь, наверное, или ещё с какими цеплялками — лапки, в общем. Если лазать по густой траве, эти лапки к одежде цепляются, по одной или целыми пучками. На бродячих псах их всегда полно.

Но у Цвика в коробке лапки были совсем маленькие, гораздо меньше наших. Совсем крохотные, не больше макового зёрнышка, только не кругленькие, а длинненькие. Он их на себя посыпал от плеч и ниже, как соль. А потом мы ошалело наблюдали, как оно начало прорасти.

Да на глазах же просто, ядрён батон! Тонюсенькие побеги, потрогаешь — шероховатые, за шёрстку цепляются, обтягивают, сеточкой, сеточкой... По моим прикидкам — час прошёл или около того, а Цвик весь покрылся белёсо-зеленоватой паутинкой. Только на этот раз рукава себе сделал короче, как на футболке — а как объяснил этой своей растительной одежке, чтобы дальше не росла, я опять-таки не понял. И никто из нас не понял. Будто одежка сама догадалась.

Весь день Цвик ходил в сеточке, а она всё опушалась и опушалась постепенно. А за ночь сеточка выросла в новый свитер, фиолетового цвета, в красноту. Без листьев, только пушок. Побеги заплелись друг за друга — и хоть спи в ней, хоть что. Защищает, по-моему, отлично. Интересно, тёплая или нет — но нам не узнать, пока не проверим. Я так прикинул: для пробы достаточно шерсти только у Калюжного — ну и предложил ему сделать опыт, похорошему. Цвик семена принёс — но Калюжный, мудачина, упёрся и ни в какую, нам весь эксперимент сорвал. Устроил гастроль:

— Вы чё, самого шерстяного нашли? Да пошёл ты, Витёк...

— Ты молоки-то не метай, — говорю, — ты подумай. У тебя волосы на груди — вообще...

А он ещё больше взвился:

— Да хоть на жопе — не твоё дело, ясно?!

А Артик:

— Вообще-то жаль. Знаешь, Сергей, было бы очень любопытно посмотреть, вырастет на

ком-нибудь из нас лицинская одежда или нет.

Но Калюжный как рявкнул в ответ:

— Тебе интересно — ты и пробуй.

А Артик, клоун, сделал скорбную морду:

— Да я бы и попробовал, но не на чем ей укрепиться...

А Динька ржёт, и Цвик, вроде, хихикает. В цирк не ходи.

Ладно, думаю, покажу класс.

— Ша, — говорю, — салаги. — Попробую я. Одежда у меня не выйдет. У Калюжного бы вышла, но я не до такой степени волосатый и я себе, блинский блин, гетры выращу. У меня на ногах хватит для науки.

И Динька, змеёныш, хихикнул:

— Хоббит...

— Ша, — говорю. И штаны снимаю. — Щас из самых весёлых и находчивых орков сделаю, если ржать будете, салабоны. Цвик, давай семечки.

Цвик на мои ноги поглядел — и протягивает коробочку. А в коробочке несколько отделений. Сеструха моя двоюродная бисер так хранит.

Ну, я взял щепоточку из одного, но Цвик по пальцам мне легонько шлёпнул и другие показал. Ладно, ему виднее — я взял, что он посоветовал. Немного не по себе было: ну, как это ГМО прямо под шкуру корни пустит?! Ещё и пырятся все... но отступить уже было некуда, так что я эти семена накрошил себе на ноги. Там, где волос побольше — ниже колена.

И прекрасно они прицепились. Просто отлично. Я так понял, что они бы и за более редкие волоски уцепились бы, эти лапки. И на мне пустили свою сеточку в пять минут, будь спок. Я думал, что буду чесаться, как обезьяна, но — ни фига подобного, приятно. У Цвика, по-моему, была более шершавая сеточка, а на мне — мягче, нежная, как паутинка. Светло-зелёная, как салатный лист.

Ну, а что? Калюжный паука держал, а Динька гусениц первый пробовал и вовсе тут каждой дырке затычка. И Артик вечно с местными тусит. И я попробовал — что я, рыжий?

Сорт, кстати, оказался довольно медленный. До вечера паутинка до колен поднялась и опушилась слегонца — а за ночь это дело выросло до удивления. Просыпаюсь утром — жёванный крот! Только ступни голые, а все ноги — в этом вот во всём. Не гетры, а штаны в полный рост! Самого угарного вида: типа как из зелёного махрового полотенца — такие, япона мама, зелёные кальсоны, а форменные труселя поверх оказались. Пришлось труселя снять, чтобы всё рассмотреть. Рассмотрел... На лицин-то одёжка растёт так, как лицин хотят, а на мне — как самим семенам удобно, ядрёна кочерыжка!

Вышло таким макаром: штаны проросли выше колен, добрались до паха, там разрослись целым кустом, офигеть как, прямо до почти приличного вида — и тоненькую дорожку пустили до пупа. Дизайн, ёпт... Но спереди — ещё ничего, сзади-то хуже вышло. Типа как стринги: дали, сучьи дети, такую же тоненькую дорожку посредине — и у копчика кончились. В общем, где волосы были, там семена зацепились и штаны вышли, а где нет — всё осталось без покрытия. Фасончик — экстра-супер-модерн, уже можно на такой модный показ, где модельные пидороватые мужики в колготках ходят, в ожерелье из пластиковых бутылок и с коробкой на башке.

Как мои салаги ржали — кто бы видел! До слёз, суки. Цвик сперва не понял, чё такого — а потом тоже начал ржать, на моих глядя. Я сперва хотел разозлиться, но, как посмотрел

на себя — так и всё, самого пробило на ржач, злиться — сил нет.

— Просто — сволочи вы, вот что, — говорю.

А Артик, сквозь слёзы:

— Прости, Витя, не обижайся, просто слишком экстравагантно вышло. Примативность рулит, костюм под названием «Самец павиана в брачный период»! — и Динька заухал и себя застучал кулаками по груди, как горилла.

И у меня опять не вышло разозлиться: ну хохма, факт! А Калюжный говорит, сквозь всхлипывания:

— А прикинь, я бы попробовал, ёлки! У меня ж был бы, нахрен, скафандр — только жопой наружу!

А Артик:

— Витя, ты лучше скажи, удобно или нет?

— Как куда, — говорю. — Тут — ещё ничего, а на дискотеку с тёлочками явно неудобно было бы.

И они легли опять. Только Динька что-то у Цвика «ци-ци-ци» — и, когда все оторжались, по-русски сказал:

— Я так понял, что лицин себе одежду специально формируют. Натирают специальным секретом там, где надо, чтобы росло, а где не надо — прорисовывают другим секретом полосочки, вроде границ. А с тобой Цвик стормозил, не подумал, что ты сам себе сформировать не можешь — вот оно и выросло, как попало.

— Похоже, — говорю.

Артик посмотрел ещё, подумал — и сказал:

— А ещё не исключено, что с голени растения поднялись к паху, где у нас, людей, самый сильный запах нашего собственного секрета, как вы думаете?

— А что, — говорю, — очень даже может быть. Но ржача — ржачкой, а опыт-то удался. В общем, нам, землянам, эти семечки тоже годятся. Если б не фасончик «на-ка выкуси», так нормальные получились штаны, прочные, удобные, к телу прикасаются вполне приятно, да и по размеру ведь выросли.

Артик сделал сочувственную морду и посоветовал:

— С трусами носи.

Натурально, у остальных опять случилась истерика. Мудаки, ёпт... но и мне было смешно, если честно. И обрывать жалко — вправду удобно.

А Калюжный — всё о своём, о наблевшем:

— А как снимать, если в сортир припрёт? Спереди — ещё ладно, а сзади?

Ну, чего, всё-таки дело сказал. У лицин-то так растёт, что не мешает... Они как раз там, где у меня особенно круто заросло, и не сажают... В общем, я поразмыслил — и сверху, как в рекламе говорится, «в зоне бикини», всю ихнюю одежду выщипал. Оставил вроде как натуральные гетры, выше колена — чтобы и гигиенично, и по-местному смотрелось. И точно — носить с трусами. В духе контакта.

Как почувствовал, что настоящий-то контакт как раз сегодня и начнётся.

Цвик мне всё время пытался сказать, что мы кого-то ждём. «Эроздад» и всё такое... Но мы с ним знали ужасно мало слов, которые оба понимали. Скажем, Цвик никак не мог объяснить, кто, собственно, должен прилететь и зачем. Просто я сообразил, что это почему-то для всех нас важно.

На самом деле, язык лицин ужасно трудный. Даже если не считать запахов — выговаривать тяжело. У них есть такие звуки, для которых мой язык просто не приспособлен. Они, например, иногда говорят «ци» почти как «си», а иногда — ближе к «зи», но не точно. Интонация, опять же... А ошибёшься, выговоришь неправильно — смысл меняется. И я, вроде бы, запомнил уже много слов, а говорить всё равно толком не выходило.

К тому же всё время происходит что-нибудь такое, что окончательно сбивает с толку.

К примеру, в первую же ночь, которую мы провели в усадьбе, в домике, который нам предназначила бабушка Радзико, в нашей комнате и в нашей компании остался Цвик. До самого момента, когда все улеглись спать, всё было в порядке — а как легли, так Цвик сел в угол, прижал колени к груди и сделал такой вид... ну...

Даже уши, по-моему, обвисли.

Что-то ему сильно было не так. А наши просто вырубилась моментом — и всё. Наши дрыхнут, а Цвика одолела бессонница и, по-моему, ещё и депрессия.

То, что тебе плохо, а всем по фигу, кого угодно огорчит, мне кажется.

Я к нему подошёл, в смысле — подошёл на четвереньках, чтобы никого не будить. Спросил:

— Цвик, тебе больно? Плохо? — еле-еле слова подобрал.

А он посмотрел на меня замученными глазами и печально выдал такие слова, которых я ещё ни разу не слышал. И что они значат? И что мне делать с этим?

Единственное, что в голову пришло — пожалеть, что ли, как-то. И я его погладил по плечу. А у него моментально уши поднялись, глаза заблестели — и он носом мне в ухо, и прямо-таки в обнимку, и чуть ли не мурлычет, как кошка!

И до меня дошло: они же каждый вечер друг друга гладят, лицин! Всей семьёй. Выражают дружбу, наверное, симпатию, привязанность — что там ещё — и вообще обнимаются и ласкаются. Но Цвику почему-то нельзя идти к себе домой, где у него мама и сестрички, а мы его просто бросили. С его точки зрения, может быть, нам его трогать противно, он нам не друг — и вообще, ну, мы просто бросили его и всё. А он нам всё время помогал, как мог, и товарищами считал.

И я не знал, как ему объяснить, что у нас на Земле парни друг друга не гладят ни при какой погоде. Что если вздумают гладить, то про них начнут говорить всякое — и ещё хорошо, если не морду бить. Но — это ладно, в конце концов, это же на Земле. Да Цвик — и не парень, в смысле — не человеческий парень. Он же инопланетянин! Ксеноморф, как Артик любит это по-научному называть.

А с инопланетянами надо по-инопланетному. Что же в чужой монастырь со своим уставом-то переть — надо вести себя правильно, чтобы не обижать друзей. Если ему надо обниматься — будем обниматься. Тем более что Цвик ужасно милый. Милый шерстяной Цвик, плюшевый мишка. И его мама ещё там, в лесу, меня обнимала и гладила по голове, как в детстве.

Оказалось, кстати, что это очень непростое дело — кого-нибудь гладить и давать ему гладить тебя. Как-то это... не знаю... Когда взрослая тётка — ещё туда-сюда, но когда парень, да твой ровесник — ну замыкает везде, неловко до невероятия, и, почему-то, ужасно неприлично. Неприличнее, чем целоваться на улице взасос. А ведь, вроде бы, не делаем же ничего дурного... и вообще — ведь, наверное, должно бы быть приятно, да?

Единственное, чем я спасся — всё время представлял себе, что Цвик — пёс. И всё время думал, что сам я — свинья: как можно про разумного хорошего парня, про нашего друга думать, что он — животное, собака? Но когда я думал, что Цвик — пёс, у меня всё совершенно нормально выходило. И гладить его, и за ушами чесать, и трогать его гриву шикарную — ну, нормально! И что он меня трогает — тоже нормально, потому что пса гладить — это не плохо, тут ничего неприличного нет. И спать с псом в обнимку — ну, или с котом — тоже нормально. Спал я с котом, подумаешь! Тем более что Цвик — такой тёплый, шерстяной, нос у ноздрей холодный и влажный, в темноте, когда его гладишь, запросто можно перепутать.

И мы совершенно спокойно уснули рядышком. Я только немного завидовал Артику, потому что это Гзицино захотела, чтобы он её погладил, а с девушками — легче, даже с местными. Девушку гладить легко, даже если она — инопланетянка, и любовь с ней крутить ты не собираешься. Или когда меня мама Цвика гладила — в порядке вещей как-то. А вот когда товарища...

Прямо очень непростой обычай у них — гладить своих товарищей. Даже раздеться и дать бабушке Радзико себя обнюхать — и то было легче.

Я засыпал и думал, что назавтра мне придётся объяснять, чего это мы с Цвиком спим в обнимку. И мне даже приснилось, как Калюжный говорит нестерпимые гадости, и про Цвика, и про меня, а Витя смотрит брезгливо, а Артик качает головой — в том смысле, что надо, конечно, соблюдать местные традиции, но так тоже нельзя. А если им ещё что-нибудь этакое в голову взбредёт?

И я проснулся в самом паршивом расположении духа. Готовый в бой. Думаю, пусть попробуют что-то сказать — я им скажу! Но получилось совсем не так, как в поганом сне.

Витя на меня посмотрел — и осклабился:

— Чё, — говорит, — решил стать Цвикуле родной матерью?

А я сказал хмуро:

— И ничего смешного. Они всегда друг друга гладят, вы же знаете. Им, может, плохо, когда их не гладят. Они, может, переживают. Ясно?

И тут Калюжный выдал:

— А чего ты на стенку лезешь, Динька? Нормальное дело, ёлки, — и пятернёй Цвику и шевелюру! — Чё ты сразу-то не сказал, балбесина! Харр-роший Цвик, прекрасный! Только паука поддержи пока... Пушистый! Чё стесняешься-то, ёлки? Уже сказал бы сразу...

Паук удивился, поднял лапы, а Цвик не удивился, а обрадовался. Забрал паука, ткнул Серёгу носом — полный контакт, просто — как никогда. Сплошное взаимопонимание.

Только я подумал, что это не такой замечательный контакт, как кажется. Калюжный — не из тех, кто так легко будет другого парня трепать по голове, гладить и расхваливать. Это он просто Цвика — как и лицин вообще, чего там! — совсем не считает человеком. В принципе.

Ему даже не надо специально представлять, что Цвик — пёс. Он примерно так его и воспринимает.

Как инопланетную двуногую говорящую собаку.

И какая радость, что Цвик не может об этом догадаться.

Я даже хотел как-нибудь тактично выяснить, что ребята думают о лицин на самом деле — но не сумел придумать, в какой форме спрашивать. Потому что, даже если Калюжного спросить: «Считаешь ты местных говорящими собаками или нет?» — он ответит «нет» в любом случае. Не так же прямо: лицин — говорящие собаки... Так они, наверное, это даже про себя не называют. Просто — видно, что для Вити они больше люди, а для Серёги — меньше люди. А для Артика — на сто процентов люди, надо слышать, как он с Гзицино общается.

Интересно, а мы для них — кто? Тут уж никак не предскажешь.

Тем более что образ жизни у них — настолько странный, что никаких общих точек никак не найти. Чем больше узнаёшь, тем заметнее.

Скажем, мы все знаем, кто у Цвика мать. Дценг. Сумка. А кто у него — отец?

Отчеств у них нет, мне кажется. Зато родословное древо — есть: Цвик показывал сложный-сложный чертёж на громадной панели из чёрного стекла, в доме бабушки Радзико — я бы не понял, что это родословное древо, да Цвик показал себя, показал свою маму, показал Гзицино и ещё кое-кого из знакомых. Но я ему так и не сумел объяснить, чтобы он показал и отца — не на схеме, а по-настоящему. Познакомиться.

А ведь отца он знает. На древе они все обозначены специальными значками, женщины — в кружочках, мужчины — так; если я верно понял, то дети с матерью — с сумкой, с сумкой! — соединяются сплошной стрелкой, а муж с женой — пунктирной — и что выходит? Выходит, что у мамы Цвика было два мужа. От одного — сам Цвик, от второго — какой-то неизвестный парень, его брат, который непонятно где находится. Та же вещь, что с отцом. Я прошу, чтобы познакомил — Цвик чуть улыбается, ушами шевелит, вздыхает. Не знакомит. Не показывает.

Я даже думал, что они умерли. Что у его мамы первый муж умер, она замуж снова вышла. Но — не знаю, не похоже как-то: Цвик слишком спокойно относится. И это ещё ладно.

Стал изучать схему подробнее — совсем запутался. Что выходит: от Цвикова отца пунктирная стрелочка идёт ещё к двум женским значкам. От них, получается, у Цвика ещё две сестры есть. И — вот ещё значок тётушки Дзидзиро, и там у неё вообще ад и Израиль.

Я попытался расшифровать: Дзидзиро и Цицино — сёстры, потому что у них одна мать. Цвик сказал бы: «из одной сумки». Но отцы у них разные, у их отцов были ещё женщины и были ещё дети. А у самой Дзидзиро было два мужа, причём от одного — дочка, Ктандизо, всё верно, а пунктирчик ко второму зачёркнут таким же пунктирным зигзагом. Вроде связь была, но детей не было? Или как?

По всему выходит, что весь клан Кэлдзи — это настоящая семья: все друг с другом в родстве. Но, по-моему, не так, как на Земле: вот дети переженились, вот их дети и так далее. Я бы даже сказал, что у меня выходит, что все жёны и дети у них общие — но не похоже на такой разврат, слишком всё дотошно отмечено, можно сказать — на стекле гравировано. На скрижалях. Всё серьёзно. И от этого сочетания запутанности отношений и очень серьёзных записей ум за разум заходит так ещё.

Я даже советоваться с ребятами не стал. Отчасти потому, что боялся и их запутать, отчасти — потому что Серёга точно начнёт прохаживаться, что у них тут полная анархия и коммунизм, все друг друга гладят, ходят нагишом, как нудисты, и вообще... И не знаю точно,

за кого мне было неловко — за лицин или за своих.

Потому что я чувствовал, что никакой это не разврат. Но выглядело очень лихо. Уж очень. Натуральная хипповская коммуна, только, вроде бы, не ширяются ничем.

Я к этому древу несколько дней ходил, как на работу. Пытался разобраться. Думал, что как-нибудь пойму, если буду очень внимательно смотреть. Только чем больше я изучал этот кроссворд, тем круче у меня ум заходил за разум.

Потому что там ещё были исчезающие и появляющиеся мужчины.

Никто из мальчиков, которые тут родились, свою линию не продолжал. Вообще никто, ни одна живая душа. Линия у каждого мальчика — оборванная. Зато рядом с женщинами клана вырисовывались не связанные родословными связями мужчины — и у них потом линии были только сексуального толка.

Из этого, по-моему, следовало, что все парни из дома уходили. А приходили какие-то другие. И тогда понятно, почему Цвик огорчился и почему его сослали в наш дом. Ему тоже полагалось уйти, как всем парням.

Надо думать, куда-то в другое место, чтобы там жениться или что у них там.

А нас они принимали в доме, где, надо думать, останавливались потенциальные женихи. Наверное, некоторые тут немного гостили и уходили, оттого и оставляли всякие недоделанные вещицы, а некоторые оставались и переходили жить в дома с женщинами. А мы вот задержались... Очень интересно.

Тогда выходит, что весь этот посёлок — имущество бабушки Радзико и её дочек. Артик сказал: матриарх. Имущество — у женщин, а мужчины — так просто... пришли-ушли. Без ничего. Начал вырезать какую-нибудь штуковину, но отвлёкся, ушёл — и даже начатую фигурку оставил.

У них вообще ничего нет?

Если эту мысль развить, выходит, что Цвиков брат просто уже ушёл. Как его показать, если он тут уже не живёт? А отец Цвика, может, приходил, немного пожил и тоже ушёл? Тётку с ребёнком бросил?

В конце концов, я решил, что ничего без языка не пойму.

Наверное, надо было посоветоваться с ребятами, но они как раз занялись живой одеждой: Витя эксперимент устроил, так отважно, что все только им и интересовались. И я решил, что, раз такое дело, не к спеху.

А утром, когда на Вите выросли дикие штаны, Цвик пытался что-то объяснить. Про кэл-дзи, не про клан, а про грибной приёмник. И про «эроздад». И про нас — «люди, люди». И чуть ли не за руку меня тащил. Ребят оказалось непросто отвлечь — среагировал только Артик. Улыбнулся:

— Цвик говорит о программе вещания, или мне кажется?

— Не знаю, — сказал я. — Понял только, что зовёт кэл-дзи нюхать.

Витя фыркнул:

— Да что мы там не нюхали! Всё равно ничего не разберём! — но пошёл. И все пошли.

Конечно, то, что Цвик запускал приёмник через муравьёв — удивительно. Но сама передача сегодня оказалась удивительнее, чем муравьиный принцип: никто из нас не ожидал, у всех вид сделался совершенно ошарашенный.

Калюжный сказал:

— Охренеть, ёлки! — а Витя:

— Это что, о нас, что ли, пацаны? Вы на это намекаете, что ли?

Артик даже присел на корточки, чтобы нюхать прямо из самой грибницы.

— Да, джентльмены, — сказал он. — Это СМИ. И мы обоняем сообщение о том, как мы появились в этом мире. Я бы даже сказал, со слов Лангри.

— Почему? — поразился Витя.

Артик пожал плечами.

— Интуиция. Его, если можно так сказать, словарный запас. Вонь казармы, наш пот, потом — железо, кровь... Помните посиделки вечером у костра? Эти, я бы сказал, ароматические фразы он тогда раз пять повторил. Я их запомнил, как запах духов.

Витя сморщил нос и сказал:

— Ты всё-таки перегибаешь, по-моему. Не, ясно, что такой шмон не забывается, в натуре казармой прёт, неместный запах — но чтоб прямо-таки со слов Лангри... Не думаю.

Артик качнул головой.

— Не только вонь казармы, Витя. Ещё — железо и кровь.

И я покивал. И сказал:

— Правда, мужики. Лангри и мне это говорил. Мол, опасно носить железное оружие — им можно в кровь пораниться, что-то такое. Поэтому лицин и не носят, у них все ножи из стекла...

Витя сморщился ещё сильнее:

— А стеклянным уже не пораниться никак?

— Да не о том речь, — сказал я, а сам понимал, что объяснить тяжело. — Просто — ты заметил, они-то ножей с собой не носят вообще никаких? У них ножи — на кухне, в гараже, где велосипеды и сдутые воздушные шары, в мастерской — а с собой не носят. И человек, который встречается в лесу с ножом, везде ходит с этим ножом, да ещё его и вытаскивает — он как маньяк тут. Ну, как на Земле кто-нибудь с кухонным ножом бы по улице рассекал, или со скальпелем, что ли...

Витя хотел снова возразить, но тут вступил Артик:

— Господа, это в настоящий момент не так важно. Попробуйте оценить: о нас сообщили местные СМИ, безусловно, получив информацию от наших гостеприимных хозяев — если не Лангри, то кого-нибудь другого, всё равно. Уверен, что сей странный агрегат — впрямь приёмник дальней связи, а общее вещание означает, что о нас будут в курсе все местные жители на некотором немаленьком обитаемом пространстве. Любопытно, охарактеризовали ли нас как опасных — или как просто странных?

И у Вити изменилось лицо.

— Всё-таки стукнули они в органы, — сказал он негромко. — Ах, вот же сука... А я уже расслабился вроде... А ведь лицин-то, точно Динька говорит, не спешат! А куда им спешить, расперемать их, а? Куда мы денемся? Они же по этому радио особые приметы передали!

Цвик посмотрел на него и испугался, потянулся оставить на лице запах, что-то сладкое — «не волнуйся». Только Витя его руку отстранил. Сказал с этаким мрачным дружелюбием:

— Лошара ты, Цвикуля. Не обижайся, но — как Бог свят, лошара. Ты вот с нами трёшься — не боишься проблем огрести заодно? Вон, домой-то тебя уже не пускают...

Вот тут-то мне и пришлось выложить то, что я на эту тему думаю. О родословном древе, о мужчинах, которые приходят, и ребятах, которые уходят. И говорить было тяжелее, чем камни ворочать.

Артик слушал восхищённо, Витя — хмуро, а Серёга несколько раз хотел перебить — и

несколько раз передумал. Удивил я их.

— Ни фиги! — сказал Витя, когда я закончил. — Что ж это выходит — у них, получается, вообще семей нет? Ни жён, ни мужей?

— Семьи есть, — возразил Артик. — Семья — это клан. Вот Кэлдзи — это семья. Вероятно, Цвик и другие мальчики будут потом приняты в другую семью. Все друг другу родственники.

— Это да, — встрял Серёга. — Но с бабами-то как, я не понял? Как они тут со своими бабами? У каждого — по несколько, что ли? Или у бабы двое может быть? Как вообще, ёлки?

— Если по чертежу, — сказал я, — то бывает и так, и этак.

— Блядуют, что ли, поголовно? — спросил Сергей и набычился.

— Да почему?! — возмутился я. — Они же все друг другу — свои!

— Ни хрена! — рявкнул Серёга. — Ты прикинь, если у нас на Земле твой братан с твоей бабой — это как? Это не блядство? Ты ему морду бить не будешь? И кто баба в таком случае, а, ёлки?

— Сергей, — сказал Артик, — угомонись. Это — не Земля.

— И, кстати, салажня, — сказал Витя с какой-то загадочной миной, — это ещё ерунда всё. Меня вот что-то такой момент заинтересовал: интересно, у мужиков тут вообще какие-нибудь права есть, а?

И все замолчали, уставились на него во все глаза.

— Смотрите, — сказал Витя тоном старого мафиозо. — Вот Динька говорит, что Цвик должен из дома уйти куда-то туда, чтобы там жениться или что... в общем, в другую семью. Пока что он с нами живёт — будем считать, что для семьи он уже — отрезанный ломоть, так?

Серёга кивнул, и Артик сказал: «Допустим». И я согласился.

— А раз отрезанный, — сказал Витя, — так где его вещички? Ну, есть у него торбочка. Там — он показывал — семечки для одежды, какая-то шпуковина свёрнутая, типа одеяла, я не понял, книжка в коробке и дудочка. И паук у него всегда на голове сидит. И всё. И что, он так и пойдёт?

— Как на Земле в далёкие времена, — улыбнулся Артик. — Счастья искать. Мне кажется, никакого имущества в таких случаях не полагалось и у нас.

— У нас бы он нанялся работать, — согласился Витя. — А тут? Придёт куда-нибудь, а там снова заправляют тётки. Какая-нибудь старуха вроде Раздзико будет решать, брать его или нет, так? А что потом? Мне кажется, бабы ему денег платить не будут...

— А мне кажется, — медленно проговорил Артик, — что денег этот мир либо не знает вовсе, либо использует их как-то очень странно. Ему платить не будут... и он платить не будет. Его совершенно бескорыстно приютят и накормят. И поселят в таком же доме, как этот. До выяснения, я полагаю.

— До какого выяснения? — спросил Сергей.

— Нужен он новой семье или нет, — усмехнулся Артик. — Мы с вами, джентльмены, ещё под вопросом. Но мы — редкость, о нас рассказали по радио. Поэтому нас до сих пор привечают.

Кажется, Витя хотел что-то добавить или возразить, но тут мы услышали торопливые шаги и весёлые девичьи голоса за окном — и тут же в дом влетели Гзицино и её подружка, кудрявая блондиночка, похожая на болонку. Гзицино с разбегу кинулась к Артику ласкаться,

улыбаясь, совсем как земная девушка — Артик её обнял, а она защебетала что-то о воздушном шаре, о встрече, но слишком быстро говорила.

А запахи я и вовсе не понимал. Что-то сладкое обещала, а что — не разобрать.

Пришлось спросить у Цвика. Цвик уже научился говорить с нами медленно — но и он не смог объяснить ничего толком. Я понял только о передатчике, воздушных шарах, встрече, гостях — это и перевёл ребятам.

А Гзицино добавила:

— Для вас.

Эти слова и этот запах я уже знал — и все уже знали. Их часто говорили: «еда для вас», «одежда для вас», «жилище для вас». Теперь были «гости для вас».

Гости для нас. Мы даже растерялись.

Серёга сказал:

— Чё, идти надо, да? — а у Вити лицо сделалось мрачное и озабоченное, будто ничего хорошего он от гостей не ждал. Зато Артик сиял, как новенькая монетка.

— Очень любопытно, — сказал он, обнимая Гзицино одной рукой, а другой — почёсывая её за ушком, как котёнка. — Очень любопытно, джентльмены. Похоже, наш контакт сдвинулся с мёртвой точки.

Они с Гзицино первыми пошли, побежали, можно сказать. Мы с Цвиком и кудряшкой — следом, а потом уже — и Витя с Серёгой. А на дворе уже была толпа народу, дети, бабушка Радзико со свитой — все смотрели, как большой золотисто-розовый шар — формой не шар, а груша, широкая сверху, а снизу поуже — причаливает к крыше фабрики-кухни, где самый главный аэродром у клана.

И нас рады были видеть — и тех, кто на шаре прилетел. Нам все улыбались, показывали на шар, кивали — и пахли всеми цветами радуги, и вкусным, и тёплым, но назвать, чем точно — у нас таких слов нет.

Всё это выглядело, будто праздник.

А потом гости спустились с крыши. Очень, очень красочная компания. Более красочная, чем наши друзья из клана Кэлдзи.

Милая моя сестрёнка Гзицино, подозреваю, считала, что господин Чероди прекрасен. Она вся светилась, опускала ресницы, посматривала искоса — и показывала мне, явно приглашая тоже восхититься.

Я согласился и восхитился. Я понял, что господин Чероди — главный в этой группе, а вернее — что ради него всё это и затеяно. Клан Кэлдзи пригласил профессионала.

Правда, похоже, обычно господин Чероди работал с детьми. Малыши восхищались даже сильнее, чем Гзицино, лезли к нему, готовы были вскарабкаться на него, как на дерево — вели себя, как очень дружелюбные обезьянки, а Чероди раскачивал и крутил их за руки, показывал какие-то ароматические фокусы, от которых дети восторженно визжали, и присаживался на корточки, чтобы оказаться лицом к лицу с самыми маленькими.

К нам он подошёл не раньше, чем перезнакомился со всей здешней детворой. Пока Чероди играл с детьми, мы успели отлично его рассмотреть.

Полагаю, что в этом мире есть раса, чем-то напоминающая земных негров. Наверняка они живут где-то на юге, где постоянно тепло, и от этого приобрели особый внешний облик, основательно отличающий их от северян — наших гостеприимных хозяев. Один такой «негр», по имени Гродги, уже жил в поместье Кэлдзи, мы видели его несколько раз — но он выглядел не настолько тропическим, как Чероди. Может, успел адаптироваться, может, был не «негром», а «мулатом» — как знать. В любом случае, у этих двоих было немало схожих внешних черт: очень скудный, почти по-человечески скудный волосяной покров на теле, коротенькие, словно атрофированные, усы-вибриссы, тёмная окраска кожи, особенно крупные уши, широкие ноздри, особенная, упругая гибкость.

Более северная раса, кстати, здесь тоже есть — у них необычно густая и длинная шерсть, а ушные раковины, напротив, очень малы. Когда я впервые это заметил, мне вспомнились земные песец и фенек — на сильном морозе уши мёрзнут и даже обмерзают, а на жаре крупные уши, пронизанные сетью капилляров, помогают охладить мозг, где-то я это читал.

Впрочем, это лирика.

Здешний «негр», Гродги, был, скорее, тёмно-серым. Окраска Чероди больше напоминала цвет кожи земных негров — оттенок эбенового дерева, больше в шоколадный, чем в асфальтовый, как у Гродги, тон. Впечатление дополняли ожерелья из ярчайших разноцветных бус на шее, браслеты на запястьях, пёстрые зажимы на целой копне косичек, в которые была заплетена его кудрявая грива — этаким маскарадным костюм весёлого дикаря. Чероди был одет в длинную распашонку, сплетённую из золотистых нитей. Всё вместе выглядело эффектно и броско, а в сочетании с его поведением создавало впечатление чего-то театрального или концертного.

К нам Чероди подошёл, улыбаясь, блестя яркими, как у земных негров, зубами, протягивая ладони. Он источал запах «здравствуйте», как все лицин при встрече — аромат, похожий на запах груши — но произнёс приветствие и вслух, хотя этого лицин обычно не делают.

— Цинг-ла! — радостно ответил Денис, и Чероди с явным удовольствием понюхал его в нос. Запах «здравствуйте» изменился на запах «отлично», насколько я могу судить.

Я последовал примеру Дениса, так что мы с Чероди познакомились более или менее по-

лицински. Виктор позволил понюхать и себя; Калюжный трогательно честно попытался понюхать Чероди в ответ и оглушительно чихнул, насмешив и гостей, и всю встречающую публику.

Ни Чероди, ни двое мужчин, прибывших вместе с ним, не проходили сложный ритуал под Деревом, с тщательным обнюхиванием госпожой Радзико. Госпожа матриарх, правда, встретила их лично, оставила на их лицах запах своего секрета — но дело было не под Деревом, а рядом с фабрикой-кухней, в менее торжественной обстановке. После упрощённой, хоть и весёлой процедуры приёма двое спутников Чероди, обычные северяне, один из которых, по-моему, был носителем ос, ушли за Нгиланом и госпожой Видзико в строение, где размещались лаборатория клана и что-то вроде госпиталя. Сам Чероди обнял за плечо Цвика и вместе с нами направился к нашему домику.

С этого момента и начался настоящий контакт, как я понимаю его: обучение языку и попытки общаться серьёзнее, чем на бытовом уровне.

Блистательный господин Чероди оказался учителем словесности — да не простым. Я сразу понял: он не только знает, что мы не можем овладеть ароматической речью лицин, но и готов к этому. У него была тщательно разработанная методика обучения именно существ, не способных издавать запахи намеренно и осмысленно.

В расшитой узелками, шнурками и цветными бусинами торбочке господина Чероди оказался целый набор методических пособий для обучения языку. Для обучения детей — да, но я не мог не отдать должное элегантности замысла.

Первым делом Чероди извлёк из торбы пару кукол.

Я не особенный знаток театральных кукол, но смутно припоминаю, что похожие, надеваемые на руку кукловода, как перчатка, называются «бибабо». Впрочем, таких кукол обычно показывают из-за ширмы, а потому у них обычно нет ног — у кукол Чероди ноги были, они свободно болтались на уровне его запястий. Когда-то в глубоком детстве я видел телепередачу, в которой участвовали актёры с очень похожими куклами.

Куклы изображали лицин — девочку и мальчика, ушастых и взъерошенных, с уморительно достоверными гениталиями, чтобы у зрителей не осталось никаких вопросов. Интереснее всего, впрочем, был не дизайн этих забавных игрушек — или пособий — а материал, из которого они были сделаны. Он напоминал раскрашенный поролон и имел очень и очень необычные свойства.

В первый же момент я понял, какие.

Чероди вслух поздоровался с нами за куклу-парнишку, кивнув его лохматой головкой и очень чётко произнося каждый звук слова — и грушевым ароматом «здравствуйте» запахло как-то особенно чётко и сильно. Утрированно. Но запах тут же пропал, как отрезанный.

Я повторил за ним:

— Цинг-ла! — и Чероди снова вызвал запах, а потом поправил мою артикуляцию, как любой учитель иностранного языка.

Он учил нас правильно выговаривать звуки — но не только. Я подумал, что он намертво связывает для нас звучание слова с его «ароматической иллюстрацией». Он не просто учил нас говорить вслух — он учил нас разбирать оттенки ароматической речи.

Удивительный материал, из которого здесь делались обучающие игрушки, не просто мгновенно впитывал запах с кончиков пальцев учителя — он ещё и усиливал этот запах. Так же сильно действовал и химический нейтрализатор, который лицин выделяли щелью на ладони — кукла мгновенно переставала благоухать, как только кукловод его применял.

Я только не мог представить себе, как. Ведь для выделения нейтрализатора лицин сжимали ладонь в кулак. Я подумал, что внутри куклы есть какой-нибудь выступ или рычажок, которым Чероди нажимает на это место.

Если запах тут воспринимают почти так же или так же, как слово на Земле, то здешние дети должны быть в восторге от такого фокуса: говорящая кукла! Местный аналог чревовещания!

До роскошного завтрака, на который нас всех позвали в зал, я бы сказал, для торжеств в доме рядом с фабрикой-кухней, мы успели выучить и научиться произносить несколько обиходных слов. Приветствие-прощание, «дай» и «возьми», «встать-сесть-лечь» и кое-какие, видимо, глагольные формы — и каждое из этих слов Чероди закрепил запахом, словно приклеил или прибил гвоздями к нашей памяти. К концу первого, краткого и весёлого, урока я уже думал, что с дело с куклами обстоит ещё любопытнее: уж не выделяют ли они вместе с ароматическим секретом лицин ещё какие-нибудь вещества — скажем, активизирующие вербальную память?

За завтраком с Чероди явно кокетничали местные девицы, даже сама присутствующая с неизменной свитой Государыня Радзико улыбалась в побелевшие от старости усы — а Чероди перекидывался репликами, и звуковыми, и ароматическими, с добрейшей тётушкой Видзико, с нашим пушистым доктором Нгиланом и со своими товарищами, прилетевшими вместе с ним. Эти двое тоже вызвали любопытные мысли. Если весёлый рыжик в ожерельях и фенечках из цветных бусин, которого нам назвали лишь по имени — Дзарган, явно был пилотом — носителем навигационных тёмных ос, то корректный полосатый джентльмен в бурой с прозеленью хламиде напоминал медика. Во-первых, он назвал фамилию, представился как Нерли Цодинг. Во-вторых, он переговаривался с нашими врачами и продемонстрировал тётушке Видзико пушистую полосатую осу для внутримышечных инъекций. В-третьих, он прибыл по нашу душу — это было заметно невооружённым глазом.

Начиналось наше обучение просто прекрасно.

Используя методику господина Чероди, мы усваивали слова местного языка с фантастической скоростью. Через несколько дней интенсивного обучения я начал замечать, что понимаю не только слова, но и ароматы, обращённые ко мне нашими друзьями-лицин. Виктор, начинавший общение очень тяжело, и даже радость наша Калюжный, способный к языкам не более чем ломовая лошадь, осмелели до того, что перекидывались с лицин репликами. Денис был в восторге.

— Ещё немножко подучимся, — говорил он радостно, — и можно будет обо всём расспросить.

Я, откровенно говоря, разделял его энтузиазм далеко не в полной мере, а Кудинов был и вовсе пессимистически настроен.

— Щас! — резал Виктор. — Ты погоди, салага, простые слова кончатся, понятия пойдут. Вот тогда мы и сядем в лужу, все вместе.

Динька обижался, но я не мог не согласиться с Виктором.

В его правоте мы начали убеждаться даже раньше, чем ожидали. Наша жизнь в посёлке Кэлдзи изменилась с прилётом Чероди, но Чероди был первым из множества визитёров. Он только готовил нас к контакту — осуществлять контакт, видимо, не входило в его компетенцию. Именно поэтому, обучая нас речи, Чероди время от времени натывался на

непонимание, как на стенку — и ровно то же самое происходило с нами.

За первые два или три дня мы изучили массу обиходных слов, связанных с будничной жизнью лицин. Произношение давалось с трудом — но это казалось мне единственной сложностью: грамматически язык, по-моему, был не сложнее английского. Оттенки смысла дополнялись запахами — и видимо, богатство ароматических подтекстов заменяло грамматические вычурности. Грамматические формы преобразовывались в языке лицин одна в другую так же легко, как переливались один в другой оттенки ароматов: иногда мы, люди, притормаживали перед простым словом, не представляя, как перевести его на русский.

Как образовать действие от слова «мёд»? Грамматически — сделать себя мёдом целиком, по смыслу — стать для кого-нибудь (друзей? родных?) таким же сладким. По сути — вести себя соответственно медовому запаху слова «любить», такого же многогранного, как и в русском языке.

«Любить» лицин могли родню, друзей, зверей, растения, — не в качестве еды, а как госпожа Видзико любила Дерево, — слова — скажем, стихи — и места. О любимой еде здесь говорили с особой приставкой к слову «мёд» — и мне вспомнился знаменитый кавказец из анекдота, который помидоры «кюшать любил, а так — нет».

Мы потихоньку разобрались с родственными узами. Сестры могут быть только родными, «цзициг» — но с полусотней приставок, означающих степени кровного родства: как у нас — единоутробные (единосумочные?), двоюродные, троюродные... Братья могут быть родными со всеми соответствующими вероятностями и «цзитинг» — «пришедшими», наверное, или «сводными», а по смыслу — принятыми в клан. Глава клана — матриарх, как я и думал, а вот семейных пар внутри клана просто нет.

— Как нет?! — возмутился Калюжный, когда мы изучали этот вопрос. — Чё за хрень?! Родные братья, так? Так хрен ли у них и отцы разные, и матери тоже?!

— Члены клана, — сказал Денис. — Ну и что ты не понимаешь? Чероди же объяснял родословное древо: три брата, у тех, кто «дзи» — сходится мать, у тех, кто «дго» — отец, все же ясно!

Калюжный потряс головой и пристал к Чероди:

— А как будет «муж»? И «жена»? Радзико — чья жена, елки? Кто ее муж? Или она — вдова?

Цвику показались забавными слова «муж» и «жена», и он захихикал, ткнувшись носом Денису в ухо — Калюжный обиделся.

— Я же серьезно, блин!

Чероди кивнул — мы его уже успели научить этому жесту — и принялся выяснять с помощью кукол, из которых Сергей выбрал пару разнополых.

Взаимоотношения, да. Обнимашки, «стать медом», любовь — да. Интимная близость — Калюжный гыгыкнул — да.

Чероди широко улыбнулся:

— Родичи?

Это слово мы уже знаем, оно слишком общее.

Обнимашки, секс, мед.

— Дзуг? — возлюбленная пара? Любовники?

Это слово мы тоже уже знаем.

Калюжный помотал головой.

— Да нет же, елки!

Как Чероди не сойдет с ума от оборотов, вроде «да нет»! А Цвик каждый раз хохочет над «ёлками»: мы с Денисом ему уже объяснили, что ёлки — деревья. И впрямь — при чем тут деревья! А слово «эвфемизм» Цвик ни за что не поймёт — и земляне-то не понимают.

А объяснить лицин земную нецензурщину, кажется, нельзя. У них нет для этого ни подходящих слов, ни подходящих понятий. В самом начале нашего обучения Чероди заучивал с нами названия частей тела, весело — и абсолютно нейтрально. Ухо, палец, мочка носа, задница, щека, член — с одной и той же интонацией. Просто слова, вообще без особой эмоциональной окраски, без табу и сакрального трепета — Калюжный даже разочаровался.

— Так чего, — спросил он тогда, — если им сказать «твою мать!» — не поймут, что ли?

— Поймут, как «я тебе в отцы гожусь», — предположил я. — В смысле, «мы родственники, милый».

Денис фыркнул, а Виктор усмехнулся:

— Ничё, салаги, я ещё проясню тут, какие у них есть выразительные слова для пендалей, — но, кажется, отложил выяснения на потом.

Какой-то намёк сакральность из всех названий органов и частей тела у лицин имела только «сумка», но это потому, что значения этого словца раскрывались широким веером: отсюда же — «мать», отсюда же — «детство», «родство», «отчий дом» и, кажется, «Родина».

Родная земля у лицин — ни в коем случае не Отечество, именно Родина. Материнский там корень, женский, сумка — то, откуда все мы вышли, в этом роде. От корня «отец» слов меньше, родство другого ранга. У слова «отец» очень любопытный запах: цветка растения, похожего на земной одуванчик. Подтекст, по смыслу — «семя, разносимое ветром». Смысл тоже, в общем, близок к сакральному, но связан будто с какими-то другими стихиями, не с землёй, я бы сказал, а с водой и воздухом. Наверное, есть и другие смыслы, но сходу их не поймашь.

Между тем Чероди вытащил несколько своих кукол и принялся рассказывать сказку — медленно, ожидая, что мы станем переводить на ходу. Как я понял, это была простенькая, как «Репка», история для детей — но нам пришлось здорово повозиться.

— Ну, ясно — жила-была девочка, — начал Виктор. — Типа, дома с папой, мамой и сестрёнками, да, пацаны?

— В жилище клана, — сказал я. — То есть, у неё было множество сестёр и других родственниц. А её братья покинули клан. Так точнее.

— Всем заправляла эта бабка, ёлки, — вставил Калюжный.

— Матриарх, — поправил Денис. — Они не говорят «бабка», тут очень уважительное слово.

— Но она же была злая, бляха! — возразил Калюжный. — Чероди, скажи, она была злая?!

Чероди улыбнулся и покачал головой куклы-старухи.

— Не злая, — сказал я. — «Дгун» — суровая, наверное. Или строгая. Но она любила — была мёдом — своих родственников. Если не понимаешь слова — нюхай запах или уж на кукол смотри.

— Точно, — подытожил Виктор. — Старшая старуха в клане была строгая тётка, но всю родню любила. Давай дальше, Чероди.

— И тут пришёл парень, — сказал Диня.

— Нгин-длонг, — вставил Цвик. — Длонг-ре?

Как же это перевести? Весной? Или — когда для этой девочки наступила весна? Чероки пояснил, сунув ручку куклы в сумку: когда девушка стала взрослой. В начале её весны — запах тут одинаковый, запах марта.

— Едем дальше, — определился Виктор. — Этому шкету понравилась девочка.

— Ни фига! — мотнул головой Калюжный. — Она ему не просто понравилась, она — «дзуг-ли», у него встал, аж засветился.

— Он страстно влюбился, — перевёл я. — А она «дзуг-лай», мы ещё не слышали такого оборота, но предположу: ответила на его страсть.

— Но матриарх... как это, ребята? Хен-кер... хен — нельзя, когда нельзя совсем. Так нельзя, что даже больно. Чероди даже не стал пахнуть «нельзя», только словом сказал — вы заметили?

— Точно, Динька. Просто — велела гнать его на фиг. Только — не врублюсь, за что.

— Чероди, вы не могли бы ещё раз показать, почему «хен-кер»?

— Чё за слово такое — «гдинз», ёлки?

— Сергей, «гдинз-кэлдзи» — это о наших милых хозяевах, а? «Гдинз-гронг» — аэронавты, помните, джентльмены? А «Гдинз-дзоран» — это Чероди; наверное, я могу предположить, что это тоже название профессии. Скажем, учитель. Я рассуждаю логично?

— То есть, у него была какая-то левая специализация, так что ли, Артик? В смысле, старуха решила, что он не работает, а фигнёй страдает? Или он криминалом каким-то занимался?

— Не, мужики, мы так не поймём. Этот кусок потом надо будет специально переводить, тут очень много незнакомых слов... Я, например, не понимаю, ни — чем парень занимался, ни — чем занималась родня девочки. Тут надо слов набрать... Но, в общем, матриарх не позволила парню остаться, и он... что? Заболел?

— Его сердце было разбито, Денис.

— Не смейся, Артик, я серьёзно!

— И я серьёзно. «Конг-де» — сердце, помнишь? По-моему, Чероди сказал: «его сердцу стало больно биться». Чероди, «о-гиз» — вот тут? Видишь, да — сердцу.

— А девка — плакала? Что это за слово?

— Нет, Сергей, девка — думала. «Цонд» — думать, плакать — «цзонд». Она, я полагаю, думала о том, как бы остаться со своим любимым, не смотря ни на что. И вот, когда настала ночь...

— Нет, пацанва, когда настало время уходить!

— И верно... так вот, когда настало время уходить, девушка взяла что-то... что-то важное взяла с собой, простилась, наверное, с родственниками — и ушла вместе с парнем. Девушку, надо полагать, никто не приютил бы, потому что это, вероятно, путает им все сложные родовые связи — и эти двое влюблённых построили дом... наверное, на ничьей земле.

— Во-во, ёлки! И она там пристроила это... что от бабки принесла. И сама стала этим самым...

— Матриархом!

— Точно!

— Фу-ух... Семь потов сошло... Но мы всё равно молодцы, салажня! Почти поняли, а?

Я был согласен. Суть сказки мы поняли: Чероди рассказал нам, как, очевидно, рассказывают здешним малышам, о том, откуда берутся новые кланы — а заодно пояснил

Калюжному, что такое тут муж и жена. Но это загадочное нечто, прихваченное отважной путешественницей, не побоявшейся уйти из дома навстречу трудностям и опасностям — оно сильно меня занимало.

И это я, надеясь разобраться в тонкостях этой истории, пристал к Чероди с названиями профессий...

А я вляпался по самое «не балуй». Случайно, ёлки — но кому интересно, случайно или как.

Во всём Чероди виноват. Потому что он нас научил, мы начали чутка триндеть на чебурашечном языке, а когда начали, нас как бы стесняться перестали, что ли.

Не, они и раньше особо не стеснялись. В смысле, занимались при нас своими делами спокойно. А по-людски стесняться вообще не умеют, ёлки, — но мне и в голову не приходило, что до такой степени. Бесстыжие вконец. И хрен знает, как теперь относиться к этому.

После того, как Чероди встретили, к ним тут началось настоящее нашествие. То на воздушных шарах прилетали, то на других леталках... я даже не знаю, как назвать-то, бляхамуха! Оно не самолёт, точно. Но, похоже, с мотором. Но мотор какой-то чудной, а крылья складываются, да и вообще — не крылья, а парус, вроде, не знаю, этих наших новомодных парапланов. Более быстрее летает, чем ихние воздушные шары, и от ветра, кажется, не так зависимо, хотя, хрен знает, опять же — потому что в пилотах всё равно живут осы. Навигационные осы, как Тёмка говорит. Сверяются с ветром — то есть, надо думать, зависят всё-таки.

Но тут дело в чём: параплан берёт только одного пассажира, а груза — самую малость. Грузы перевозит здоровенная хрень, типа дирижабля. Они на такой херовине зависли над фабрикой-кухней, спустили на тросах сто штук ящичков, козырнули и улетели. И вся эта суета — ради нас. Ради людей, в смысле.

Это Цодинг замутил. Полосатая образина, блин, морда, как у кота; тут тоже есть пара полосатых, но не до такой степени. И выражение, как у кота, кстати: самый дерзкий, ёлки. У него дела были с Нгиланом — и они на пару этот медпункт, где Нгилан нас долечивал и ещё пара местных работала, превратили невесть во что. Это для медпункта на дирижабле привезли оборудование — но ведь какое оборудование, ёлки! Тут уже даже не просто ГМО, тут порнографию какую-то привезли. И понять трудно, и описать трудно, и смотреть противно, блин, а участвовать вообще с души воротит.

Но всё это для нас. Нас изучать.

Лаборатория.

Нет, я чё, я понимаю, лаборатория, там... рентген, то, сё... Или эти... ну как их? Кровь взял — и под микроскоп. Термометры же. Барокамеры. Но не такая же хрень!

Привезли медуз в прозрачных банках. Медуз, блин! — гадость гадская. И от ихнего рассола провели трубочки к какой-то шгуковине, типа... не знаю... экрана, что ли, только это не экран. Стоит вертикально доска, примерно полметра на полметра, вся в соплях... ну, не в соплях, но на ощупь как студень. И к ней идут прозрачные трубочки от медуз. Вот что это? Компьютер ГМОшный? Или что?

А блины взять? Вот они — что такое? Блины как блины, пористые, зеленоватые. Толщиной сантиметра в три, диаметром в тарелку. Каждый блин — в отдельной упаковке, надо их стопкой сложить, определённое, видимо, количество. В блины запустили букашек каких-то. Зачем?

Осиные гнёзда — это ясно, это ладно. Пауки как тараканы с клешнями — это тоже ясно. Но остальное-то — зачем?

Я даже Тёмку спрашивал — но и он нифига не понял.

— Я бы, — говорит, — Серёга, на твоём месте не ломал себе голову. Когда ты дома приходил к доктору — хорошо понимал, что и зачем делают в поликлинике? Зачем тебе выписывают определённый препарат, как работают с анализами? Вот видишь, ты и на Земле понимал далеко не всё. А что вид какого-нибудь земного тонометра или микроскопа нам привычнее, чем вид медуз или этих блинов, как ты говоришь — дело стереотипов мышления, ничего больше.

Стереотипы, блин блинский! Развидеть бы теперь это хоть как-нибудь...

Цодинг Нгилана послал, а Нгилан нас позвал в эту лабораторию. А там у них уже толпа собралась, чебурашек пять приезжих и из местных кое-кто: две старых тётки, которые нас ещё в лесу встречали, и напарник Нгилана, седоватый. А в самой лаборатории какая-то муть творится. Медузы в банке переливаются, огоньки от них идут, то голубые, то розовые. На доске этой, сопливой, тоже что-то моргает, побулькивает. Штуковина какая-то выстроена, из трубочек, то ли палочек, то ли чего... а про неё Тёмка сходу сказал:

— А вот это, мне кажется, микроскоп, джентльмены.

И Цвик сказал это слово, «гдинз». Гдинз-лац. Так сказал. А «лац» — значит жизнь.

А «гдинз» — значит делать. Работать, в общем.

Витёк перевёл:

— Биология, пацаны.

И сам первый подошёл. Поговорить с Цодингом. Ну, на чебурашечьем, конечно, еле-еле балакает, но ясно, что хотел объяснить, ёлки. Мол, вы же хотите нас изучать? Так вот, нате, меня и берите.

Динька с Тёмкой даже не мякнули. Он им слова не дал вставить. Командир, ёлки. Как Тёмка любит говорить, слуга царю, отец солдатам. На себе, типа, эксперимент решил сделать.

Я думал, они будут кровь брать. Осами. А ни хрена, ёлки, у них, наверное, наша кровь уже была. Или Нгилановы осы как-то уже всё рассказали. Или они Нгилану рассказали, а он уже остальным, хрен поймёшь. Но, в общем, кровь им оказалась не нужна.

Они устроили ГМОшный рентген. Ошизденеть.

Раздели Витьку, усадили на этот специальный стул, где хоть зубы рви, хоть что — и достали ещё одну банку с медузами. Те медузы, которых мы с Динькой выгружали, какие-то хвостатые, ёлки, бахрома на них в рассоле развевается, а эти — бесхвостые, круглые, плоские. Типа лепёшки прозрачной, такой полиэтиленовый студень тонким слоем. Только четыре кружка в середине, с монетку, синеватых.

Цодинг полез лапищей в рассол — и выловил оттуда медузу. И — ляп её на Витьку!

А Витёк — трёхэтажным, от неожиданности.

Холодная она же, ёлки. Мокрая.

И Динька ахнул. А Тёмка, вроде, как-то подался вперёд, будто что-то сказать хотел. Но не сказал, не успел.

Потому что Витька под медузой начал исчезать! Таять, блинский-то блин! Сперва сама медуза исчезла, а потом — евонная кожа! До мяса — и видно, как оно там всё...

Я уже собрался начать орать. Ну, ясно: вашу ж мать, вы что с человеком делаете-то? — всё такое... только Витька-то не орал. Охренел — да. Но — по морде видать, что больно ему не было. И кровь оттуда не текла, вообще говоря.

У него только глаза растопырились по пятаку — он на себя смотрел. Себе на бок. И все

смотрели. А на боку у него уже мясо потихоньку исчезало. Сосуды виднелись, по которым кровь течёт, ещё какие-то штуки... а под этим всем уже рёбра просвечивали.

Тёма только и выговорил сипло:

— Виктор, ты как?

А Витёк так же сипло и ответил:

— Холодная, паскуда.

А в боку — дыра. Пряма дыра. В форме медузы. И уже видно, как под рёбрами сердце вздрогивается. Жуть. Прямо ком к горлу, ёлки — и блевать тянет.

А мы стоим, как три барана. В шоке, бляха-муха.

Только Цодингу, наверно, было плохо видно, или что — и он эту медузу взял и подвинул. Всего-навсего. Повыше.

И за медузой вся дыра съехала вверх — там постепенно начала исчезать Витькина шкура. А внизу — всё пошло обратно: сперва рёбра, потом мясо, а потом стало кожей затягиваться.

Динька осторо-ожненько палец протянул и потрогал. И выдохнул.

А Тёмка сказал:

— Да, господа, неожиданно. Мощная иллюзия.

— Мощная, — говорю. — Я тут им чуть всю лабораторию не разнёс, ёлки. Так тонну кирпичей, блин, можно отложить.

Только тут заметил, что чебурашки, вроде, удивились. Вроде не ожидали, что мы расписхуемся.

Нгилан говорит чё-то, типа:

— Разве страшно? — и ещё что-то там про посмотреть на то, что внутри.

Я себе по черепу постучал кулаком:

— Понимать надо, док, — говорю. — Мы же не видали таких медуз, ёлки! — а дальше перешёл на ихний. — Я, — пальцем на себя, — думал, что она, — на медузу пальцем, — его ест. Ясно?

Они как расхохочутся.

— Мудачьё, — говорю. — Козлы. Предупреждать надо.

И тётка Видзико меня погладила по морде своей обезьяньей лапкой. Запахла цветочком.

— Зергей, — сказала, жалостливо, вроде, — нельзя так. Ужасно-страшно. Как можно съесть Вигдора живьём? Как можно так думать?

— Кто вас знает, — говорю. По-русски. А потом — на ихнем. — Ценг-ро.

В смысле, «бывает». Или «случается». Сами говорят «ценг-ро», если чего-то такое выходит непредвиденное. Болезнь-ураган, дрянь какая-нибудь.

И вдруг вижу — уже и не смеются. Смотрят на меня. И Цодинг с Витька медузу снял и в банку пустил.

Чего-то удивил я их, ёлки.

Они, главное дело, сразу перехотели нас изучать. Вообще. Пожилой стал банки с медузами закрывать плёнкой, Цодинг потянулся трубки вытаскивать — всё, в общем, кончен бал. И Динька прям чуть не плачет, губы кусает.

Тёмка чего-то заикнулся:

— Наверное, вы не так...

И тут Витёк себе пузо потёр, где от медузы мокрое, встал — и Цодинга так приобнял, за плечики, как они тут друг с другом ходят. И говорит:

— Слышь, док, вы, в натуре, не так поняли. Мы же видим, что вам интересно — так и нам интересно. Мне интересно. А на Серого не смотри, он просто медуз боится. У нас дома медузы... это... с зубами.

Забыл слово «кусаются». И, вроде, Цодинг ухмыльнулся малость, что медузы с зубами.

А Витька — дальше:

— Ты не кипишись. И другим скажи, пусть не дёргаются. Мы просто нервные. У нас это... мир такой, опасный. Там все с зубами. Шуточки у нас глупые: «я тебя съем!» — никто людей не ест, а шуточка осталась... с бывших времён. С этого... с дикости...

Смотрю — слушают. Перестали оборудование сворачивать.

А Витька — ещё:

— Артик, скажи, мы глупо шутим? Эта... как её? — традиция. С древности. Мать младенцу говорит: «я тебя съем!» — ну не собирается же, в натуре! Или... это... что зверь придёт, зубами схватит... Не придёт, просто, ну, это... с дикости. Как это слово, пацаны?

И Тёмка говорит:

— Фольклор эпохи До Книг. Црен нге-зо, — и улыбается. — Да, это так.

Тут Нгилан ухмыльнулся.

— Зергей, — говорит, — это как... — и слово не помню. Но понять — понял: жук, которым достают водяных червей из-под шкуры. — Безвредно-безопасно, — и пахнет детёнышем. Это не понял. То ли намекает, что, мол, безопасно, как младенец, то ли — что я молокосос.

Только я спорить не стал.

— А я что, — говорю, — я же ничего. Я так... глупые шутки, как Витёк говорит.

Они продолжили. Мы хотели, чтоб они продолжили — и они продолжили. Но всё равно...

Они как напряглись, так и остались. Все. Даже Нгилан.

А что я такого сказал-то? Никогда не знаешь, на что обидятся. Сами, небось, руконожек со стола кормят. Или вот — блоху у себя выловят, на другого пересадят. Без штанов ходят. Им можно.

А как что-нибудь скажешь — обижаются на всякую хрень.

А как мы ушли из лаборатории — ещё и наши насели, приспичило им морали читать.

Тёмка выдал:

— Сергей, я тебя очень прошу, думай, что говоришь. А лучше молчи.

— Да чё, неправда, что ли? — говорю. — Нехрен ко мне вязаться! Можно подумать, ты сам не пересрался!

А Витёк:

— Да пшёл ты со своей правдой! Молодец, ёпт, объяснил ушастым, что у нас человека могут заживо сожрать в экспериментальном порядке. Ошизеть, что они теперь о Земле думают. Врубился, нет?

— А что, — говорю, — не правда?

У Витьки аж щека дёрнулась. И он как рявкнет:

— Да конечно правда! Господи, Боже ты мой, как же ушастые жили-то до сих пор без этой правды?! Кишки у нас интересно устроены, понимаешь? И бабы детей носят не снаружи, а внутри — вот обалдеть! И шкура, вот, голая — тем мы от них и отличаемся! И хватит пока! Или ещё что-нибудь расскажем? Что у нас и жрут, и режут, и медуз кормят, и баб насилуют, и атомная бомба, чего там?! Слишком вольно живётся, да, салага? Сбегай,

расскажи им, расскажи! Они про твой нож забыли — ты напомни, ты им подробно объясни, что у нас делают такими ножиками, гопник хренов! Пусть нас в клетку запрут, а ключ выкинут!

— Я, вроде, ничего такого... — говорю. Даже растерялся.

И Витёк — зверем:

— Вот и молчи! Заткни хлебало и молчи, пока не спросят, раз не соображаешь ни хрена!

Тёмка говорит:

— Ты впрямь думаешь, что они могут полностью пересмотреть отношение к нам, Витя?

А Витёк только вздохнул и лоб потёр. Типа устал.

— Как нефиг, — говорит. — Как два пальца об асфальт. Так что вы погодите пока с этой... с правдой. Успеете. Мне надо кое с кем перетереть и подумать.

А с кем — не сказал.

Но не с нами и не с Цвиком даже. Просто ушёл и всё.

Трындец, какой независимый и таинственный.

И вся беда — в том, что поговорить, считай, что не с кем.

Вернее, я пораскинул мозгами и решил: можно перетирать только с Артиком. С Калюжным, с мудачиной, разговаривать — только время терять, а Диньке я в этих вопросах не очень верил.

Потому что Динька своему Цвику чересчур доверял. Они плотно так скорешились, всё вместе да вместе. Ягоды ходили собирать в сад, чего-то там помогали на фабрике-кухне. Цвик Диньку учил паука кормить слюной с пальца. А раз человек скорешился с инопланетянином — тут ясно, сложно его заткнуть. Ему захочется потрындеть с приятелем.

Тем более — он совсем лошок, Динька, хоть и талант в своём роде. Развесистый такой, доверчивый.

Я понимаю, что Цвик-то от него недалеко ушёл — но эти два дурака могут ведь и дров наломать. Запросто. Сказали не то, не тому...

Вот ведь, японский бог, как всё вышло-то некстати. А так хорошо вырисовывалось! Я уже надеяться начал, что мы постепенно так научимся говорить как следует и разберёмся помаленьку. Шиш мне, шиш! А надо было думать. Вот из-за таких долбоклюев, как Калюжный, всякая точная техника и взрывается — и падает с неба или на дно идёт.

А Артику верить можно. Артик умный и надёжный. И я его толкнул вечером, когда Серёга с Динькой и Цвик с Чероди уже спать легли. Мол, пойдём, пройдемся. Воздухом, что ли, подышим.

Не облажался. Артик мигом понял.

И мы с ним вышли и пошли погулять, можно сказать, за околицу.

Частичное новолуние пришло. Большой луны вообще не видать, маленькая — серпиком. Дорожки из литопсов светятся, как будто реклама какая — голубым, а цветы — разноцветным. Как по Москве или по Питеру идёшь, по центру. Красиво. Но у меня просто камень на душе.

Артик рядом шёл, молчал. Думал.

Я ему дал подумать, а потом спросил:

— Ведь не поверили они, а, Тёмка?

Он на меня посмотрел то ли грустно, то ли устало, не поймёшь. И сказал:

— Ты всё сделал правильно, командир, — без стёба, похоже. Серьёзно. — Но поверили они или нет, трудно сказать. В любом случае, Витя, всё, чего мы достигли за это время, сегодня поставлено под сомнение.

— Они ведь думали, что мы вообще безобидные, да? — сказал я. — Поэтому и без санкций? Решили силами учёных обойтись, да? Только Чероди — спецушник, по ходу...

Артик то ли кивнул, то ли так головой мотнул.

— Чероди — очень непрост, безусловно. Спецушник... Не знаю. Не уверен... Не полномочия у него особые. Мне кажется, ещё у Цодинга особые полномочия. Они собирают всю информацию, которую можно собрать здесь, на месте — а Чероди готовит нас к настоящему контакту, со специалистами, обитающими где-то ещё. Это я сумел уловить из разговоров лицин; скорее всего, мы проживём в усадьбе Кэлдзи до конца лета. Во всяком случае, так предполагалось до... до этой истории.

Тогда я сказал:

— Погоди, не части. Тут меня волнует что... Тём, а ты понял, что их ТОЧНО дёрнуло? То, что мы их боимся и не верим толком? Подозреваем? Или они решили, что мы можем учудить что-нибудь?

Артик задумался. Долго молчал, потом заговорил медленно:

— Знаешь, Витя... может, с моей стороны это и наивно, и сентиментально... но мне показалось, что им просто не уложить в голове саму возможность. Им не представить себе, как можно в экспериментальном порядке, как ты говоришь, скормить хищнику разумное и живое существо. Их это ужаснуло. Подход ужаснул.

— Да ладно! — говорю. — Прямо уж, такие белые и пушистые! Ушарики...

— Они нам бескорыстно помогают, — сказал Артик.

И я вдруг сообразил, что злюсь.

— Конечно! Бескорыстно! А изучали?

Артик зыркнул — и тоже зло:

— Когда они поняли, что нам страшно и мы не верим — готовы были свернуть всю программу исследований. Пойми: мы можем сказать, что — не хотим. И от нас отстанут. Будут адаптировать, учить, кормить, лечить — но не станут досаждать экспериментами, которые нас травмируют.

Закончил прямо с ядом. Цианид с клыков капал.

И я почувствовал, как у меня морда кривится.

— Ага. Мы в рай попали. Не надо «ля-ля», Тёмка, я помню, как Лангри взъелся, когда Калюжный...

— Здесь не рай, — отрезал Артик. — Здесь другая этика. Выстроенная на других биологических принципах. Могу поделиться кое-какими соображениями — если успокоишься.

А что мне беспокоиться... спокоен я, чего там! Как позавчерашний утопленник.

— Хорошо. Итак, — и голос у Артика сделался, как по телевизору. — Я пытался расспрашивать Чероди о некоторых понятиях, очевидных для любого землянина. Для любого, подчёркиваю.

— Про секс?

— Не начинай.

— Ну и что очевидно для любого?

— Родина в смысле «страна». Государство. Правительство. Границы. Армия. Полиция. Закон.

Ага, думаю, ты простой такой! Как он тебе объяснит? А Тёмка продолжил:

— Смутный аналог понятия «Родина» у них есть. Скажем, Родина Цвика — этак с заглавной буквы, как принцип — это усадьба Кэлдзи. Осознай. Усадьба Кэлдзи. Не шире.

— Не понял.

У Артика морда сделалась безнадежная. Я, мол, бреду по колено в идиотах. Но я не стал перебивать, а он начал объяснять, тоном замученной няньки:

— Родина Чероди — дом, где родился Чероди. А всё, что ассоциируется у него с понятием «власть» — это матриархи. Я перепробовал все мыслимые способы объяснить, что такое правительство, правление, государство. Он не понимает. Вообще не понимает, ты это можешь себе представить?

Я честно сказал:

— Нет.

— Именно. И я не могу. Вчера после ужина, когда Динька ушёл с Цвиком, а вы с Калюжным рассматривали сороконожек на стенах, я убился об Чероди, Витя. Расшибся. Я перебрал все способы, он перебрал все слова из своего немалого словарного запаса. Он очень плохо представляет себе, что такое принуждение, Витя. А что такое насилие, похоже, не представляет совсем.

— Так не бывает.

— Не бывает, — кивнул Артик. — У них есть слово «заставить», ты знаешь. Цженг. Я выкрутил все контексты. Цженг ди цор. Заставить... ну, скажем, расти. Применительно, по моему, к генной инженерии. Заставить литопсы расти дорожкой с помощью биохимического воздействия. Цженг ди цве. Заставить принять — с помощью аргументов — какую-нибудь мысль. В споре. Ченд ор цженг. Обстоятельства заставили. Обстоятельства заставили пойти проверять линию грибного телеграфа в метель. Всё.

— А заставить человека?

— Вот здесь-то и порылась собака, Витя! У них вообще нет такой грамматической формы. То есть... в принципе, сказать можно. Но... как по-русски сказать «задуматься мухами» или «чихнуть слоном». Это фраза без смысла. Человека, видишь ли, заставить нельзя.

— Опа! — ляпнул я. — А почему?

— А как? Он же уйдёт!

У меня челюсть отвисла. Я протормозил аж минуту, может, две.

— Э... куда уйдёт?

— Не знаю, — и я услышал в Артиковом тоне прямо-таки насмешку. — Мало ли, куда можно уйти.

— Не понял.

— Мне сказал Чероди, — Артик уже улыбался.

— А в чём тогда власть у матриарха? — я вдруг почувствовал, что тоже устал до ужаса.

— Она может «хен» и «хен-кер». Наложить табу. Или вето. На женщин и детей своего рода. На мужчин — не может. Мужчине может только отказать от дома. «Хен-кер» — ты тут табу. Всё.

— Слушай, Артик, — сказал я, — ты издеваешься, да? Хочешь сказать, что тут — полная анархия? Никто никого не заставляет, всем всё можно? Так, по-твоему, да, ёпт?!

Мина у Артика сделалась, я бы сказал, жалостливая.

— Трудно, Витя? Нет, не анархия. Абсолютный порядок. Потому что табу нарушить нельзя.

— Да почему?!

— Потому что это — запах. Биохимический приказ. Попрёшь буром — умрёшь.

Меня впечатлило. Я, оказывается, всё-таки, не ожидал. И сказал:

— Ничего ж себе делишки! Хочешь сказать, кто не подчинится — секир башка?

Артик вздохнул.

— Они не убивают, Витя. Убийство — «хен-кер» с детства, жесточайшее табу. Они об убийстве себе подобного даже помыслить не могут. Ты же видел — намёк вызвал у них шок.

— Взаимоисключающие параграфы — такие взаимоисключающие...

— Ничего подобного. Представь: вот важный объект, который — табу. Он окружён проводами под током, и на них висят таблички «Не прикасаться! Смерть!» Некий злобный и упрямый идиот наплевал на предупреждение и полез. Кто его убил? Автор табличек,

конструктор забора — или он сам себе схлопотал премию Дарвина?

У меня в голове появились какие-то проблески.

— «Хен», значит — предупреждение? Лангри...

— Да, Витя. Лангри предупредил Калюжного, что угрозы стальным клинком тут — «хен», табу. Как я понял, «хен» — одновременно и предупреждение, и наказание тому, кто слишком приблизился к запретной территории. Так здесь воспитывают детей. Нарваться на «хен» в полную силу — никто не хочет. И нам, подозреваю, в полную силу его ни разу и не демонстрировали. Это по-настоящему больно.

Логично, что. И, пожалуй, понятно. Только уж очень не по-нашему.

— И что, старуха может что угодно объявить табу? А если бабка из ума выжила?

Артик пожал плечами.

— Наверное, что угодно. А может, тут тоже есть какие-то ограничения. И у матриарха, по-моему, есть что-то вроде свиты. Совет. Всегда женщины.

— Ни хрена ж себе! Выходит, у мужиков вообще права голоса нет? Хороши порядки...

Артик задумался. Стоял, трогал босой ногой литопсы, чтобы свечение мигало... потом сказал:

— Мне кажется, что права у мужчин есть. Но я ещё не понял, как эти права реализуются. У них тут совсем другие отношения — и к клану, и к имуществу, и друг к другу. Табу — это сравнительно просто. А вот прочее — это довольно сложно. Но на биохимии завязано буквально всё: и отношения между детьми и родителями, и отношения между пришлыми и местными. И секс. И те дела, которые они совместно ведут. Иерархия тоже определяется по запаху... Но я не знаю, не понимаю, как. Может, потом пойму. Пойдём спать, Вить?

Я тут возражать не стал. Но кое-что запланировал.

Мне хотелось поговорить с чебурашкой.

Но Цвик в принципе не подходил. Я уже себе составил мнение: Цвик — мелкий гвоздик, салага. Типа духа. Он жизни ещё не видел. Потому что их пацаны в совершеннолетие уходят, потом как-то себе мыкаются, устраиваются — и в конце концов остаются жить в какой-нибудь другой усадьбе. Важно, чтобы там не было родни среди девиц, за этим у них матриархи следят — ну, среди парней может быть родич, это неважно.

Но я это к чему.

Цвик ещё дома сидит. А, значит, опыт у него нулевой. Может, потому он и тютя такая — жизни не нюхал. «Хен» ведь тоже «хену» рознь: никто своей родной деточке настоящий «хен» показывать не будет, потому что настоящий — как хук в челюсть, а ребёнку в худшем случае прилетит поджопник.

А из нас, между прочим, «хен» сделали не только Калюжному. Я вспомнил, как Нгилан сделал Артику, когда Артик хотел пришлѣпнуть осу. Но там был совсем другой коленкор. Я даже и не понял, насколько это серьёзно. Это был даже не поджопник, а так... ну, скажем, рявкнули. Не больше.

Что это доказывает? Что они разбирают, кому вцепить со всей дури, а кого пожалеть, только предупредить. И деток наверняка с размаху не бьют, жалеют.

Другое дело — чужого. Пришёл в чужой монастырь, там, может, и «хен» по другим поводам... И я ещё подумал, как провентилировать всю эту байду с Родиной. У них что, стран нет? И границ нет? А что, так можно?

Ну да ладно. Не об этом речь пока что.

Мне надо было поговорить с Лангри. Вот что.

Лангри шарил во многих вещах — и он был пришлый. И, я так замечая, не особо-то и боялся вмазать кому-нибудь от души — никаких тебе политкорректностей и деликатностей. То есть, наш человек, без притворства.

На следующий день я с утра пошёл Лангри искать. Боялся, что он смотался в лес, с телефонистами — но нашёл в саду. И тормознул.

— Приветик, Лангри. Есть разговор, — всё простые слова.

Он меня нюхнул в нос, как у них тут положено по вежливости — и мазнул запахом «тепло и хорошо». И остановился в пределах запаха.

— Ну так вот, — говорю. — Скажи мне, будь добр, вот что: «хен-кер» соблюдают все всегда? Вообще, в принципе, без исключений? Везде?

Он себе кончик носа облизнул, как пёс. И ухмыльнулся:

— Люди — не цветки-розанчики, — ну, я так понял, если по схеме «слово-запах». — Всё пахнет по-разному. И все.

— Но если нарушишь — окочуришься?

Он фыркнул. Имел такую манеру — не по-кошачьи, а по-собачьи фыркнул. И сказал:

— Можно уйти.

Ага, думаю себе.

— Я понял уже, понял. Но — куда?

Он ответил уклончиво:

— Смотря что «хен-кер».

— А не одно везде?

Не ответил, но всем телом и запахом изобразил «нет».

— А что бывает? — говорю. — Перечислить можешь?

И он смерил меня взглядом. Испытывающе.

— Могу. Не поймёшь.

— Попробуй.

— Долго. Главное — вот, — и, чтоб мне сгореть, выдал то самое, самое то! Железо-кровь-кишки. Наверное, что-то ещё, но я не понял, там были нюансы. А суть — смерть. Вот что. Насильственная смерть. Убийство. Или даже не смерть, но рана, боль, насилие — всё вот это вот.

— И куда можно уйти? — спрашиваю тогда. — Если вот так?

Он промолчал, только изобразил. Характерный такой запах. Могила.

— Без вариантов? — уточнил я. — Только кирдык?

— С вариантами, — сказал он явно нехотя. — Можно жить одному. В глуши, где нет людей. Близо не подпустит никто.

— Ну ладно, — сказал я. — Допустим. Понял. А ещё что «хен-кер»?

Он опять фыркнул. И сказал:

— Спроси Чероди. Мне не объяснить. Спроси завтра, на празднике.

Ново дело. И я спросил, не Чероди, его:

— А что празднуем?

Тогда Лангри сунул мне ладонь под самый нос, с запахом «младенчик» и ухмыльнулся весело:

— Ребёнка Чероди. Родит Нганизо. Придётся?

Я офигел и кивнул. И Лангри ушёл с видом абсолютно исполненного долга, а я остался стоять с отвешенным хлебалом.

Он так круто заложил, что я даже забыл про «хен-кер».

Нет, ну они простые такие! Нганизо я, положим, не помнил в лицо... в мордочку. Но Чероди приехал, вроде, меньше месяца назад! И уже.

Говорят, скоро кошки родятся — ни фига! Скоро родятся чебурашки! И если у меня были какие-то проблески насчёт их семейных дел — то все они совсем накрылись медным тазом.

Вроде Чероди не собирался оставаться тут жить.

Я что-то не заметил, чтобы он особо крутил с кем-нибудь любовь.

Никаких там свадеб-несвадеб за это время точно не было. Нет, девицы вокруг него вились, ночевать он чаще уходил куда-то, чем оставался в нашем гетто для сексуально негодных — но когда успел, я всё равно не понял. И сам факт...

И тут в сад прискакал Динька с довольной мордой. И с разбегу высказался:

— Вить, а я тебя ищу везде! Знаешь, Нганизо завтра собирается рожать, будет праздник — и мы все приглашены. В общем, нас звали прям присутствовать при родах. Артик сказал — это веха.

— Итить-колотить, — говорю. — Веха... Ладно.

Пойду, конечно. Куда я денусь. Но — вот никогда не мечтал смотреть на все эти роды и прочий мрак. Праздник нашли. Младенец — это хорошо, кто спорит, но, японский-то бог, роды им что, театр?

Только, как говорится, пригорюнился заяц, да делать нечего.

Конечно, Цвик пришёл ко мне разговаривать! Ещё бы он не пришёл...

А я именно тогда и задумался, как мы за это время изменились. И даже не заметили — я бы и сам не заметил, если бы разговор не зашёл.

Вот посмотреть на нас... Форму целиком носит только Калюжный, да и тот по дому ходит босиком, потому что по мху, который на полу растёт, приятно босиком ходить. Остальные — в чём попало: мы с Артиком — в лицинских пончо, Витя — в шёлковой распашонке, трусах и гетрах, которые на нём выросли. И босые. И волосы у нас начали отрастать. Совсем мы на испытателей не похожи, а на солдат — и тем более. Но это — внешнее.

А внутреннее — мы как-то успокоились, что ли. Даже Серёга, в общем и целом, успокоился. Грызться мы перестали, орать друг на друга, раздражаться... То ли тут такой воздух, то ли лицин на нас так действуют.

Воздух, кстати, действительно прекрасный. Лето в разгаре; о чём я жалею — так это что купаться нельзя. А купаться тут нельзя категорически: в воде ци-гзонг живут, твари, которые личинок откладывают под кожу. Местные, если уж очень надо идти по воде без защиты, выделяют секрет, который тварей отпугивает — а мы ничего выделить не можем. И Серёге ещё повезло, что тварь рано захватили. Нгилан объяснял, как бывает, если не лечить сразу — и заражение крови может получиться, и язва, которая будет очень долго заживать, и ещё хуже. А лицин не купаются, они после воды очень зябнут, даже заболеть могут, поэтому им активная борьба с этим гадством ни к чему. И мы приспособились, когда стояла жара, набирать воды в таз, из водосбора, и в саду обливались — лицинская детвора прямо визжала от восторга, но не участвовала.

Из-за этого у биологов разделились мнения насчёт нас.

Цодинг считает, что мы — околородный вид. Прибрежный. Спрашивал, не питаемся ли рыбой, и когда узнал, что питаемся, очень радовался, потому что свою теорию подтвердил. А Дченз, его научный оппонент, пожилой, уже седоватый по всему носу, и на голове, на гриве есть седые пряди, считает, что не похожи мы на водный вид, даже на околородный — не очень, хоть рыбу и едим, и носы у нас какие-то особенные. Он думает, мы — вид подземный. Типа голых кротов. Он узнал у Артика, что наши предки жили в пещерах, и сильно впечатлился, потому что лицинские предки никогда в пещерах не жили.

Но больше всего их интересует, как у нас получаются дети. Мы — не сумчатые; в здешнем мире тоже есть не сумчатые животные, но они ходят на четырёх лапах, и с родами там как-то совсем иначе устроено, легче. У местных учёных, как я понял, была такая гипотеза, что разумное прямоходящее существо может быть только сумчатым.

Цодинг меня спрашивал про роды, но я ему ничего не смог объяснить. Артика они потом тоже спрашивали, но и он оказался в этом вопросе совсем не специалистом. И лицин всё никак не могли взять в толк: мы что ж, дожив до наших лет, никогда не видали, как рожают наши женщины, что ли?

А мы им никак не могли объяснить, что кто бы нас пустил смотреть, вообще-то?

А они смотрят, ушами шевелят — и никак не понимают, почему. Ну что такого-то? Дело-то житейское. У вас же мамы-сёстры были? Ну?

Чтобы объяснить, надо очень много слов. Мы ещё не знали столько.

И ещё Серёга им сказал про медузу. Цвик тоже там крутился, он повсюду ходит с нами — собственно, со мной — и Цвик меня потом спросил:

— В вашем мире — ужасно?

У нас с ним уже очень особые отношения получились, это точно. Мы друг друга теперь звали «цзитинг-до», «сводный брат»... ну, я не знаю, как объяснить! С людьми иначе. Люди друг к другу принимают гораздо дольше. Я думаю, что лица могут как-то донюхаться до сути, быстрее — или запахом вообще врать нельзя, или труднее соврать. В общем... да что говорить! Если я брал в руки его любимого паука, как котёнка! Прошёл месяц — и я брал громадного ядовитого паука в руки и давал ему каплю слюны с пальца!

Правда, не уверен, что рискнул бы взять не Цвикова, а какого-нибудь чужого, незнакомого паука, или, скажем, постороннего. Но в данном конкретном случае — страха у меня не было совсем. Я держал паука, а Цвик его гладил пальцем по спине и мне объяснял, какой паук чудесный. И, кстати, да. Чудесный. Пушистый — и глаза, как глянцевые бусинки.

Ему брат подарил. Ушедший. Ну всё ведь ясно...

В общем, отношения между нами вышли очень доверительные. И поэтому он заговорил на крыше фабрики-кухни, где никого не было, и спросил у меня, а не у всех — потому что ужасно тактичный и не знал, как остальные отреагируют.

А про меня знал, что я ему скажу правду.

Я правду и сказал:

— Я не знаю. Мы привыкли.

— Люди смотрели, как человека ест хищник, и не пришли на помощь. И даже сами выпустили хищника. Так может быть?

И вид у него был напряжённый. Он о дико ужасных вещах говорил. Тяжело показалось согласиться, но — что поделаешь!

— Бывало, — сказал я. — Бывало и хуже.

— Как — хуже? — и уши нацелил вместе с усами, а в глазах зрачки расширились.

Я не смог ему сказать, как — «хуже». Но я придумал, как это немного смягчить — для него и для себя.

— Слушай, Цвик, — сказал я, — давай, ты расскажешь самую ужасную историю, какую знаешь. А потом я расскажу самую ужасную историю. Ладно?

Цвик как-то нахохлился, взъерошился... но моргнул согласно.

— Останови, если не поймёшь слово.

— А ты говори медленно, — сказал я, и Цвик согласился.

Получилось, что он первый с кем-то из нас заговорил о таких вещах. О том, что мы в их мире ещё не видели и видеть не могли.

— Это было давно, — сказал Цвик, ероша шерсть на руках. — Но не До Книг. Вы выучили названия чисел? Давно — двести лет или немного больше. Там остались развалины. Лес никак не хочет их поглотить. Место — цанджач.

— Что?

— Это делает ненависть. Помнишь это слово?

— Да.

— Тот, кто ненавидит, может цанджач. Это когда хен-кер — весь клан и вся земля вокруг. Для большинства живых существ.

— Проклятие? — сказал я по-русски. — Не повторяй, ты не выговоришь. Это ужас, правда. А за что их — это... цанджач?

Цвик начал рассказывать очень медленно — выбирал слова, которые я смогу понять. Иногда дорисовывал смысл запахом, как картинкой. Я расшифровывал эту историю, может, час, а может, и больше — но, в конце концов, понял примерно так.

Лет двести или больше тому назад из-за какого-то природного катаклизма случился голод. Я думаю, это была засуха, потому что запах был — сена и дыма, но по-любому — горели леса, где все лицин и живут. У них пропали их, наверное, посевы и сады... я не видел полей, но это сейчас, а тогда, может, и были поля... ну, в общем, у них стало очень худо с едой.

И они занимались поиском средства от этого бедствия. Тут я не очень понял, но, по моему, все генные инженеры включились в работу, пытались найти, может, суррогат еды, а может, вывести что-нибудь, что быстро размножается. Но из-за природной катастрофы это было тяжело сделать.

Я понял так, что женщины и дети в кланах жили запасами — ну, у богатых кланов были запасы. Кланам победнее и поменьше приходилось туго. Цвик сказал, что женщины перестали рожать. Тут я не понял: как будто, «остановили развитие жизни внутри» — это надо будет потом прояснить. Мера отчаянная — но не так уж она сильно и помогла, я думаю.

А странствующим мужчинам, «семени мира», оказалось просто совсем фигово: у них-то не было никаких запасов, и молодые ребята, по возрасту не очень крутые профессионалы, да если ещё и без набора особо ценных генов — оказались никому особо не нужны.

Обычно, как я понимаю, только самый последний неудачник не сможет прокормить себя в мире лицин, который — сплошной лес, только кое-где переходит то в степь, то в горы, то в джунгли. Их дети учатся общаться с миром, как только выбираются из маминой сумки. К тому же любой клан готов придти на помощь бродяге: тот может сделать для клана что-нибудь хорошее — а клан за это накормит, напоит и даст семена одежды. И это даже в том случае, если гены конкретного бродяги клану не нужны.

Но в то время — Цвик назвал его «год пепла», если я правильно разобрал и слово, и запах — с запасами у всех было плоховато, к тому же никто не знал точно, как долго это бедствие продлится. И получилось, что каждый матриарх вместе со своим кланом должен был сделать выбор: либо сохранить всё для своих, либо делиться с пришлыми, настоящей пользы от которых может и не быть.

В общем, в тот год вышел момент истины: все узнали, какой клан чего стоит.

Так вот, на север от Светлого леса, который тогда ещё принадлежал не Кэлдзи, а кому-то другому, жил очень богатый клан, как я понял, специализирующийся на генной инженерии. И они в тот год разработали какой-то особый сорт растений, то ли суперкалорийный, то ли суперурожайный — в общем, не бедствовали. Но матриарх об этом не особо распространялась. Дело в том, что сорт был как-то хитро завязан именно на этом месте, то ли на почве, то ли ещё на чём, в общем, вряд ли мог бы расти где-то ещё — и члены клана решили, что вместо того, чтобы совершенствовать семена, соседи будут требовать у них долю урожая. Обьедать их, короче..

И они благоденствовали потихоньку и молчали. А бродяг, которые время от времени добивались до них через обгоревший лес и дымящие торфяники, разворачивали — мол, самим жрать нечего.

А бродяги видели, конечно, что клан не голодает — но такая уж у них, у лицин, местная гордость: они не навязываются. Ничего хорошего они, правда, не думали, и это как-то

сказывалось на обстановке, я не понял, как — но это было ещё не «цанджач», а просто вроде надписи «жлобы», которую кто-то накарябал на асфальте у ворот шикарного особняка.

Но в один прекрасный день к ним пришёл больной парень, очень молодой и, как тут говорят, друг народа. В смысле — маленького народца, ос. Вообще-то тут считается, что такое товарищество с осами — штука очень ценная, и свойство ценное, и гены ценные — но не в данном конкретном случае. Во-первых, парень был пилот, а пилоты тем генетикам ни на что не сдались. Во-вторых, он, наверное, попал в лесной пожар, обжёгся сам и потерял половину своего роя — в общем, ни с какой стороны не был для клана ценным.

В другое время его, конечно, приняли бы хоть для того, чтобы оказать помощь. Ради доброй славы. Но в данном конкретном случае генетики решили, что надо заботиться не о репутации, а о собственном благополучии — репутация, мол, дело наживное. Но, полюбому, все их мысли только вокруг этого всего и крутились — вокруг того, что скажет княгиня Марья Алексевна, вокруг имущества, вокруг того, нужен или не нужен клану пилот — а на самого бродягу им было плевать, по большому счёту.

«От него несло болью и бедой, — сказал Цвик, — а обонять эту вонь в своём ухоженном и тщательно оберегаемом саду они не хотели». И они его развернули. Сказали, что рядом — ну, часах в восьми пути, не больше — есть ещё одна усадьба, а там хорошие медики, а у них — так себе. И выставили. И в суматохе обсуждений и самооправданий даже не вспомнили, что ни кусочка еды ему не дали, выставили так.

Натурально, он не стал упрашивать. Потому что друзья народа тут — аристократия, и к другим, и к себе относятся особым образом. И унижаться он не мог себе позволить. Шёл прочь, пока не добрался до границы их владений, а там лёг и понял, что больше не поднимется.

И тогда они с маткой его роя и сделали «цанджач». А потом он умер.

А осы, которые на нём жили, сделали с его телом «дзингорг».

Я спросил, что это — и Цвик сказал, что это делают те самые осы, которые народ, со своими умершими друзьями-людьми, отчего тело превращается в статую. Такие статуи — под Деревом, мужчины, отдавшие свои гены, разум и любовь клану, предки, в общем. Объект любви и преклонения.

Типа мумий. А мы все видели их «дзингорги» — и нам в голову не приходило что-то такое.

Но не было времени размышлять, потому что Цвик продолжал.

Потом жители усадьбы, конечно, учуяли весь этот кошмар — этот «дзингорг» и запах его нестерпимой обиды, боли, предсмертной тоски, ненависти — только сделать уже ничего было нельзя. Как бы... ну... весь лес уже знал. Потому что «цанджач» впитался в почву, травой пророс, муравьи-осы его разнесли. Проклятое место, как оно есть.

И всё. Больше к ним никто никогда не пришёл. И их парни, от которых несло «цанджачем», так и остались неприкаемыми, как этот несчастный бродяга. А дороги к усадьбе заросли травой, и их женщинам стало не от кого рожать детей, кроме своих братьев, что «хен-кер», зло-беда. И они жили сами по себе — все остальные смотрели как будто насквозь. Даже уже после того, как жизнь начала налаживаться, никто к ним не пришёл, никто у них ничего не взял, никто ничего не дал.

Цвик сказал, что они ещё довольно долго жили совсем одни, а потом растворились в лесу. И что он сам видел «дзингорг» этого парня и заросшие развалины — и место там жуткое, как страшный сон.

— Наверное, — сказал он, — бывали истории и пострашнее. Но о них узнаёшь из книг или из грибордио. А эта... — и поёжился. И у него снова встала дыбом шёрстка на руках.

А я сидел рядом и совершенно не знал, что сказать. Просто слова с языка не шли.

Тогда Цвик меня ткнул в щёку носом и сказал:

— Тебе плохо? Ты слишком хорошо это себе представляешь, да? И теперь думаешь о нас...разное... а бывало и хуже. Во времена До Книг, да и не только, если честно...

Тон у него был отчаянный, даже глаза повлажнели. Врать мне он не хотел, но — он ведь искренне думал, что лицин теперь представляются мне какими-то жестокими чудовищами. Совершенно нестерпимо.

Я от стыда чуть не помер.

И мне всё равно пришлось говорить.

— Знаешь, Цвик, — сказал я, собравшись с духом, — я не могу тебе рассказать самую страшную историю. Потому что тебе будет ужасно плохо, совсем плохо. Я всё понял.

Он на меня взглянул больными глазами — и я его погладил по голове, как у них принято.

— Понимаешь, Цвик, — продолжил я через «не хочу», — если бы у нас кто-нибудь умел делать «цанджач», то я бы раньше жил в доме, где «цанджач-цанджач». И кроме меня, там ещё жило много народу — и никого это не заботило.

Он шевельнул ухом:

— Шутишь?

— У вас — осы, — сказал я. — Вы выделяете биохимию эту... как клеймо... А мы — мы просто... У нас в доме было пять этажей, четыре входа. Жило много семей — у нас семьи маленькие, так семей сто там жило... И там бывали такие штуки, как ты рассказал. И хуже. И никого это особо не тронуло.

Цвик чуть-чуть улыбнулся:

— Так не бывает.

— Это у вас не бывает, — сказал я. — Но — ты знай, откуда мы сюда пришли. У нас на соседней лестнице года три назад муж жену убил по пьяни. Ножом. Соседи говорили потом — ударил её больше двадцати раз. Она вырывалась, выбегала из квартиры на лестницу, кричала, говорят, на помощь звала — но ей никто не помог толком. Полицию кто-то вызвал, потому что им спать мешали. А они поздно приехали — она была уже мёртвая.

Цвик сказал шёпотом:

— Дзин, я половину слов не понимаю, — но, судя по лицу, ему хватило тех, которые он понял.

Мне надо было заткнуться, но меня понесло.

— А той зимой во дворе алкаш замёрз. И никто даже не удивился особенно. Просто утром приехала труповозка, подобрала — и всё. А в высотке напротив какой-то парень с крыши сбросился — или сбросили его. Разбился вдребезги. В девяностые у нас во дворе у братков разборки были, так они по машине дали очередь из автомата — всех в мясо там... Двор — «цанджач» целиком, понимаешь?

Цвик смотрел на меня во все глаза и всё повторял тихонько:

— Нет, Дзин, нет, я не знаю все эти слова. Я не понимаю, — ну, а я-то понимал хорошо: у него просто не укладывалось между ушей.

Ему было никак не составить правдоподобную картину из этого бреда. Тогда я сказал попросту:

— Пока я жил в том доме, в доме и вокруг убили человек пять. И ещё, может, столько же умерли сами по себе, но нехорошо. У вас ведь не пьют...

Цвик удивился:

— Почему? Пьют...

— Спирт не пьют. Чтоб окосеть... чтоб весело стало, ну... — и я ему скорчил пьяную морду. — Чтобы — вот так.

Он здорово меня удивил — похоже, понял.

— Вот так — лгин-го, весело и глупо. Скорпионы, красные сороконожки... — и я видел, как ему отвратительно. Как законченный синячина отвратителен породистому трезвеннику. Но Цвик понял, это было удивительно и, пожалуй, грустно.

— К сороконожкам можно так привыкнуть, чтобы ошалеть до полной дури? — спросил я, и Цвик грустно согласился.

— Значит, ты понимаешь про алкашей?

— «Алгаж» — это тот, кто привык к сороконожкам или скорпионам? Потерял «я»?

— Да.

— Им тяжело помочь. Они умирают. Это неверный выбор.

— Но среди Кэлдзи таких нет?

— В хорошем доме таких быть не может. Это — порченые гены.

— Значит, у вас алкаш тоже может замёрзнуть на улице? — сказал я. Не порадовало, но... я же — человек, мне уже было стыдно до острой боли где-то под рёбрами, стыдно за людей. А раз у лицин тоже попадались такие фрукты — можно было не стыдиться хотя бы этого.

А Цвик печально шевельнул ушами и утвердительно моргнул. У них веки демонстративно опустить-поднять — как у нас кивок. Я увидел, что он этим тоже не гордится.

И ещё я понял, что мир лицин — тоже не эдем, а они — не ангелы ушастые. Мне даже стало на секундочку полегче — пока я не вспомнил про войны.

Цвик в это время тоже что-то обдумывал. И спросил, ужасно смущаясь — от него пахло младенцем и цветочным мёдом, «я — неопытный птенец или весенний цветок, не сердись, если ужасно ошибусь»:

— Дзин, а Зергей кого-нибудь убивал? В вашем мире?

Я аж задохнулся.

— Нет, конечно! Что ты!.. а, ты про нож? Нет, не убивал, конечно. Он... ну, как тебе сказать... он пугает. Делает вид, что может и убить. Чтобы те, кто вправду может, к нему не цеплялись. Как-то так.

Цвик расслабился, и очень заметно: у него даже усы больше не нацеливались вперёд, а распустились в стороны. Я его успокоил.

— В вашем мире бывают такие тяжёлые конфликты... — сказал Цвик медленно, будто пытался что-то обдумать или представить себе. — Убить — не «хен-кер»...

— Вообще-то, убить — «хен-кер», — сказал я. — Но... как бы... ну... у нас же нельзя наложить биохимическое табу. А словами многим и не объяснишь.

— Есть такие глупые? — удивился Цвик. — Или такие злые? Или чарг... не чувят чужую боль? Тупые? Каменные, деревянные, как те генетики, которые «цанджач»?

Но тут мне пришла в голову ещё одна мысль.

— Цвик, — сказал я, — а вот если... Ну, вот Кэлдзи принадлежит эта земля, да? Сад.

Лес вокруг. А если она кому-нибудь другому понравится, и её захотят отобрать? Ну, какие-нибудь бродяги соберутся вместе и решат...

Цвик удивился до глубины души:

— Это же «хен-кер»! Есть «до-рди», защита. Её ставят «гзинз-рди», как Лангри. А все... — наверное, он сказал «разрешения» или «пароли», — всегда у матриарха. Ты думаешь, может прийти кто-то злой? Кто может забрать чужое без спроса — вор?

Ему это было даже смешно. Думая о том, как забавно, что я простых вещей не понимаю, Цвик немного развеселился, а я чувствовал себя виноватым, что сейчас снова его огорчу. Но хотел договорить.

— Понимаешь, — сказал я, — у нас защиты нет.

И умница-Цвик сразу всё понял. Ему даже не потребовалось объяснять. Но радости ему эта мысль не прибавила.

— Я догадался, зачем Зергей носит этот нож, — сказал он. — И зачем он ходил с дубиной. Вы можете только драться, да? Если кто-то нарушает табу, вы ничего не можете сделать, только бить его. Палкой. Или ножом. Чтобы остановить.

— Да, братишка, — сказал я. — И вот представь: какой-нибудь клан живёт бедно, а твой — богато. И те, кто бедно, думают: надо пойти к этим жирным и всё у них забрать. И идут толпой. И можно только драться. Не хочешь, чтобы твоих сестрёнок и маму убили и всё отобрали — надо пришлых убить.

Цвик поднял страдающие, но понимающие и даже сочувствующие глаза.

— Ты ходил?

— Ты почти угадал, — сказал я. — Меня уже начали учить. Нас всех уже начали. Ну это... отбиваться, если кто придёт. Или пойти с нашей толпой. Мне это не нравилось и Артику не нравилось, но нельзя у нас отказываться, «хен».

И Цвик сделал радостный вывод:

— Так вы сбежали! А я так и думал.

— Почти, — сказал я. — Почти что сбежали.

Я чувствовал себя таким уставшим, будто целый день грузил кирпичи. По-моему, Цвик тоже устал, но старался не подавать виду.

Цвик ткнул меня носом в нос. Улыбнулся:

— Ты пахнешь мыслями. Грустными мыслями. Хочу, чтобы стало веселее — завтра праздник. Нганизо родит ребёнка Чероди, это славно, да? Будем радоваться, Дзин — и делать что-нибудь хорошее.

— Насчёт хорошего — пойдём в сад? — предложил я. — Может, надо кому-нибудь помочь?

Цвик сделал запах «хорошо», и мы вместе пошли вниз. У меня на душе стало чуть-чуть легче. Мне не надо было рассказывать, как на самом деле выглядит война. Цвик как-то представил её себе — и ладно. Пусть так — в общих чертах.

Иначе — как объяснить, что у нас вся планета могла бы быть «цанджач», если бы мы умели так вот биохимически проклинать? По части ненависти лицин до нас, землян, явно далеко.

Я шёл рядом с Цвиком и не знал, завидовать лицин с их хитрой системой или радоваться, что у нас нет этого встроенного биохимического оружия. Потому что, подозреваю, у любой тётки в автобусе, у любого гопаря с похмелья — хватило бы ненависти к соседям по планете на целый «цанджач», запросто.

А та ненависть, которую наши СМИ поливают бензином, как костёр, — ненависть, вспыхивающая перед войнами, делёжка территорий, выяснение, кто прав, всякий нацизм и прочая дрянь, — просто сожгла бы весь наш мир к чёртовой матери. И всё.

День был очень тёплый, солнце светило — но мне было зябко от этих мыслей.

Я беседовал с Чероди о политике. И о дипломатии. Масштаб поражал воображение.

Я догадывался, но не мог себе представить до конца: нити грибницы, соединяющие поселения лицин, сплетались в глобальную информационную сеть, в живой Интернет, через который шли новости — и через который договаривались друг с другом кланы профессионалов.

Грибница соединяла жителей целого континента. Между четырьмя материками мира лицин держали связь иначе, но с имеющимся словарным запасом ни Чероди не был способен это объяснить, ни я — понять. Транспортное сообщение оказалось исключительно воздушным — лицин не доверяли кораблям и боялись их, как вообще боялись воды, зато воздух был для многих желанной и любимой стихией. Мы довольно часто видели серебряные и пёстрые аэростаты и золотистые дирижабли, даже с земли огромные, неторопливо проплывающие над землями Кэлдзи в неведомые дальние края.

Грибная связь имела много каналов. По одному каналу шло общее вещание, которое транслировали кланы, специализирующиеся на собирании новостей. По другим отправлялись сообщения коллегам, личные письма и просьбы о помощи. Торговых директорий в грибной сети не было — местные торговые сделки традиционно совершались при личных контактах.

Я выяснил, что политика в представлении Чероди — это умение договариваться с кланами других специализаций о сложных совместных делах. Дипломатия — способность составлять долгосрочные генетические прогнозы и культивировать генофонд клана, отбирая самых лучших юношей и мужчин. И политика, и дипломатия представлялись ему делом сугубо женским, требующим дружелюбия, эмпатии и материнской просветлённости. Мужик, боец и пахарь, с точки зрения лицин, должен был заниматься более рискованными вещами: ставить опасные эксперименты, осваивать новые земли, переносить гены родного клана на другой конец земли. Творчество лицин в отдельное понятие не выделяли; им казалось, что творчество — это самое естественное состояние любого живого существа.

Лицин, видите ли, всегда было не слишком много. Они жёстко контролируют рождаемость, чтобы... как бы это перевести? Скажем, чтобы не обременять собой сверх меры окружающий живой мир. Мир лицин и остальной мир должны пребывать в незыблемом равновесии. На определённой территории должно жить столько обитателей, сколько территория может прокормить — и, соответственно, сколько требуется, чтобы поддерживать территорию в порядке. Больше — это плохо. Поэтому никаких трудовых порывов громадными трудящимися массами: лицин всю свою историю думали, как сделать нечто максимально эффективно и минимальными силами.

Я расшифровывал реплики Чероди и думал не о лицин, а о нас. О наших взлётах, требующих гор трупов и морей крови. О цивилизации, вылепленной войнами. И о том, что бы стали делать мои соотечественники, имея они встроенное в тело универсальное химическое оружие, плюс инструмент для преобразования всего живого, плюс намертво вмонтированный в мозг моральный кодекс творца...

И наблюдательный Чероди быстро понял, что я отвлёкся. Он сделал вид, что сейчас дотронется до моего носа пальцем с запахом «улыбнись», похожим на слабый аромат яблочного мусса. Не дотронулся — это было бы грубо с их точки зрения.

— Ты сравниваешь? — спросил он.

— Ты догадался? — удивился я.

— Это просто, — сказал Чероди. — И я сравниваю.

После того, как Калюжный открыл лицин глаза на то, что мы можем заподозрить их в желании убить кого-нибудь из нас, а Динька имел срывающую все покровы беседу с Цвиком, в этом «сравниваю» я не усмотрел ничего удивительного.

— Не в нашу пользу... — сорвалось у меня.

Запах Чероди потёк, меняясь от «невозможно» к «поражён» — и дальше, в аромат, который можно обозначить, как «смешная ошибка».

— Вы — парадоксальное совершенство, — сказал Чероди вслух и подкрепил слова запахом. «Совершенство» — безошибочно: ландыш и молодая женщина. «Парадокс» — сладковатый насекомый запах, который я не могу определить и назвать.

— Ты шутишь, — сказал я. Не спросил. Я не мог представить себе контекст, в котором эти слова не звучали бы шуткой.

Чероди возразил краткой фразой, построенной как «наше вот это — таково, а ваше — таково», но уловить суть мне не удалось, и я снова принялся разгадывать ароматический ребус. Иногда в такие моменты я зверски завидовал парням, ограничивающимся в беседах простыми и конкретными словами, именами вещественного мира — им удавалось договориться легче. Я, общаясь с лицин, вечно увязал в отвлечённостях — хоть, подозреваю, эта затянувшаяся угадка и позволяла лучше узнать и их язык, и их мировоззрение.

Чероди давно понял, что я пытаюсь докопаться до сути. Наши диалоги, переходившие то в его ароматические шоу, то в обоюдные кукольные представления, порой продолжались часами. Меня восхищали его терпение и изобретательность... впрочем, я уже успел узнать, что Чероди, как сказали бы на Земле, педагог-дефектолог, из клана, специализирующегося на обучении речи детей с физическими недостатками. Лично он работал с теми малышами, у которых либо плохо с обонянием, либо недоразвиты ароматические железы — заболевание, очевидно, встречалось не чаще врождённой слепоты у людей Земли, но случалось. Он имел, как я понял, большой опыт, обучив говорить множество больных малышей — и я привык думать, что Чероди в душе считает нас своими дефективными воспитанниками.

Но, похоже, я ошибся.

Через полчаса мучений я расшифровал его хлёсткий афоризм: «Наша цивилизация строится на поведении, а ваша — на поступках». Чероди вывел его из нашей доброй воли, которая заставляет нас вести себя дружелюбно вопреки внушающим страх и злобу бессознательным инстинктам нашего вида.

— То, что лицин делают, не задумываясь, для землян — тяжёлый выбор, — сказал он. — И меня восхищает цивилизация существ, разумных и дружелюбных вопреки собственной природе.

— Мы примитивны и тщеславны, — сказал я по-русски и тут же попытался перевести. — Хочу сказать: очень просты и любим похвалу сверх всякой меры. И дружелюбны не всегда.

— Все любят похвалу, даже насекомые, — весело возразил Чероди. — И полагаю, что вы сложнее, чем ты говоришь. И мы тоже дружелюбны не всегда. У нас много общего.

Пока я пытался это осознать, Чероди заговорил о женщинах. Похвастался:

— Радзико очень меня обрадовала: она сочла мои гены полезными для клана Кэлдзи.

Моя работа не позволяет мне остаться здесь надолго, но я оставлю тут ребёнка. Его родит Нганизо, завтра. Я ведь ещё не говорил тебе?

Это сообщение, признаться, меня немного ошарашило. Конечно, девицы восхищались нашим великолепным наставником безмерно, и в его романе с Нганизо, пушистой кудрявой блондинкой, специалистом, похоже, по цветам, в общем, не было ничего невероятного. Но подход...

— Ты влюблён в Нганизо? — спросил я.

— Она — мёд для меня, — сказал Чероди. — Она, Илинго и Гзицино.

Не та любовь. Чувства, скорее, братские. Не страсть.

— А в кого-нибудь ты влюблён? — спросил я.

Чероди улыбнулся.

— Есть клан, где я принят. Цэнди, — слово мне ни о чём не сказало, но Чероди сопровождал его запахом фруктового торта. — Есть женщина по имени Дзинцизо, — запах того белого клевера, который у нас дома называют «кашкой», — родившая мальчика с моими генами. Есть женщина, которую зовут Гви́ро, — солоноватый, свежий запах моря. — Она родила мальчика и девочку. У меня есть дочь в клане, где я принят, — сообщил Чероди с мускусным ароматом гордости.

— Девочка — это возможность когда-нибудь стать отцом матриарха? — спросил я, улыбаясь в ответ.

— Девочка — это особое доверие клана, — уточнил Чероди. — Мальчик — это подарок клана мужчине, который принят и многое для клана делает, — запах «отец» — «сын» — «одуванчик над полем». — А девочка — особое доверие, потому что она останется в клане навсегда вместе с генами своего отца. Нганизо тоже родит дочь, потому что старшие клана Кэлдзи сочли мои гены ценными. Я польщён, — «сердце тает», тонкий запах льда и, видимо, подснежников.

— А с Илинго и Гзицино ты тоже был? — почему-то прямое местное словечко «гзерд» у меня с языка не идёт, кажется слишком физиологичным.

— Был где? — а Чероди так и не научился понимать эвфемизмы, не понимает даже, зачем они нужны.

— Гзерд?

— Да, — удивился он. — Но генетическая совместимость с остальными оказалась не идеальной.

Спать — можно с кем угодно — кроме, разве что, нас, непонятных не вполне людей. Но рожать — только с разрешения матриарха и её советниц-генетиков. В семейных установках лицин всё чётко оговаривается: забота о здоровье клана — прежде всего.

— А твои подруги из клана Цэнди не обидятся, если узнают, что ты ласкаешь тут чужих женщин? — спросил я, пытаюсь передать интонацией факт подначки.

Чероди ожидаемо не понял:

— С чего бы им обижаться? Они порадуются: мои гены считаются принадлежащими их клану.

Лицин не знают ревности. И крутить любовь могут прилюдно, и втроём могут, и сообщить одному мужчине о другом могут. И весь клан в курсе, кто, с кем и что — дело житейское, а отношения обычно очень дружеские, настолько дружеские, как почти никогда не бывает на Земле. Только вот рожать без разрешения матриарха женщинам — табу. Гзицино даже пыталась объяснить мне про биохимический замок, который снимает

матриарх или кто-то из её свиты — но это оказалось для меня слишком сложным.

Я понял только, что всё, связанное с детьми, планируется очень жёстко. Уточняя, спросил у Чероди:

— А женщинам Кэлдзи можно родить от тебя только одну девочку?

— Да, — сказал он с тенью удивления: элементарная вещь, которую мы уже обсуждали. — Матриарх Радзико планирует на ближайший год трёх девочек — мою дочь и ещё двух от тех, кто прибыл помогать вам знакомиться с лицин. Больше девочки не нужны, у клана ещё есть планы на мальчиков.

При их отношениях с миром точное планирование семьи — необходимая вещь.

— А у Нганизо мог появиться мальчик? — спросил я. — Ну, вдруг?

Чероди, улыбаясь, махнул ладонью:

— Она была открыта для дочери, а не для сына.

— А она тебе об этом сказала?

— Конечно, — и Чероди любопытно развил мысль фразой и запахом, которые мне не удалось перевести точно. Нечто, вроде «её внутренним воротам пришлось выбирать из моих семян подходящие» — смущающая непосредственность.

А потом поразил меня приглашением прийти к Нганизо, чтобы взглянуть на рождение его дочери.

— Матриарх хотела бы вашего присутствия на празднике — твоего и твоих родичей, — сказал он.

Я понял, что отказываться нельзя, нетактично, восхитился и поблагодарил — но приглашение меня не обрадовало. Если начистоту — мне было почти страшно. Я оказался совершенно не готовым морально.

Женщина-лицин раскрыта настолько, что может рожать в окружении толпы родственников и друзей. А я — землянин, для меня все эти женские дела — табу, табу и табу. Стыд тут смешан со страхом и ещё с чем-то — мне и самому не разобраться толком, почему так коротит в спинном мозгу и встаёт дыбом весь мой земной небогатый волосяной покров.

Я помню, как пытался объяснить биологам, насколько тяжело и опасно рожают наши женщины на нашей родине — а они требовали подробностей. Им, видимо, тоже было не уложить в голове, как можно ассоциировать такую радостную и замечательную вещь с болью, страданиями и смертельным риском. Они попросту не понимали, как мы вообще дожили до цивилизации с квалифицированной медицинской помощью, если так непутёво, так опасно размножаемся...

И я не сумел объяснить, какими кромешными вещами окружена в нашем мире вся эта сфера, всё то, что у лицин так радостно и просто. Некоторые вещи никак не шли у меня с языка; возможно, владей Калюжный языком лицин лучше, он мог бы... но я до сих пор не уверен, что это нужно было сказать нашим очень искренним и очень откровенным друзьям.

Я не посмел возразить Чероди, но после поделился опасениями, почти страхами, с Гзицино, моим ближайшим другом здесь.

— Я думала, что они тебе нравятся, Чероди и Нганизо, — сказала Гзицино слегка огорчённо. — И ещё: ведь это матриарх позволила тебя пригласить. Это намёк.

— Конечно, нравятся! — возразил я, обнимая сестрёнку — сказал тихонько, в самое плюшевое ушко, которое дёрнулось, как кошачье. — Но намёка я не понял.

— Матриарх полагает, что к вам надлежит относиться как к детям клана Кэлдзи, —

ошарашила меня Гзицино. — Как к родным, а не принятым детям. Поэтому вы и живёте в этом доме. Вы уйдёте отсюда, как наши... — и рассмеялась. — Не знаю, как сказать. Родные приёмышы!

Я зарылся лицом в её роскошную рыжую гриву, чуя, как с каждым моим вдохом меняется её запах, ускользающий запах девушки-поэта, которая мыслит ароматическими балладами. Родной дом — летний дождь — светящиеся цветы — мёд, обозначающий и любовь, и тепло — печенье из плодов местного хлебного, вернее, печеньевого дерева — молоко и чистая шёрстка юной матери...

— Милая, — сказал я по-русски, чувствуя, как горят мои щёки, — не постигаю, зачем мы вам сдались... — и, когда она повернула ко мне свой настороженный носик и вопросительный взгляд, перевёл: — Мы ведь не нужны Кэлдзи. У нас нет профессий. Мы вам ничем не помогаем. У нас негодные гены.

Гзицино тихонько рассмеялась.

— Как нам жаль, что вы — другой вид, — сказала она, ткнувшись влажным носиком в мой висок. — Нам — женщинам. Мы чуем ценные качества в вас.

Кто бы дома чуял в нас ценные качества... Бедное мы пушечное мясо, расходный материал опасных экспериментов, те самые жалкие мальчишки, которыми всегда и за всё расплачивались во все времена существования нашей цивилизации!

— Ты ошибаешься, — сказал я. — Мы — просто бродяги.

Бродяги — не ругательное слово. Бродяги — мужчины в поисках воли и доли, юноши в поисках счастья... Однако, возможно, расходный генетический материал, лотерейные билеты этого мира. Надо думать, и здесь выигрывает не каждый.

— Мы все — и матриарх — чуем в вас упрямую силу, — сказала Гзицино, ласкаясь, как котёнок. — Силу воды, сметающей все преграды... силу стихии. Никто не понимает, как вам удаётся обуздать её правилами.

— А нам и не удаётся, — сказал я грустно. — Далеко не всем. Скажем, Сергей...

Гзицино прыснула, совсем по-человечески, вернее, по-девичьи.

— О-о! Зергей великолепен! Мы все огорчаемся, что он настолько чужд. Сила-сила-сила! Как у хищного зверя! Поразительно и интересно.

Ну да. Как и везде — дикарь вызывает интерес определённого рода.

— Не только он, — сказала Гзицино, лукаво улыбаясь. — Какой ты смешной! У тебя такое лицо, будто я сказала, что ты — хуже. А ведь ты знаешь, что именно ты нравишься мне больше всех пришельцев. Вы сильные и ранимые. Очень сильные и очень ранимые. Как это совместить?

— Нужен совсем другой мир, — сказал я.

— И ещё, — продолжала Гзицино, поправляя в волосах цветы, — ты не должен говорить, что вы ничего не делаете. Вы заняты постижением мира — и позволяете нам постигать вас. Ваш разум и вот это, — она сорвала две былинки и скрутила вместе.

В первый момент я не понял — но довольно жалкие остатки déjà vu, которые проявлялись всё слабее и реже, вдруг выдернули то ли из памяти, то ли из будущего стеклянную модель... Впрочем, в попытках найти с нами общий язык Чероди скрутил два цветных шнурка в вот такую же плетёнку, безмерно узнаваемую спираль ДНК.

Ох, ты ж, подумал я восхищённо и почти испуганно. А ведь вы же придумаете, как использовать «вот это», мастера биотехнологий! Вы же всё сделаете, чтобы нас присвоить — именно сделать своими, совсем своими. Вам интересно, вы нашли в нас ценные качества —

и вы уж постараетесь забрать и использовать нашу стихийную дикарскую силу...

Кроме изучения, Чероди, Цодинг и их группа ищут способы нас ассимилировать. И не просто включить в жизнь местного социума, но и использовать нас как биологический материал.

А Витьке с его конспирологическими бреднями такое даже в голову не пришло! И никому из нас не пришло! О, этот мир лицин, мирный-мирный, дружелюбный до предела, безопасный по определению...

И тут же мне стало смешно. Мы должны цепляться за свои бесценные гены, как патриоты неизвестно где находящейся Земли? Мне что, стало жаль для наших радушных хозяев генетического материала?

А вы довольно пошлый человек, предводитель!

— О чём ты думаешь, так улыбаясь? — с любопытством спросила Гзицино.

— Глупости, пушистенъкая, — сказал я и поцеловал её в переносицу. — Уморительные глупости.

* * *

Разумеется, мы пошли.

Правда, Калюжный ожидаемо заявил, что его-то ноги на этом шабаше полного бесстыдства точно не будет. Мол, лицин, бездуховные создания, окончательно потеряли всякую совесть, а он человек приличный. Не знаю, убедил ли его я, пытаюсь объяснить, что не стоит мерить мерками земных и довольно сомнительных правил нравственности поведение иномирных существ, или Витя, пообещавший «дать Серому в нюх», если он немедленно не прекратит выпендриваться — но, так или иначе, вопрос был решён.

И мы видели, как наши друзья-Кэлдзи и их гости готовятся к празднику.

Они переодевали в новую одежду и украшали цветами эти жутковатые «статуи» — мумии прародителей клана. В процессе, по-моему, обнимали их и что-то шептали в их уши. Ограду вокруг пантеона и Дерева увешали новыми орехами-пупсиками, украшенными пёстрыми нитками, бусинками и прочей мишурой.

— Что это за штучки? — спросил я у Гзицино.

Она рассмеялась и дала мне несколько «пупсиков».

— Сушёные плоды Дерева. Они появляются ближе к осени, сейчас — ещё зелёные и их нельзя использовать, поэтому мы берём прошлогодние. Это — старый обычай, ещё времени До Книг: считается, что каждая такая фигурка — это письмо от человека Хозяевам Мира. Предки их хранят и передают. Иногда приходит ответ.

— Ответ?

Гзицино показала мне почерневший треснувший орешек:

— Этот — не сбудется. А вот этот, — она показала орешек, из которого проглядывал зелёный носик побега, — согласие Хозяев. Тот, кто загадал, потом отнесёт его в лес и закопает на Поляне Деревьев... Всё это пустяки, суеверия... но многим нравится в это играть.

Я сорвал травинку, обмотал орешек вокруг «талии», завязал кончик травинки петелькой — и повесил на ограду под одобрительные возгласы лицин.

— Пусть Хозяева пошлют здоровья малютке, — сказал я Гзицино, и она восхищённо

вскинула раскрытые ладони, брызнув целой радугой запахов, как шампанским.

Лицин украшали себя, мир вокруг и нас. Развеселившиеся девушки надели ожерелье из каких-то гладких, переливающихся, как опалы, шариков на шею смутившемуся Калюжному; Виктор и Динька щеголяли в венках из светящихся цветов на отрастающих волосах. Мне Гзицино подарила совершенно фантастическое пончо, связанное из зелёных и золотых нитей, бусин, узелков, звёздочек и бахромы. Детвора, обычно бегающая почти нагишом, стала похожа на самоходные клумбочки.

Над фабрикой-кухней и окрестными постройками плыли ароматы готовящегося пира.

И в этой праздничной суете нам было тревожно, несмотря ни на что. Только у Цвика блестели глаза и кончик носа, он был радостно взвинчен, как и вся его родня, и болтал, не переставая, благоухая по всей ароматической гамме. Пытался соответствовать только Динька.

Когда нас позвали к виновнице торжества, у меня ощутимо стукнуло сердце. Я переглянулся с Виктором, который, по-моему, чувствовал ровно то же самое.

— Отвал башки, — сказал Виктор шёпотом, и мы вошли в здание, где ещё не были никогда.

Освещённый цветами коридор вёл в круглый зал, полный гостей. На возвышении, цветущая, как целый розовый куст, сидела госпожа Радзико в окружении своих фрейлин — и напротив неё на ложе из живого серебристого плюша полулежала Нганизо, нагишом, с белыми цветами в волосах, с выражением мечтательного ожидания. Чероди стоял на коленях у ложа, обнимая Нганизо за талию, и вылизывал её живот; он уже успел прилизать мелкую шёрстку на её теле дорожкой шириной в два пальца, ведущей от гениталий к сумке. Сумка Нганизо уже не выглядела плотно прижатой, словно её владелица расслабила мышцы, приоткрыв вход.

Гости расположились вокруг, среди них было полно детей — и именно детей больше всего и завораживало всё это действо. Все молчали, как мне показалось, почти благоговейно.

Госпожа Радзико чуть улыбнулась и жестом приказала нам приблизиться; мы подошли и встали у её кресла, как почётный караул.

Отвлёкшись на матриарха, я упустил первый миг появления малышки на свет. Понял только, что этот миг был абсолютно лишён и боли, и драматизма: когда я повернулся к Нганизо, новорождённый детёныш уже цеплялся лапками с булавочную головку за её светлую пушистую шерсть.

Откровенно говоря, я не ожидал такого зрелища.

Детёныш был удивительно крохотный, скорее зародыш, чем младенец — тёмно-красный и, кажется, полупрозрачный, длиной с большой палец руки, никак не больше; он словно состоял только из головки и лапок с микроскопическими пальцами. Приходилось поверить лицин на слово, что родилась именно девочка: определить это на глаз я бы не смог ни за что.

Несмотря на нереальную крохотность, младенец оказался вполне живым и очень целеустремлённым существом. Он вёл себя так, будто знал, куда ему надо попасть — и невероятно трудолюбиво, хватаясь лапками за шерстинки, полз вверх, к входу в сумку матери.

Все присутствующие затаили дыхание. Я ощутил, как горячо лицин желают новорождённому существу лёгкого пути — и вспомнил часто цитируемые строки местного классического стихотворения, которые перевёл с языка запахов как «Долгий путь приводит в

Эдем». Это была аллегория жизненного пути, пути парня-бродяги в поисках нового дома и любви и пути новорождённого младенца по вылизанному отцом животу матери — к её сумке.

Чтобы преодолеть бесконечно тяжёлый путь в ладонь длиной, малышке пришлось потратить минуты три, никак не меньше — и когда она скрылась в сумке, за моей спиной вдруг шумно, облегчённо вздохнул Калюжный.

— Фу, блин! — вырвалось у него, по-моему, из глубины души. — Я уже переживать начал, ёлки!

И сделав три шага, прежде чем мы успели его остановить, Сергей присел на корточки рядом с Нганизо и Чероди.

— Слышь, — сказал он, безбожно мешая русские слова со словами лицин, — я тебя поздравляю, в натуре. Она будет крутая баба, боец, ёлки! — и вытер вспотевший лоб ладонью.

Нганизо улыбнулась, блеснув влажными глазами, и нежно коснулась пальчиком его покрасневшей физиономии: тонкий ванильный аромат «видзин»-«безопасно» и зелёное свежее благоухание её благодарности.

Калюжный слегка смутился и, спохватившись, протянул руку Чероди, жестом «я тебя понимаю, братан». Мы рассказывали Чероди о земном обычае пожимать руку — и он понял, коснулся руки Сергея и оставил на ней слишком сложное для Калюжного ароматическое послание. Там было что-то о братстве, любви, общности, радости и восхищении новой жизнью.

Калюжный в тщетной попытке его расшифровать внюхался в собственную ладонь, сморщился всем лицом, изо всех сил пытаясь не чихнуть — но всё-таки оглушительно чихнул, окончательно смутился и пробормотал:

— Ага. И тебе того же.

Его жест, глуповатый, но неожиданно искренний, развеселил всех. Девицы, щебеча, как стайка канареек, помогали Нганизо встать с ложа и накрывали её плетёной шалью в белых вязаных лотосах. Чероди обменивался ароматическими пожеланиями с парнями. Мальщ, с ног до головы в голубеньких цветочках, напоминающих лобелию, застенчиво улыбаясь, подёргал Калюжного за брючину, а когда тот повернулся, протянул ему плод рдзи, похожий на земляничину-переросток. Госпожа Радзико изволили изъявить королевскую милость — от её сухонькой ладошки в комнате повеяло цветущим весенним лугом, а сказала она, если я верно понял: «Мои новые внучата потихоньку осваиваются и привыкают».

Только неугомонный Виктор вполголоса говорил Нгилану, отойдя с ним в сторонку:

— А чего ж вы не помогаете мелким-то? Трудно же дитю, сразу видно — у него ещё и ручек-то толком нету...

— Это чрезвычайно важный момент, — объяснил Нгилан. — Движения младенца стимулируют его начать дышать самостоятельно, включают и нервную систему, и органы чувств.

— А! — Виктор понимающе кивнул.

— Кроме того, — продолжал Нгилан, — кожный покров у младенца ещё не сформирован до конца — прикосновение руки взрослого может причинить ему боль, а без перчатки — даже химический ожог.

— А! Точно же — ваши железы... А я даже стреманулся вначале: как это — баба рождает, а врачей нет. Пока тебя не увидел — мандражил сильно, — признался Виктор.

— Я здесь на случай, если небо рухнет, — улыбнулся Нгилан. — Профилактикой любых возможных проблем при родах заняты женщины, тут присутствовали шесть профессионалок — при том, что прогноз на редкость благоприятный. Не надо волноваться.

— Просто у нас всё совсем по-другому, — сказал Виктор, но ему не дали развить тему. Появившаяся в зале для родов девушка позвала всех на пир — и мы покинули комнату вместе со свитой матриарха и молодыми родителями.

Весь день до вечера оказался сплошной феерией. Я не предполагал, что лицин умеют праздновать с таким размахом — для нас, землян, это был день сплошных чудес. Мы видели, как на родословном древе Кэлдзи, прямо из глубины тёмного «стекла», как по волшебству проступают новые знаки, выведенные то ли командой разумных бактерий, то ли ещё каким-то непостижимым магическим действием. Удивительный инструмент, гротескная конструкция из реек, трубок, планок, падающих и катящихся стеклянных шариков, вынесенный из резиденции Радзико и настроенный местными юношами, заиграл ни на что не похожую удивительную мелодию, в которой слышались то рожки, то скрипка, то фортепьяно, то что-то вообще не определяемое земным ухом. Мелодия текла и менялась, как, пересыпаясь, меняются мерцающие орнаменты в калейдоскопе — и к ней присоединились Гзицино и Цвик, импровизируя на флейтах. Мы впервые увидели, как лицин танцуют — и волны ароматов окружали танцоров, создавая действу дополнительные, трудно уловимые человеческим восприятием смыслы.

Пир был по-настоящему великолепен. Чероди играл с малышами в ароматические загадки, к нему присоединились ещё несколько взрослых — и игра начала напоминать земного «крокодила»: дружно угадывали, по всей вероятности, образы из книг или ароматических передач по кэлдзи (не назвать ли их, скорее, ароматическими фильмами?) Молодые лицин затеяли сложную игру, в которой надо было бегать и передавать друг другу шарики с ароматическими метками; нас звали, но никто из землян не сумел понять правила — и оставалось только смотреть.

А потом начало темнеть, воздух посвежел — и в нём отчётливо запахло августом, приближающимся концом лета. Пришлые биологи устроили в сумерках заключительный номер — световое шоу, созданное, как я понял, целым сонмом дрессированных светлячков, ярких, как ракеты праздничного фейерверка; в финале удивительной красоты и стройности воздушного танца светлячки спустились на волосы и одежду восхищённых девушек, превратив их в танцующих фей...

Это было потрясающе здорово. Я смотрел, как Динька возится с лицинской малышнёй, весь в светлячках, как Цвик и Гданг учат танцевать Калюжного, ржущего, как конь, как Виктор разговаривает с Нгиланом, я обнимал Гзицино, лежащую головкой на моём плече — и никак не мог понять, откуда в чистой радости этого дня взялась тревога.

Беспокойство впилося мне под ребро длинной иглой. Куда бы я ни смотрел, о чём бы ни думал, я чувствовал её холодное, безжалостное острие...

Лето пришло к повороту.

Как всегда с приближением осени, сперва изменился запах — и первыми по-другому запахла вечера. Острее, холоднее и тоньше, *с оттенком остывающей влажной земли и будущих заморозков*. Уже потом листва начала менять цвет, а трава подсохла. Вечера становились всё темнее, а трава седела от росы.

Мои братья-пришельцы за это лето стали больше братьями, меньше — пришельцами. Я думаю, что в темноте любой принял бы кого-нибудь из этих ребят за урождённого юношу клана Кэлдзи — со странностями, но Кэлдзи; так пахла не только их одежда, но и тела. У них, правда, не было решительно никаких способностей для общения ни с грибами, ни с Народом — но мы не падали духом, мы были убеждены, что они непременно найдут, где применить свои особенные таланты.

Скажем, Дзениз вполне мог бы работать с Чероди: он с лёгкостью находил общий язык с другими, не прибегая к Старшей Речи. Это талант редкий и необыкновенный. Чероди даже приглашал его в клан Цэнди, к своим товарищам-воспитателям и врачам — и Дзениз почти согласился, как только закончит другие дела. Арди интересовал лингвистов и филологов — его талантом была Первая Речь. Вигдор сам заинтересовался защитными системами и системами оповещения, он дружил с Лангри и постоянно его о чём-то расспрашивал.

Только Зергею было сложно придумать, чем заняться, и он присматривался буквально ко всему, что попадалось ему на глаза. Но у всех пришельцев ещё было время; мы собирались уйти вместе, в Общий Посёлок Дрой, неподалёку от которого располагался Приют Генетиков, самый большой в наших краях. К началу осени туда ради общения с пришельцами собирались и генетики, и антропологи, и биохимики со всего северо-запада континента Цдар. Мои друзья собирались прожить там целую зиму, чтобы дать возможность учёным выяснить как можно больше.

Я собрался идти с ними. Во-первых, я хотел взглянуть на ярмарку в Общем Посёлке. Во-вторых, мне тоже хотелось заглянуть в Приют Генетиков хоть одним глазком: хоть я и не генетик, всё равно интересно — и ещё я надеялся, что там могут работать пришлые издалека специалисты по паукообразным. Вдруг мне удастся осуществить мою любимую мечту, подружиться с крутым профи и потом поселиться в клане арахнологов!

В сущности, я уже понял, что наши с пришельцами пути разойдутся, как это ни печально. Дзениз, несмотря на все мои усилия, так и не полюбил пауков — нет, он признавал их пользу, но работать с ними решительно не хотел. А мне было далеко до него в таланте понимать людей, не прибегая ко Второй Речи — значит, не работать нам в одной области.

Гзицино, я заметил, тоже огорчало, что пришельцы уходят. Ей нравился Арди.

— Знаешь, братец, — сказала она мне даже, — иногда я жалею до боли в груди, что Арди рождён в другом мире. Он уйдёт, не оставив в нашем клане ребёнка...

— В нашем клане *в твоей сумке*? — хихикнул я и, сказав, сообразил, что она может и обидеться.

Но она только улыбнулась, глядя куда-то вверх и мимо:

— Не твоё дело *почему бы и нет*, - и мечты окружали её, как туман. Что-то такое там смутно обонялось, о дальних странствиях, о Семени Дома...

В общем, я узнал, что амбиции у моей старшей сестрёнки достойны удивления или даже восхищения. Я впервые подумал, что и женщина может покинуть своих родных — не в героической сказке, а на самом деле. Ведь откуда-то берутся легендарные Родоначальницы, о которых потом пишут в книгах и поют песни!

А Нгилан и биологи, между тем, говорили, что пришельцы, кроме прочего, предоставили чрезвычайно интересный биоматериал. Я даже предположил бы, что одна из целей визита пришельцев в Приют Генетиков — это их *вероятное* потомство в нашем мире. Не клоны, конечно — клонирование тут ничего не изменит и никуда не приведёт. Возможно, они думают о совсем уникальном эксперименте, может, даже о химере... хоть это и звучит сейчас, как фантастика.

С другой стороны, если вдруг кто-нибудь из генетиков-творцов, работающих в Приюте, скажет Гзицино, что она может выкормить дитя-химеру со смешанными генами клана Кэлдзи и клана, к которому принадлежал Арди — разве она откажется? Может ничем не кончиться... а может и впрямь начать новый клан, кто знает...

Самому Арди об этом говорил Цодинг. Видимо, поэтому Арди, когда беседовал с Гзицино, всем своим видом пытался изобразить такой запах: *я, конечно, ухожу, но мы не кровная родня, поэтому я могу и вернуться*

А ещё пришельцы хотели посмотреть зиму. Мне кажется, что они ждали наступления зимы, как какого-то праздника — начиная с того разговора, где Зергей попытался меня подначить:

— А зимой Кэлдзи сидят в потёмках, ёлки?

- *Не знаю насчёт ёлок* Почему? — удивился я.

— Цветы же завянут? — сказал Зергей, а остальные пришельцы наострили уши. Кажется, им всем было не очень понятно. — А литопсы на дорожках снег завалит — и всё.

— Конечно, — сообразил я. — Цветы начнут увядать уже в середине осени. И примерно в это же время начнётся сезон *зимних грибов*

Дзин меня тронул за ухо и попросил:

— Словами скажи. А то запах не ассоциируется ни с чем.

— Зимние грибы, — сказал я вслух. — Симбионты литопсов. Они живут на стенах домов, на стволах деревьев вдоль дорог — но плодовые тела на них появляются только после первых заморозков.

— И они светятся? — восхитился Дзениз. — Деревья светятся?

— Зимой рано темнеет, — сказал я. — Нужно более серьёзное освещение, чем летом. Грибы светятся круглые сутки, только днём их свет не так заметен.

Ребят, по-моему, очаровала идея. Они так обсуждали эту будущую зимнюю иллюминацию... Я ещё добавил пыла, когда стал рассказывать про праздник Длинной Ночи перед тем, как снова начнёт увеличиваться день — в красках: *мороз — хрустящий свежий снег — зимние грибы — хвоя и смола — костёр в чаше перед Деревом — горячий ягодный пунш.* А пришельцы попытались рассказать словами, как этот праздник устраивают в их мире — с теми самыми «ёлками», ага. Немного прояснилось, что Зергей имеет в виду — всё время намекает на быстроту течения времени и на то, что в жизни есть место празднику, конечно.

И ещё у них там есть *дед Мороз*, из тех Хозяев Мира, которые приходят зимой. Он приносит детям подарки — совсем как наши Струйки Позёмки. Но когда я им перевёл слова «дед Мороз» на Вторую Речь, они почему-то ужасно развеселились. Зергей просто пополам

сгибался от смеха и пытался донести, что этот Хозяин пахнет совсем иначе, чем-то, связанным с едой или питьём, но, откровенно говоря, объяснения — не самое сильное его место: я так и не понял деталей.

Только ясно, что намекали они на что-то не очень хорошее. Смешное, но нехорошее. А я такого как-то не могу себе представить.

У них всё-таки очень странный мир.

А уходили мы все вместе на рассвете, в первый день настоящей осени. Вернее — улетали: Гданг и Лангри собирались на ярмарку с заказами от Прабабушки и брали нас с собой, до самого Общего Посёлка.

Мы собрали пришельцев в путь как можно серьёзнее: они намыкались без одежды, еды и спальных мешков — и голодали, и мёрзли... в общем, так нельзя. Одежду мы на них вырастили походную, тёплую и лёгкую: ночи и утра уже стали холодными. Ясно, что, по идее, они не должны бы ночевать в лесу, а сразу из воздушного путешествия попадут в населённый пункт, а через Общий Посёлок — в Приют Генетиков, где и будут жить в ближайшее время... но как знать, на самом деле? В любом случае, у них с собой были семена одежды, а ещё Лангри им оставил на страничках из блокнота запах, активирующий и прекращающий её рост — чтобы она не как попало росла, а красиво и удобно. Ещё мы нагрузили их походные торбочки подарками от девушек и от Прабабушки плюс положили каждому по полдюжины плиток белкового концентрата — ну, вдруг захочется есть, а добывать пищу в наших лесах ребята не умеют, мы не успели всерьёз научить их выживать.

Правда, мы дружно рассчитывали, что бродить по лесам пришельцам не придётся. С Приютом наши старшие уже связывались — и предполагалось, что ребят мы передадим с рук на руки, так будет надёжнее. Отчасти они, конечно, привыкли к нашему миру и здешней жизни, но одно дело — жить в усадьбе хорошей семьи или в Приюте Генетиков, Антропологов, Педагогов или других профессионалов, а другое — остаться без помощи. Всё-таки, если сравнивать их с нами, мир они воспринимали, как калеки: ориентироваться тяжело, общаться тоже непросто, и — как это ни печально — уязвимы для паразитов и хищников. Как их отпустишь в живой лес без присмотра?

Но визит в Общий Посёлок и так вызывал у всех нас некоторую тревогу — и нетерпение, и радость, но и тревогу тоже. Вигдор сказал, что я веду себя, как у них в мире — те, кто из «деревни» приезжает в «город». Правда, «деревня» — это не то, что усадьба клана, в «деревне» живёт несколько семей, едва связанных родством... но по сути он, наверное, прав. «Город» в их мире — это немыслимо громадный Общий Посёлок, где может жить миллион людей разом. Я вообще не могу себе представить, как можно жить в такой толпе чужих и не сойти с ума. А запахи... Если верить ребятам, там пахнет так, что проще сразу лечь и умереть, не пересекая границу этого места.

Человек не создан жить в громадной толпе. Человеку нужно много пространства, воздуха и свободы. Может, табу в мире пришельцев почти не действуют оттого, что все нервные от скученности и тесноты?

Нас провожали тепло и весело, потому что как-то не было ощущения прощания навсегда. И воздушный шар — это тоже радовало, потому что пешком мы добирались бы до Общего Посёлка Дрой несколько дней. К тому же я люблю летать — и пришельцы, кажется, тоже. А у Лангри было самое доброе расположение духа. Он воодушевлённо рассказывал ребятам *главным образом — своему любимцу Вигдору*, что в любом Общем Посёлке полно всякого сброда, жуликов, проходимцев с порченными генами, наркоманов — все они вьются

около Ярмарки или даже живут в каких-нибудь там кустах — а поэтому пришельцам будет интересно посмотреть, насколько жизнь — не медовые пряники.

Мир, зелёный, но уже тронутый позолотой осени, медленно плыл под нами — и я мог показывать своим друзьям некоторые места, которые уже видел сам. Роскошную усадьбу наших соседей Эрнго, Друзей Медоносного Народа — было просто жаль, что сезон уже почти закрыт и их сады медоносов давно отцвели, с воздуха они смотрелись просто великолепно. Других соседей на прямой линии с нами, Ргоз, мы издали узнали по метеорологической вышке у дома старших, стоящего на высоком холме; кроме причала на крыше дома старших, рядом с ним располагалась посадочная площадка для птерисолётов и дирижаблей. Ргоз издавна изучали изменения климата и состояли в близком родстве с множеством кланов пилотов. Ещё я показал Приют Медиков в Светлом Лесу, знаменитое место. Там сейчас приживляли новую грибницу для дальней связи мой отец и мой младший дядя, да и вообще, к этому месту я относился особенным образом: все медики-Кэлдзи и все медики, принятые Кэлдзи, заканчивали обучение в этом приюте, даже бабушка Видзико. Посадочная площадка у Приюта была даже обширнее, чем у Ргоз, и я видел сверху две поблескивающие туши пришвартованных дирижаблей. На крыше госпиталя Приюта, видное издали, как маяк, сияло под солнцем зеркало; четыре мощных фонаря, ориентир для всех пилотов, которым может понадобиться доставить в Приют больного и ночью, в ясное утро не горели.

Приют Медиков особенно заинтересовал ребят. Они продолжали расспрашивать меня и Лангри, когда зеркало на госпитале уже пропало из виду; Арди назвал Приют сложным словом «академия» — и из того, что говорили он, Вигдор и Дзениз, я понял: в их мире тоже есть подобные места. В госпитали их больных доставлял скоростной транспорт, «быстрый спаситель», а среди медиков были такие, которые специализировались на особенно экстренной помощи умирающим от тяжёлых травм.

Судя по тому, как мои принятые братья об этом говорили, у них там то и дело случались тяжёлые травмы. Кажется, их скоростная техника не отличалась надёжностью — а может, сам образ жизни серьёзно отличался от нашего: я сосредоточенно вспоминал, но так и не вспомнил, случалось ли мне видеть по-настоящему тяжёлую травму, от последствий которой надо было экстренно спасать. Гданг, вступивший в разговор, отметил, что пилоты — совсем особое дело; где скорость — там и травмы. Он видел последствия жутких аварий, упомянул даже, что ему рассказывали о пилоте аэростата, разбившемся насмерть. Пришельцы согласились, сказав, что в их мире с пилотами тоже случаются беды — и я подумал, как безмерно отважны те, кто посвятил жизнь опасным полётам.

Мы увлеклись разговором — и не заметили, как под нами поплыли первые постройки Общего Посёлка. Сигнальные зеркала горели над Ярмаркой в ярких лучах предвечернего солнца, ещё одно зеркало вспыхивало над Приютом Генетиков, пёстрые воздушные шары, готовые к полёту, выглядели сверху, как небывалые грибы, и несколько больших дирижаблей, которые грузили товаром с Ярмарки, походили на ленивых животных, которых кормят разноцветные муравьи.

У меня даже похолодело в животе от нетерпения — и пришельцы, кажется, чувствовали что-то похожее. Здешние запахи сплетались в запах перемен; я пытался улавливать в потоке информации что-то конкретное, но без привычки это было непросто — и Лангри улыбался, глядя на меня. Уж его-то запах *сосредоточься, деточка, из сумки ты уже окончательно вырос* был насмешлив и конкретен до предела!

А принятым братьям всё было интересно и внове — даже больше внове, чем мне. От ароматических вывесок Ярмарки кружилась голова: тут, похоже, можно было найти всё, от шмелиного мёда до стекла для хирургических лезвий. Не только запахохранители, но и любой камень в Общем Посёлке был сплошь покрыт ароматическими метками и подписями, иногда *из-за Холодных Вод за чудесами и сокровищами* трогательными, иногда *потомок самого гривастого клана на свете* — забавными, а иногда *оближи многоножку младенчик* — просто хамскими.

И всевозможный странный люд, который тут ошивался, моментально нас опознал: кто не получал микограмм, те обоняли передачи по общей связи. Все местные искатели приключений и просто жульё собрались вокруг, кто — поглазеть, а кто — попытаться что-то для себя выгадать.

Я не ожидал такого ажиотажа. Какой-то бурый проходимец, явно с Севера, пытался уговорить Лангри взглянуть на *семена маслодела*, модифицированные аж самими Цорли, якобы его родственниками — а Лангри выставил довольно щадящий блок. Гибкий южанин в тёмных пятнах по золотистой шерсти, в одежде из паучьего шёлка, плетёной цветами, благоухал, как девушка из хорошей семьи, улыбался двусмысленно и явно намекал на что-то не очень хорошее — только пришельцы его не понимали. Взъерошенный типчик, вёрткий, как кустарниковая мышка, толкнул Арди под локоть и протянул ладонь чуть ли не к его носу:

— Смотри, дорогой гость — красные *сороконожки*!

От сороконожек пахло *пряно, пьяно и остро* рискованным запахом наркотика. Я уже хотел что-то сказать, предупредить — но тут Арди вздрогнул и замер.

— Ты чего? — спросил Вигдор.

Арди повернулся к нему — и я учуял запах его страха сквозь весь балаган здешних ароматов.

— Дежа вю, — сказал он отдельно и непонятно и вдруг уставился расширившимися глазами на меня и Дзениза, который обнимал меня за плечо. — Динька, отпусти его! — приказал он таким тоном, какого я ещё никогда от него не слышал. — Сию минуту!

— А что случилось? — растерялся Дзениз, но тут Вигдор скинул его руку с моей и оттолкнул меня в сторону. И посмотрел на Арди отчаянно.

— Дыня, — снова сказал Арди непонятное слово — и вдруг крикнул. — Отойдите от нас! Отвалите! Лангри, скажи им, всем им скажи!

— Ох, ё! — выдохнул Зергей, и у него из рук посыпались какие-то орешки, которые ему всучил местный прохиндей.

— *Что* что... — начал вслух Лангри, и в этот миг под моими ногами дрогнула земля.

Ужасный бледный свет вспыхнул вокруг тел моих принятых братьев, выдирая их из мира. В ноздри ударил жуткий запах, которому не было названия. Лангри потащил меня назад, от грозowego сияния заломило глаза, я прищурился — и сквозь слёзы увидел, как все четверо исчезли, оставив рассыпанные орешки, порванное ожерелье Дзениза из панцирей голубянок и чёрные выжженные пятна на живом покрытии дорожки.

Они пропали так же непостижимо и таинственно, как появились...

Наверное, надо было обрадоваться. До меня ж мигом дошло, что наш Арди, то бишь, Артик хочет сказать. Как только он заикнулся про «дыню». Ясно всё ж, ёпт! Опять его глючит, только ещё и запахами на этот раз. Дежавю эта его...

И когда он рявкнул на Диньку — меня осенило тут же: вот чего нам точно нельзя, так это случайно прихватить с собой кого-нибудь из них. Гадами будем, если...

Я только и успел отпихнуть лицин подальше — нас накрыло.

Это был ни фига не тот портал, через который мы проходили, когда нас занесло сюда. Это — нас вырвало с корнем, как редиску из грядки. Просто не знаю, как точнее сказать. Вывернуло. А ощущения... ну, вот как резиновую перчатку с руки рывком содрать, прилипшую, или пластырь отодрать одним рывком. Всем телом почувствовали, всей шкурой — не только тошно, а прямо больно, больно!

И земля врезала по ногам, будто со второго этажа прыгнул.

В глазах — темно. И полный нос, полный рот этого запаха... Артик говорил — искусственная дыня, я бы сказал — бывают такие химические карамельки. Сладко и тошно. И слышно, как Артик — Артик, кто ж ещё! — рядом кашляет и блюёт.

Ну — моргал-моргал — прояснилось помаленьку. Стою. Артик рядом — на четвереньках, зелёный с морды. Динька — глаза дикие и слёзы текут. Серый — ухмыляется, а морда бледная. И мы все — как бы сказать-то, ёпт... Мы, наверное, в аквариуме, что ли. Или — как бассейн: белые матовые плитки снизу, белые матовые — по стенкам, а сверху — вроде стекло. Видно: высоченный зал там, свет в глаза бьёт.

А пахнет, надо сказать, уже не ТПортальной химией. Ещё хуже пахнет, если это мыслимо. Падалью. Прямо — гнилым мясом, разрытой землёй, ещё какой-то дрянью. Жестяная жесть. И я тут же сообразил, почему.

Шагах в трёх от нас — сухая мумия лежит. Трупак, почерневший, засохший — только зубы блестят на буром черепе, глаза вытекли. В униформе и кроссовках — униформа белая-белая, не такая белая, как только что стиранная, а — как тряпка, если её на несколько лет забудешь на улице. Краска вконец выгорела, до полной ветхости. Эмблема, драть её в сралу, тоже выгорела до белого.

Но это — ещё не худший случай. Потому что с другой стороны — оно вмёрзло.

Там — мокрая земля, лёд, ошмётки какие-то чёрные, грязное тряпьё — всё вперемешку. Череп белеет, ребро, вроде... Если приглядеться — ещё и кроссовку можно как-то опознать.

Рядом с этим — беленькие косточки, чистенькие. Кучкой. И черепа нет, или его в куски раздробило. Но тоже ведь ясно всё: наш брат-испытатель.

Артик встал с трудом — ещё Динька ему руку подал — губы вытер, выдохнул и сказал: — Повезло нам... на некоторое время.

Вот тут меня и скрутил ужас. Прямо волной, дикий ужас, как предсмертный. Давно я такого не чувствовал, если вообще чувствовал когда-нибудь. В пот бросило.

Дошло, как же мы вляпались все.

Серый ухмыльнулся вымученно и говорит:

— Да чё, мужики... мы же дома!

А Динька стоит, рот приоткрыл, глаза по полтиннику, слёзы текут — как первоклашка — и головой мотает.

И тут в белой стенке перед нами открылся освещённый проход. И вошли туда трое...

И мне захотелось заорать: суки, отправьте обратно, щас же! И больше не трогайте! Пусть мы уже будем подальше от вас, нахрен надо! Там — уж точно не пристрелят и бомбу не уронят на башку! А больше нам, может, ничего и не надо — дайте, суки, жить спокойно!

Еле сдержался.

Потому что на этих были костюмы высокой защиты. Химической и антирадной — уж точно. Белые такие комбезы, шлемы со стеклянным окошком — только глаза еле-еле видны там, в тёмном. Бейджики на груди, без имён — стрелка наша, то есть «Игла», и красная надпись «Стратегическая программа РФ».

Но это всё — фигня, детали. Потому что у двоих — автоматы.

Короткие какие-то, непривычные машинки. Никогда таких не видел. Но явно по нашу душу. Если мы вдруг вздумаем рыпаться. А мы стоим, как хиппи: в свитерах и штанах из цветной травки, в бусах, в сапожках этих местных из паучьего шёлка... Голые и безоружные против ихних автоматов.

И чужие им тут. Опасные, видать. Вирусы на нас. А эта штукавина — карантинный бокс.

А Артик за спиной говорит мёртвым голосом:

— По окончании эксперимента подопытные животные были забиты уколom в мозжечок.

И третий, безоружный — старший по званию, я так думаю, говорит:

— Без нервов, мальчики. Всё хорошо, это просто меры безопасности. Спокойно выходим по одному и идём за нами.

Голос под шлемом, через динамик — механический какой-то.

Мы переглянулись — и пошли. Куда деваться-то. И додумывать ничего не надо, всё ясно, всё понятно.

Проводили нас по пустому коридору до места, где они санобработку проходят. Сумки отобрали, велели раздеться. Пришлось сдирать костюмы эти — и жаль было, почему-то, нестерпимо. Будто с самого себя шкуру дерёшь. Какие-то, в скафандрах с перчатками, собрали нашу травку в пластиковые мешки и запечатали, а нас — под душ, дезинфекция, обрили... Молча, ни во что особо не вдаваясь — пока, надо думать. Выдали новые белые комбезы и кроссовки. Молча.

И мы молчали. Чего говорить-то... И о чём я яростно жалел — так это о том, что запахом с пацанами пообщаться не могу. Прямо вот — до тоски жалел.

А нас нарядили в такие же скафандры и повели через холл какой-то, белый, холодный. Без окон.

И тут Артик подал голос. По-лицинскому сказал:

— Дорогие принятые братья, взгляните вправо и вверх.

И все посмотрели. Видели несколько секунд — пока нас не завели в другой коридор. Электронное табло с календарём. Двадцать первое мая, года две тыщи восемьдесят четвёртого...

Хотели нас, вроде, развести по разным камерам. Только вот — шиш им! Мы — не арестанты!

— Позвольте нам общаться друг с другом, — сказал Артик. — Оружие нам сделать не из чего, мы безопасны.

— У нас инструкция, — заикнулся старший.

— А то — что? — говорю. — Не пойдём — так стрелять будете?

Видимо, стрелять и вообще настоящее насилие у них было покамест не предусмотрено. И мы вошли все в одну. Карантинный бокс «Иглы», все помнят, только модернизированный очень. И камерами, наверно, напичканный по самое не балуйся.

— По-лицински общаемся, — говорю. — Молодец, Тёмка. Хрен их знает... пусть пока так.

Серёга на меня посмотрел большими глазами:

— О чём общаться-то? Ни черта у нас нет. Опять попали хрен знает куда, ёлки...

Артик бледненько улыбнулся:

— Да, Сергей, ты снова прав. Может, это и другая ветвь вероятностей — и нас отправляли не совсем отсюда. А может, просто временной провал или прорыв... Но нам ЕСТЬ, о чём общаться.

Динька поднял голову:

— Ага. О том, чтоб не рассказывать о лицин.

Артик кивнул. И я кивнул.

Потому что — понятно. Если они сумели нас разыскать, если сумели выдернуть остальных, кого где-то потерял ТПортал — то что б им не найти наш адресок, откуда мы вернулись? Просто ведь...

Стратегическая программа, говорите?

Может, мы им, чебурашкам нашим, и не очень помешали, но вы там точно на фиг не нужны со своими стратегическими программами.

— Мы ничего не помним, — говорю. — Всем ясно, салаги?

— Я ничего не помню, — улыбнулся Артик. Повеселее. — Даже если расспрашивает милый и мирный дедушка-профессор. У меня — дежа вю и амнезия.

— А я помню... нет, и я — ничего! — Динька схватил меня за руки. — Ничего, да, Вить? Потому что — хоть что-то скажешь, и остальное выбьют, да?

— Из меня не выбьют, я тупой! — осклабился Калюжный.

И я ужасно его любил в этот момент.

В натуре, как брата.

Больше книг на сайте - Knigolub.net